

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

Томъ тридцать седмой.

ТВОРЕНІЯ

ГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЪ.
1861

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТЬ СЕДМАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ).

	Стран.
* 1. О шестодневѣ.....	4
2. Объ устроеніи чловѣка.....	76
3. О жизни Моисея законодателя.....	222
4. О молитвѣ.....	380

1. О ШЕСТОДНЕВЪ

СЛОВО ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ БРАТУ ПЕТРУ.

Что ты дѣлаешь, человекъ Божій, приказывая намъ отважиться на недоступное для человека, взяться за такія дѣла, въ которыхъ не только не возможно имѣть успѣхъ, но за которыя и приниматься, по моему понятію, не безукоризненно? Что у великаго Моисея, въ его любовно-мудренномъ но божественному вдохновенію сказаніи о міробытіи, по первоначально представляющемуся значенію написаннаго, кажется заключающимъ въ себѣ противорѣчіе, велѣлъ ты намъ, отыскавъ въ этомъ мѣстѣ сообразный съ предметомъ смыслъ, привести во взаимную связь, доказать, что святое Писаніе само съ собою согласно, и сдѣлать это послѣ того богодухновеннаго обзрѣнія, какое оставилъ объ этомъ отецъ нашъ, ^(вѣдникъ) которому всѣ читавшіе,

поступая, по моему мнѣнію, хорошо и справедливо, дивятся не меньше, какъ и любомудренному сказанію самаго Моисея.

Какое отношеніе имѣеть къ зерну колось, который изъ зерна, и не зерно, лучше же сказать, тоже зерно по внутренней силѣ, но отличенъ отъ него по величинѣ, по красотѣ, по разнообразію и по наружному виду; такое же отношеніе (можетъ сказать иный) къ сказанному великимъ Моисеемъ имѣють мысли, при лютотрудномъ обзорѣни обработанныя великимъ Василиемъ. Что Моисей выразилъ немногими и опредѣленными реченіями, то учитель нашъ, возрастивъ возвышеннымъ любомудріемъ, по образу того, уподобляемаго царствію, горушичнаго зерна (Матѣ. 13, 31.), которое въ сердцѣ дѣлателя возрастаетъ въ дереву, содѣлалъ не колосомъ, но деревомъ; и оно повсюду избытуетъ мыслями, вмѣсто вѣтвей распространяетъ ученія, и съ благочестивою цѣлію простирается въ высоту, такъ что возвышенныя и превыспреннія души, въ евангеліи называемыя *птицами небесными* (32), по величинѣ таковыхъ вѣтвей могутъ гнѣздиться на нихъ: потому что души, какъ бы гнѣздомъ служатъ соглашеніе вопросовъ, упокояющее собою эту пылливость ни на чемъ не останавливающагося ума, которая подобна какому-то туда и сюда кружащемуся полету.

Поэтому возможно ли противъ такого столь

великаго дерева словесъ насадить малую вѣтвь нашего разумѣнія? Или ты и не приказываеши этого? Да и я никогда не рѣшился бы трудолюбію ^{..... Вавилонъ Великаго} ~~(нашего отца и учителя)~~ прогнвопоставить свой трудъ? Но садовники дѣлають чудеса, умудряясь на одномъ деревѣ разнообразить плоды. И такой у нихъ способъ воздѣлыванія растѣній: сорвавъ съ другаго дерева малый лепестокъ съ продолженною при основаніи кожицею, на другомъ большемъ растѣніи вкладываютъ сію кожицу въ разрѣзъ какой либо ея части, чтобы вложенное, питаясь естественнымъ сокомъ большаго растѣнія, отродилось въ вѣтвь. Такъ и я, разумѣніе свое, какъ нѣкій малый отпрыскъ, срастивъ влагой великаго дерева—мудростию ^{..... Вав. Царства} ~~(нашего учителя)~~ попытаюсь сдѣлаться его вѣтвю, сродняясь, сколько для меня это возможно, съ его мыслями, и напоюаясь обиліемъ сообщаемыхъ мнѣ въ нихъ поводовъ къ размышленію.

Ибо думаю, что нѣкоторые не въразумѣли хорошо цѣли написаннаго имъ въ Шестодневѣ; а поэтому вникать его въ томъ, что не сообщилъ имъ яснаго вѣдѣнія о солнцѣ; почему свѣтло сіе послѣ трехъ дней ~~особо создается~~ особо создается, а не вмѣстѣ съ другими звѣздами; такъ какъ не возможно дневной мѣрѣ опредѣляться утромъ и вечеромъ, если солнце не станетъ испремѣнно производить вечеръ своимъ захожденіемъ, и утро восхожденіемъ.

А также не допускаютъ созданія ~~двухъ не-~~бесъ, говоря: хотя Апостолъ упоминаетъ о третіемъ небѣ (2 Кор. 12, 2.), тѣмъ не менѣе въ разсужденіи сего остается сомнѣніе; потому что въ началѣ сотворено одно небо, а потомъ твердь, объ иномъ же небѣ, то есть, о вторичномъ твореніи, не написано у Моисея, и не лзя доказать, что подъ сими двумя (а) разумѣется и третіе небо, такъ какъ ни послѣ тверди не сотворено иное небо, ни выраженіе: въ началѣ не позволяетъ подразумѣвать какого либо прежде бывшаго неба. Если въ началѣ сотворено небо, то явно, что тогда началось твореніе. Не согласно было бы съ разумомъ наименовать началомъ, что имѣетъ другое высшее себя начало. Что занимаетъ второе по порядку мѣсто, то—не начало, и не называется началомъ. Но Павелъ дѣлаетъ упоминаніе и о третіемъ небѣ, о которомъ не говорится при описаніи творенія. Значитъ и здѣсь упоминаніе о второмъ небѣ принадлежитъ къ числу вопросовъ.

Предлагающіе это и подобное сему не обращаютъ вниманія, кажется мнѣ, на ту цѣль ученія, какую имѣлъ отецъ нашъ, который, бесѣдуя въ Церкви многолюдной при такомъ стеченіи народа, по необходимости соображался

(а) Небомъ и твердію.

съ приѣмлющими слово. Въ такомъ числѣ слушателей, хотя много было способныхъ разумѣть слова болѣе возвышенныя, однакоже большая часть не могла слѣдовать за болѣе тонкимъ разысканіемъ мыслей; какъ люди простые, трудящіеся, занятые снѣжными работами, какъ собрание женъ, не учившихся такимъ наукамъ, и толпа дѣтей, и престарѣлыя по лѣтамъ, все они имѣли нужду въ такой рѣчи, которая удобопонятнымъ наставленіемъ посредствомъ видимой твари, и того, что въ ней хорошаго, руководила бы къ познанію все Сотворившаго. Почему, если кто будетъ судить о сказанномъ, соображаясь съ цѣлю великаго учителя; то не найдетъ никакого недостатка въ словахъ его. Ибо великъ не такую рѣчь, въ которой съ жаромъ оспориваются предлагаемыя возраженія, но всецѣло былъ занятъ простѣйшимъ истолкованіемъ реченій, чтобы предложить слово полезное для простоты слушающихъ, и чтобы вмѣстѣ толкованіе его, указуя на многоразличныя ученія вышшняго любомудрія, удовлетворило нѣсколько и слушателей, способныхъ разумѣть высшее; а такимъ образомъ и для простаго народа было оно понятно, и въ свѣдущихъ возбуждало удивленіе.

Но ты, какъ бы на горѣ Синаи, оставивъ внизу многочисленный народъ, и превысивъ другихъ разумѣніемъ, услиवासя съ великимъ Моисеемъ войти въ тотъ мракъ созер-

цанія тайнъ, въ которомъ былъ оцъ, и видѣлъ незримое, слышалъ неизглаголанное словомъ, и старался узнать необходимый порядокъ творенія, почему по приведеніи въ бытіе неба и земли, свѣтъ, чтобы стать свѣтомъ, ожидалъ Божія повелѣнія, а тма была уже и безъ повелѣнія? И если свѣту ничего не доставало къ тому, чтобы озарить лежащій внизу воздухъ, и опредѣлить время дня и ночи; то какая была потребность въ устроении солнца? И если вмѣстѣ съ небомъ въ началѣ приведена въ бытіе земля; то почему приведенное въ бытіе было не устроено? Ибо устроить и сотворить не представляется въ понятіи чѣмъ либо различнымъ. А если сотворить тоже, что и устроить, то почему сотворенное не устроено? И въ разсужденіи влажной сущности встрѣчаются затрудненія; а именно поверхъ небеснаго свода, имѣющаго видъ шара, не возможно держаться чему либо текучему. Ибо чѣмъ утверждена влага на скатѣ, когда влажное по всей необходимости съ выпуклости шара стекаетъ на наклонныя ея части? Какъ при непрестанномъ движеніи того, что подъ влагою, будетъ она имѣть въ себѣ постоянство, всегда скользя на собственномъ своемъ основаніи? Почему не разсѣется при самомъ быстромъ вращеніи полюса, безъ сомнѣнія отталкивающаго то, что на немъ? Да и утрата влажнаго естества невѣроятною кажется воз-

ражающимъ; потому что въ равной всегда мѣрѣ видимы собранія водъ въ источникахъ, рѣкахъ, озерахъ, исключая только нѣкоторые источники, которые, свое обиліе водъ замѣствуя съ земной поверхности, изливаютъ наполняемое дождями и снѣгами, и подобно временнымъ потокамъ, по приливу сверху, и убываютъ и увеличиваются. Объ источникахъ же, изъ которыхъ изливается непрерывный токъ, безъ всякаго умаленія или приращенія, по необходимости признано, что въ нихъ не утрачивается влажная сущность: потому что расточаемое не можетъ всегда оставаться въ равной мѣрѣ. Да и огонь, если бы дѣйствительно онъ истреблялъ воду, не оставался бы не возрастающимъ въ собственной своей мѣрѣ, и не усиливающимся. Ибо отъ истребленія горючаго вещества невозможно не возрастать естеству огня.

Итакъ, если, любопытствуя о семъ и подобномъ сему, усиливаешься познать все возвышенное, то самъ своею мудростію можешь увидѣть и что сокрыто во мракѣ Моисеева видѣнія, не къ другому кому обращаясь, но къ той благодати, которая въ тебѣ, и глубины Божии испытуя тѣмъ Духомъ откровенія, Который является въ тебѣ по молитвамъ. Но какъ, по апостольскому закону, надобно намъ угождать другъ другу ради любви, и достойному похвалы рабу свойственно приводить въ

исполненіе, что ему приказано; то въ краткихъ словахъ, сколько это возможно, попытаюсь открыть объ этомъ свою мысль, молитву твою употребляя въ спорника слову. Но прежде нежели приступлю къ дѣлу, пусть будетъ засвидѣтельствовано, что не предложимъ ученій противныхъ тому, что о міробытіи Любоумдрствовалъ святыи Василій, хотя бы слово наше, но какой либо послѣдовательности мыслей, пришло и къ иному истолкованію. Напротивъ того Василіево да удерживаетъ за собою веру, уступая первенство одному богодухновенному завѣту; а наше да предлагается читателямъ, какъ ученическое въ какомъ либо училищѣ упражненіе, отъ котораго никому никакого не произойдетъ вреда, если и найдется въ сказанномъ нечто несогласное съ общимъ мнѣніемъ. Ибо слова сего не выдаемъ за догматы; чѣмъ подали бы поводъ клеветникамъ, но признаемся, что упражняемъ только свое разумѣніе въ предлагаемыхъ мысляхъ, а не истолковательное ученіе излагаемъ въ послѣдующемъ. Поэтому никто да не требуетъ отъ моего слова, чтобы оно занялось рѣшеніемъ затрудненій, представляемыхъ намъ изъ святаго Писанія, и изъ того, что правильно истолковано нашими учителями, и кажется не согласнымъ съ общими мнѣніями. Мыъ предлагаемъ не то, чтобы придумать какое либо оправданіе противорѣчіямъ, представляющимся

съ перваго взгляда. Напротивъ того да будетъ дозволено, свободно и сообразно съ моею цѣлю, изслѣдовать смыслъ рѣченій; если только въ состояніи буду, при помощи Божіей, оставляя въ словахъ собственную ихъ выразительность, придумать какое либо связное и послѣдовательное представленіе совершившагося во время творенія.

[Сказано: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1.), и за симъ все, что содержитъ въ себѣ слово о міробытіи, скажется приведеннымъ въ бытіе въ продолженіе шестоднева. Но прежде изслѣдованія написаннаго надлежитъ, думаю, согласиться слову въ томъ, что въ Божескомъ естествѣ изволенію сопутствуетъ могущество, и мѣрою Божія могущества служитъ воля. Воля же есть премудрость; и премудрости свойственно не познавать, какъ можетъ произойти каждая вещь. А съ вѣдѣніемъ неразрывно и могущество; почему совокупно съ тѣмъ, какъ позналъ Богъ, чему должно произойти, воздѣйствовала и творящая существа сила, приводя въ дѣйство умопредставляющее, и въ слѣдствіе вѣдѣній ни въ чемъ не обманывайсь, такъ что согласно и нераздѣльно съ рѣшеніемъ воли оказалось и дѣло. Ибо рѣшеніе воли въ Богѣ есть вмѣстѣ и могущество напередъ предызволяющее, чтобы существа пришли въ бытіе, и предуготовляющее поводы къ осуществленію умо-

представленнаго. Посему въ дѣлѣ творенія должно представлять себѣ въ Богѣ все въ совокупности, волю, премудрость, могущество, сущность существъ. А когда сіе дѣйствительно такъ; никто да не затрудняетъ самъ себя, доискиваясь и спрашивая о веществѣ: какъ и откуда оно? Ибо, слышимъ, иные говорятъ: «если Богъ не вещественъ: то откуда вещество?» Какъ количественное отъ неколичественнаго, видимое отъ незримаго, отъ неизмѣющаго величины и опредѣленнаго очертанія неизмѣнно опредѣляемое объемомъ и величиною? И все прочее, усматриваемое въ веществѣ, какъ и откуда прозвелъ Тотъ, Кто въ естествѣ Своемъ не имѣетъ ничего подобнаго? Но на каждый вопросъ о веществѣ рѣшеніе у насъ одно—не предполагать, будтобы премудрость Божія не могущественна, и могущество не премудро; а напротивъ того держаться той мысли, что одно съ другимъ неразрывно, что то и другое оказывается однимъ и тѣмъ же, такъ что совокупно и вмѣстѣ съ однимъ усматривается и другое. Ибо премудрая воля Божія явлена могуществомъ въ совершаемомъ, а дѣйственное могущество Божіе довершено премудрою волею. Посему, Если въ одномъ и томъ же и вмѣстѣ есть премудрость и могущество, то не знаетъ Онъ, какъ могло найдтись вещество къ устройенію существъ, и не имѣетъ недостатка въ могуществѣ умопредставленное при-

вести въ дѣйство. Всемогуцій же по премудрой и могущественной волѣ къ совершенію существъ положилъ основаніе въ совокупности всему тому, изъ чего составляется вещество: легкость, тяжесть, плотность, скважность, мягкость, твердость, влажность, сухость, холодность, теплоту, цвѣтность, образъ, очертаніе, протяженіе. Всѣ сии свойства сами по себѣ — понятія и голыя умопредставленія. Ибо ни одно изъ нихъ само по себѣ не есть вещество, но сходясь между собою, дѣлаются они веществомъ. По сему, если о Препимствующемъ премудростію и могуществомъ скажемъ, что все знаетъ и все можетъ, то приблизимся, можетъ быть, нѣсколько къ возвышенному слову Моисея, который говоритъ: въ заглавіи (*ἐν κεφαλῶν* — сіе слово употребилъ Акила вмѣсто слова: начало) сотворены Богомъ небо и земля. Поеліку Пророкъ книгу Бытія содѣлалъ введеніемъ въ бжтвѣдѣніе, и у Моисея та цѣль, чтобы преданныхъ чувственности посредствомъ видимаго руководить къ превыщающему чувственное пониманіе, а небомъ и землею опредѣляется познаваемое нами посредствомъ зрѣнія; то слово наименовало ихъ, какъ крайніе объемы существъ познаваемыхъ нами посредствомъ чувства, чтобы, сказавъ: отъ Бога получило бытіе содержащее, означить имъ все содержимое внутри сихъ предѣловъ, и вмѣсто того, чтобы сказать: Богъ сотворилъ всѣ су-

щества въ совокупности, изрекло: въ заглавіи или въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Ибо одно значеніе снхъ двухъ словъ: въ началѣ и въ заглавіи; обоими равно выражается совокупность. Словомъ: въ заглавіи показывается, что все вмѣстѣ приведено въ бытіе, а словомъ: въ началѣ выражается мгновенность и неразрывность. Слово: начало чуждо понятія о всякомъ протяженіи. Какъ точка—начало черты, и атомъ — начало тѣлеснаго объема: такъ мгновеніе начало временнаго протяженія. Посему совокупное положеніе основанія существъ неизреченнымъ Божиимъ могуществомъ у Моисея наименовано началомъ или заглавіемъ, въ которомъ сказано все состоявшимся. Ибо нарекъ крайніе предѣлы существъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ молча указалъ и на заключающееся между ними предѣлами. Предѣлы же разумью по человѣческому чувству, которое не простирается и до того, что подъ землею, и не всходитъ далѣе неба.

Итакъ словами: начало міробытія преднолагается такое разумѣніе, что и поводамъ, и причинамъ, и силамъ всѣхъ существъ вдругъ и въ одно мгновеніе положилъ Богъ основаніе. За первымъ стремленіемъ Божіей воли послѣдовала сущность каждаго изъ существъ: ибо эфиръ, звѣзды, огонь, воздухъ, море, земля, живое существо, растѣнія, все, что зримо было Божиимъ окомъ, указуемо словомъ могущества,

какъ говоритъ пророчество, *Свидущее.ну* *вся* *прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42.). Когда же могуществомъ и премудростию положено осно-
ваніе совершенно каждой изъ частей міра, по-
слѣдовалъ за сѣмъ необходимый пѣккій рядъ въ
извѣстномъ порядкѣ, (такъ что предварилъ и
прежде всего нѣкаго видимаго во вселенной
появленія огня, а послѣ огня явилось, чему
необходимо слѣдовать за предварившимъ, и за
этимъ третіе, чего потребовала художествен-
ная природа: также четвертое и пятое и все
прочее въ дальнѣйшемъ за сѣмъ послѣдованіи
появлялось въ такомъ порядкѣ, не по самослу-
чайному какому либо столкновенію и не въ
слѣдствіе безпорядочнаго и никуда не направ-
леннаго движенія; Но какъ необходимый по-
рядокъ естества требуетъ послѣдовательности
въ томъ, что приводится въ бытіе, такъ и
Моисей, въ видѣ повѣствованія излагая лобо-
мудрое ученіе о естествѣ вещей, говоритъ о
созданіи каждаго существа, присоединяя и пѣ-
кіе творческіе Божіи глаголы, которыми каж-
дое изъ существъ приводится въ бытіе, и дѣ-
лаеть это прекрасно и боголѣпно: потому что
все, въ пѣкой стройной связи и премудро
созидаемое Богомъ, подлинно есть пѣкій гласъ;
потому что, хотя не знаемъ, что такое Божія
сущность, однакоже, представивъ въ умѣ Бо-
жію Премудрость и Божіе могущество, увѣ-
ряемъ себя, что постигли Бога умомъ.

Посему-то, когда приходила въ бытіе вселенная, прежде, нежели каждое изъ паномнощихъ вселенную существъ оказалось само по себѣ, надъ всемъ разлитъ былъ мракъ. Ибо не появлялось еще блистаніе огня, сокровенное въ частицахъ вещества. Какъ кремни остаются невидимыми во тмѣ, хотя по естеству имѣютъ въ себѣ свѣтоносную силу, при взаимномъ удареніи другъ о друга пораждая изъ себя огонь; но какъ скоро явится изъ нихъ некра, и сами они при ея свѣтлости дѣлаются видимыми: такъ все было невидимо и не явлено, пока не пришла въ явленіе свѣтоносная сущность. Ибо когда по единому мановенію Божіей воли вдругъ пераздѣльно составилась вселенная, и всѣ стихіи были еще одна съ другою смѣшаны, тогда разсѣянный по вселу огонь оставался потемненнымъ, омрачаемый преизбыткомъ вещества. Но поскольку въ немъ есть нѣкая всепронцающая и удободвижная сила; то вмѣстѣ съ тмѣю, какъ естеству существъ дано было Богомъ повелѣніе привести въ бытіе міръ, и огонь проторгся изъ всякаго тяжелаго естества, и вдругъ озарилъ все свѣтомъ. Но что произошло по слову премудрости могуществомъ Сотворнаго, о томъ упоминаетъ Моисей, какъ о повелительномъ Божіемъ словѣ, говоря: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ; и бысть свѣтъ* (Быт. 1, 3.); потому что у Бога, и по нашему понятію, дѣло есть слово; по-

чему все, приводимое Имъ въ бытіе, приводится словомъ; и что́ отъ Бога, въ томъ невозможно и представить чего либо неразумнаго, какъ ни есть составившагося и самослучайнаго. А напротивъ того надлежитъ вѣрить, что въ каждое изъ существъ вложено иѣкое премудрое и художническое слово, хотя оно и недоступно нашему взору. Посему, что́ сказалъ Богъ? Послѣку таковое вѣщаніе есть повелительное слово, то боголѣпно, думаю, уразумѣемъ это, относя изреченіе сіе къ вложенному въ тварь слову. Такъ и великій Давидъ протолковалъ намъ подобныя вѣщанія, сказавъ: *вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.). Тѣ повелительныя глаголы при твореніи существъ, которые Моисей писалъ съ Божія гласа, Давидъ наименовалъ премудростію, созерцаемою въ вещахъ сотворенныхъ. Почему и сказуетъ, что *небеса posiadаютъ славу Божию* (Пс. 18. 2.), то есть, въ стройномъ вращеніи открываемое ими художественное зрѣлище для свѣдущихъ замѣняетъ слово. Ибо сказавъ: *небеса posiadаютъ, и созвѣщаетъ твердь*, Давидъ исправляетъ симъ тѣхъ, которые грубѣе понимаютъ сказанное, и думаютъ, можетъ быть, услышать и звуки вѣщанія и членораздѣльныя слова въ повѣданіи небесъ; почему говоритъ: *не суть рѣчи, ниже словеса, иже не слышатся гласи ихъ* (4.); и тѣмъ показываетъ, что созерцаемая въ твари премудрость

есть слово, впрочемъ не членораздѣльное. И еще, послѣнку Моисей говорить, что были ему иѣкія Божіи вѣщанія, изглаголанныя въ чудесахъ совершенныхъ въ Египтѣ: то Псалмопѣвецъ истолковалъ ихъ возвышеніе, пежели какъ понимаютъ многіе, сказавъ: *положи въ нихъ словеса знаменій Своихъ, и чудесъ Своихъ въ земли Халовъ* (Пс. 104, 27.). Ибо Псалмопѣвецъ, сказавъ, что дѣйственная сила каждаго изъ сотворенныхъ существъ приводится въ дѣятельность иѣкіимъ словомъ, снмъ изреченіемъ ясно далъ разумѣть, что наименовалъ такъ не слово дѣйствительно изрекаемое, но являемую въ чудесахъ силу.

Поэтому и здѣсь, хотя предваряла по скорости и удободвижности естества и отдѣлялась отъ существъ свѣтоносная сила, отдѣляющая себя отъ шороднаго, и все осіявалось, освѣщаемое лучезарною этою силою, однакоже то слово, по которому дѣйствовала въ этомъ сущность огня, принадлежало изречь одному Богу, въ естество вложившему свѣтоносное слово. О семъ-то свидѣтельствуемъ писаніемъ своимъ и великій Моисей, когда говорить: *и рече Богъ да будетъ свѣтъ*, выражая, какъ думаю, сказаннымъ ту мысль, что созданіе свѣта, превыщающее всякое человѣческое понятіе, есть Божіе слово. Ибо мы видимъ только то одно, что совершается, и чудо приедемъ въ себя чувствуемъ. Гдѣ же скрывавшійся огонь мно-

венно возражается? Если возгарается при взаимномъ удареніи кремней, то какихъ? Или происходитъ отъ тренія другихъ вещей? и какая эта сила, которая поядаетъ объятое огнемъ, а воздухъ озаряетъ пламенемъ? Не можемъ мы ни видѣть сего, ни составить о семъ какое либо понятіе, но говоримъ, что причина сего необычайнаго чуда сокрыта въ единомъ Богѣ, по неизреченному закону могущества сотворившемъ, что огнемъ поражается свѣтъ; какъ свидѣтельствуеть въ словѣ своемъ Моисей: *и рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро* (Быт. 1, 3. 4.). Ибо подлинно единому Богу свойственно было видѣть, что свѣтъ будетъ такимъ добромъ; нищета же нашего естества смотритъ только на то, что совершилось, а закона, по которому совершается это, ни увидѣть, ни похвалить не въ состояніи; потому что похвала воздается тому, что познано, а не тому, что не извѣстно.

Итакъ сказано: *и видѣ Богъ свѣтъ, яко добро: и различи Богъ между свѣтомъ, и между тмою* (Быт. 1, 4.). Что происходитъ необходимо по самой послѣдовательности естества въ нѣкоемъ порядкѣ и стройности, Моисей опять приписываетъ Божіей дѣятельности, научая, какъ думаю. сказаннымъ, что Божіею премудростію предумышлено все, произшедшее въ послѣдствіи одно за другимъ въ необходимой нѣ-

Гр. Ис. Ч. I.

коемъ порядкѣ. Ибо когда свѣтоносная сущность, разсѣянная во вселенной, стеклась къ сродному, и вся собралась вокругъ себя; тогда, обрачаемая прочимъ веществомъ стихій, необходимо затѣнялась, и эта тѣнь была тма. И сіе-то происходящее послѣдовательно, чтобы не приписалъ кто какому либо самослучайному столкновенію, Моисей называетъ дѣломъ Бога, эту силу вложившаго въ творимое. Что естество огня быстро, присподвижимо и стремится высирь, извѣстно это всякому изъ явленій. Что по сему началу предполагается словомъ разумѣть сіе послѣдовательно, то у Моисея описывается исторически въ видѣ повѣствованія: *и бысть вечеръ, и бысть утро* (Быт. 1, 5.). Ибо кто не знаетъ, что, послѣку тварь понимается двояко, какъ нѣчто умопредставляемое, и нѣчто чувственное, то у законодателя теперь все поименіе, не умопредставляемое описать, но въ явленіяхъ показать намъ устройство чувственнаго.

Послику къ того же мгновенія, какъ начала составляться вселенная, огонь, подобно какой-то стрѣлѣ, отбрасываемый иносущественными стихіями, по легкости и стремительности высирь естественнаго ему движенія, изъ всего былъ изгоняемъ, и съ равною мысли скоростью проникнувъ чувственную сущность, не могъ продолжать движенія по прямой чертѣ, потому что умопредставляемая тварь по необходимости не входитъ въ смѣшеніе съ чувственнымъ, огонь

же есть нѣчто чувственное; то по сеѣ причинѣ, достигнувъ крайнихъ предѣловъ твари, необходимо огонь совершаетъ кругообразное движеніе, вложенною въ естество его силою понуждаемый къ общему движенію со вселенной, (тогда какъ не имѣеть для него мѣста движеніе по прямому направленію (потому что всякая чувственная тварь заключена въ собственныхъ своихъ предѣлахъ)) пролагаетъ себѣ путь по крайнему предѣлу чувственного естества, движась, гдѣ только удобно, (такъ какъ, по сказанному нами прежде, умопредставляемое естество не даетъ въ себѣ хода огню.) Посему-то Моисей, послѣдовавъ мыслію за движеніемъ огня, говоритъ, что сотворенный свѣтъ не остался въ однихъ и тѣхъ же частяхъ міра, но, обтекая грубѣйшій составъ существъ, попеременно при сильномъ движеніи приносить частямъ несосвѣщеннымъ свѣтлость, а освѣщеннымъ — мракъ. И можетъ быть, по временному протяженію такового преемства, совершающагося въ дольнѣй странѣ (разумѣю преемство свѣта и тмы), Моисей Богу также приписываетъ наименованіе дня и ночи, вѣдая о всемъ послѣдовательно происходящемъ не представлять себѣ, будто бы получило начало самослучайно, или отъ кого либо другаго. Посему говоритъ: *и нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече ночь* (Быт. 1, 5.) Послику свѣтоносная сила естественно не могла оставаться

въ покоѣ, когда свѣтъ проходитъ вернюю часть круга, и стремленіе его было въ низъ, то при нисхожденіи огня лежащее выше необходимо покрывалось тѣнью, потому что лучъ вѣроятно обрачаемъ былъ естествомъ грубѣйшимъ. Потому удаленіе свѣта наименовалъ Моисей *вечеромъ*, и когда огонь опять поднимался съ нижней части круга, и снова простиралъ лучи къ верхнимъ частямъ, происходящее при семъ нарекъ онъ *утромъ*, наименовавъ такъ начало дня.

Но повторимъ нѣсколько сказаннаго выше, чтобы предложенное въ божественномъ Писаніи содѣйствовало намъ къ продолженію сдѣланнаго обозрѣнія. **10** міробытіи прежде всего изрекю слово: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*. Поняли же мы это такъ, что слово означаетъ симъ совокупность состава существъ, указуя содержащимъ и на содержимое внутри; потому что крайнимъ предѣлами объемется, конечно, и среднее. Крайніе же предѣлы для человѣческаго чувства суть небо и земля; такъ какъ ими съ той и другой стороны ограничивается человѣческій взоръ. Посему, какъ сказавшій: *въ руцѣ Его концы земли* (Пс. 94, 4.) разумѣлъ и средину между концами; такъ и Моисей упоминаніемъ о предѣлахъ дѣлаетъ указаніе на вещественную основу всего міра. Къ таковому же разумѣнію, утверждаемъ мы, содѣйствуютъ поставленныя въ срединѣ реченія;

ибо написано: *земля же бы невидима и не устроена* (Быт. 1, 2.); а изъ сего явствуеть, что все уже было въ возможности при первомъ устремленіи Божіемъ къ творенію, какъ бы отъ вложенной нѣкоей силы, осѣменяющей бытіе вселенной, но въ дѣйствительности не было еще каждой въ отдѣльности вещи. Ибо сказано: *земля бы невидима, и не устроена*; а сіе тоже значить, какъ еслибы сказать: земля и была, и не была; потому что не сошлось еще къ ней качества. Доказательствомъ сеіи мысли служить то, что, по Писанію, была она *невидима*. Ибо невидимое не есть цвѣтность; а цвѣтность производится какъ бы нѣкимъ истеченіемъ образа на поверхность, образъ же не возможенъ безъ тѣла. Посему, если земля была невидима, то, конечно, и безцвѣтна, съ безцвѣтностію же подразумѣвается неимѣніе образа, и вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ неимѣніе и тѣла. Слѣдовательно при начальномъ основаніи міра земля, какъ и все прочее, была въ числѣ существъ, но ожидала того, что дается устройствомъ качества, что и значить, придти въ бытіе. Писаніе, сказавъ, что земля была *невидима*, показываетъ симъ, что никакого иного качества не было еще при ней видимо; а наименовавъ *неустроенною*, даетъ разумѣть, что не была еще приведена въ огустѣніе тѣлесными свойствами.

Еще болѣе уясняется такая мысль писаніями

Симмаха, Осодотіона и Акилы. Одинъ сказалъ: «земля была праздною и безразличною»; другой: «она была пустота и ничто»; третій: «ничто и ничто». А симъ, по моему разсужденію, выражается, словомъ: *праздно*, что не была еще въ дѣйствительности, имѣла же бытіе въ одной только возможности, а словомъ: *безразлична*, что качества не были еще отдѣлены одно отъ другаго, и не могли быть познаваемы каждое въ особенностяхи и само по себѣ, но все представлялось взору въ какомъ-то слитномъ и безразличномъ качествѣ, не усматривалось въ подлежащемъ ни цвѣта, ни образа, ни объема, ни тяжести, ни количества, ни чего либо инаго ему подобнаго, отдѣльно въ себѣ самомъ взятаго. На ту же мысль указываютъ намъ слова: *пустота и ничто*. Ибо словомъ: *пустота* Осодотіонъ выразилъ способность вмѣстить въ себѣ качества; а изъ сего дознаемъ, что Творецъ вселенной предварительно далъ землѣ силу пріемлемости качествъ: была же она какою-то пустою, и ничего въ себѣ не имѣла, пока не восполнена качествами. Третіе же выраженіе Акилы, какъ отысканное имъ въ философіи Епикура, думаю оставить безъ разсмотрѣнія. Ибо и Епикуръ о первомъ началѣ существъ говоритъ нѣчто подобное, показывая таковыми реченіями, что не состоятельное естество атомовъ есть пустое слово, и ничего не значить: а это подобно выраженію: *ничто и ничто*.

Но возвратимся опять къ продолженію обозрѣнія. Когда огонь единожды обтекъ самыи крайній предѣлъ чувственнаго естества, почему въ слѣдъ за симъ приходитъ въ бытіе твердь, о которой сказано, что она есть граница между верхними и нижними водами? Ибо думаю, что тверди, будетъ ли она одною изъ четырехъ стихій, или чѣмъ инымъ отъ нихъ, нельзя представлять себѣ, какъ воображала вышняя философія, тѣломъ твердымъ и упорнымъ; напротивъ того крайній предѣлъ чувственной сущности, по которому, по причинѣ присподвижимой силы, круговращается естество огня, сравнительно съ вѣчнымъ, безтѣлеснымъ, неосязаемымъ свойствомъ, названъ въ Писаніи твердою. Кто не знаетъ, что все твердое сгущается по какому-то непремѣнно упорству; а сгущенное и упорное не свободно отъ качества тяжести; тяжелое же по естеству не можетъ быть стремящимся вверхъ. Напротивъ того твердь выше всей чувственной твари; потому сообразность съ разумомъ требуетъ не представлять о тверди чего-то грубаго и тѣлеснаго, но, какъ сказано, по сравненію съ умопредставляемымъ и безплотнымъ, все, что принадлежитъ къ чувственному, хотя по естественной тонкости избѣгаетъ нашего наблюденія, называется твердою. Посему, что было объято огнемъ во время его круговаго обращенія (объять же предѣлъ вещественной сущ-

ности), то, будучи однажды описано какимъ-то собственнымъ своимъ предѣломъ, по вещественной природѣ справедливо наречено твердо въ сравненіи съ тѣмъ, что ниже, по наименованю и небомъ, какъ и свѣту дано имя день, а тмѣ—ночь.

Раздѣленіе же водъ, разлучаемыхъ посредствомъ тверди, не противно сему предположенію и согласно съ Писаніемъ. Ибо сообразно съ утверждаемымъ послѣ сказаннаго о землѣ, написано: *тма верху бездны. и Духъ Божій пошася верху воды* (Быт. 1, 2.). Посему думаемъ, что Духу Божию столько же не возможно быть Духомъ тмы, сколько чуждъ Онъ и всякаго зла. И на сіе можно представить тысячи изреченій святаго Писанія, что Богъ есть *святъ истинный* (Іоан. 1, 9.), и живетъ *во святѣ не пристуримѣ* (1 Тим. 6, 16.). А Духъ Божій по естеству тоже, что и самъ Богъ. И если естество Бога и Духа одно, Богъ же есть свѣтъ, то, конечно, и Духъ Божій также свѣтъ. Свѣтъ же, безъ сомнѣнія, и то дѣлаетъ пребывающимъ во свѣтѣ, надъ чѣмъ носится. И вода, надъ которою носился Божій Духъ, есть нечто иное, а не это въ низъ стремящееся естество текучихъ водъ; она твердо отдѣляется отъ тяжелой и въ низъ стремящейся воды. Если же въ Писаніи и она именуется водою (чѣмъ, какъ по высшему умозрѣнію догадываемся, означается полного умо-

представляемыхъ силъ): то никого да не смущаетъ сія подобоименность; потому что Богъ и *огнь потребляйи есть* (Втор. 4, 24.), но понятіе о семъ огнѣ не имѣетъ вещественнаго значенія. Посему, какъ дознавъ, что Богъ есть ѿгонь, представлялъ ты Его чѣмъ-то инымъ, а не этимъ видимымъ огнемъ, такъ наученный, что надъ водою носится Божій Духъ, представляй себѣ не это стремящееся въ низъ и текущее на землю естество: потому что Духъ Божій носится не надъ земнымъ и непостояннымъ.

Итакъ, чтобы яснѣе открылось намъ это понятіе, кратко повторимъ смыслъ сказаннаго, а именно: твердь, которая названа небомъ, есть предѣлъ чувственной твари, и за сѣмъ предѣломъ слѣдуетъ нѣкая умопредставляемая тварь, въ которой нѣтъ ни образа, ни величины, ни ограниченія мѣстомъ, ни мѣры протяженій, ни двѣта, ни очертанія, ни количества, ни чего либо иного усматриваемаго подъ небомъ.

И никто да не подумаетъ о мнѣ, будтобы сѣмъ въ моемъ воззрѣніи на реченія, понимая оныя шносказательно, ввожу смѣшеніе понятій, и чрезъ это соглашаюсь съ мнѣніями тѣхъ, которые прежде насъ имѣли подобный взглядъ, и говорю: бездною называются отпадшія силы, а подъ твою веру бездна разумѣется міродержитель тмы. Никогда не соглашусь на та-

кую незаконную мысль, чтобы злобу представлять себѣ Божиимъ созданиемъ, когда Божіе слово вкратцѣ изрекло ясно: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се вся добра зело* (Быт. 1, 31.). Если добро все, что сотворилъ Богъ, бездна же, и что около нея, не виѣ созданнаго Богомъ; то слѣдуетъ, что и она, хотя есть бездна, въ собственномъ смыслѣ добра, хотя и не сияетъ еще около сеи бездны вложенный въ существа свѣтъ.

Поэтому, когда слышу въ Писаніи слово: *бездна*, утверждаю, что означается симъ множество водъ. Ибо такъ опредѣляется сіе слово и въ Псалмопѣніи, гдѣ сказано: *слышася бездны, множество шума водъ* (Псал. 76, 17. 18.). А когда слышу, что около бездны тма, тогда представляю себѣ, что вложенная въ естество существъ свѣтоносная сила еще не явилась. Научаемый же Писаніемъ, что твердо произведено разлученіе водъ, думаю, не вопреки справедливости и значенію слова поступить, разлученіе водъ понимая такъ, что должно разумѣть подъ онымъ различное естество разлучаемыхъ водъ, убѣдиться, что одиѣ воды стремятся высирь легко, даже превосходятъ легкостію огонь: а поему, пребывая выще теплоіи сущности, не увлекаются движеніемъ того, что ниже ихъ, и теплотою не приводятся въ противоположный порядокъ, но пребываютъ тѣмъ же не умаляясь, и круговращающемуся

подъ ними огню не даютъ сквозь себя никакого прохода. Ибо какъ невещественному сдѣлаться вмѣстительствомъ вещественнаго? Другія же воды суть тѣ самыя, которыхъ естество познаемъ и глазомъ, и осязаніемъ, и вкусомъ. Онѣ стремятся въ низъ, представляются прозрачными, различаются вкусомъ по вложенному въ нихъ качеству: и воды сѣи подводитъ подъ какое либо другое понятіе не понуждаетъ естество познаваемаго. А то, что названо также водами, но невидимо, не имѣетъ текучести, не объемлетъ вовсе ничѣмъ такимъ, чѣмъ обыкновенно сдерживается влажное естество, но какъ само вѣѣ мѣста, такъ и въ себя не даетъ доступна всякому чувствомъ познаваемому качеству, потому что Духъ Божій посителъ надъ этимъ, и потому что признается это превышшимъ неба, и потому что пребываетъ вѣѣ всего познаваемаго чувствомъ,⁴ думаю, всякій изъ способныхъ судить, уносясь въ предположеніяхъ къ умопредставляемой сущности, представитъ себѣ чѣмъ-то инымъ, а не водою обыкновенною. Ибо на основаніи нами изслѣдованнаго принципа мы къ той мысли, что все движимое заключено внутри умопредставляемаго естества, и имѣетъ обращеніе около себя самаго. Границею же движимому служитъ предѣлъ протяженнаго естества, за которымъ находится естество умопредставляемое и неизмѣряемое, свободное отъ свойствъ, мѣста и протяженія.

По сему о самомъ крайнемъ предѣлѣ чувственной сущности, далѣе котораго нѣтъ ничего подобнаго познаваемому въ видимомъ, утверждаемъ, что сей-то предѣлѣ означается именемъ тверди; и сіе наше мнѣніе подтверждаетъ Писаніе, говоря: *и различіи Божіи между водою, яже бы подѣ твердію, и между водою, яже бы надѣ твердію* (Быт. 1, 7.). Ибо симъ показывается, что и въ началѣ одна вода не была растворена другою, но при общности имени естество было не смѣшано; ибо говорится не то, что стало подѣ твердію бывшее выше тверди, но что одно было *подѣ твердію*, а другое нѣчто *надѣ твердію*. Если же въ самомъ началѣ определено занять положеніе одному въ низу во мракѣ, а другому не во мракѣ; ибо что въ Духѣ Божіемъ, то, конечно, во свѣтѣ и отдѣлено отъ мрака, а вмѣстѣ съ симъ было выше тверди, показавшейся посреди; то пусть разумный слушатель судить, удалось ли сколько нибудь слово наше въ сказанномъ отъ надлежащаго разумѣнія.

Таково сіе и подобное сему, что примышлено нами о первоначальномъ составѣ существъ, о томъ, почему свѣтъ по силѣ своей сущности не познѣе существъ, хотя Писаніе прежде повѣствованія о свѣтѣ говоритъ о тмѣ, и таковы наши гаданія о тверди и о раздѣленіи водъ, естество которыхъ, раздѣленное на стремящеся въ низъ и на легкое, приводитъ

насть къ предположеніямъ, сообразнымъ съ каждымъ изъ подобоименно сказуемыхъ.

Когда же раздѣлены между собою воды и видимыя, и умопредставляемыя, и среднюю гранью двоякаго естества водъ оказалось небо. о которомъ сказано, что приведено въ бытіе въ началѣ вмѣстѣ съ землею и со всѣмъ, положеннымъ въ основаніе устройству міра, а теперь довершено и наименовано при явленіи тверди, опредѣленной вращеніемъ огня; тогда второе круговращеніе свѣта снова стало вмѣстѣ и омрачать и освѣщать лежащую ниже часть. А сіе и наименовано, какъ одно за другимъ слѣдовало, въ совокупности же составило день. Въ слѣдствіе же сего по необходимости произошло въ тварь и свойство числа; потому что число не иное что есть, какъ сложеніе единицъ. Все же, представляющееся въ какомъ либо опредѣленномъ очертаніи, именуется единицею. Посему, такъ, какъ кругъ, самъ себя опредѣляющій, со всѣхъ сторонъ полощъ; то Слово прекрасно чѣмъ-то единымъ наименовало одно обращеніе круга, сказавъ: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ* (Быт. 1, 5.). И опять другое обращеніе назвало также единымъ: сложивъ же то и другое, составило два. Такъ Слово вмѣстѣ съ частями твари ввело и число, послѣдовательность въ порядкѣ означая числительными именами. Ибо говорить: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день второй* (8.).

Когда сіе совершилось, естество существъ, держась послѣдовательности, снова производитъ, чему необходимо слѣдовало быть за пройшедшимъ прежде. Но и сему Божию дѣлу предшествуетъ Божіе повелѣніе: потому что Моисей вездѣ обезопасиваетъ нашъ умъ, чтобы ни одного изъ существъ не представлялъ себѣ состоявшимся безъ Бога, но удивленіе каждому изъ сотворенныхъ существъ возводило его къ Сотворшему.

Сказавъ, какъ вся свѣтоносная и огнистая сущность собственными своими качествами отдѣлилась отъ иныхъ существъ, Писаніе умолчало объ устроении воздуха, хотя въ естествословіи второе мѣсто послѣ появившагося вверху огня принадлежало воздуху, у котораго по легкости есть нѣкоторое средство съ легкостію огня; и потомъ уже слѣдовало разсуждать объ естествѣ тяжеломъ: однако же Моисей ведетъ рѣчь о послѣднемъ, а не касается словомъ воздуха: не потому, что онъ ничего не привноситъ къ полнотѣ всего міра, и не потому, что лишенъ силы стихій, но, вѣроятно, потому, что при мягкости и уступчивости естества воздухъ въ себя принимаетъ каждое существо, даетъ его видѣть въ себѣ, а самъ не имѣетъ ни цвѣта собственного, ни образа, ни поверхности, но принимаетъ на себя и чужій цвѣтъ, и чужій образъ. Ибо при осіяніи его свѣтомъ дѣлается свѣтлымъ, а отѣняемый темнѣетъ,

самъ же по себѣ ни свѣтель, ни темешъ; принимаетъ на себя всякій образъ, окрашивается во всякій родъ цвѣтовъ, способствуетъ всякому движенію всего въ немъ движущагося. Легко уступаетъ тому, что въ немъ несется въ ту или другую сторону; и здѣсь и тамъ разсѣкаемый объемомъ движущагося, самъ собою возстановляется позади сего объема. Да и когда изъ сосуда льется, какая бы то ни была, влага, даетъ свободный ходъ выливаемому, и самъ собою на опороженное мѣсто входитъ внутрь сосуда. И тысячи подобныхъ случаевъ доказываютъ мягкость и уступчивость воздушнаго естества. И такъ, поскольку въ немъ совершается человѣческая жизнь, въ немъ заключена вся почти сила жизни, въ воздухѣ занимаетъ свою крѣпость дѣйственность чувственныхъ орудій; посредствомъ его и видимъ и слышимъ, чрезъ него также ощущаемъ пахучее, а переводеніемъ дыханія совершается главнѣйшее изъ жизненныхъ дѣйствій: переставиши дышать непременно перестаетъ вмѣстѣ и жить; то по сему самому премудрый Моисей не занялся естествословіемъ сей намъ близкой и сродственной стихіи, которою съ самаго рожденія питаемся, цочптая для насъ достаточнымъ по этой части учителемъ это прирожденное и родственное отношеніе естества нашего къ воздуху. Но что въ продолженіи творенія является въ воздухѣ, то во всей подробности изобразилъ словомъ.

Премудрый и всестройный порядок создаваемых вещей, по прошествии втораго дня отдѣлюющій воду отъ земли, снова именуется Божиимъ глаголомъ и повелѣніемъ. Ибо дѣйствительно все совершаемое премудростию есть Божіе слово, не какими либо орудіями членораздѣльно изглашаемое, но изрекаемое самыми чудесами явленій. Земляная качественность была еще смѣшана съ естествомъ влажнымъ; поему кому иному было возможно до того огустить землю собственными ея качествами, что по приведеніи всѣхъ ея частей въ однородное, при сжатомъ и сгнетенномъ ея состояніи, выжата изъ нея заключающаяся влажность, вода же отдѣлена отъ земляной примѣси, и собралась вокругъ себя самой, заключенная въ земныхъ впадинахъ? И дѣйствительно сіе было дѣломъ Божія могущества и Божіей премудрости; потому и Моисей говоритъ, что чудомъ снмъ управляло Божіе слово, издавшее повелительное иѣкое изреченіе; а какъ я о семъ разсуждаю, этимъ повелительнымъ изреченіемъ указываетъ Моисей на слово вложенное въ естество твари. Ибо говорить: *да соберутся воды въ собранія своя, и да явится суша* (Быт. 1, 9.). Смотри, вотъ необходимый порядокъ естества! Послику извлечена изъ земли вода, то осущается отдѣленное отъ влажности, а послику влажность неразтворена уже землею въ видѣ грязи, то вода необходимо остѣняется

какими-то водоемами, чтобы не утрачиваться ей по текучести естества, если бы ничто не препятствовало ей разлитію.

Но мнѣ не безвременнымъ кажется, сдѣлать опять упоминаніе о водахъ превъше небесныхъ. Если здѣсь для вмѣщенія водъ земля необходимо принимаетъ особый видъ, какъ бы въ нѣдра какія заключая ихъ текучесть, и собственною своею неподвижностію сообщая постоянство непостоянному естеству водъ; то какъ же оная вода, если только она дѣйствительно вода, стоитъ на непостоянномъ, и на наклонномъ остается не разливаемою? Если предположимъ, что естество двухъ водъ одно и то же; то по всей необходимости то же самое, что видимъ въ здѣшнихъ водахъ, должны заключить и о пренебесныхъ. Слѣдовательно небесный хребетъ изрытъ водоточаами, покрытъ пропастями, на подобіе образовавшихся на землѣ между стремнинъ, чтобы вода держалась въ сплхъ впадинахъ. Посему, что скажутъ, когда кругообразное вращеніе полюса наклонить къ низу то, что теперь въ верху, развѣ придумаютъ какія на кругахъ крыши, чтобы повисшая вода не вышвалась изъ впадинъ?

Говорятъ: огонь расточителемъ, имѣетъ потребность въ какомъ либо веществѣ, которое бы непрестанно питало пламень, чтобы не ослабѣвалъ онъ, при недостаткѣ горячаго вещества негребля самъ себя. А я, хотя высо

кое слово нашего учителя соглашается на подобное мнѣніе, попроси читателей, не оскорбляться, если вполнѣ поработаю себя предложенному выше въ семь обзрѣній существъ. У учителя была не та цѣль, чтобы собственныя свои мнѣнія непременно поставить въ законъ слушателямъ, но чтобы ученіемъ своимъ содѣлаться для учаемыхъ ибкѣнмъ путемъ къ истинѣ. Посему и мы, занявшись оставшимися послѣ него уроками, имѣемъ въ виду сообразное съ ними. И это наше слово, если только окажется вѣроятнымъ, да будетъ приписано мудрости учителя. Итакъ что же заключимъ о предложенномъ возраженіи?

Не въ огнѣ только и водѣ усматриваемъ противоположныя качества, но и въ каждой изъ стихій непременно можно найти въ свойствахъ ея ибкую борьбу противоположностей. Какъ въ упомянутыхъ стихіяхъ холодному противоборствуетъ тещота, влажному сухость; такъ оиать въ другомъ отношеніи въ землѣ и воздухѣ представляются взаимно одно другому противоположныя качества: твердость и разрѣженность, упорство и уступчивость, и все иное, что въ каждой изъ сихъ стихій въ отдѣльности познается изъ противоположнаго. Посему, какъ не лзя сказать, что въ сихъ стихіяхъ одна ипается другою противоположною; потому что съ уменьшеніемъ тяжелаго не возрастаетъ легкость воздуха, плотность земли не произво-

дить разрѣженія въ противоположной стихіи, прочія свойства земли своєю утратою не питаютъ качествъ воздушныхъ; такъ, скажеть иный, влажное и холодное, хотя противоположны теплomu и сухому, однакоже не питаются взаимнымъ исправленіемъ другъ друга, и возможность быть которому либо одному изъ сихъ качествъ состоитъ не въ возможности не быть другому. Въ такомъ случаѣ, если бы сохраненіе того и другаго качества имѣло возможность только при истребленіи обонхъ двухъ, не могли бы существовать ни то ни другое; потому что въ каждомъ равна сила къ истребленію другаго, и всегда избыточество преобладающаго служитъ уничтоженіемъ для недостаточнаго. А что сіе положеніе истинно, можно дознать это изъ самаго опыта. Когда какое либо вещество охватитъ огонь, потомъ будетъ введена въ дѣло вода: тогда ясно можно видѣть взаимное истребленіе двухъ силъ стихій; преобладающая изъ нихъ уничтожаетъ другую, такъ какъ каждая равно уступаетъ могуществу сближающейся съ нею. А пока силы въ обѣихъ равномѣрны, одинаково производится обѣими взаимное другъ другомъ уничтоженіе, ни одна другою не питается, но обѣ одна другою уничтожаются. Какъ о пожирающихъ другъ друга звѣряхъ неестественно сказать, что истребляемые другъ другомъ звѣри другъ другомъ живутъ; такъ противленіе влажнаго сухому не

моглобы ни того, ни другаго сохранить въ бытіи, если бы гибель одного питала другое.

Но мнѣ кажется, хорошо будетъ, держась послѣдовательности мысли, продолжить намъ слово свое такъ: послыку *вся слика сотвори Богъ, добра злыо* (Быт. 1, 31.); то утверждаю, что въ каждомъ изъ существъ должно быть усматриваемо совершенство добра. Ибо при-совокупленіе слова: *злыо*, усиливая значеніе, ясно показываетъ, что нѣтъ никакого недостатка въ совершенствѣ. Какъ въ цѣломъ родѣ животныхъ, хотя можно видѣть между ними тьмочисленныя различія породъ, однакоже утверждаемъ о каждой породѣ, что соотвѣтствуетъ она общему одобрительному о существахъ приговору, а именно, что они равно *добра злыо*: потому что одобреніе относится не къ видимому; будутъ ли это многоножка, земная лягушка, животныя родящіяся отъ гнѣнія нечистотъ, и они *добра злыо*. Послыку Божественное око взираетъ не на вѣшній видъ сотвореннаго, то не по доброцвѣтности, не по благообразію опредѣляется доброта, но потому что каждое существо, каково оно ни есть, имѣетъ въ себѣ совершенное естество. Ибо не быть быкомъ не значить быть конемъ: напротивъ того въ каждомъ изъ нихъ естество соблюдаетъ само себя, приобрѣтя особенныя причины къ особенному своему пребыванію, не въ разрушеніи естества почерная силу, но имѣя ее для поддержанія бытія.

Такъ и стихіи, хотя иначе относятся одна къ другой, но каждая сама по себѣ добра злыо; потому что каждая сама по себѣ, по особенному для нея закону, исполнена добра. Земля есть добро; потому что не имѣеть нужды въ гибели воздуха, чтобы ей быть землею, но пребываетъ съ собственными своими качествами, соблюдая себя естественною, отъ Бога вложенною въ нее, силою. Добро и воздухъ; для продолженія своего бытія не требуетъ онъ, чтобы не было земли; но довольствуется тѣми силами, какія въ немъ по естеству. Такъ и вода—добра злыо, и огонь—добръ злыо, потому что и вода и огонь имѣютъ полноту по собственнымъ своимъ качествамъ, и силою Божіей воли въ особыхъ для нихъ мѣрахъ первоначальнаго бытія пребываютъ постоянно. *Земля, сказано, во-вѣкъ стоитъ* (Еккл. 1. 4.), не умаяясь и не прибывая. Воздухъ сохраняется въ особыхъ для него предѣлахъ; огонь не убываетъ. Почему же изъ всѣхъ существъ одна только вода принадлежитъ къ вещамъ истощаемымъ? И еще притомъ, когда усматриваемъ, что огненная сущность и сила велики въ сравненіи съ существами, въ ясное доказательство чего любомудрствовавшими о превысреннемъ приводится то, что солнце во много кратъ больше земли; такъ что не на дальнее разстояніе въ воздухъ простирается тѣнь ея, по превосходству солнечной вели-

чины въ потокѣ солнечныхъ лучей принимающая видъ конуса. Посему, если одно столько мало въ сравненіи съ другимъ, что вода, измѣренная вмѣстѣ со всею землею, есть малая часть солнечной величины, то на сколько времени досталобы этой малости для истощенія такому огню? Но видимъ, что море всегда равно полно, и теченіе рѣкъ пребываетъ въ своихъ размѣрахъ, и такой опытъ свидѣтельствуешь, что влага нисколько не истощается. Но какъ первоначально не истребленіемъ влажности приведенъ въ бытіе огонь, но сотворенъ тою же, что и влажность, слою; такъ сообразно съ первоначальнымъ устройствомъ стихіи навсегда сохранится продолженіе ея бытія, и огонь для своего продолженія не потревожитъ влажнаго естества.

Говорятъ: нерѣдко видимъ, что земля бываетъ увлажнена дождемъ; а потомъ, какъ скоро солнце сильнѣе пригрѣетъ открытое лучамъ его, земля, незадолго бывшая мокрою, дѣлается сухою. Гдѣже тутъ влажность, продолжаютъ, если истребила ее совершенно теплота луча? Поэтому, ужели скажутъ, что вода, если изъ одного горшка перелита въ другой, и полный сосудъ сталъ вдругъ пустымъ, потому что нѣтъ ея въ одномъ сосудѣ, а стала она въ другомъ, вовсе не существуетъ? А что бываетъ въ этомъ случаѣ, то предполагая и о сказанномъ выше, никто не погрѣшитъ про-

тивъ справедливости. Ибо равно возможно, перелиться влагѣ изъ одной вмѣстимости въ другую, и испарившейся мокротѣ изъ земли подняться въ воздухъ: такъ какъ влага естественнымъ образомъ возгоняется въ верхъ, когда теплота верхняго слоя мелкими частями влечетъ ее изъ земли къ себѣ. Признакомъ совершающагося при семъ служитъ, что нерѣдко, при выхожденіи изъ земной глубины паровъ болѣе грубыхъ, кажется текущимъ нѣкое подобное облаку вещество, и густота паровъ бываетъ такова, что она видима и для глазъ. А иногда можетъ быть испареніе мокроты, состоящее изъ такихъ мелкихъ частей, что тонкостію оно нѣкоторымъ образомъ равняется воздуху, и тогда только дѣлается явнымъ для взоровъ, когда испареніе таковыхъ влагъ сложится само съ собою, и такимъ образомъ чрезъ сгущеніе обратится въ облако: почему сіи точки и парообразныя влаги до времени по легкости плаваютъ въ воздухѣ и носятся вѣтрами; но, если, по взаимному между собою сродству влаги, слившись вмѣстѣ, дѣлаются болѣе тяжелыми, то принимаютъ видъ капли, падающей изъ воздуха на землю. Итакъ теплота не потребила того, что извлекла изъ земли, но изъ этого самаго составилось облако, а сгустившееся облако стало водою, которая, опять слившись съ землею, обратилась въ паръ, а паръ, принявъ видъ облака, сдѣлался

дождемъ; и изъ дожда земля опять породила пары; пары же, сгустившись въ составъ облаковъ, излились, и излившееся снова возвращено воздуху въ парахъ; и такимъ образомъ составляется какой-то кругъ, около самаго себя обращающийся, и всегда дѣлающій одинъ и тѣже обороты. Укажешь ли на растѣнія и почки растѣній.—все идетъ тѣмъ же кругомъ. Влага по растѣніямъ или сѣменамъ стекается въ почки: и если входитъ вмѣстѣ съ нею что либо земленистое, оставивъ это въ объемѣ питаемаго, когда то, что внизу изсушено окружающимъ, снова испаряется въ однородное съ собою. Воздухъ, будучи разрѣженъ въ своихъ частяхъ, которыя тоньше самыхъ тонкихъ частицъ пара, все находящееся въ немъ уступаетъ сродному. Такъ и пыль, если много разсѣяно ея въ воздухъ, опять возвращается землѣ. И влага не истребляется, но непременно находитъ что либо сродное и близкое себѣ, кружащееся въ воздухъ, къ чему прильнувъ и возрастая отъ присовокупленія подобныхъ частицъ, снова принимаетъ на себя объемъ облака; а такимъ образомъ въ видѣ капли возстановляется въ свое собственное естество. Почему повсюду и во всемъ, что видимо въ мірѣ стихійнаго, сохраняется въ одной и той же мѣрѣ, какую первоначально установила для каждаго существа премудрость Создателя къ благоустройству вселенной.

Но знаю слѣдующее возраженіе: часто во время сильнаго зноя можно видѣть какія-то разсѣянныя въ воздухѣ облака, которыми, если кто долѣе на нихъ посмотритъ, можетъ нѣсколько опровергнуть сіе положеніе, что влажное естество нимало не истребляется. Ибо сученные отрывки облака, во множествѣ разсѣянныя въ воздухѣ, сперва уменьшаются въ объемѣ, сожигаемые ^ипревозмогающимъ жаромъ, потомъ совершенно уничтожаются, понадевшись зноемъ, такъ что не сохраняется и малаго какого либо остатка по изсушеніи влаги жаромъ. А въ этомъ не лзя успокоить себя сказаннымъ о парахъ. Ибо то, что выше облаковъ и этого мутнаго и порываемаго вѣтрами воздуха, по тонкости своего естества имѣетъ такое раствореніе, что не принимаетъ въ себя ничего тяжелаго. Напротивъ того всѣ пары и куренія предѣломъ стремленія своего вверхъ имѣютъ тотъ грубѣйшій отчасти слой окружающаго землю воздуха, которому неестественно подниматься вверхъ; потому что тонкимъ и эфирнымъ не пріемлется ничто грубѣйшее. Такъ и описывавшіе вершины нѣкоторыхъ самыхъ высокихъ горъ говорятъ, что онѣ всегда выше облаковъ и недоступны вѣтрамъ, и птицамъ невозможно также взлѣтать туда, какъ и водянымъ животнымъ жить въ воздухѣ. А всѣмъ этимъ ясно доказывается, что въ воздухѣ, и именно въ верхнемъ его слоѣ, есть предѣлъ,

который всё въ грубѣйшимъ испареніямъ поднимающимся съ земли служить остановкою. Посему-то до лѣтней поры на вершинахъ горъ остается снѣгъ нетаящимъ, такъ какъ составленіе паровъ постоянно охлаждаетъ тамъ воздухъ. Да и огневидныя полосы, которыя называютъ иные падающими звѣздами, по естествословію мудрыхъ происходятъ отъ тойже самой причины. Когда усилимъ какнхъ-то вѣтровъ часть грубаго и наполненнаго разными веществами воздуха бываетъ занесена въ эфирный его слой, поднявшееся вверхъ немедленно воспламеняется, и этотъ текущій пламень несется по направленію данному вѣтромъ: когда же вѣтеръ утихнетъ, угасаетъ вмѣстѣ и пламень. Итакъ не лзя сказать, что, по уничтоженіи облака вѣтромъ, снова составляются пары, и поэтому согласно съ сказаннымъ о парахъ появившихся внизу надѣяться на возстановленіе потребленной влаги, необходимо же согласиться съ тѣми, которые учатъ, что влага сгараетъ и обращается въ ничто.

Но я, хотя убѣждаюсь, что влажность въ парахъ уничтожается преизбыткомъ жара, почитая признакомъ чловѣка суетнаго и спорливаго противорѣчить тому, что явно; однакоже, поелику при обследованіи истины со всѣхъ сторонъ надѣжитъ ничѣмъ не утомляться, тѣмъ не менѣе утверждаю, что мѣра влажнаго естества сохраняется не умаленною, и пздер-

живаемое всегда непременно воспоминается въ за́вѣнъ недостающаго. А таковое мѣнѣе дѣлаетъ для меня твердымъ слѣдующее. Въ дѣйствіи огня у насъ дознаемъ по опыту, что огонь поядаетъ не все качества вещества, но то одно, которое можетъ охватить. Скажемъ напримѣръ о веществѣ масла; когда оно отдѣлено отъ холоднаго качества, тогда влага изъ этого вещества удобно извлекается теплотою огня, и обращается въ пламень. Но не въ пламень только одинъ измѣняется масло огнемъ, а и влага въ огнѣ, производимомъ масломъ, послѣ огня, какъ говорятъ, дѣлается сухою пылью; что ясно доказываетъ дымъ отъ свѣтильника, очерняющій то, что надъ пламенемъ; и если дымъ идетъ долго, то на очерненномъ имъ мѣстѣ образуется толстый слой. Откуда явствуется, что масло, высушенное огнемъ, измѣняется въ тонкія и неспримѣтныя частицы, въ такомъ видѣ переходитъ въ воздухъ, и оттуда осѣдаетъ на землю. А что въ воздухѣ происходитъ разліяніе изъ тонкихъ частицъ состоящаго дыма, это доказывается тѣмъ, что очерняются даже ноздри вдыхающихъ этотъ воздухъ, а нерѣдко и внутренній, изъ груди выдыхаемый, воздухъ обазывается чернымъ, потому что и онъ окрашивается цвѣтомъ дыма, входящимъ во внутренность при вдыханіи воздуха. Итакъ явствуется изъ сего, что, хотя влага масла претворяется въ сухость, однакоже

вещественный объемъ, будучи разсѣянъ въ воздухѣ въ видѣ тонкихъ и непримѣтныхъ частицъ, не уничтожается до небытія. Посему, что дознали мы объ этой влагѣ изъ дѣйствительнаго опыта, а именно, что влага измѣняется только въ сухость, вещественное же не уничтожается совершенно,—если сіе же самое представить кто и о всякой влагѣ, не погрѣшитъ противъ справедливости. Ибо явно, что цѣлое состоитъ изъ частей. А что дознаемъ о части, тому научаемся и о цѣломъ. Никто же и самый спорливый не будетъ противорѣчить, что влажность въ родовомъ понятіи одна. Но влажность масла, сожженная огнемъ, сдѣлалась тонкою пылью. Значитъ и всякая влага, бывъ въ огнѣ, перемѣняетъ качество частей, изъ влажнаго дѣлаясь чѣмъ-то сухимъ, а не уничтожается вовсе.

Послику облако есть сгущеніе пара, а парь—разложеніе влаги на тонкія частицы: то, когда облако сожжено пламенемъ, этому тонкому и недѣлимому объему пара, хотя и не сохранить онъ влажнаго качества, по всей необходимости должно не обращаться въ ничто, и не дѣлаться чѣмъ-то невозстановимымъ. Четыре качества усматриваются въ парѣ: влажность, холодность, тяжесть, величина. Изъ сихъ качества противоположныя огню могуществомъ преобладающаго уничтожаются. Ни влажность, ни холодность, бывъ въ огнѣ, не остаются таковыми.

Но величина сродна и съ сущностию огня; ибо онъ бываетъ видимъ въ количественномъ; количественное же не противоборствуетъ количеству. Посему, если у пара сохраняется величина и отдѣленная отъ качества влажности и холодности; а при величинѣ сохраняется также и качество тяжести, существенно заключающееся въ естествѣ пара (тяжесть обыкновенно равно принадлежитъ и влажному и сухому); то умъ нашъ, держась строгой послѣдовательности, не затруднится познать, какъ вода, ставъ землею, въ слѣдствіе того, что пары перемѣняютъ качество, пріемлетъ подобовидное естество. Ибо сухость и тяжесть свойственны качеству усматриваемому въ землѣ, а въ сіе-то и претворяется сожженный паръ.

И мнѣ кажется, что положившимъ сіе начало, хорошо будетъ не оставлять послѣдовательности изслѣдованія, къ которой естественнымъ образомъ придетъ сіе обозрѣніе, руководя къ истинѣ. Ибо и море, по видимому, всегда пребываетъ въ своихъ предѣлахъ по тому самому, что, какъ всегда происходитъ въ немъ небольшое прибавленіе воды, такъ и вода въ видѣ паровъ исчерпывается въ верхніе слои воздуха согрѣвательною теплотою, которая, подобно кровососному рожку, поднимаетъ вверхъ тончайшія части влажнаго естества.

Сему разсужденію противорѣчитъ, повидимому, холодность окружающаго воздуха въ

странахъ средиземныхъ и сѣверныхъ, потому что море не нагрѣвается тамъ сильно, и не бываетъ образованія паровъ: но это возраженіе можно отстранить двоякимъ умствованіемъ. Вопервыхъ тѣмъ, что море повсюду одно и само въ себѣ непрерывно, хотя дѣлится на тысячи водоемовъ, но взаимное ихъ сообщеніе нигдѣ не пресѣкается, почему, если на югѣ отъ всегдашняго присутствія теплоты испареній больше, то происходящее тамъ уменьшеніе водъ даетъ себя чувствовать въ странахъ холодныхъ, и вода перетекаетъ сама собою, по естественному стремленію всегда двигаться въ низъ. А потомъ равно сіе подтверждается и тѣмъ, что всякое море, изъ какой бы воды ни было составлено, солено въ слѣдствіе образованія паровъ; потому что особенное свойство естества соли есть сухость. А если одно и тоже качество равно растворено во всемъ морѣ; то значить, что соленость во всякой части моря одинаково производитъ свойственное ей; ибо каждое естество непременно производитъ соответственное собственной ея силѣ. Какъ огонь жжетъ, снѣгъ холодитъ, медь сладитъ, такъ соли сушатъ. Итакъ, поелику въ моряхъ повсюду примѣнано сушащее естество солей, какъ сіе предувѣдала Божественная премудрость для удобнѣйшаго образованія паровъ (соленость, превозмогая надъ влажнымъ заключающеюся въ естествѣ ея сухостию, вытѣсняетъ

и изгоняетъ изъ моря все, что въ водѣ состоитъ изъ тонкихъ частей); то не противно будетъ справедливости думать также, что повсюду пронсходитъ трата влаги, потому что воздухъ испариваетъ море парами.

Но что всякая воздушная влага дѣлается облакомъ, и оттуда изливаются на землю дожди, это показало предшествующее слово, этому научаетъ и пророчество, восписуя таковое дѣло Богу, когда говорить: *призывай воду морскую, и разливай ю на лице земли* (Амос. 5. 8.), и иное многое. И что все облака возгораются, и совершенно сгораютъ отъ теплоты, которая выше ихъ, дознали мы это изъ дѣйствительности. Посему остается не упустить изъ виду возраженія, которое естественно возникаетъ передъ нами изъ сказаннаго. Ибо иный на основаніи прежнихъ изслѣдованій скажетъ: изъ примѣра, что бываетъ съ масломъ, дознали мы, что вещественное въ предметѣ и по сгорѣніи не погибаетъ, а переходитъ въ воздухъ, измѣненное дѣйствіемъ огня; но по уничтоженіи влаги противоположнымъ качествомъ возможно ли влажному естеству навсегда оставаться неумалюемымъ, когда сущность теплоты непрестанно пожигаетъ влагу въ парахъ; и превращаетъ въ качество сухости, какъ на основаніи изслѣдованій показало сіе обозрѣніе? Посему, если влага испаряется, и влажность, будучи въ парахъ раздѣлена на тонкіе и недѣлимые уча-

стки, дѣлается удобоуловимою для теплоты; то, по переходеніи влаги въ сухое качество, по всей необходимости должно признать болѣе истиннымъ то положеніе, что есть нѣкое обиліе водъ, изъ котораго всегда восполняется истраченное огнемъ. А, можетъ быть, въ подтвержденіе такого мнѣнія иный и изъ Писанія позаимствуетъ нѣкое свидѣтельство объ отверзшихся небесныхъ *хлябяхъ* (Быт. 7. 11.), когда надлежало стать всей землѣ подъ водою, всякой вершинѣ горъ быть въ великой водной глубинѣ.

Но утверждаю, что возраженіе, взятое изъ Писанія, можно отстранить другимъ Писаніемъ. Ибо знаю, какое употребленіе Божественныхъ реченій обычно Писанію. Чтѣ означаетъ оно словомъ: *отверзть*, и на чтѣ указываетъ словомъ: *заключить*? Ибо явно, что отверзается заключаемое, и заключается отверзаемое. Такъ, когда во времена Иліи усилилась засуха, Писаніе говоритъ: *заключися небо три лѣта и мѣсяцъ шесть* (Лук. 4, 25.). Думаю, что выраженіе Писанія: *хляби небесныя отверзюшася* употреблено въ томъ же смыслѣ, въ ~~с~~акомъ и сіе: *заключися* небо во время бездождія. Но тогда, по молитвѣ Иліи явившееся изъ моря облако (3 Цар. 18, 44.) отверзло имъ небо пролитіемъ дождя. А симъ ясно показывается, что тогда не разверзшаяся небесная твердь излила дождемъ такъ называемыя надъ твердію воды, по

Писаніе называетъ небомъ окружающій землю воздухъ, опредѣляющій собою мѣсто парамъ, то есть предѣлъ тончайшему естеству того, что надъ нимъ, далѣе котораго не имѣетъ никакой силы восходить ничто болѣе тяжелое, ни облако, ни вѣтеръ, ни паръ, ни испареніе, ни птица. Посему, что у насъ надъ головою, то Писанію обычно называть небомъ; такъ птицъ летающихъ въ семь воздухъ называетъ небесными (Быт. 1, 26.). Но если это дѣйствительно такъ; то слово наше не рѣшило еще другаго вопроса; почему претвореніе паровъ въ сухость не умаляетъ влаги, утрачиваемой отъ преобладанія теплой сущности. Но для сего хорошо будетъ изобрѣсти иной ходъ уметвованія, согласный съ воззрѣніемъ сего слова; и можетъ быть, при люботрудной внимательности удастся намъ не погрѣшнить въ предположеніи приличномъ предмету разсужденія.

▲

Слышу пророчество, въ которомъ изображается величіе могущества Божія чудесами въ твари; оно говоритъ: *кто изльри рукою воду, и небо пядію, и всю землю горстію? Кто постави горы въ лириль и холми въ вльсь* (Ис. 40, 12.)? Сими словами, думаю, Пророкъ ясно научаетъ, что каждая изъ стихій описуется особенными мѣрами: потому что содержительная Божія сила, которую Пророкъ именуеть рукою, горстію, пядію, каждое изъ существъ

особымъ образомъ заключаетъ въ должную мѣру. Посему, если небо измѣряется Божіею силою, вода рукою, вся земля горстїю, и холмы взвѣшены, и горамъ опредѣлено явное мѣрило; то по всей необходимости каждому существу должно оставаться при собственной своей мѣрѣ и при своемъ мѣрилѣ, такъ что не можетъ произойти ни увеличенія, ни сокращенія въ томъ, что отмѣрено Богомъ и объемлетъ Его могуществомъ. Поэтому, если пророчество свидѣтельствуеть, что въ существахъ не бываетъ ни прибавленія, ни умаленія, то каждое непременно навсегда остается при собственной своей мѣрѣ, даже когда естество существъ оказывается измѣнчивымъ, все предлагающимъ въ то или другое, каждую вещь переназначивающимъ въ что либо иное, и изъ этого снова посредствомъ предложія и переназначиванія приводящимъ обратно въ то, чѣмъ была первоначально.

Но что влажный паръ, бывъ въ пламени, переходитъ въ землистое качество, горѣніемъ будучи преложень въ нѣчто сухое, это въ сказанномъ выше достаточно дано разумѣть представленнымъ въ примѣръ масломъ, и послѣ сего надѣжитъ разсмотрѣть, точно ли, по измѣненіи вещества пара въ противоположное качество, возможно оставаться вверху этому остатку пара, какъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ слово сіе, претворенному горѣніемъ въ нѣчто тончайшее и непримѣтное?

Думаю, что по известнымъ вамъ примѣрамъ можно заключать и объ этомъ. Ибо здѣсь тонкія частицы дыма не навсегда остаются носящимися въ воздухѣ, но по разрѣженности воздуха сходятся съ сроднымъ, окрашивая собою землю, стѣны и дерево на крышахъ. Посему, сообразно съ симъ, и о парѣ также можно предпологать, что и онъ, поднятый вѣтрами вверхъ въ высренній и пламенѣющій слой воздуха, при претвореніи влажнаго качества сохраняетъ вещественность, а сдѣлавшись сухимъ, привлекается къ сродному, и возвращается землѣ. Ибо въ каждое изъ существъ съ естествомъ вложена сила притягивать свойственное ему; посему нѣтъ никакой несообразности сдѣлать такое предположеніе, что паръ, дѣлаясь какимъ-то сухимъ и землянистымъ, по сему качеству примѣшивается къ сухости земли. Посему, если бы всякое естество влажной сущности было масленчатое: то по грубости сего качества горѣніе обращало бы цвѣтъ таковыхъ паровъ въ чернѣй, и происходящее было бы для всѣхъ явно, будучи доказываемо принимаемымъ видомъ. Но послѣку въ парахъ воднаго естества производится что-то самое тонкое и прозрачное, и они, по доказанному выше, вошедши въ огонь, влажное качество мѣняютъ на сухое; то, если мысль ваша и признаетъ это чѣмъ-то существеннымъ, то всей необходимости должна сіе вѣчто, тон-

кое, убѣгающее отъ нашего наблюденія, представлять чистымъ и воздухообразнымъ. Но если кто признаетъ чувство болѣе достовѣрнымъ, нежели понятіе разума, и старается глазами усмотрѣть оныя недѣлимыя и непримѣтныя величины: то желающему можно видѣть, что воздухъ наполненъ такими частицами, когда солнечный свѣтъ, входя въ окно, сдѣлаетъ болѣе явственною ту часть воздуха, которая освѣщена лучемъ. Ибо что недоступно для глазъ въ прочей части воздуха, то при помощи луча усматривается въ безконечномъ множествѣ вращающимся въ воздухѣ. Посему, кто остановитъ на этомъ глазъ, тотъ найдетъ, что потокъ тонкихъ оныхъ частицъ всегда стремится въ низъ. Открывающееся же въ части воздуха служитъ доказательствомъ, что и во всемъ происходитъ подобное сему, потому что все само себѣ подобно, и цѣлое составляется изъ частей. А если потокъ сихъ тонкихъ и недѣлимыхъ частицъ во всякое время стремится по воздуху къ землѣ; явно же, что не зѣрное что либо, будучи раздроблено на сіи частицы, разсыпается въ воздухѣ: потому что естество огня не подвергается раздробленію и разліянію на тонкія части; то по всей необходимости должно увѣриться, что опускается въ низъ вещество того самого, что показано было въ семъ словѣ восходящимъ въ парахъ, и что влаги, какія привлечены были

естествомъ теплоты, будучи сожжены и сдѣлавшись землянистыми, не удерживаются долге огнемъ, но опять возвращаются землѣ. Такъ пища, по измѣненіи ея въ насъ перевариваніемъ въ иѣкое тонкое качество, къ какой части тѣла приблизится во время пищеваренія, той части переваренное и дѣлается прибавленіемъ. И поелику многообразна разность членовъ въ составѣ тѣла по сухости и влажности, по теплотѣ и холодности; то при какомъ бы членѣ часть пищи ни находилась, дѣлается тѣмъ самымъ, что этотъ членъ по природѣ своей; потому что онъ, овладѣвъ благовременно, себѣ усвоитъ тонкость перевареннаго: подобнымъ сему образомъ происходитъ изъ невидимыхъ оныхъ величинъ непрестанно совершающееся нечувствительное приращеніе на землѣ. Почему прилипающее ко всякому предмету, чѣмъ бы ни было по сущности приемлющее, въ то естество измѣняется, и дѣлается въ землѣ землею, въ песокѣ пескомъ, въ камнѣ камнемъ, во всемъ всемъ; какимъ бы изъ твердыхъ веществъ ни было пріятнее, принятое превращается въ овладѣвшее имъ. Если же кто твердость камня признаетъ не допускающею такого приращенія; то при всей послѣдовательности нашего разсужденія не почитаю должнымъ спорить съ думающими такъ; потому что ихъ разсужденіе не будетъ имѣть никакой силы, если предположимъ, что этотъ падаю-

ній сверху потокъ землистыхъ частицъ отъ того, что не приеѣмлетъ ихъ, вѣтры переносятъ къ еродному.

Но шій, можетъ быть скажетъ, что слово наше опускаетъ изъ вида собственную свою цѣль, и предположивъ доказать, что влажное естество навсегда пребываетъ въ первоначальной своей мѣрѣ, само того не примѣчая, ведетъ къ противному заключенію. Ибо остается ли въ огнѣ возгоняемое вверхъ, или ставъ сухимъ опять возвращается на землю, въ томъ и другомъ случаѣ будетъ равное умаленіе воды, и тѣмъ неменѣе симъ разсужденіемъ доказывається необходимость прѣизбытка влаги, по причинѣ всегдашней непрѣмѣнной ея убыли. Посему слову нашему необходимо будетъ снова разсмотрѣть естество существъ, чтобы въ немъ разсужденіе наше открыло намъ путь къ предположенной цѣли.

Посему какое же это естество? Изъ стихійныхъ существъ, видимыхъ въ составѣ надземнаго міра, Создателемъ всяческихъ ничто не сотворено непреложнымъ и неизмѣннымъ, но все одно въ другомъ существуетъ, другъ другомъ поддерживается; потому что прѣлагающая сила какимъ-то круговымъ вращеніемъ все земное прѣлагаетъ изъ одного въ другое, и изъ прѣмѣннаго въ другое приводитъ снова въ то, чѣмъ было прежде. А какъ сіе измѣненіе въ стихіяхъ совершается непрестанно,

то необходимо всему переходить изъ одного въ другое, другъ отъ друга удаляясь, и снова въ равной мѣрѣ другъ съ другомъ сближаясь. Ибо ничто изъ сего не можетъ сохраняться само собою, если не поддержитъ естества приращеніе инороднаго.

Какъ же, спроситъ иншіи, предлагающая и измѣняющая сила совершаетъ круговой путь по четыремъ стихіямъ? Ибо не все они переходить одна изъ другой, и кругъ измѣненія не равно проходитъ каждымъ изъ существъ. Но хотя вода изливается въ воздухъ парами, а пары, напитавъ собою пламень, снова оземляются, но сообщеніи съ огнемъ сдѣлавшись чѣмъ-то подобнымъ пену: однакоже земля, принявъ ихъ въ себя, останавливаетъ на себѣ ходъ сего измѣненія. Ибо не изслѣдовано еще объ естествѣ воды, изъ земли ли оно имѣетъ свое происхожденіе. Итакъ остается разсудить, возможно ли землѣ превратиться въ естество воды. Конечно же никто не обвинитъ насъ въ многословіи, если войдемъ, сколько можно, въ изслѣдованіе того, что требуетъ сего въ слѣдствіе сказаннаго.

Такъ видимъ многія сухія вещества, которыя по какой-то естественной особености увлажняются сами собою, какъ напримѣръ можно сіе примѣчать на соли, на металлахъ и на веществахъ, составляемыхъ изъ какой либо сожженной влаги, отличительнымъ свойствомъ ко-

торыхъ есть сухость, но, если коснется ихъ какая мокрота, дѣлаются они влажными, и сухость перемѣняютъ въ себѣ въ влажное качество. Такъ знаю, что естество меда отъ поджариванія дѣлается нѣкоторымъ образомъ сухимъ, и опять отъ какого либо обстоятельства разлагается во влагу. Но оставляю это, потому что лучше на основаніи какого либо необходимаго начала придать послѣдовательность положенію.

Знаемъ, что въ каждой изъ стихій не одно качество, которымъ воспоминается составленное изъ сей стихіи, и отдѣляется отъ того, что изъ противоположной стихіи, но каждая вещь познается подъ различными качествами, изъ которыхъ одни не сообщимы другъ съ другомъ, а другія равно свойственны и приличны качествамъ взаимно между собою борющимся; на примѣръ: въ землѣ и въ водѣ не смѣшиваются между собою сухость и влажность; но въ каждой изъ сихъ стихій въ равной мѣрѣ есть холодность, нѣкоторымъ образомъ соединяющая собою взаимно борющееся. Опять вода отдѣляется отъ воздуха по противоположности тяжелаго легкому. Но и между ними посредствуетъ въ естествѣ той и другой стихіи равно усматриваемая влажность. Опять воздухъ далекъ отъ огня, и противоположенъ ему по причинѣ борьбы между теплотою и холодомъ; но имѣетъ и общеніе по качеству легкости.

и общеніе этого качества служить какъ бы примиреніемъ какимъ естественнаго ихъ противленія. Потомъ огонь отъ земли отдѣляется по тяжести и легкости, но сухость обща обоимъ качествамъ, и чрезъ нее-то вступасть раздѣленное какъ бы во взаимный между собою союзъ.

Но, что имѣя въ виду, съ сего начинаю изслѣдованіе? То, что холодность одинаково усматривается и въ землѣ, и въ водѣ, и въ воздухѣ, въ большей же мѣрѣ свойственна влагѣ, охраняя собою нѣсколько естество воды, своимъ противленіемъ теплотѣ замедляя ущербъ причиняемый сухостию. Посему, какъ теплоту сродна сухость, и огню одному невозможно оказывать себя не въ сухомъ; такъ справедливо можно говорить, что съ влагою соединена холодность, потому что каждому изъ качествъ, усматриваемыхъ въ огнѣ, должно и въ водѣ быть противоположное качество, чтобы съ суммъ боролась влажность, а съ холоднымъ теплота. Посему, если доказано, что влага паравнѣ съ холодностію составляетъ естество воды; то слѣдуетъ заключить, что по силѣ холоднаго качества естественно заключающагося въ землѣ, и вода есть въ землѣ, и земля въ водѣ. Ибо естественное сопряженіе влаги съ холодностію не позволяетъ имъ всецѣло разлучиться другъ съ другомъ. Но хотя влажное и холодное встрѣчаются иногда отдѣльно,

каждое само по себѣ, впрочемъ каждое не въ точности одно, но въ одномъ усматриваются по возможности оба. Ибо какъ за разлитіемъ влаги въ воздухъ слѣдуетъ охлажденіе въ частяхъ влажныхъ паровъ: такъ наоборотъ, послѣнку въ глубинѣ земли сохраняется холодность, и влажность не теряетъ сопряженнаго съ нею качества, но холодная сила, естественно заключающаяся въ землѣ, дѣлается какъ бы сѣменемъ какимъ естества влаги, всегда изъ себя порождая соединенное съ нею качество: такъ какъ измѣняющаяся дѣйствительность, въ слѣдствіе сильнаго охлажденія, предлагаетъ землю въ воду.

А если кто потребуетъ у насъ въ этомъ отчетѣ, какъ измѣненіе сіе производитъ предложеніе твердаго въ влажное: то также не въ состояннн будемъ объяснить сего, какъ и всего инаго. Ибо какъ вода разливается въ воздухъ, и тяжелое находитъ себѣ мѣсто въ легкомъ, или какъ измѣненіе претворяетъ тяжелое въ легкое? Что бываетъ это, постигаемъ мы чувствомъ, но не можемъ разумомъ объяснить силу дѣлъ природы. Но если кто во свидѣтельство такого предположенія приметъ опыты: то готовы мы доказать, представляя въ свидѣтели слова конателей колодезевъ. Такъ какъ воды заключаются въ глубинѣ, выкапываютъ сперва они сухую землю, и постуная ниже въ работѣ своей, не вдругъ встрѣчаютъ воду въ пол-

номъ составѣ, но прежде по осязанію заключаютъ, что въ землѣ есть нѣкоторая сырость: потомъ, достигнувъ болѣе охлажденнаго слоя по причинѣ глубины, находятъ комы подобныя грязи: послѣ сего, съ углубленіемъ работы въ слои еще болѣе охлажденные, появляется слабое нѣкое просачиваніе влаги: потомъ, по раскопаніи нѣкаго прохода подъ основаніемъ камня, куда по всей вѣроятности не проникала еще солнечная теплота, задерживаемая плотностію камня, открываются наконецъ рабочими нѣкія тонкія жилы воды, между которыми вѣроятно дѣлается въ глубинѣ взаимная связь, и колодець наполняется тогда водою. Посему, что здѣсь происходитъ въ пустотѣ, сдѣланной человѣческими руками,—тѣснямая отвсюду къ колодецу влага собирается въ немъ: тому же естественно быть и на всякомъ мѣстѣ, то есть изъ тонкой влаги непрерывно сообщаемому какими-то жилами темъ болѣе широкими проходами, когда тонкіе токи будутъ соединены между собою. Такъ возраждается вода, когда холодъ увлажняетъ землю, и влажность, составляемая холодомъ, сама собою довершаетъ всецѣлое естество воды. Отсюда вода, уже собранная и сдѣланная потокомъ, гдѣ отыскается удобнѣйшій путь, пробивается для выхода землю: и сіе называется источникомъ. Признакомъ же, что холодность сопровождается происхожденіемъ водъ, служитъ, что страны,

лежащія къ сѣверу и болѣе охлажденныя, избылуютъ водами. Ибо въ такой же мѣрѣ были бы орошаемы водами освѣщаемыя солнцемъ и южныя страны, еслибы отсутствіе охлажденія не препятствовало происхожденію влагъ. Какъ вода, собранная во время дождя, отъ сліянія капель дѣлается потокомъ: но если кто посмотритъ на самыя капли, взятыя порознь, то въ каждой каплѣ представится ему нѣчто малое и почти ничто; такъ при непрестанно составляющемся внизу по немногу количествѣ влаги, когда изъ многихъ потоковъ собраніе тонкихъ частицъ дѣлается однимъ,—все это обращается въ составъ рѣки. Отвергающій же предположенія сіи откуда признаетъ исходящими неизсякающіе источники рѣкъ? Не вообразить ли какихъ озеръ въ нѣдрахъ земли? Но и тѣ, если не будетъ въ нихъ притока, непременно вскорѣ истощатся: почему необходимо будетъ положить, что есть надъ ними еще другія озера. А послѣдовательность слова потребуетъ наполненія и еще другихъ озеръ, хотя и предположены будутъ служащія къ наполненію первыхъ, и необходимымъ сдѣлается доискиваться, изъ какихъ источниковъ наполняются послѣднія. А такимъ образомъ слово, простираясь въ безконечность, нигдѣ не остановится, предполагая озера надъ озерами, чтобы не имѣли они недостатка въ источникахъ, пока не найдетъ, откуда наполняются послѣднія, въ которыхъ

происхожденіе водъ беретъ свое начало. Посему, что касается до отысканія причины перваго происхожденія воды; гораздо основательнѣе видѣть это въ составленіи источниковъ, а не воображать подземныхъ озеръ, существованіе которыхъ тотъ часъ дѣлается противорѣчащимъ разуму, по свойству воднаго естества стремиться въ низъ. Ибо какъ потечетъ вверхъ то, чему по природѣ свойственно течь внизъ? Притомъ, о какой величинѣ силъ озеръ даетъ поводъ гадать непрестанное истеченіе столькихъ водъ, чтобы, въ продолженіе столькихъ временъ изливая такое количество, могли оставаться не опустѣвшими, между тѣмъ какъ внутри ихъ ничто не замѣняетъ исходящаго?

Но въ слѣдствіе нашихъ изслѣдованій явно, что снабженіе рѣки водою не оскудѣваетъ, потому что въ воду превращается земля. Объемъ же земли, въ слѣдствіе исходящей изъ нея воды, не уменьшается; потому что непрестанно совершающееся превращеніе сухихъ паровъ восполняетъ всегда то, что убываетъ въ ея объемѣ. А когда такъ, мысль объ измѣненіи стихій изъ одной въ другую не покажется уже для насъ несостоятельною. Но) умъ постунаетъ послѣдовательно, когда въ превращеніи каждой вещи въ другую видитъ, какъ начало бытію той, въ которую преложена, такъ и возстановленіе оная въ ту, которою быма первоначально. Напримѣръ, вода, въ парахъ вошедши въ

воздухъ, дѣлается воздухомъ: увлажненный воздухъ осушается въ огнѣ, который надъ нимъ: землистое во влагѣ отдѣляется отъ нея естествомъ огня; а это, когда бываетъ въ землѣ, холоднымъ ка^кествомъ претворяется въ воду. И такимъ образомъ совершается непрерывный порядокъ; ничто не убываетъ и не избыточествуетъ, но все остается навсегда въ первоначальныхъ мѣрахъ.

Итакъ, на основаніи сихъ изслѣдованій должны мы подъ водами *надъ твердію* разумѣть нѣчто иное, а не влажное естество, такъ какъ изъ сказаннаго стало понятно, что естество огня не питается избыткомъ влаги. Ибо по изслѣдованію нами доказано, что теплота, не питается, но погашается холодомъ, и влажное, уничтожается, а не приумножается сухимъ. Но время обратить обзоръ на другой вопросъ, а именно, почему послѣ третьяго дня сотворены всѣ небесныя свѣтила?

Что каждому изъ совершаемыхъ чудесъ предшествовало Божіе цѣкое повелительное слово (такъ какъ Моисей исторически научаетъ насъ высокимъ смысломъ догматомъ), изслѣдовано то нами въ предыдущихъ словахъ, въ которыхъ даны мы разумѣть, что повелѣніе не есть Божій гласъ, изрекшій слова: но та художественная и премудрая сила каждая изъ творимыхъ существъ, по которой совершаются въ нихъ сіи чудеса, есть Божіе Слово, и Имъ назы-

А если кто обратитъ вниманіе на явленія; то усмотритъ въ существахъ большую разность свѣтоносной силы. Почему и Псалмопѣвецъ говоритъ: *Сотворше.му свѣты (фѣта) велия едино.му* (Пс. 135, 7.). И Апостолъ говоритъ: *ина слава солнцу, и ина слава луи, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разиствуетъ во славу* (1 Кор. 15, 41.), потому что великая, конечно, разность въ свѣтъ. Ибо, если и всему, что перечислено Павломъ, обычно и свѣтитъ, и каждому свѣтилу принадлежитъ нѣкая особая сила и слава: то справедливо по родовому понятію именовать все однимъ свѣтомъ, и въ каждомъ свѣтилѣ усматривать неслитную и раздѣльную разность. А если это дѣйствительно такъ; то, думаю, не погрѣшитъ противъ послѣдовательности мыслей наше гаданіе, если предположимъ сіе разумѣвшимъ Моисея, а именно, что первоначально вся свѣтоносная сила, собранная, въ себѣ самой, была однимъ свѣтомъ. Послику же въ естествѣ цѣлой вселенной, относительно къ большей и меньшей мѣрѣ тонкости и удободвижимости усматривалась великая нѣкая разность: то достаточно было трехдневнаго продолженія времени, чтобы яено и неслитно произойти взаимному отдѣленію каждой вещи въ мірѣ одной отъ другой, такъ чтобы самое тонкое и легкое, чисто невещественное, въ огненной сущности заняло самый крайній предѣлъ чувственной твари, за

которымъ слѣдуетъ умопредставляемое и безплотное сестество, а все менѣе дѣйтельное и болѣе оцѣненѣе составилось внутри пространства, окружаемаго тѣмъ тонкимъ и легкимъ сестествомъ: да и сіе опять, по разности вложеннаго въ это свойства, раздѣлилось седмичастно, по взаимномъ между собою по сродству соединеніи всѣхъ, одна другой соотвѣтственныхъ и близкихъ, частицъ свѣта и по отдѣленіи тѣхъ, въ которыхъ есть нѣчто инопородное. Такъ по взаимномъ стеченіи всѣхъ сихъ частицъ, сколько ихъ было всѣяно въ свѣтоносной сущности солнечнаго сестества, произошло одно великое свѣтило; а также, и на лунѣ, и на каждой изъ прочихъ движущихся и неподвижныхъ звѣздъ, соединеніе частицъ каждой съ однороднымъ произвело которое либо одно изъ видимыхъ свѣтилъ. Такимъ образомъ пришло все въ бытіе. Великому же Моисею достаточно было наименовать только болѣе извѣстныя изъ нихъ—*свѣтило великое и свѣтило меньшее* (Быт. 1, 16.), а все прочее назвать родовымъ именемъ: *звѣзды*.

Если же затруднитесь симъ дебелисть нашего ума, будучи не въ состояніи проникнуть въ тонкость Божіей премудрости: то никто да не дивится тому, взирая на бѣдность нашего сестества, для котораго возжелѣнно не то, чтобы ни въ чемъ не погрѣшать, но чтобы въ состояніи бытъ достигнуть хотя что либо одно.

Говорю же это, имѣя въ виду объяснить, какая была причина сего трехдневнаго продолженія, и что такого времени достаточноваю къ отдѣленію каждаго свѣтлаго тѣла. Ибо явно, что непремѣнно есть нѣкая причина, хотя и недоступная нашему взору, (но которой мѣра сего времени къ отдѣленію свѣтоносной сущности служила и опредѣленнымъ своимъ теченіемъ, и количествомъ дѣятельности огня въ его движеніи, при чемъ удѣлы свѣта распределены по свойству свѣтилъ, такъ что сіи безпредѣльные разности свѣтовъ оставили себя каждая въ свойственномъ положеніи, какое естественнымъ свойствомъ указано тамъ, куда каждую привела вложенная въ нее естественная сила, и не произошло при семъ никакого безпорядка, или смѣшенія: потому что Божественною премудростію по естественному свойству, какое дано каждому свѣтлу, установленъ у нихъ непреложный порядокъ, такъ что самую высшую страну занимають тѣ, которыя восходятъ вверхъ удобовижиѣ всякой высерь стремящейся сущности. И изъ сихъ опять свѣтила шныя, или поставлены въ среднѣ, или сдѣланы южными, или уклонились къ сѣверу, или заняли среднее между ними мѣсто, наполнили собою или млечный путь, или зодіакальный кругъ, и въ немъ опять производятъ или то или другое очертаніе созвѣздія; и опять въ созвѣздіи не самослучайно каждая изъ звѣздъ,

находящихся въ его очертаніи, имѣть положеніе или тамъ. или здѣсь; но куда привело равномѣрно вложенное въ звѣзду свойство, тамъ пребываетъ въ непреложномъ постоянствѣ по силѣ своего естества, согласно съ преобладающею премудростію Сотворнаго. Сіе и подобное сему таково, что умъ, взирая на это, приходитъ въ изнеможеніе, и осуждаетъ собственную свою лѣность, не имѣя силъ отыскать причину, почему трехдневнаго продолженія времени достаточно было къ отдѣленію такого числа звѣздъ; или какъ, по причинѣ безпредѣльнаго состава неподвижной сферы окружающей землю, въ среднѣй всего пространства великая Божія премудрость помѣстила солнечное естество, чтобы мы не жили совершенно во тмѣ, когда бы свѣтъ, изливаемый звѣздами, прежде нежели доходилъ до насъ, истощался въ промежуточномъ разстояніи. Посему-то освѣщающую силу солнечнаго естества поставила надъ нами на такой высотѣ, что лучъ не ослабляется великимъ разстояніемъ, и не дѣлается для насъ неприятнымъ по чрезмѣрной близости; а чтоъ вещественнѣе и грубѣе всего, чтоъ надъ нами, разумѣю тѣло луны, то поставлено ниже, обтекаетъ ближайшія къ землѣ страны; и естество сего тѣла оказывается чѣмъ-то среднимъ, равно надѣленнымъ и не свѣтящею и свѣтоносною силой. Ибо собственному свѣтенію луны препятствуетъ

грубость ея сущности, но при отраженіи солнечнаго луча оказывается она не вовсе лишненною свѣтоноснаго естества." Но хотя видѣть причину въ каждомъ изъ существъ проявляемой премудрости невозможнымъ дѣлаетъ бѣдность нашего естества; однакоже изъ порядка, указаннаго Законодателемъ въ твореніи существъ, усматривать нѣкоторую послѣдовательность сотвореннаго возможно, думаю, для тѣхъ, которые умѣютъ достаточно видѣть, что за чѣмъ должно слѣдовать, и по нѣкоторымъ догадкамъ сколько нибудь уразумѣть это.

Итакъ повторимъ послѣдовательный порядокъ созданій. А онъ есть слѣдующій: за предварившимъ все явленіемъ повсеместнаго и родоваго свѣта по его удободвижности послѣдовало округленіе тверди, опредѣленное круговымъ обращеніемъ огня. По отдѣленіи же отъ легкаго естества естество болѣе тяжелыхъ, послѣдовательно различаются между собою тяжелыя качества, раздѣленныя на землѣ и водѣ. А когда дольнее естество приведено въ устройство, тонкая, легкая, выспрь парящая сущность, потому что не вся она была сама въ себѣ однородною, въ промежуточное продолженіе протекавшаго времени, изъ общаго дѣлится на оцороцныя свойства; въ сей сущности образовавшееся безчисленное множество звѣздъ, по вложенному въ каждую часть естественному свойству, подымается на самыи

верхъ твари, и каждая звѣзда занимаетъ собственное свое мѣсто, не прекращая всегдашняго стремленія къ движенію и не выходя изъ того положенія, въ которомъ поставлена. Но какъ порядокъ звѣздъ неподвиженъ, такъ естество ихъ во всегдашнемъ движеніи. Въ слѣдъ за симъ, звѣзда, которая по стремительности своей занимаетъ второе мѣсто послѣ самой быстрой въ движеніи, получаетъ въ удѣлъ нишій кругъ: и опять третій и четвертый круги даже до седмаго удѣляются звѣздамъ по отношенію ихъ естества къ скорости: каждая въ такой же мѣрѣ понижается предъ вышешю, въ какой естество ея въ сравненіи съ звѣздами, которыя надъ нею, медленнѣе въ движеніи. Посему совершается это ~~въ четвертый день~~, не потому что тогда созданъ свѣтъ, но потому что свѣтоносное свойство совокупилось вокругъ естественнаго и свойственнаго ему, и явились, какъ прочія звѣзды, такъ и видимыя въ большемъ предъ прочими объемѣ, солнце и луна, бытіе которыхъ въ первоначальномъ основаніи заимствовало начало отъ свѣта, но составъ каждаго свѣтила приведець въ совершенство въ три дня; потому что все движущееся непременно движется во времени, и для взаимнаго между собою сложения частей нужно нѣкоторое продолженіе времени.

И посему великимъ Моисеемъ объ устройствѣ существъ все описано не въ послѣдователь-

наго порядка. Если предварительнымъ могуществомъ Создателя всему въ совокупности положено вещественное основаніе, частное же проявленіе видимаго въ мірѣ совершилось въ нѣкоемъ естественномъ порядкѣ и въ послѣдовательности въ определенное продолженіе времени. (Когда явился вообще свѣтъ, а теперь возсіяло все свѣтоносное естество въ особыхъ тѣлахъ, къ числу которыхъ принадлежатъ солнце и луна. И какъ вещества, имѣющія нѣкую текучую силу, хотя всѣ текутъ, но не всѣ по-этому непремѣнно между собою однородны, а напротивъ того каждое имѣетъ какую либо съ другимъ разность (напримѣръ масло, ртуть, вода, если кто смѣшавъ всѣ эти вещества выльетъ въ одинъ сосудъ, то по прошествіи непродолжительнаго времени, сперва сдѣлается виднымъ, что ртуть, такъ какъ тяжелѣе другихъ, и сильнѣе стремится въ низъ, собираетъ собственныя свои части, хотя бы и повсюду были онѣ разсѣяны: потомъ вода сливается сама съ собою; а потомъ частицы масла вышываютъ на верхъ всего, и составляютъ между собою); такъ, думаю, должно гадать и о томъ, что составляетъ предметъ нашего обозрѣнія, перемѣнивъ изъ сказаннаго въ примѣрѣ одно то, что, здѣсь въ веществахъ текучихъ совершающееся по причинѣ тяжести, тамъ въ естествѣ стремящемся выспрь оказывается происходившимъ въ обратномъ порядкѣ. Поселику при первона-

частьномъ основаніи существъ все по легкости стремилось высирь, сколько въ каждомъ веществѣ было скорости по силѣ, какая во все была вложена естествомъ: то слѣдовало взаимно стекаться всему имѣющему равную скорость: и также по мѣрѣ разной скорости одному отъ другаго отдѣляться, сколько сіе было свойственно и возможно. Посему, какъ въ примѣрѣ отдѣленіе силъ текучихъ веществъ своимъ размѣщеніемъ не произвело новыхъ веществъ, но уже бывшія и смѣшанныя между собою вещества показали, каждое въ его чистотѣ и одно отъ другаго отдѣльно: такъ и послѣ трехдневнаго продолженія времени не вновь созданы свѣтоносное естество и свѣтоносная сила солнца, но, какъ разлитыя по вселенной, отдѣлены и собраны въ самихъ себя.

Безиже потребуеть кто у насъ слова и о третіемъ небѣ, о которомъ ничего не написалъ Моисей, но которѣе видѣлъ Павелъ, и, бывъ на немъ, какъ бы въ какомъ святилищѣ премудрости, слышалъ неизглаголанное: то скажемъ, что не видѣ изслѣдовавшаго нами и оное третіе небо. Миѣ кажется, что великій Апостоль, простираясь ко всему, что видѣлъ предъ собою, престушивъ предѣлы всего чувственаго естества, вошелъ въ умозерцательное состояніе, такъ что его взглядъ на умопредставляемое сталъ совершенно не тѣлесный. Сіе и самъ онъ выражаетъ собственнымъ своимъ

словомъ, сказавъ: *аще въ тьмѣ, не вѣмѣ, аще ли кроетъ тьма, не вѣмѣ, Богъ вѣсть: восхитѣна бывша таково до третію небесе* (2 Кор. 12, 2.). Посему, думаю, что самый крайній предѣлъ чувственнаго міра Павелъ нарекъ третіимъ небомъ, раздѣливъ видимую вселенную на три части, и по обычаю Писанія каждый отдѣлъ наименовавъ небомъ. Ибо слово Писанія, по особому употребленію реченій, однимъ небомъ называетъ предѣлъ болѣе грубаго воздуха, до котораго возносятся облака, вѣтры и естество высокопарящихъ птицъ: потому что говоритъ и о небесныхъ облакахъ, и о птицахъ небесныхъ: и не просто называетъ сіе небомъ, но и съ присовокупленіемъ имени: *твердь*. Ибо говоритъ: *да изведутъ воды изъ души живыхъ, и птицы летящія по земли по тверди-небесной* (Быт. 1, 20.). Потомъ другимъ небомъ и твердію называетъ усматриваемое внутри неподвижной сферы, гдѣ совершаютъ путь свой подвижныя звѣзды. Ибо сказуетъ: *сотвори Богъ свѣтила великая. И положи я на тверди небесной, яко свѣтила на землю* (Быт. 1, 16. 17.). Всякому же, сколько шбудъ обращавшему вниманіе на устройство вселенной, явно, что все то пространство, въ оторомъ свѣтила вращаются при своемъ стремленіи выспрь, и самый крайній предѣлъ чувственнаго міра, эту границу умопредставляемой твари, Писаніе называетъ и твердію и небомъ.

Поэтому вождѣвавшій того, что выше слова, и не *смотрящій*, какъ повелѣваетъ и намъ, *видимыя: видима бо временна: невидима же вѣчна* (2 Кор. 4, 18.), куда восхитало его вождѣніе, туда и былъ вознесенъ сцѣлою. И когда указываетъ на сіе столько для него вождѣніе, вмѣсто того, чтобы сказать: *вѣли чело-вѣки*, который миновалъ всю чувственную тварь, и былъ въ святилищѣ умопредставляемаго естества, *яко изъ млада священна Писанія улывшій* (2 Тим. 3, 15.), обозначаетъ сіе словами Писанія, наименовавъ третімъ небомъ конецъ спухъ трехъ усматриваемыхъ во вселенной отдѣловъ. Ибо позади себя оставилъ воздухъ, прошелъ пути круговращенія наполняющихъ средѣ звѣздъ, миновалъ вершинъ сводъ эфирныхъ предѣловъ, и бывъ въ постоянномъ и умопредставляемомъ ествѣ, видѣлъ красоты рая, и слышалъ, чего человѣческое естество изречь не можетъ.

Сіе мы, челоѣкъ Божій, отвѣтствуемъ на предложенное намъ твоимъ благоразуміемъ, и выраженной Писанія не претворяя въ иносказаніе, имѣющее переносный смыслъ, и не оставивъ безъ изслѣдованія сдѣланныхъ намъ возраженій. Но сколько можно, принимая реченіе въ собственномъ его значеніи, при обзорѣ именованій державней мы послѣдовательной связи естества, и тѣмъ по возможности доказали, что нѣтъ никакихъ противорѣчій въ томъ,

что само съ собою согласно, хотя и представляется противорѣчнымъ при поверхностномъ чтеніи. Описывать же прочее, что совершенно въ продолженіи шестидневнаго міротворенія, почли мы дѣломъ напраснымъ, потому что высокое слово учителя не оставило не обозрѣннымъ ничего изъ подлежащаго изслѣдованію, кромѣ устройства человѣка, надъ чѣмъ прежде сего потрудившись въ особой книгѣ, послали мы твоему совершенству, и въ томъ словѣ и въ настоящемъ прося тебя и всѣхъ читателей не подумать, будто бы идемъ въ состязаніе съ усердіемъ учителя, напротивъ того и тамъ, воспомя, сколько было можно, недостававшее въ трудѣ его надъ шестодневомъ, присовокупили мы разсужденіе о человѣкѣ, а здѣсь позаботились написать сіе для требующихъ послѣдовательности въ томъ, что излагается въ Писаніи, чтобы вмѣстѣ, и сохранить буквальный смыслъ писаннаго, и съ буквою примирить естественное воззрѣніе. Еслиже въ сказанномъ недостаточно что; то безъ всякой зависти, и твое благоразуміе, и каждый изъ читателей довершите недостающее. Ибо дароношенію богатыхъ не препятствовало вложеніе двухъ лентъ вдовицъныхъ; и принесеніе Моисею для скинии кожи, дерева и волосы, не послужили препятствіемъ для предлагавшихъ въ даръ золото, и серебро, и драгоценныя камни. Посему и мы съ любовію примемъ, если

принесенное нами будетъ принято, хотя въ
качествѣ волосовъ, но только въ вашей ба-
гряницѣ, перетканной золотомъ, возложено бу-
детъ на слово верней одежды, которому имя:
слово, явленіе и истина, какъ говоритъ Моисей
(Лев. 8, 8.), уготовляя священнику новыя обла-
ченія, по повелѣнію Самаго Бога, Которому
подобаетъ слава и держава съ Единороднымъ
Сыномъ и Всесвятымъ Духомъ во вѣки вѣковъ,
аминь.

2. ОБЪ УСТРОЕНИИ ЧЕЛОВѢКА.

БРАТУ, РАБУ БОЖИЮ, ПЕТРУ ГРИГОРІИ, ЕПИСКОПЪ
ВІССКІИ.

—

Еслибы отличающихся добродѣтелию должно было вознаграждать цѣннымъ имуществомъ ; то цѣлый міръ, какъ говоритъ Соломонъ, оказался бы малымъ для того, чтобы стать равноцѣннымъ твоей добродѣтели ; потому что благодарность, должная твоей честности, выше цѣны богатства. Но святая насха требуетъ обычнаго дара любви , который приносимъ высокой дунгѣ твоей, человекѣ Божіи, хотя и оный меньше дара, какой слѣдовало бы принести тебѣ по достоинству, но не скудиѣ дара, какой только въ нашихъ силахъ. Даръ сей есть слово, подобное убогой пѣкной ризѣ, бѣднымъ нашимъ умомъ не безъ труда сотканной. Хотя содержаніе слова многимъ, можетъ

быть, покажется смѣлымъ, однакоже не почтутъ его неприличнымъ. Ибо Божіе твореніе достойно уразумѣлъ одинъ, подлинно созданный по Богу, и душу свою по образу Сотворшаго образовавній, Василии, общій нашъ отецъ и учитель, высокое устройство вселенной обзрѣнемъ своимъ содѣлавній для многихъ удобопонятнымъ, и съ симъ міромъ, который сотворенъ Богомъ по истинной премудрости, ознакомивній приведенныхъ къ созерцанію его мудростию. Но мы, не въ силахъ будучи и дивиться ему не достоинству, съ тѣмъ вмѣстѣ задумали присоветовать, чего не доставало въ обзрѣніи Великаго, не съ тѣмъ, чтобы своимъ подлогомъ опорочить его трудъ (ибо не позволительно оскорблять оныя великія уста, приписывая имъ наши слова), но чтобы не подать мысли, будтобы слава учителя оскудѣла въ его ученикахъ. Такъ какъ въ шестодневѣ не достаетъ разсужденія о чловѣкѣ; то еслибы никто изъ учениковъ его не приложилъ старанія восполнить сей недостатокъ, справедливо послужило бы сіе поводомъ къ укоризнѣ, вопреки великой его славы, будто не хотѣлъ онъ образовать въ слушателяхъ какой либо разумной способности. Теперь же, когда осмѣлились мы, по мѣрѣ силъ, изложить недостающее, если въ трудѣ нашемъ найдется нѣчто какъ бы не недостойное его ученія, то, безъ сомнѣнія, будетъ сіе отнесено къ учи-

тельно. Если же слово наше не достигнетъ высоты его взгляда, то не падеть на него обвиненіе, и избѣжить укоризны, будго бы не хотѣлъ ученикамъ сообщить чтолибо дѣльное: а мы справедливо окажемся повинными предъ ищущими предлоговъ къ укоризнѣ, какъ въ тѣснотѣ сердца своего не вѣстившіе мудрости наставника.

Не малоцѣнна же предлагающая намъ въ обзорѣицѣ цѣль, не уступаетъ она первенства ни одному изъ чудесъ міра; а, можетъ быть, и важнѣе всего нами познаваемаго; потому что ни одно другое существо не угодобляется Богу, кромѣ этой твари—человѣка. Посему, что ни скажемъ, у благопризнательныхъ слушателей за все готово уже намъ извиненіе, если будетъ слово наше и гораздо ниже достоинства. Ибо, говоря о человѣкѣ, думаю, не должно оставлять неизслѣдованнымъ и того, что, какъ вѣруемъ, было съ нимъ прежде, и того, что, какъ ожидаемъ, будетъ еще впродъ, и того, что усматриваемъ въ немъ нынѣ. Иначе стараніе наше окажется не соответствующимъ данному обѣщанію, если, когда предметомъ обзорѣиція человѣкѣ, отложено будетъ въ сторону чтолибо относящееся къ этому предмету. Да и что въ человѣкѣ представляется противорѣчущимъ по несходству съ бывшимъ въ немъ первоначально, тогда какъ теперь по какой-то необходимой послѣдовательности усма-

тривается естественнымъ, надѣжить, по указанію Писанія и по соображенію выведенному изъ умозаключенія, согласить такъ, чтобы все изложенное было въ связи и порядкѣ, все показывало, что и кажущееся противорѣчающимъ направлено къ одной и той же цѣли, и Божіе могущество находить надежду безнадежному и исходъ невозможному. Для легкости же признавъ я лучшимъ предложить тебѣ слово, раздѣливъ на главы, чтобы содержаніе всего сочиненія могъ ты видѣть кратко въ содержаніяхъ каждой отдѣльной части.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

въ которой заключаются нѣкое частное естествословіе міра, и болѣе привлекательное изображеніе предшествовавшаго бытію чловѣка.

Сія книга бытія небесе и земли, говоритъ Писаніе (Быт. 2. 4.), когда совершилось все видимое, и каждое изъ существъ отдѣльно заняло свойственное ему положеніе, когда небесный сводъ кругомъ объялъ собою вселенную, а въ срединѣ ея нашли себѣ мѣсто тѣла тяжелья и стремящіяся внизъ, земля и вода, взаимно другъ другомъ поддерживаемыя. Нѣкою же связію и скрѣпною сотвореннаго въ естество существъ вложены божественное художество и божественная сила, сею двойкою

дѣйствительною правящія вселенною. Ибо покоемъ и движеніемъ сообщили они бытіе несуществующему и продолженіе бытія существующему, около того, что въ неподвижномъ естествѣ тяжелаго и непреложнаго, какъ бы около какой неподвижной оси, приводя въ самое быстрое движеніе полось, круговращающійся подобно колесу, взаимно въ томъ и другомъ соблюдая неразрушимость: потому что круговращаемая сущность скоростію движенія плотность земли сжмаетъ въ нѣчто круговидное, а твердость и упорство непремѣнною неподвижностію непрерывно поддерживаетъ движеніе вращающагося около нея. Дѣйствительно же снвъ противоположностей и неподвижнымъ естествомъ, и незнающимъ покоя круговращеніемъ, производится въ томъ и другомъ равный избытокъ: потому что, и земля не прелагается съ собственнаго своего основанія, и небо не умаляетъ и не ослабляетъ стремительности движенія. И что сіе прежде всего уготовано премудростію Сотворнаго, какъ нѣкое начало всего устройства существъ, на это, какъ думаю, указуя, великій Моисей сказагь: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1.), то есть, всѣ явленія въ твари, порождаемыя движеніемъ и покоемъ, и по Божію изволенію приведенныя въ бытіе. Итакъ, поелку небо и земля совершенно противоположны другъ другу, по противоположности

нхъ дѣйственности: то тварь, занимающая средину между противоположными, заимствуясь частью отъ прилежащаго, посредствуетъ собою между крайностями, такъ что явнымъ дѣлается чрезъ эту среду взаимное соприкосновеніе противоположностей. Хотя легкостію естества и способностію къ движенію и воздухъ уподобляется нѣсколько приподвижности и легкости огненной сущности; однакоже и не таковъ, чтобы ему быть чуждымъ сродства съ веществами плотными, какъ непробывающій всегда неподвижнымъ, и не текущій, неразсѣвающійся непрестанно; а напротивъ того, имѣя общія свойства съ тѣмъ и другимъ, служить какъ бы взаимною какою границею противоположностей дѣйствованій, въ себѣ самомъ смѣшивая вмѣстѣ и раздѣляя то, что по естеству противоположно. Но тому же закону и влажная сущность двоякими качествами связуется съ каждымъ изъ противоположныхъ естествъ: ибо тѣмъ, что тяжела и стремится внизъ, въ великомъ сродствѣ съ естествомъ земнымъ, а тѣмъ, что обладаетъ какою-то орошающею и проникающею дѣйственностію, не вовсе отчуждена отъ естества движимаго, но есть какое-то стеченіе и смѣшеніе противоположностей, тяжести предложенной въ движеніе, и движенія не связаннаго тяжестію, такъ что и противоположное естествомъ другъ другу на самыхъ крайнихъ предѣлахъ одно съ дру-

гимъ соединено посредствующимъ. Лучше же, говоря точнѣе, самое естество вещей противоположныхъ по свойствамъ не вовсе далеко отъ смѣшенія съ естествомъ другихъ качествъ; почему, думаю, все являющееся въ мірѣ одно къ другому склонно, и тварь, оказывающаяся съ противоположными свойствами, сама съ собою согласна. Поелнку движеніе, не какъ одна переменна мѣста понимается, усматривается же оно и въ превращеніи и въ измѣненіи; и оная естество непреложное не допускаетъ движенія въ измѣненіи; то премудрость Божія, замѣнивъ свойства одни другими, приснодвижное содѣлала непреложнымъ, а неподвижное превратнымъ, устроивъ это, вѣроятно, по особой промыслительности, чтобы такія свойства естества, каковы непревратность и непреложность, оказавшись въ одной изъ видимыхъ тварей, не заставили и тварь сію признавать Богомъ. Ибо нельзя предполагать божества въ томъ, что движимо или измѣняемо. Посему-то земля, хотя стоитъ, но нечужда превратностей; а небо напротивъ того, не будучи превратнымъ, не имѣетъ неподвижности; такъ какъ божественная сила, сопрягши съ неподвижнымъ естествомъ превратность, а съ превратнымъ движимость, обмѣномъ свойствъ оба сіи естества сроднила между собою, мысль же о божественности ихъ содѣлала чуждою для нихъ; потому что, какъ сказано, ничто подобное, то

есть, и движимое и измѣняемое не признается за естество божественное.

Итакъ все уже достигло своего конца. Ибо, какъ говоритъ Моисей, *совершишися небо и земля* (Быт. 2, 1.), и все, что между ними, и это, отдѣльно взятое, украсилось соотвѣтствующею лѣнотою, небо лучезарностию свѣтилъ, море и воздухъ плавающими и летающими животными, земля разнообразіемъ всякаго рода растений и четвероногихъ; все это произвели изъ себя вдругъ въ одно и тоже время, получивъ на то силы по Божію изволенію; и земля исполнилась красотъ, процрастивъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ и плоды, наполнились луга всѣмъ, что видимъ на лугахъ, всѣ утесы и горныя вершины, всякій склонъ и всякая покатость, все, что во внадинахъ, увѣнчалось зазелѣнѣвшею травою и красивыми деревьями, едва только показавшимися изъ земли, и вдругъ достигшими совершенной красоты. Возвеселилось же, вѣроятно, все, и разыграли Божіимъ повелѣніемъ созданныя животныя, стадами и по родамъ бродяція по лѣсамъ; пѣніемъ пѣвчихъ птицъ повсюду огласилось все, что было густо покрыто и оцѣнено деревьями. Но видъ моря, какъ слѣдовало, былъ нѣсколько шаковъ, и таковъ, что во множествѣ заливовъ море пребывало въ тишинѣ и покоѣ, и по Божію изволенію затинья и пристани, сами собою углубившись въ берега, приобучали море къ сушѣ;

и тихія движенія волнъ спорили въ красотѣ съ дугами, между тѣмъ какъ легкіе и безвредныя вѣтерки на одной только поверхности производили пріятную для взоровъ рябь. И все богатство твари готово было и на землѣ и на морѣ, но не было еще, кому пользоваться этимъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Почему человекъ послѣдній въ твореніи?

Такъ великая эта и досточестная тварь—человекъ не обиталъ еще въ мірѣ существъ: потому что не естественно было начальнику явиться прежде подначальныхъ: но послѣ того, какъ уготовано сперва владѣніе, слѣдовало показать и царя. Посему, когда Творецъ вселенной, какъ бы царскій вѣжій чертогъ, устроилъ имѣющему царствовать, и это — были самая земля, острова, море и на подобіе крыши сведенное надъ ними небо: тогда въ царскіе эти чертоги собрано было всякаго рода богатство: богатствомъ же называю всю тварь, все растенія и произбітія, все, что чувствуетъ дышеть, имѣетъ душу. Еслиже къ богатству причислить надобно и вещества, какія только по какой либо доброцѣтности въ глазахъ человѣческихъ признаны драгоценными, наиримѣръ: золото и серебро и тѣ изъ этихъ камней,

которые любезны подячь; то обиліе всего этого, какъ бы въ царскихъ пѣкинхъ сокровищницахъ, сокрывъ въ пѣдрахъ земли, потому уже показывается въ мірѣ человѣка, будущаго, заключающагося въ немъ чудесъ, частію зрителя, а частію владыку, чтобы при наслажденіи пріобрѣлъ онъ познаніе о Подателѣ, а по красотѣ и величію видимаго изслѣдовавъ неизреченное и превышающее разумъ могущество Сотворнаго. Посему-то человѣкъ введенъ послѣднимъ въ твореніе, не потому что, какъ нестоящій, отринуть на самый конецъ, но потому что вмѣстѣ съ началомъ бытія долженъ былъ стать царемъ подчиненныхъ. Какъ добрый гостепріимецъ до приготовленія сѣдей не вводитъ гостя къ себѣ въ домъ, но, приготовивъ все благоприлично: убравъ, какими слѣдовало, украшеніямъ домъ, ширшественную горницу, транезу, припасши уже пригодное для пищи, принимаетъ у себя сошршественника: подобнымъ сему образомъ богатый и щедрый Угоститель естества нашего, всякаго рода красотами убравъ это жилище, уготовивъ этотъ великій и вѣкъ снабженный ширъ, потомъ уже вводитъ человѣка, вмѣшивъ ему въ занятіе не пріобрѣтать то, чего еще нѣтъ, но наслаждаться тѣмъ, что уже есть. Поэтому въ основаніе устройства полагаетъ въ немъ сугубое начало, смѣшавъ съ земнымъ божественное, чтобы ради того и другаго имѣть ему

наслажденіе, какое сродно и свойственно тому и другому, наслаждаясь и Богомъ по естеству божественному, и земными благами по однородному съ ними чувству.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О томъ, что человѣческое естество достоинство всякой видимой твари.

Достойно же нашего обозрѣнія и то, что, когда полагаемо было основаніе столь страшному міру и основнымъ его частямъ, вошедшимъ въ составъ цѣлаго, твореніе совершалось какъ бы свѣдно, приводимое въ бытіе божественнымъ могуществомъ, вдругъ совокупно изрекаемымъ повелѣніемъ. Устроенію же человѣка предшествуетъ совѣтъ, и Художникомъ по начертанію слова предызображается будущее созданіе, и каково должно быть оно, и какого первообраза носить на себѣ подобіе: и для чего оно будетъ, и что произведетъ по сотвореніи, и надъ чѣмъ ему господствовать, — все это предусматриваетъ Слово, чтобы человѣкъ пріялъ достоинство, которое выше его бытія пріобрѣлъ власть надъ существами прежде, нежели самъ пришелъ въ бытіе. Ибо сказано: *и рече Богъ: сотвори мѣ человека по образу Нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими, и звѣрми*

земными и птицами небесными, и скотами и всюю землею (Быт. 1, 26.). Какое чудо! Устраивается солнце, и никакого не предшествуетъ совѣта, также и небо, хотя нѣтъ ничего ему равнаго въ сотворенномъ, и такое чудо создается единымъ реченіемъ, о томъ же, изъ чего и какъ, и о чемъ либонномъ сему подобномъ, не сказано ни слова. Такъ и все, взятое порознь, зѣирь, звѣзды, наполняющіи средину воздухъ, море, земля, животныя, растенія,—все приводится въ бытіе словомъ. Къ одному только устройенію челоуѣка Творецъ вселенной приступаетъ, какъ бы съ разсмотрительностію, чтобы и вещество приготовить для его состава, и образъ его уподобить первообразной нѣкою красотѣ, и предназначить цѣль, для которой будетъ онъ существовать, и создать естество соотвѣтственное ему, приличное его дѣятельности, пригодное для предположенной цѣли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

☞ томъ, что устройеніе челоуѣка во всемъ даетъ видѣть начальственную его власть.

Какъ въ этой жизни художники даютъ видъ орудію соотвѣтственно его потребности; такъ наилучшій Художникъ создалъ наше естество.

какъ иѣкій сосудъ, пригодный для царственной дѣятельности, и по душевнымъ преимуществамъ, и по самому тѣлесному виду, устроивъ его такимъ, какимъ нужно быть для царствования. Ибо душа прямо показываетъ въ себѣ царственность, и возвышенность, и великую далекость отъ грубой низости тѣмъ самымъ, что она, не подчиняясь, свободно, полновластно располагаетъ своими желаніями. А это кому иному свойственно кромѣ царя? И сверхъ того содѣлаться образомъ Естества всеѣмъ владычествующаго — не иное что значить, какъ при самомъ созданіи немедленно стать естествомъ царственнымъ. Ибо какъ по человѣческому обычаю приготовляющіе изображенія державныхъ и черты лица снимаютъ вѣрно, и облеченіемъ въ порфиру показываютъ царское достоинство, и изображеніе называется обыкновенно царемъ; такъ и человѣческое естество, поелику приуготовлялось для начальствованія надъ другими, по причинѣ подобія Царю вселенной, выставлялось какъ бы иѣкимъ одушевленнымъ изображеніемъ, то общія съ Первообразомъ имѣло и достоинство и имя; но не въ порфиру было облечено, не скинтромъ и діадимою показывало свой санъ (сего иѣтъ и у Первообраза), а вмѣсто багряницы облечено добродѣтелию, что царственнѣе всеѣхъ одеждъ, вмѣсто скинтра утверждено блаженствомъ безсмертія, вмѣсто царской діадемы украшено вѣн-

цемъ правды, такъ что, въ точности унодобляясь красотѣ Первообраза, всеѣмъ доказывало царскій свой санъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О томъ, что человекъ есть подобіе Божіей царственной власти.

Божественная же красота не во виѣниихъ чертахъ, не въ пріятномъ складѣ лица и не какою либо доброцвѣтностію сіяеть, но усматривается въ невыразимомъ блаженствѣ добродѣтели. Посему, какъ живописцы представляютъ на картинѣ человѣческія лица красками, стирая для сего такія цвѣтовъ краски, которыя близко и соотвѣтственно выражаютъ подобіе, чтобы красота подлинника въ точности изобразилась въ спискѣ: такъ представь себѣ, что и нашъ Звждитель, какъ бы наложеніемъ нѣкоторыхъ красокъ, то есть добродѣтелями, разцвѣтилъ изображение до подобія съ собствешною Своею лѣнотою, чтобы въ насъ показать собственное Свое начальство. Многовидны и различны сіи какъ бы краски изображенія, которыми живописуется петинный образъ: это—не румянецъ, не бѣлизна, не какое либо смѣшеніе сихъ цвѣтовъ одного съ другимъ, не черныи какой либо очеркъ, изображающій брови и глаза, не какое либо сраствореніе красокъ, отгѣняющее углубленныя черты, и не что либо подобное всему тому, что искусственно произведено руками

живописцевъ, но вмѣсто всего этого—чистота, безстрастіе, блаженство, отчужденіе отъ всего худаго, и все съ нимъ однородное, чѣмъ изображается въ человѣкѣ подобіе Божеству. Такими цвѣтами Творецъ собственнаго Своего образа живописалъ наше естество. Если же отыщешь и другія черты, которыми обозначается Божественная лѣнота, то найдешь, что и оныхъ подобіе въ нашемъ образѣ сохраняется въ точности.

Божество есть умъ и слово; ибо *въ началѣ бѣ слово* (Іоан. 1, 1.), и Пророки, по словамъ Павла, умъ Христовъ имѣютъ (1 Кор. 2, 16.), глаголющій въ шувъ (2 Кор. 13, 3.). Недалеко отъ сего и естество человѣческое. Видишь въ себѣ и слово и разумъ, подобіе подлиннаго Ума и Слова. Богъ есть также любовь и источникъ любви; сіе говоритъ великій Іоаннъ: *любовь отъ Бога есть, и Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 7. 8.). Это Знатель и нашего естества содѣлалъ отличительною чертою. Ибо говоритъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35.). Следовательно, гдѣ нѣтъ сеіи любви, тамъ претворены всѣ черты образа. Божество надъ всѣмъ назираетъ, все слышитъ, все испытуетъ, и ты пріобрѣтаешь понятіе о существахъ, посредствомъ зрѣнія и слуха, и имѣешь разумъ, способный дѣлать разысканія и изслѣдованія о существахъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Исѣдованіе о способѣ ума съ естествомъ, гдѣ мимоходомъ
обичнѣега ученіе Аномевъ.

Никто да не подумаетъ, будтобы утверждаю, что Божество, подобно человѣческому образу дѣйствія, различными силами постигаетъ существа. Ибо въ простогѣ Божества не возможно представлять себѣ различія и многовидности познавательной дѣятельности. И у насъ нѣтъ какихъ либо многихъ познавательныхъ силъ, хотя и многообразно постигаемъ чувствами то, что живетъ. Одна у насъ сила, это—вложенный въ насъ умъ, обнаруживающійся въ каждомъ изъ чувствилницъ и объемлющій существа. Онъ посредствомъ глазъ видитъ явленіе, посредствомъ слуха уразумѣваетъ сказанное, любитъ пріятное и отвращается того, что не доставляетъ удовольствія; дѣйствуетъ рукою, какъ ему угодно, беретъ или отталкиваетъ ея, какъ признаетъ что для себя полезнымъ, пользуясь для этого содѣйствіемъ сего орудія. Посему, если у человѣка, хотя и различны орудія, устроенныя природою для чувства, но во всѣхъ дѣйствующихъ, всѣмъ движущій, и пользующійся каждымъ орудіемъ, сообразно съ предположенною цѣлію, одинъ: и онъ различіемъ въ образѣ дѣйствій не измѣняетъ естества; то возможно

ли полагать въ Богѣ при многообразныхъ силахъ многочастность сущности? Ибо *создавый око, и насаждаей ухо*, какъ говоритъ Пророкъ (Ис. 93, 9.), сн дѣятельности, какъ бы отличительныя нѣкоторыя черты, въ образецъ того, что въ Немъ Самомъ, напечатлѣвъ въ природѣ челоуѣка. Онъ говоритъ: *сотворилъ челоуѣка по образу Нашему* (Быт. 1, 26.).

Но гдѣ же у насъ ересь Аномеевъ? Что скажутъ они на такое изреченіе? Какъ послѣ сказаннаго спасутъ пустоту своего ученія? Скажутъ ли, что возможно одному образу угодобляться различнымъ лицамъ? Если Сынъ не подобенъ Отцу по естеству, то какъ устроитъ одинъ образъ различныхъ естествъ? Сказавшій: *сотворилъ челоуѣка по образу Нашему*, и множественнымъ числомъ обозначившій святую Троицу, не уомянулъ бы объ образѣ въ числѣ единственномъ, если бы Первообразы были не подобны одинъ другому: потому что тѣмъ, которые несходны другъ съ другомъ, не возможно показать себя въ одномъ подобіи. Напротивъ того, если различны были естества, то, безъ сомнѣнія, составили бы и различные образы, создавъ соотвѣтственный каждому естеству образъ. Но поелику, хотя образъ одинъ, Первообразъ же образа не одинъ; кто будетъ столько неразуменъ, чтобы не признать Первообразовъ одного другому подобными, и непременно между собою сходными? Посему то, мо-

жесть быть. Слово при самомъ устроении чело­вѣческой жизни, отсѣкая эту злую мысль, говоритъ: *сотворилъ человека по образу и по подобію Нашему*.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Почему чело­вѣкъ шлеть природою оружіи и покрововъ?

Но что значить эта прямизна стана? Почему тѣлу не прирождены силы, служащія къ охраненію жизни? Напротивъ того чело­вѣкъ вво­дится въ міръ лишеннымъ естественныхъ при­крытій, какимъ-то безоружнымъ и бѣднымъ, имѣющимъ нужду во всемъ потребномъ для жизни, достойнымъ, повидимому, болѣе сожа­лѣнія, нежели ублаженія. Не имѣетъ ни роговъ для защиты, ни острыхъ когтей, ни копытъ, ни зубовъ, ни какого либо жала, отъ природы снабженнаго смертоноснымъ ядомъ, чѣмъ обла­даютъ многія животныя для защиты отъ оскорб­ляющихъ, и не покрыго у него тѣло волося­ною оболочкой: хотя поставленному началь­ствовать надъ другими надлежало отъ природы быть огражденнымъ собственными своими ору­жіями, чтобы для собственной своей безопас­ности не имѣть нужды въ помощи другихъ. А теперь левъ, верь, тигръ, барсъ, и другія подобныя животныя, отъ природы имѣютъ до­статочную силу для своего спасенія. И волю

рога, и зайцу скорость, и серпъ легкїи скачекъ и зоркость глазъ, иному какому либо животному величина, другимъ хоботь, птицамъ крылья, пчелѣ жало, и всѣмъ непремѣнно дается, какъ обычно, природою что либо для ихъ спасенія. Одинъ только человекъ всѣмъ быстроногихъ медлительнѣе, великорослыхъ ниже, обезопасенныхъ прирожденными оружіями беззащитнѣе.

Какъ же, спроситъ иный, такому дано въ удѣлъ начальство надъ всѣми? Но не труднымъ почитаю доказать, что видимая недостаточность нашего естества и служить предлогомъ къ обладанію надъ подчиненными. Если бы у человека столько было силы, что скоростію перегонялъ бы онъ коня, не стиралъ ничѣмъ жесткимъ ноги, защищенной какими либо оружіями или копытами, имѣлъ у себя рога, жало, когти; то, во первыхъ, при такихъ прирожденных тѣлу его отличіяхъ былъ бы онъ какимъ-то звѣрскимъ и неприступнымъ; а потомъ пренебрегалъ бы начальствомъ надъ другими, нимало не нуждаясь въ содѣйствіи подчиненныхъ. Теперь же для того именно жизненные потребности раздѣлены на каждого изъ подчиненныхъ намъ, чтобы начальство надъ ними сдѣлать для насъ необходимымъ. Медлительность и неудободвижность тѣла ввели въ потребность и обуздали коня; нагота плоти сдѣлала необходимою попечительность объ овцахъ,

которая съ нихъ ежегодною данію волны восполняетъ недостатокъ нашего естества. Нужда, изъ другихъ странъ привозить къ намъ припасы для жизни, для такихъ услугъ запрягла вьючныхъ животныхъ. Невозможность, подобно прочимъ животнымъ, питаться травою содѣлала подручнымъ намъ въ жизни вода, который трудами своими облегчаетъ намъ жизнь. Поселку же для борьбы съ какимъ либо изъ другихъ животныхъ, наносящихъ намъ вредъ зубами, потребно было имѣть зубы и грызться; то пещъ въ нашу потребностъ вмѣстѣ со скоростію представилъ собственный свой родъ, ставъ для человѣка какъ бы одушевленнымъ мечемъ. А что крѣпче ограда роговъ, пронзительнѣе остроты когтей, то придумано людьми, — это желѣзо, которое не всегда при насъ, какъ рога и когти у звѣрей, но, при времени помощи намъ въ борьбѣ, остается потомъ само по себѣ. И вмѣсто крокодиловой чешуи можно и человѣку сдѣлать изъ нея оружіе, на время прикрывшись этою кожею. Если же пѣтъ ея, то искусствомъ обращается въ нее и желѣзо, которое, оказавъ временную услугу на войнѣ, свободнымъ отъ бремени оставляетъ война въ мирное время. Услуживаютъ намъ въ жизни и крылья птицъ такъ, что по примышленію своему не уступаемъ въ скорости пернатымъ. Однѣ изъ нихъ дѣлаются ручными, и помогаютъ ловцамъ; другія же ими умышленно при-

обходимымъ употреблять въ пособіе, что
ручно намъ. Ибо изъ этого можемъ при
лать покойную для ногъ обувь.

ГЛАВА ОСМАЯ.

Почему у человѣка прямой станъ, и о томъ, что руки даны для
слова, а вѣсть и ученіе любознѣнія о различіи душъ.

У человѣка станъ прямой, лице обращено
къ небу, и смотритъ онъ горѣ; а сими озна-
чается его право начальствовать и царское
достоинство. Ибо то самое, что изъ живыхъ
существъ таковъ одинъ только человѣкъ, у
всѣхъ же прочихъ тѣла пошлѣи долу, ясно
доказываетъ различіе въ достоинствѣ преключившихся
вредѣ владычествомъ и возвысившейся надъ ними власти.
У всѣхъ прочихъ передніе члены суть ноги, потому что нагбен-
ное имѣетъ нужду въ опорѣ. А въ устройствѣ
человѣка члены сіи стали руками. Ибо въ по-
требность прямому стану достаточно было од-
ного основанія, такъ какъ и двумя ногами без-
опасно подпирается онъ во время стоянія.

Сверхъ того содѣйствіе рукъ помогасть и потребности слова. И кто услугу рукъ называетъ особенностію словеснаго естества, тотъ не совѣмъ погрѣшнѣтъ. Обращаясь умомъ, не только къ этой общей и съ перваго взгляда представляющейя мысли, что при даровитости рукъ означаемъ мы слово знаменами (ибо не чуждо въ насъ словеснаго дара и это, — говорить посредствомъ знаменъ, и нѣкоторымъ образомъ бесѣдовать рукою, сохраняя звуки въ буквенныхъ очертаніяхъ); но имѣя въ виду и другое, утверждаю, что руки содѣйствуютъ произнесенію слова.

Лучше же сказать, прежде нежели начнемъ изслѣдованіе о семъ, обратимъ вниманіе на сказанное выше: ибо едва не забыли мы того порядка въ твореніи, по которому предшествуетъ прозябаніе растеній изъ земли, а за симъ послѣдуютъ безсловесныя животныя, и потомъ по устроеніи ихъ — человекъ. Ибо дознаемъ изъ сего, не только, можетъ быть, представляющееся съ перваго взгляда, а именно, что Творцу оказались полезными для животныхъ трава, а для человека — скоты, почему созданы прежде животныхъ травоядныхъ — ихъ пища, а прежде человека — годное къ тому, чтобы служить человеческой жизни. Но мнѣ кажется, что Моисей излагаетъ въ этомъ нѣкое сокровенное ученіе, и таинственно сообщаетъ лобомудріе о душѣ, о которомъ мечтала и

вѣдѣнія ученость, но не уразумѣвала его въ ясности. Ибо слово учить насъ сямъ, что въ трехъ различіяхъ усматривается жизненная и душевная сила. Есть нѣкая сила растительная только и питательная, пріемля годное къ обращенію питаемаго, называется она естественною, и усматривается въ растеніяхъ; потому что и въ произрастающемъ можно примѣчать нѣкую жизненную силу, лишнюю чувства. Но кромѣ сего есть другой видъ жизни, которому принадлежитъ и первый, и къ нему присоединена способность управлять собою по чувству: такова жизнь въ естествѣ безсловесныхъ: они, не питаются только и растутъ, но имѣютъ чувственную дѣятельность и чувственное пониманіе. Совершенная же жизнь въ тѣлѣ усматривается въ естествѣ словесномъ, разумѣю естество человѣческое, питаемое, чувствующее, имѣющее даръ слова и управляемое разумомъ.

Пусть же у насъ принято будетъ въ словѣ такое дѣленіе: изъ существъ иное есть нѣчто умопредставляемое, а иное тѣлесное, но дѣленіе умопредставляемаго на собствешныя ему части отложено въ сторону: потому что не о немъ у насъ рѣчь. А изъ тѣлеснаго иное во все лишено жизни, иное же причастно жизненной дѣятельности. Опять изъ тѣлъ живыхъ, иное живетъ имѣя чувства, а иное лишено чувства. Потомъ чувствительное раздѣляется

опять на словесное и бесловесное. Посему законодатель говоритъ, что послѣ неодушевленнаго вещества, какъ бы въ нѣкое основаніе существъ одушевленныхъ, прежде всего образована эта естественная жизнь, осуществившаяся въ прозябаніи растеній, потомъ вводитъ въ бытіе тварей управляемыхъ чувствомъ. И послѣ по сей послѣдовательности изъ пріярившихъ жизнь тѣлесную иные могутъ быть чувствующими себя и безъ разумаго естества, а естество словесное не иначе можетъ быть въ тѣлѣ, какъ въ раствореніи съ чувственнымъ; то по сей причинѣ послѣднимъ послѣ растеній и животныхъ устроены человѣкъ, такъ что природа какимъ-то путемъ послѣдовательно восходила къ совершенству. Ибо всякаго вида души срастворены въ этомъ словесномъ животномъ — человѣкѣ. По естественному виду души онъ питается, съ растительною же силою соединена чувствительная, по природѣ своей занимающая средину между умопредставляемою и вещественною сущностію, въ такой мѣрѣ грубѣйшая первой, въ какой она чище послѣдней. Потомъ съ тѣмъ, что есть тонкаго и свѣтоноснаго въ ествѣ чувствующемъ, совершается нѣкое освоеніе и сраствореніе умопредставляемой сущности, чтобы человѣкъ составленъ былъ изъ силъ трехъ ествъ.

Такъ подобное сему дознали мы отъ Апостола, когда говорилъ онъ Ефесеямъ, желая

имъ да сохранится всесовершенная благодать и тѣла и души и духа въ пришествіе Господа (1 Сол. 5, 23.), и шитательную часть называя тѣломъ, чувствующее означая словомъ: душа, а умопредставляемое словомъ: духъ. А также и Господь научаетъ въ Евангеліи книжника предпочитать всякой заповѣди любовь къ Богу, свидѣтельствуемую отъ всего сердца, отъ всей души, и всѣмъ помышленіемъ (Лук. 10, 27.). Ибо и здѣсь, мнѣ кажется, слово Писанія объявляетъ ту же разность, сердцемъ называя состояніе тѣлесное, душою естество среднее, а помышленіемъ высшую умопредставляемую и творческую силу. Отсюда Апостолъ знаетъ три различныя произволенія, и именуеть плотскимъ то, которое занимается чревомъ и его услажденіями; душевнымъ, которое въ среднѣхъ между добродѣтелию и порокомъ, возвышается надъ порокомъ, но не вполне причастно добродѣтели, и духовнымъ, которое имѣетъ въ виду совершенство житія по Богу. Почему Коринѣянамъ, порицая ихъ предашность забавамъ и страстямъ, говорить: *плотстѣи есте* (1 Кор. 3, 3.), и не можете вмѣстить въ себѣ совершеннѣйшихъ ученій. Въ другомъ же мѣстѣ, дѣлая нѣкое сличеніе произволенія средняго съ совершеннымъ, говорить: *душевенъ же человекъ не пріемлетъ яже Духа: юродство бо ему есть. Духовный же востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единого востязуется* (1 Кор.

2, 14. 15.). Посему какъ душевныйъ выше плотскаго, такъ въ томъ же отношеніи духовныйъ превъшаетъ душевнаго.

Итакъ если Писаніе говоритъ, что человекъ созданъ былъ послѣднимъ послѣ всего одушевленнаго, не иное что означается симъ, какъ то, что Законодатель побомудрствуетъ о душѣ нашей по необходимой нѣкосіи послѣдовательности въ порядкѣ, въ окончателномъ усматривая совершенное. Ибо въ словесномъ заключается и прочее, а въ чувственномъ есть, безъ сомнѣнія, и естественное, послѣднее же усматривается только вещественнымъ. Посему природа естественнымъ образомъ, какъ бы по степенямъ, разумѣю отличительныя свойства жизни, дѣлаетъ восхожденіе отъ малаго къ совершенному.

И поелку человекъ есть словесное нѣкое живое существо, то нужно было устроить тѣлесное орудіе, соотвѣтственное потребности слова. Какъ видимъ, что музыканты съ родомъ орудіи соображаютъ и музыку, на лирѣ не свиряютъ, и свирѣли не употребляютъ вмѣсто гуслей: такъ, подобнымъ сему образомъ, и для слова нужно было соотвѣтственное устройство орудіи, чтобы, согласно съ потребностію реченіи, изглашалось слово, образуемое голосными членами. Для сего-то приданы тѣлу руки. Ибо, если можно насчитать тысячи жизненныхъ потребностей, въ которыхъ эти до-

сужія и на многое достаточныя орудія рукъ полезны для всякаго искусства и всякой дѣятельности, съ успѣхомъ служа въ мирное и военное время; то преимущественно предъ прочими нуждами природа придала ихъ тѣлу ради слова.

Если бы человѣкъ лишился былъ рукъ, то у него, безъ сомнѣнія, по подобію четвероногихъ, соотвѣтственно потребности питаться устроены были бы части лица, и оно было продолговато, и утончалось къ поздырь: у рта выдавались впередъ губы мозолистыя, твердыя и толстыя, способныя щипать траву. Между зубами вложенъ былъ языкъ, отличный отъ теперешняго, мясистый, упругій и жесткій, помогающій зубамъ, или влажный и по краямъ мягкій, какъ у собакъ и прочихъ сырокожныхъ животныхъ, вращающійся въ промежуткахъ остраго ряда зубовъ. Посему, если бы у тѣла не было рукъ, то какъ образовался бы у него членораздѣльный звукъ, когда устройство рта не было бы приспособлено къ потребности произношенія? Безъ сомнѣнія, необходимо было бы человѣку, или бляеть, или мычать, или лаять, или ржать, или ревѣть подобно воламъ и осламъ, или издавать какое либо звѣрское рыканіе. А теперь, когда тѣлу дана рука, уста свободны для служенія слову. Слѣдовательно руки оказываются принадлежностію словеснаго естества; Творецъ и ихъ примыслилъ для удобства слову.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О томъ, что орудное устройство чловѣка приспособлено къ потребности слова.

Послику Творецъ созданію нашему даровалъ нѣкую Божественную благодать, вложивъ въ образъ подобіе Своихъ благъ; то прочія блага далъ естеству чловѣческому по Своей щедротѣ: объ умѣ же и мудрости должно сказать, что въ собственномъ смыслѣ, не столько ихъ далъ, сколько сообщилъ, обложивъ образъ собственными дѣлотами Своего естества. А какъ умъ есть нѣкое умопредставляемое и безтѣлесное достояніе; то даръ былъ бы несообщимъ и неудѣлимъ, если бы движеніе его не обнаруживалось какимъ либо примышленіемъ. Для сего-то потребовалось это орудное устройство, чтобы умъ, подобно смычку касаясь голосныхъ членовъ, какимъ бы то нибыло изображеніемъ звуковъ, истолковывалъ внутреннее движеніе. И какъ искусный какой музыкантъ, не имѣя по болѣзни собственнаго своего голоса, но желая выказать свое знаніе, пользуется въ нѣнн чужими голосами, свирѣями или лирою обнаруживая предъ всѣми свое искусство; такъ умъ чловѣческій, изобрѣтатель всякаго рода мыслей, по невозможности выказать стремленій мысли душѣ, понимающей при помощи тѣлесныхъ чувствъ, какъ свѣдунціи какой художникъ, касаясь силъ одуше-

вленныхъ орудій, извлекаемымъ изъ нихъ звукомъ дѣлаеть явными сокровенныя мысли.

Въ человѣческомъ же орудіи смѣшана какая-то музыка свирѣли и лиры, какъ бы въ одно время издающихъ стройный звукъ. Дыханіе, чрезъ біющуюся жилу изъ воздухопріемныхъ сосудовъ вытѣсняемое вверхъ, когда усміе говорящаго издать голосъ приводитъ въ напряженіе членъ, сотрясаемый прираженіями извнутри, которыя кругомъ объемлють этотъ свирѣли подобный проходъ;—издаеть звукъ, уподобляющійся нѣсколько звуку свирѣли, не-свободно кружась по перепончатымъ возвышеніямъ въ горлѣ. А небо во рту идущій съ низу звукъ принимаетъ полостію, которая подъ нимъ, и въ двойныхъ свирѣляхъ, простирающихся до поздрей, какъ бы чешуйчатыми каковыми возвышеніями, хрящами въ верхней части носа раздробляя звукъ, дѣлаеть его сильнѣйшимъ. Щеки же, языкъ, спярдъ около гортани, по которому спускается подбородокъ, имѣющій впадину и оканчивающійся остріемъ, все это въ различныхъ видахъ и многими способами представляетъ движеніе смычка по струнамъ, при времени, съ большою скоростію соотвѣтственно потребности, настраивающее тоны, а разжатіе и сжатіе губъ производять тоже, что воздухъ въ свирѣли у задерживающихъ его пальцами, т. е. ту же стройность гѣнія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О томъ, что умъ дѣйствуетъ посредствомъ чувствъ.

Послику умъ, посредствомъ сего оруднаго снаряда, слагаетъ въ насъ слово; то стали мы словесными. Но не имѣли бы какъ думаю, дара слова, еслибы на устахъ лежала вся тяжесть и трудность служенія потребности тѣла принятіемъ пищи. Теперь же таковое служеніе приняли на себя руки, а уста оставили свободными для служенія слову.

Дѣйствованіе же симъ орудіемъ двояко: одно въ произведеніи звука, другое въ воспріятіи представленій получаемыхъ совѣтъ. И одно дѣйствованіе не смѣшивается съ другимъ, а остается при томъ, къ чему назначено природою, не безпокою сосѣда; слухъ не говоритъ, и голосъ не слышитъ. Ибо голосъ всегда непременно что-либо издастъ, а слухъ, постоянно пріемля въ себя, *не насыщается*, какъ говоритъ негдѣ Соломонъ (Притч. 27, 20.), что, по моему мнѣнію, никакъ не заслуживаетъ въ насъ удивленіе. Какова же обширность этого внутренняго вмѣстительна, въ которое стекается все, вливающееся посредствомъ слуха? Кто составители памятныхъ записей о всѣхъ входящихъ въ него рѣчахъ? Какія помѣщениа для вливаемыхъ слухомъ понятій; и почему при

множествѣ и разнообразіи сплѣтъ понятій, одно къ другому прилагасмыхъ, не бываетъ смѣшенія и ошибокъ во взаимномъ положеніи всего сложенаго? А равно этому же подивитесь и въ дѣятельности зрѣнія. Ибо посредствомъ зрѣнія умъ, подобнымъ сему образомъ, овладѣваетъ тѣмъ, что внѣ тѣла, къ себѣ привлекаетъ облики видимыхъ вещей, занеся въ себѣ начертанія всего подлежащаго зрѣнію. И какъ, если обширный какой городъ разными входами будетъ принимать въ себя пришлыхъ, и не все они станутъ входить въ одно мѣсто въ городѣ, но одни пойдутъ на рынки, другіе въ дома, иные въ церкви, или расположатся, кто на улицѣ, кто въ переулкѣ, кто въ зрѣлищномъ домѣ, каждый по собственному своему усмотрѣнію: такъ подобнымъ сему вижу населенный внутри насъ и градъ ума, который посредствомъ чувствъ наполняютъ разные входы, и умъ, разсматривая и разбирая каждаго входящаго, размѣщаетъ по соответственнымъ мѣстамъ вѣдѣнія.

И (во взятомъ въ примѣръ городѣ) нерѣдко бываетъ, что иные, будучи соземельниками и родственниками, не одними воротами вступаютъ въ городъ, но, по случаю одни войдя тѣмъ, другіе другимъ входомъ, тѣмъ не менѣе, какъ скоро придутъ внутрь стѣнной ограды, снова между собою сходятся, имѣя взаимныя связи; а можно найдти, что бываетъ наоборотъ:

ничѣмъ не соединенные и незнакомые другъ съ другомъ пользуются часто однимъ входомъ въ городъ, но общеніе во входѣ не связываетъ ихъ между собою: потому что, вошедши въ городъ, могутъ отдѣлиться къ соплеменникамъ. Подобное иѣчто усматриваю и въ обширной области ума. Нерѣдко изъ разныхъ чувствительныхъ собирается въ насъ одно познаніе, такъ какъ одинъ и тотже предметъ многократно дѣлится по чувствамъ: а бываетъ также и противоположное, однимъ какимъ либо чувствомъ, познаемъ многое и разнообразное, ни съ чѣмъ по природѣ между собою не сходствующее. Напримеръ (ибо всего лучше уясняется понятіе примѣрами): пусть предлагается сдѣлать разысканіе о свойствѣ соковъ, — что сладко для чувства, и отвратительно для вкушающихъ. По опыту найдены и горечь желчи и сладость качества въ медѣ. При разности сихъ вещей одно доставляетъ познаніе одинъ и тотъ же предметъ, многократно всеяемый въ мысли: или вкусомъ, или обоняніемъ, или слухомъ, нерѣдко же осязаніемъ и зрѣніемъ: потому что видить ли кто медъ, слышитъ ли имя его, нѣтаетъ ли на вкусъ, обоняніемъ ли познаеть запахъ, испытываетъ ли осязаніемъ, каждымъ изъ чувствительныхъ пріобрѣтаетъ познаніе объ одномъ и томъ же предметѣ. Но разнообразно также и многовидно то, чему научаемся съ помощію одного какого либо чувства: потому

что слухъ принимаетъ всякіе звуки, и пониманіе, приобретаемое посредствомъ глазъ, безразлично дѣйствуетъ при взглядѣ на различные предметы; потому что одинаково встрѣчается и съ бѣлымъ и съ чернымъ и со всѣми до противоположности различными цвѣтами. А тоже сказать должно и о вкусѣ, тоже и объ обоняніи, тоже о пониманіи посредствомъ осязанія; каждое чувство свойственнымъ ему пониманіемъ даетъ познаніе о предметахъ всякаго рода.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О томъ, что естество человѣческое не уразумѣваемо.

Посему чтоже такое по природѣ своей умъ, который удѣляетъ себя чувственнымъ силамъ, и каждую приобретаетъ сообразное ей познаніе о существахъ? Что онъ есть нѣчто иное отъ чувствъ, въ этомъ, думаю, не сомнѣвается никто изъ здравомыслящихъ. Еслибы умъ былъ одно и тоже съ чувствомъ; то, конечно, имѣлъ бы сродство съ одною изъ чувственныхъ дѣятельностей; потому что онъ простъ, и въ простомъ не усматривается разнообразія. Но теперь въ сложности всѣхъ чувствъ иное нѣчто есть осязаніе, и иное обоняніе, также и другія чувства между собою разобщены, и не смѣшива-

ются, тогда какъ умъ равно присуць каждому чувству: посему непрѣнно надлежитъ предположить естество ума чѣмъ-то отличимъ отъ чувства, чтобы къ умопредставляемому не примѣнялось какого либо разнообразія. *Что разумъ умъ Господень?* говоритъ Апостоль (Рим. 11, 34.). А я присовокуплю къ этому: кто уразумѣтъ собственный свой умъ? Пусть скажутъ утверждающіе, что разумѣшемъ своимъ объяли естество Божіе, уразумѣли ли они себя самихъ? Узнали ли естество собственного своего ума? Есть ли онъ что либо многочастное и многосложное, и посему умопредставляемое въ сложности? Или умъ есть какой-то способъ срастворять разнородное? Но умъ простъ и не сложенъ; какъ же раздѣляется въ чувственной многочастности? Отчего въ единствѣ разнообразное? Какъ въ разнообразіи единое? —

Но напелъ я рѣшеніе сихъ недоумѣній, прибѣгнувъ къ Божію слову. Ибо сказано: *сотвори мѣ человека по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.). Образъ, пока не имѣетъ недостатка ни въ чемъ представляемомъ въ первообразѣ, въ собственномъ смыслѣ есть образъ: но какъ скоро лишается въ чемъ либо подобія съ Первообразомъ, въ этомъ самомъ ~~не~~ есть уже образъ. Посему, такъ какъ однимъ изъ свойствъ, усматриваемыхъ въ Божіемъ естествѣ, есть непостижимость сущности: то

но всей необходимости и образъ въ этомъ имѣеть сходство съ Первообразомъ. Еслибы естество образа оказалось постижимымъ, а первообразъ былъ выше постиженія; то сія противоположность усматриваемыхъ свойствъ обличила бы погрѣшительность образа. Но какъ не подлежитъ познанію естество нашего ума, созданнаго по образу Сотворнаго: то имѣеть онъ точное сходство съ превыше-Сущимъ, непознаваемою своею отличая непостижимое свое естество.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Извѣствованіе о томъ, въ какомъ мѣстѣ должно полагать владычественное души; и ученіе естествословія о слезахъ и смѣхѣ, также естественное пѣкое разсужденіе объ общеніи вещества, естества и ума.

Посему да умолкнеть всякое водящееся догадками пустословіе заключающихъ мыслительную дѣятельность въ какихъ либо тѣлесныхъ членахъ. Одни изъ нихъ полагають, что владычественное души въ сердцѣ, другіе говорягъ, что умъ пребываетъ въ головномъ мозгу, и таковыя мнѣнія подтверждаютъ пѣкими слабыми вѣроятностями.

Предполагающій владычество въ сердцѣ въ доказательство своего положенія приводитъ мѣстное положеніе сердца, такъ какъ оно, по-

видимому, занимаетъ среднюю всего тѣла, чтобы произвольное движеніе изъ середины удобно удѣлялось всему тѣлу, и такимъ образомъ приходило въ дѣятельность. А въ подтвержденіе своего ученія представляетъ скорбное и раздраженное расположеніе человѣка, а именно, что таковыя страстныя движенія, по видимому, этотъ членъ въ тѣлѣ возбуждаютъ къ со-
страстію.

А тѣ, которые головной мозгъ освящаютъ въ храмъ разсудку, говорятъ, что голова устроена природою, какъ нѣкая твердыня всего тѣла: и въ ней, какъ нѣкій царь, обитаетъ умъ, окружаемый чувствительными, какъ бы нѣкими предстоящими предъ нимъ вѣстниками или питоносцами. И въ доказательство такого мнѣнія представляютъ они, что у кого повреждена мозговая оболочка, у тѣхъ разсудокъ дѣйствуетъ неправильно, и у кого голова отяжелѣла отъ упоенія, тѣ дѣлаются незнающими приличія.

Каждый же изъ защитниковъ снѣ мнѣній присовокупляетъ и другія болѣе естественныя причины своей догадки о владычествующемъ въ душѣ. Ибо одинъ утверждаетъ, что движеніе мысли имѣетъ сродство съ огненной стихіей, потому что и огонь и мысль присно-движны. И послѣду, по общему признанію, изъ сердца исходитъ теплота: то, утверждая поему, что движеніе ума срастворяется при-

сподвижностію теплоты, говорить, что сердце, въ которомъ заключается теплота, есть вмѣстѣ умнаго естества. А другойъ разсуждаетъ, что мозговая оболочка (ибо такъ называютъ плеву объемлющую собою головній мозгъ) есть какъ бы основаніе и корень всѣхъ чувствительныхъ. И симъ увѣряются въ своемъ положеніи, что умственная дѣятельность имѣетъ сѣдалище не въ иномъ мѣстѣ, а въ той части, съ которою соединенное ухо отражаетъ входящіе въ него звуки; и связанное основаніемъ вмѣстѣ лица глазъ зрѣніе, въ слѣдствіе входящихъ въ зѣницы образовъ, производитъ внутри ихъ отпечатлѣніе, и качества испареній въ сей части различаются при втягиваніи ихъ ноздрями; и чувство вкуса оцѣнивается различеніемъ мозговой оболочки, которая вблизи отъ себя пускаетъ нѣсколько волокнистыхъ чувствительныхъ отпрысковъ по шейнымъ позвонкамъ до сѣтчатого прохода въ находящихся тутъ мускулахъ.

Признаю я справедливымъ, что мыслительная сила души часто приводится въ замѣшательство при усиленіи страданій, и разсудокъ ослабѣваетъ въ естественной ему дѣятельности отъ какого либо тѣлеснаго обстоятельства, а также, что нѣкоторымъ источникомъ огненнаго начала въ тѣлѣ есть сердце, приводимое въ движеніе съ порывами раздраженія. А сверхъ сего, что въ основаніи чувствительныхъ лежитъ мозговая

оболочка, по словамъ естествослововъ, покрывающая собою головной мозгъ, и умащаемая исходящими оттуда испареніями,—слыша отъ занимавшихся анатомическими изслѣдованіями, не отрицаю таковыхъ сказаній. Но не принимаю сего въ доказательство, что безцѣльное естество объемается какими либо мѣстными очертаніями. Ибо дознали мы, что разстройство ума бываетъ не отъ одной головной боли, но и при болѣзненномъ состояніи плевъ, связующихъ подреберные члены, страдаетъ также мыслительная сила, какъ утверждаютъ свѣдущіе во врачебной наукѣ, называя болѣзнь сію *φρενίτις* (бѣшенство), потому что именованіе сие плевамъ—грудобрюшныя (*φρεν*). И сіе ощущеніе скорби ошибочно разумѣется происходящимъ въ сердцѣ: потому что при колоты, не въ сердцѣ, а въ брюшномъ отверстіи, но неопытности относятъ страданіе къ сердцу. Подобное и что усматриваютъ съ точностію *ψικακνίτις* въ болѣзненныхъ состояніяхъ, а именно: что отъ естественно происходящаго во всемъ тѣлѣ ослабленія волоконъ, при скорбныхъ расположеніяхъ и при завалахъ, все препятствующее свободному дыханію скопляется въ самыхъ внутреннихъ пустотахъ. Почему, при стѣсненіи служащихъ къ переведенію дыханія внутренностей, тѣмъ, что окружаетъ ихъ, втягиваніе въ себя воздуха дѣлается часто насильственнымъ, потому что самая природа

разширяеть стѣсенное, чтобы раздвинуть сжавшееся. Такое же трудное дыханіе признаемъ принадлежкомъ скорби, называя вздохомъ и стономъ. Но кажущееся стѣсненіе въ сердечной сорочкѣ есть непріятность онцундаемая, не въ сердцѣ, а въ брюшномъ отверстіи, по той же самой, разумью, причинѣ, по которой при ослабленіи волоконъ, желчепріемный сосудъ отъ стѣсненія изливаетъ и это колотье и эту ѣдкую мокроту на брюшное отверстіе. Доказательствомъ же сему то, что у огорченныхъ и паружность дѣлается блѣдною и желтою отъ чрезмѣрнаго скопленія желчи, разливающей свою влагу по кровоноснымъ жиламъ.

Но еще болѣе подтверждаетъ мысль мою то движеніе, которое происходитъ отъ противоположной причины, разумью веселіе и смѣхъ. Ибо отъ удовольствія разрѣшаются и расширяются какъ-то тѣлесныя волокны въ улаждаемыхъ какимъ либо пріятнымъ слухомъ. Какъ тамъ отъ скорби замыкаются тонкія и незамѣтныя отдушины волоконъ, и, сжимая внутреннее расположеніе внутренностей, къ головѣ и мозговой оболочкѣ возгоняютъ влажное испареніе, которое, во множествѣ будучи принято пустотами головного мозга, по волокнамъ, находящимся въ его основаніи, гонится къ глазамъ, откуда сжиманіемъ бровей извлекается капляи влага, и эта капля называется слезою. Такъ представь себѣ, что въ противополож-

номъ сему расположеніи болѣе обыкновеннаго расширены волокны, и ими во внутренность втягивается какой-то воздухъ, а оттуда сплюю природы изгоняется опять проходомъ идущимъ ко рту, при чемъ гонять вмѣстѣ таковій воздухъ всѣ внутренности, болѣе же всего печень, какъ говорятъ, съ какимъ-то порывистымъ и кипучимъ движеніемъ. Почему природа, устроая удобство для выхода воздуха, расширяетъ идущій ко рту проходъ, при выдыханіи въ обѣ стороны раздвигая щель: и что бываетъ при семъ, то называется смѣхомъ.

Итакъ не должно заключать изъ сего, что владычественное души въ печени, а также, по причинѣ восплащенія крови въ грудобрюшнѣ во время раздражительныхъ расположеній, полагать, что мѣстопробываніе ума въ сердцѣ. Но хотя и должно сіе завѣсть отъ извѣстныхъ снарядовъ въ тѣлахъ; однакоже надлежитъ при семъ полагать, что умъ, по необъяснимому закону срастворенія, безъ предпочтительности соприкасается къ каждому члену.

Если иные противопоставятъ намъ въ этомъ Писаніе, свидѣтельствующее, что владычественное души въ сердцѣ: то не безъ изгѣдованія примемъ слово. Ибо упомянувшій о сердцѣ упомянулъ и о почкахъ (*νεφρός*), сказавъ: *испытай сердца и утробы (νεφρός) Божие* (Ис. 7, 10.): а снмъ показать, что, или въ

томъ и другомъ, или ни въ томъ ни въ другомъ, не заключена умственная сила.

Узнавъ, что умственные дѣятельности при известномъ расположеніи тѣла слабѣютъ, или вовсе бездѣйственны, не признаютъ сего достаточнымъ доказательствомъ того, что сила ума ограничивается какимъ либо мѣстомъ, такъ что съ появленіемъ мѣстныхъ опухолей и умъ уже не имѣетъ для себя простора. Ибо тѣлесно такое мѣсто, будто бы, когда сосудъ занятъ чѣмъ нибудь въ него вложеннымъ, ничему другому не найдти уже для себя въ немъ мѣста. Умное естество и въ пустотахъ тѣлесныхъ вселяться не любитъ, и преизбыткомъ плоти не изгоняется. Но поелику тѣло устроено подобно музыкальному орудію: то какъ перѣдко случается, что искусные въ музыкѣ не могутъ показать своего искусства, по негодности орудій, не поддающихся искусству (и свирѣль, поврежденная временемъ, или разбитая отъ паденія, или сдѣлавшаяся негодною отъ ржавчины и плѣсени, не издастъ звука и не дѣйствуетъ, хотя надуваетъ ее признаваемый неуспѣшнымъ игрокомъ на свирѣли): такъ и умъ дѣйствуя на цѣлое орудіе, и сообразно съ умственными дѣятельностями прикасаясь, по обычаю, къ каждому члену, въ тѣхъ изъ нихъ, которые въ естественномъ положеніи, производятъ, что ему свойственно, а въ тѣхъ которые отказываются принимать художниче-

свое его движеніе, остается безуспѣшнымъ и бездѣйственнымъ. Умъ обыкновенно состоитъ въ какомъ-то свойствѣ съ тѣмъ, что въ естественномъ положеніи, и чуждъ тому, что выведено изъ сего положенія.

И мнѣ болѣе естественнымъ кажется съ одной стороны сіе умозрѣніе, съ помощію котораго можно дознать одно изъ лучшихъ учений. Поеліку прекраснѣйшее и превосходнѣйшее изъ всѣхъ благо есть само Божество, къ которому устремлено все, вождѣвающее прекраснаго; то утверждаемъ посему, что и умъ, какъ созданный по образу Наилучшаго, пока, сколько можно ему, причастенъ подобія первообразу, и самъ пребываетъ въ дѣпотѣ: если же сколько нибудь уклонится отъ сего подобія, лишается красоты, въ которой пребывалъ. А какъ, по сказанному нами, умъ украшается подобіемъ первообразной красотѣ, подобно какому-то зеркалу, которое дѣлается изображающимъ черты видимаго въ немъ: то, сообразно съ сѣмъ, заключаемъ, что и управляемое умомъ естество держится его, и само украшается предстоящею красоюю, дѣлаясь какъ бы зеркаломъ зеркала: а нмъ охраняется и поддерживается вещественное въ томъ составѣ, естество котораго разсматривается. Посему, пока одно другаго держится, во всемъ соразвѣрно происходитъ общее истинной красоты, посредствомъ высшаго украшается непосред-

ственно за тѣмъ слѣдующее). А когда произойдетъ нѣкое расстройство этого добраго снше- нія, или, на оборотъ, высшее будетъ слѣдовать низшему, тогда, какъ скоро само вещество отступитъ отъ природы, обнаруживается его безобразіе (потому что вещество само въ себѣ безобразно и неустроено), и безобразіемъ его портится красота естества, украшаемаго умомъ. А такимъ образомъ совершается естествомъ передача гнусности вещества самому уму, такъ что въ чертахъ твари не усматривается уже Божія образа. Умъ, составляя въ себѣ образъ доброты, подобно кривому зеркалу, оставляетъ не изображенными свѣтлыя черты добра, отражаетъ же въ себѣ безобразіе вещества. И такимъ образомъ совершается происхожденіе зла, производимое изъ- ятіемъ прекраснаго. Прекрасно же все то, что состоитъ въ свойствѣ съ первоначальнымъ благомъ: а что виѣ сншеція и сходства съ онымъ, то несомнѣнно чуждо прекраснаго. Посему, если, по разсмотрѣнію нами, истинное благо одно; и умъ потому уже, что созданъ по образу прекраснаго, самъ имѣетъ возможность быть прекраснымъ; и естество, поддерживаемое умомъ, есть какъ бы нѣкій образъ образа: то доказывается симъ, что вещественное об- разуется въ насъ, и приводится къ своему концу, когда управляетъ имъ естество: разрушается же снова и распадается, когда раз-

лучено съ преобладающимъ и поддерживающимъ, и расторгнуто его единеніе съ прекраснымъ. А подобное сему не иначе происходитъ, какъ при обращеніи естества къ обратному порядку, когда пожеланіе склоняется не къ прекрасному, а къ тому, что само имѣеть нужду въ украшающемъ.) Ибо, при ищетѣ вещества въ собственномъ своемъ образѣ, угодяющееся ему по всей необходимости преобразуется въ нѣчто некрасивое и безобразное.

Но сіе въ пѣкоторой послѣдовательности разыскано нами, какъ входящее въ предметъ обзрѣнія. Ибо вопросъ былъ о томъ, въ одной ли какой части нашего тѣла помѣщается умственная сила, или равно простирается на все части. И какъ ограничивающіе умъ мѣстными частями въ подтвержденіе такого своего предположенія представляютъ, что мысль не благоуспѣшно дѣйствуетъ у имѣющихъ мозговья оболочки въ естественномъ состояніи: то наше слово доказало, что во всякой части человеческого состава, какою обыкновенно каждаѣ дѣйствуетъ, сила души равно пребываетъ бездѣйственною, когда часть сія не въ естественномъ состояніи. А изъ сего послѣдовательно вытекло предложенное въ словѣ умозрѣніе, изъ котораго дознаемъ, что въ человеческомъ составѣ умъ управляется Богомъ, а умомъ — наша вещественная жизнь, когда

она въ естественномъ состояніи. Если же уклоняется отъ естества, то дѣлается чуждою и дѣятельности ума.

Но возвратимся опять къ тому, съ чего начали, а именно, что въ тѣхъ, которые не вышли изъ естественнаго состоянія въ слѣдствіе какого либо страданія, умъ дѣйствуетъ своею естественною ему силою, и крѣпокъ въ хорошо устроенныхъ, а на оборотъ, дѣлается немощнымъ въ тѣхъ, которые не даютъ въ себѣ мѣста его дѣятельности. Можно же и другими доказательствами подтвердить вѣроятность сужденія объ этомъ. И если не обременительно для слуха утружденныхъ уже словомъ, сколько можемъ, разсудимъ кратко и объ этомъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Изъясненіе о свѣ, звонѣ и свидѣніяхъ.

Вещественная и быстро протекающая жизнь тѣлъ, всегда движущаяся впередъ, въ томъ и имѣетъ силу бытія, что никогда не останавливается въ движеніи. Какъ рѣка какая нибудь, текущая по своему направленію, хотя то углубленіе, по которому течетъ, показываетъ полнымъ, однакоже въ ней не всегда видна одна и таже вода въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но одна уже протекла, а другая притекаетъ. Такъ и вещественное въ здѣшней жизни, въ слѣд-

ствіе какого-то движенія и теченія, мѣняется отъ непрерывнаго пресметва противоположностей, такъ что никогда не можетъ стать безъ измѣненія, но, при возможности придти въ неподвижность, продолжаетъ непрестанное движеніе, подобное замѣняя подобнымъ. Если же когда движимое прекратитъ свое движеніе, то неизмѣнно произойдетъ и прекращеніе существованія. Напримѣръ: за полнотою послѣдовала пустота, и мѣсто пустоты заняла опять полнота. Сонъ ослабилъ напряженное въ бодрствованіи: потому бодрствованіе привело въ напряженіе, что было ослаблено. И ни которое изъ сихъ состояній не продолжается вмѣстѣ съ другимъ и непрестанно, но оба уступаютъ мѣсто другъ другу при появленіи того и другаго; и такимъ образомъ естество сими перемѣнами обновляетъ само себя, такъ что непрестанно пребывая въ томъ или другомъ состояніи переходитъ изъ одного въ другое. Ибо въ живомъ существѣ всегдашнее напряженіе дѣятельностей производитъ какой-то разрывъ и расторженіе напрягаемыхъ членовъ: а непрестанный покой тѣла приводитъ составъ его въ какой-то упадокъ и въ расслабленіе. Если же во-время и умѣренно быть въ томъ и другомъ состояніи: то сіе даетъ естеству силу къ поддержанію себя: при постоянномъ переходѣ изъ противоположности въ противоположность въ одной изъ сихъ находить оно себѣ унокое-

ніе отъ другой. Такъ переходъ сей, когда тѣло напряжено бодрствованіемъ, ослабляетъ въ немъ напряженіе спомъ, на время прекращая дѣятельность силъ чувственныхъ, подобно тому, какъ и коней послѣ состязанія отрѣзають отъ колесницъ.

Благовременный же отдыхъ для тѣлеснаго состава необходимъ, чтобы нища безиррационально разошлась по всему тѣлу извѣстными въ немъ для сего путями, тогда какъ никакое напряженіе не мѣшаетъ сему переходу. Что бываетъ съ увлажненною землею: когда солнце освѣтитъ ее теплѣйшими лучами, изъ глубины ея извлекаются илкіе туманные пары: подобное сему происходитъ и съ нашею землею, когда нища воскресаетъ внутри отъ естественной теплоты. Пары, которые по природѣ стремятся вверхъ, воздухообразны и переходятъ въ то, что надъ ними, собираются въ головныхъ помѣщеніяхъ, подобно какому-то дыму, ницующему выхода себѣ въ стѣнные лазы. Поэтому, непарясь отсюда по волокнамъ чувствительныхъ, пережѣиваются, и отъ нихъ по необходимости въ бездѣйствіе приходитъ чувство, давая свободный проходъ онымъ парамъ. Зрѣніе преграждается рѣсницами, которыя опускаются на глаза какъ бы наложенный какой свинецъ: такова ихъ тяжесть. Слухъ, одолевъ отъ силъ же самымъ паровъ, какъ будто отъ наложенной какой двери на слуховые чле-

ны, успокоивается отъ естественной дѣятельности. Такое страдательное состояніе есть сонъ, во время котораго чувство въ тѣлѣ бездѣйственно, и всякое естественное движеніе невольнимо, чтобы передача пищи, проходящей вмѣстѣ съ парами по каждому изъ внутреннихъ путей сообщенія, совершалась удобно.

Поэтому-то, если чувствительный снарядъ затѣсненъ внутреннимъ испареніемъ, а сну мѣшаетъ какая либо потребность: то волокны, наполнившіеся парами, сами собою естественно напрягаются, и въ слѣдствіе напряженія одетѣвншіи отъ паровъ членъ утончается, какъ подобное гѣчто дѣлають выжимающіе изъ одежды воду, для чего сильно ихъ свивають. И поелику части горла округлены и изобилуютъ волокнами: то, когда нужно изгонять изъ нихъ сгустившіеся пары (такъ какъ круговидную часть невозможно вытягивать по прямой чертѣ, если не будетъ растянута въ окружности, а по сеіи причинѣ, по принятіи въ себя человекомъ воздуха во время зѣвоты, когда въ подбородкѣ въ низу горловымъ языкомъ производится виадина, и все, что внутри, растягивается въ видѣ круга),—дымная оная густота, угрожающая этимъ членамъ, выдыхается вмѣстѣ съ выдыхаемымъ воздухомъ. Не извѣстно, что подобное сему случается перѣдко и послѣ сна, когда сколько нибудь паровъ

остается въ мѣстахъ, изъ которыхъ нѣтъ выхода и выдыханія.

Итакъ умъ человѣческій ясно симъ доказываетъ, что поступать онъ согласно съ естествомъ: если, когда оно здорово и бодрствуетъ, и самъ дѣйствуетъ и бываетъ въ движеніи; а когда погружено въ сонъ, и самъ остается неподвижнымъ, если только и соннаго мечтанія не приметъ кто за движеніе ума, происходящее во время сна. Но мы утверждаемъ, что одну разсудительную и здравую дѣятельность мысли должно приписывать уму, а о мечтательныхъ и сонныхъ грезахъ, какъ о ибѣнхъ призракахъ умственной дѣятельности, думаемъ такъ, что случайно составляются тою душою, которая неразумна. Ибо, когда душа отрѣшена сномъ отъ чувствъ, тогда по необходимости приходится ей быть и виѣ умственной дѣятельности: потому что посредствомъ чувствъ, въ человѣкѣ происходитъ сраствореніе ума, и потому, когда чувства не дѣйствуютъ, по необходимости бездѣйствена и мысль.

Доказательствомъ служитъ то, что мечтающій во снѣ часто представляетъ себѣ неумѣстное и невозможное: чего не было бы, если бы душа и тогда управлялась разсудкомъ и размыслиемъ. Но мнѣ кажется, что въ душѣ покоятся превосходящіи ея силы, — разумно умственную и чувственную дѣятельности, дѣйствуетъ же во время сна одна только ишта-

тельная ея часть. Въ ней-то иѣкія подобія бывшаго на яву и отголоски протекшаго чувствомъ и мыслію, какіе только отъ впечатлѣній въ ней памятливою силою души, вѣдь, какъ ни есть, живописуются, если только въ такой душевной способности сохранился какой-нибудь отголосокъ. О семъ-то мечтаетъ человѣкъ, не какую либо неразрывную связію доводимый до собесѣдованія съ видимымъ, но обольщаемый смѣшанными и неослѣдовательными обманчивыми представленіями.

Но какъ въ тѣлесныхъ дѣйствіяхъ, когда каждый членъ производитъ что нибудь особенное данной ему отъ природы силѣ, бываетъ иѣкое и покоящагося члена соучастіе съ движимымъ: подобно сему и въ душѣ, если одна часть покоится, а другая въ движеніи, и цѣлое соучаствуетъ съ частию. Ибо невозможно во-все расторгнуться естественному единству, когда какая либо изъ естественныхъ силъ преобладаетъ отчасти своею дѣятельностію. Но какъ въ бодрствующихъ и старательныхъ преобладаетъ умъ, чувство же прислуживаетъ, а не отстаётъ отъ нихъ и правящая тѣломъ сила: потому что умъ по мѣрѣ потребности снабжаетъ инцією, чувство пріемлетъ доставленную, а питательная сила тѣла усваиваетъ себѣ поданное: такъ и во снѣ извращается какъ-то въ насъ владычество этихъ силъ, и при преобладаніи силы разумной прекращается дѣятель-

ность другихъ силъ, но не уничтожается совершенно. II какъ тогда питательная сила возбуждена, иномъ къ пищеваренію, и все естество занимаетъ собою; то, и не вовсе отрѣшается отъ нея сила чувственная (ибо невозможно тому раздѣлиться, что единожды соединилось), и не приходитъ въ силу ея дѣятельность, бездѣйствіемъ чувствительность останавливаемая во время сна. А какъ по тому же закону и умъ состоитъ въ связи съ чувственною способностію души, то слѣдуетъ сказать, что, когда въ движеніи сія способность и онъ приходитъ въ движеніе, а когда та въ покоѣ, съ нею вмѣстѣ покоится. Нѣчто подобное сему бываетъ обыкновенно съ огнемъ; когда отведуду покрытъ онъ соломой, такъ что никакое дуповеніе не возбуждаетъ пламени, тогда и лежащаго близко къ нему не поядаетъ, и не угасаетъ совершенно; но вмѣсто пламени сквозь солому выходитъ въ воздухъ какой-то паръ. А если подуетъ на него что нибудь; то дымъ обращается въ пламень. Такимъ же образомъ и умъ, во время сна закрытый бездѣйствіемъ чувствъ, и не въ состояніи чрезъ ничь явить силу свою, и не угасаетъ совершенно: но движется, какъ нѣчто дымящееся, отчасти дѣйствуя нѣсколько, отчасти не имѣя возможности дѣйствовать. II какъ иной музыкантъ, налагая смычекъ на ослабѣвшія струны лиры, не по размѣру выводитъ пѣснь, потому что не на

тянутая струна не может издать звука; но, хотя рука производит часто искусныя движенія, вода смычкомъ сообразно съ дѣйственнымъ положеніемъ тоновъ, однако же звукомъ имѣть, а развѣ только при движеніи струнъ отдается какой-то глухой и нескладный звонъ: такъ, когда сномъ ослабленъ орудный снарядъ чувствительнѣе, или вовсе унокоевается художникъ, если орудіе отъ какого-то переносенія или обремененія теритъ совершенное расслабленіе, или дѣйствуетъ неспильно и слабо, потому что орудіе чувства не принимаетъ въ себя искусства въ точности.

Потому и сбивчивая память и предусмотрительность, дремлющая подъ какими-то наложенными покровами, представляютъ подобія того, что озабочивало на яву, и перѣдко указываютъ нѣчто изъ сбывающагося. Ибо по тонкости естества дуна нѣтъ нѣчто большее сверхъ тѣлесной дебели, и можетъ усматривать иное изъ дѣйствительно существующаго. Впрочемъ не можетъ съ какою либо прямою объяснить сказуемое, чтобы наставленіе о предстоящемъ было ясно и открыто; но бывасть только непрямо и двусмысленное объявленіе будущаго, что разсуждающіе о подобныхъ вещахъ называютъ загадкою. Такъ винопчерній выжимаетъ гроздь въ чашу Фараонову: такъ хлѣбодаръ представлятъ, что несетъ кошницы: чѣмъ важнѣй занимался на яву, тѣмъ

же занимающимся почиталъ себя и въ сновидѣнїи. Подобїя обычныхъ имъ занятїи, отпечатлѣвшись въ предусмотрительной способности души, подали случай по таковому пророчеству ума предугадать о томъ, что сбылось при времени.

Если же Даниилъ и Иосифъ и подобныя имъ, безъ всякаго у нихъ смущенїя чувствъ, Божественною силою обучаемы были вѣдѣнїю будущаго: то сіе не относится къ настоящему слову. Ибо никто да не вмѣняетъ сего силъ сновидѣнїи: такъ какъ иначе въ слѣдствїе сего и на яву бывающїя Божоявленїя почитать, конечно, не видѣнемъ, но самослучайно производимыя обычнымъ дѣломъ естества. Посему, какъ изъ всѣхъ людей, управляющихся собственнымъ умомъ, немного такихъ, которые удостоиваются явнаго собесѣдованїя съ Богомъ: такъ, хотя у всѣхъ вообще бываютъ равнаго достоинства естественныя сонныя видѣнїя, только нѣкоторые, а не всѣ, дѣлаются въ сновидѣнїяхъ причастными божественнаго нѣкоего откровенїя. А всѣмъ другимъ, если сообщается въ сновидѣнїяхъ нѣкое предвѣдѣнїе о чемъ нибудь, то бываетъ сіе сказаннымъ выше способомъ.

Если же египетскїи и ассирїйскїи самовластители Самимъ Богомъ путеводимы были въ вѣдѣнїю будущаго: то въ этомъ особенное было Божїе смотрѣнїе. Явною должна была со-

лѣлаться сокровенная мудрость святыхъ, чтобы не безъ общей пользы совершить ей теченіе въ жизни. Какъ было бы узнано, что таковъ Даніилъ, если бы обаятели и волхвы не оказались безсильными открыть сонное видѣніе? Какъ спасся бы народъ египетскій, если бы Іосифа, заключеннаго въ темницѣ, не извело на среду истолкованіе сновидѣнія? Посему въ этомъ есть нѣчто иное, и не надлежитъ заключать о семъ по обыкновеннымъ сновидѣніямъ.

Самое обычное видѣніе сновъ есть общее для всѣхъ, и состоитъ въ представленіяхъ разнаго рода и вида. Ибо, или, какъ сказано, въ памяти у души остаются отголоски ежедневныхъ занятій, или нерѣдко состояніе сновъ сообразуется съ извѣстными расположеніями тѣла. Такъ жаждущему кажется, что онъ у источника, и нуждающемуся въ пропитаніи, — что онъ на пиру, и юношѣ, во цвѣтъ у него по возрасту силъ, мечтается сообразное его страсти.

Но узналъ я и другую причину бывающаго во снѣ, ухаживая за однимъ изъ близкихъ мнѣ подвергшимся умопомѣшательству. Обремененный нищею, принятою въ количествѣ превышавшемъ силы его, кричалъ онъ, укоряя во-кругъ стоявшихъ за то, что, наполнивъ внутренности почетомъ, наложили на него. И когда тѣю у него готово уже было покрыться по-томъ, жаловался, что у присутствующихъ при-

готовлена вода прыскать ею на лежащаго. И онъ не переставалъ кричать, пока причины таковыхъ укоризнъ не объяснилъ конецъ дѣла. Ибо вдругъ потѣкъ изъ тѣла сильный потъ, и разрѣшившійся желудокъ показалъ бывшую во внутренностяхъ тяжесть. Посему, что при ослабленной трезвости болѣзнию терпѣла природа, соучаствовавшая въ страданіи тѣла, не чувствуя приводящаго ее въ безпокойство, и по болѣзненному разстройству уже не имѣя силъ привести въ ясность причиняющее скорбь, то, какъ и слѣдовало, если бы мыслительная сила души была усилена и не болѣзнию, но естественнымъ сномъ, у находящагося въ такомъ состояніи могло сдѣлаться сновидѣніемъ, въ которомъ водою означалось облитіе потомъ, а тяжестью внутренностей обремененіе пищею. И многимъ изъ обучавшихся врачебной наукѣ кажется тоже, а именно, что по различію страданій бываютъ у больныхъ и сонныя видѣнія: шныя у имѣющихъ разстроенный желудокъ, шныя у людей съ поврежденными мозговыми оболочками: шныя опять у больныхъ горячкою; не одни и тѣже у страдающихъ отъ желчи и отъ мокротъ; опять шныя у полнокровныхъ и у изнеможенныхъ. Изъ сего можно видѣть, что питательная и растительная сила души имѣетъ нѣчто всеянное въ нее отъ умственной силы въ слѣдствіе срастворенія, и это нѣкоторымъ образомъ угодобляется извѣстному

расположенію тѣла, сообразно преобладающей страсти преобразуясь въ сонныхъ мечтахъ. Еще составляютъ сновидѣнія у многихъ по состоянію правовъ; иныя мечтанія у человѣка мужественнаго, и иныя у боязливаго: иныя сновидѣнія у невоздержнаго, и иныя у цѣломудреннаго; объ иномъ грезить человѣкъ щедрый, и объ иномъ ненасытный. И таковыя мечтанія образуетъ въ душѣ вовсе не мысль, но неразумное расположеніе; о чемъ привыкла душа размышлять на яву, образы того составляетъ оно въ сновидѣніяхъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О томъ, что умъ не въ какой либо части тѣла; и о различіи тѣлесныхъ и душевныхъ движеній.

Но далеко уклонились мы отъ предположеннаго. Слово наше имѣло для себя цѣлію показать, что умъ не привязанъ въ какой либо части тѣла, но равно прикосновенъ ко всему тѣлу, сообразно съ природою производя движеніе въ подлежащемъ его дѣйствію членѣ. Бываетъ же иногда, что умъ слѣдуетъ и естественнымъ стремленіямъ, какъ бы дѣлаясь слугою. Ибо перѣдко управляетъ имъ ~~естество~~ тѣлесное, влагая въ него и чувство скорбнаго и вождельніе увеселяющаго: почему естество сіе доставляетъ и первыя начала, производя,

или пожеланіе нищн, или вообще побужденіе къ какому нибудь удовольствію; а ужъ, пріемля таковыя побужденія, по собственнымъ своимъ примышленіямъ доставляетъ тѣлу средства къ полученію желаемаго. Но не со всѣми бываетъ подобное сему, а только съ имѣющими болѣе грубыя расположенія, — съ людьми, которые, поработивъ разумъ естественнымъ побужденіямъ, при содѣйствіи ума отыскивая уладительное для чувствъ, раболѣпно льстятъ имъ: съ болѣе же совершенными бываетъ не такъ; ими править умъ, избирая полезное разуму, а не страсти; естество же идетъ по слѣдамъ правителя.

А какъ слово наше открыло разности въ жизненной силѣ: силу питательную безъ чувства, силу питательную и растительную, чуждую разумной дѣятельности, силу разумную и совершенную, распоряжающуюся всякою другою силою, такъ что можно существовать и при тѣхъ силахъ, и имѣть превосходство по умственной силѣ: то никто да не предполагаетъ поэтому, что въ человѣческомъ составѣ существуютъ три души, усматриваемыя въ особыхъ своихъ очертаніяхъ: почему можно было бы думать, что человѣческое естество есть нѣкое сложеніе многихъ душъ. Напротивъ того истинная и совершенная душа по естеству одна, умная и невещественная, посредствомъ чувствъ соединенная съ естествомъ вещественнымъ. А

все вещественное, подлежа превратности и измѣненію, если содѣлается причастнымъ одушевляющей силы, придетъ въ движеніе возрастаніемъ; если же лишится жизненной дѣятельности, кончитъ движеніе тлѣніемъ. Посему не бываетъ ни чувства безъ вещественной сущности, ни дѣятельности умственной силы безъ чувства.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О томъ, что душою въ собственномъ смыслѣ, и есть, и называется душа разумная; другія же именуются такъ по подобоименности; и о томъ, что сила ума простирается на все тѣло, касаясь его сообразно съ каждымъ членомъ.

Если иная тварь имѣетъ нитательную дѣятельность, а другая упражняется силою чувствующею, и первая не имѣетъ чувства, а послѣдняя—естества умнаго, и по этому предполагаютъ кто либо множество душъ: то таковыи не объяснить различія душъ отличительными ихъ чертами. Ибо все мыслимое въ существахъ, если представляется въ умѣ совершенно тѣмъ, что оно есть, то въ собственномъ смыслѣ именуется придаваемымъ ему именемъ. А если что не во всѣхъ чертахъ есть то, чѣмъ наименовано: то напрасно носитъ сіе название. Напримѣръ, если кто покажетъ настоящіи лѣвъ, то скажемъ, что таковыи въ собственномъ смыслѣ это имя призветъ предмету: а если кто вмѣсто естественнаго лѣва покажетъ

сдѣланный искусственно изъ камня, у котораго и видъ такой же, и равная величина, и есть подобіе въ цвѣтѣ, такъ что во многомъ кажется опъ однимъ и тѣмъ же съ первообразомъ, недостасть же ему одного, — возможности служить пищею: то на сіе скажемъ, что камень получилъ названіе хлѣба не въ собственномъ смыслѣ, но не по точному словоупотребленію. На томъ же основаніи и все, о чемъ скажется что либо, не во всѣхъ отношеніяхъ принадлежащее сему, имѣеть названіе не по точному словоупотребленію. Такъ, поелику и совершенство души въ умной силѣ и дарѣ слова, то все, что не таково, можетъ быть чѣмъ-то подобоименнымъ душѣ, однакоже есть не дѣйствительная душа, а иѣкая жизненная дѣятельность, названіемъ приравниваемая душѣ.

Поэтому естество безсловесныхъ, какъ не далеко отстоящее отъ этой естественной жизни, Узаконившій о всемъ отдалъ также въ употребленіе человѣку, чтобы оно вмѣсто земли служило вкушающимъ. Ибо говорить: ѣдите всякое мясо, *яко земли травное* (Быт. 9, 3.). Такъ не велико кажется преимущество у чувствительной дѣятельности предъ питательною и растительною безъ чувствительной!

Да научить это плотолюбцевъ не обращаться много мыслію къ паразитическому для чувствъ, но обращать вниманіе на преимущества душевныхъ, такъ какъ въ нихъ усматривается

истинная душа, а чувство есть въ равной мѣрѣ и у безсловесныхъ.

Но послѣдовательность слова привела насъ къ шому. Ибо обозрѣнію нашему предстояло не то доказывать, что изъ представляемаго мыслию о человѣкѣ важнѣе умственная дѣятельность, нежели вещественное въ составѣ, но что умъ у насъ не заключается въ какихъ либо частяхъ, а равно и во всѣхъ и по всѣмъ, и не объемля ихъ отвиѣ, и не содержась внутри ихъ; ибо сіе въ собственномъ смыслѣ говорится о сосудахъ, или другихъ тѣлахъ, другъ въ друга вкладываемыхъ. Общенье же ума съ тѣлеснымъ состоитъ въ какомъ-то невыразимомъ и непримыслимомъ соприкосновении; оно и не внутри происходитъ, потому что безтѣлесное не удерживается тѣломъ; и не объемля отвиѣ, потому что безтѣлесное не окружаетъ собою чего либо. Напротивъ того чуднымъ и недомыслимымъ какимъ-то способомъ умъ, приближаясь къ естеству и соприкасаясь съ нимъ, примѣчается и въ немъ и около него, но не въ немъ возсѣдая, и не объемля его собою, а такъ, что сего сказать, или представить умомъ, невозможно, кромѣ одного, а именно, что, когда естество, по особой его связности, въ добромъ состояніи, тогда и умъ бываетъ дѣйственъ; если же оно потеритъ какую утрату, по мѣрѣ одной и движеніе мысли бываетъ погрѣнительно.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Взглядъ на Божественное изреченіе, въ которомъ сказано: *сотворимъ челоуька по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.), — при чемъ подвергается изслѣдованію, что означается словомъ: образъ; уподобляется ли блаженному и безстрастному страстное и притременное, и — какъ въ образъ мужескій и женскій полъ, когда нѣтъ ихъ въ первообразѣ.

Но возвратимся опять къ Божию слову: *сотворимъ челоуька по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.). Какъ низко и недостойно естественнаго величія челоуька представляли о немъ нѣые изъ язычнковъ, величая, какъ они думали, естество челоуьческое сравненіемъ его съ этимъ міромъ! Ибо говорили: челоуькъ есть малѣйшій міръ, состоящій изъ однихъ и тѣхъ же со всею стхійю. Но, громкимъ симъ именованіемъ воздавая такую похвалу челоуьческой природѣ, сами того не замѣтили, что почитали челоуька свойствами комара и мыши; потому что и въ нихъ раствореніе четырехъ стхійю, почему какая либо большая или меньшая часть каждой изъ нихъ непременно усматривается въ одушевленномъ, а не изъ нихъ неестественно и составляетъ чему либо одаренному чувствомъ. Иосему что важнаго въ этомъ, — почитать челоуька образомъ и подобіемъ міра: когда и небо переходитъ, и земля измѣняется, и все, что въ нихъ содержится,

переходить прохожденіемъ содержащаго? Но въ чемъ же по церковному ученію состоитъ человѣческое величіе? Не въ подобіи тварному міру, но въ томъ, чтобы быть по образу естества Сотворшаго. Посему чтоже означается словомъ: образъ?

Можетъ быть, спросишь: какъ уподобляется тѣлу безтѣлесное, вѣчному временное, неизмѣняемому, что круговращательно измѣняется, безстрастному и нетлѣнному страстное и тлѣнное, чуждому всякаго порока, что всегда съ нимъ живетъ и воспитывается? Великое разстояніе между тѣмъ, что уопределяется по первообразу, и что создается по образу. Образъ, если онъ подобенъ первообразу, въ собственномъ смыслѣ называется образомъ; если же подражаніе далеко отъ предполагаемаго, то все таковое есть нѣчто иное, а не образъ того, чему подражаютъ. Какъ же человѣкъ, — существо смертное, страстное, скоропреходящее есть образъ естества безпримѣснаго, чистаго, всегда сущаго? Но истинное о сёмъ ученіе ясно вѣдать возможно одной въ подлинномъ смыслѣ Истинѣ: а мы сколько вѣнцаемъ, вѣскими догадками и предположеніями слѣди за истинною, о предметъ изслѣдованія думаемъ такъ.

И Божіе слово изрекше, что человѣкъ созданъ по образу Божію, не лжетъ; и жалкая бѣдность естества человѣческаго не уподоб-

ляется блаженству безстрастной жизни. Ибо, если сравнить кто естество наше съ Богомъ, необходимо признать одно изъ двухъ, что, или Божественное естество страстно, или человеческое безстрастно, чтобы понятіе подобія могло быть прилагасемо къ обоимъ. Если же и Божественное не страстно, и наше не чуждо страсти: то остается, значить, другое какое либо понятіе, по которому утверждается истинность Божественнаго изреченія, сказующаго, что человекъ созданъ по образу Божию. Слѣдовательно должно намъ возвратиться къ самому Божественному Писанію,—цѣтъ ли въ написанномъ какого руководства къ рѣшенію вопроса? Послѣ сказаннаго: *сотворилъ человека по образу*, Писаніе и о томъ, для чего *сотворилъ*, пресоветуяетъ слѣдующее: *и сотвори Богъ человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ* (Быт. 1, 27.). Хотя сказано было выше, что таковое слово провозглашено въ изложениіе еретическаго несчастія, и мы научившись, что Единородный Богъ сотворилъ человека по образу Божию, никонмъ образомъ не должны различать Божества въ Отцѣ и Сынѣ, когда святое Писаніе Того и Другаго равно именуетъ Богомъ, Который и сотворилъ человека, и по образу Котораго созданъ человекъ: но рѣчь о семъ пусть будетъ оставлена, вопросъ же долженъ обратиться къ преслѣдованію подлежащаго: почему и Бо-

жественное естество блаженно, и человѣческое бѣдственно, а въ Писаніи послѣднее именуется подобнымъ первому? Посему съ точностію изслѣдовать должно реченія: ибо найдемъ, что нѣчто иное есть — созданное по образу, и иное — нѣнѣ оказывающееся бѣдственнымъ.

Сказано: *сотвори Богъ чловѣка, по образу Божію сотвори его*: твореніе созданнаго по образу приводится къ окончанію. Потомъ дѣлается повтореніе сказаннаго объ устроеніи, и говорится: *мужа и жену сотвори ихъ*. Для всякаго, думаю, понятно, что сіе разумѣть должно, не относя къ первообразу: ибо *о Христѣ Иисусѣ*, какъ говоритъ Апостолъ, *имѣть мужескій полъ ни женскій* (Гал. 3, 28.). Однакоже слово сказуетъ, что чловѣкъ раздѣленъ на сіи полы. Посему устроеніе естества нашего есть нѣкое двоякое, одно угодное естеству Божественному, и другое раздѣляемое на разные полы. Нѣчто подобное сему дастъ подразумѣвать Писаніе словосочиненіемъ написаннаго, сперва сказавъ: *сотвори Богъ чловѣка, по образу Божію сотвори его*, и потомъ присовокуивъ къ сказанному: *мужа и жену сотвори ихъ*, что чуждо умопредставляемому о Богѣ. Ибо думаю, что Божественнымъ Писаніемъ въ сказанномъ преподается нѣкїи великій и возвышенный догматъ, и онъ таковъ: чловѣческое естество есть среднее между двухъ нѣкїихъ, одно отъ другаго раздѣленныхъ и

стоящихъ на самыхъ крайностяхъ, между естествомъ Божественнымъ и безтѣлеснымъ, и между жизнью безсловесною и скотскою; потому что въ человѣческомъ составѣ можно усматривать часть того и другаго изъ сказанныхъ естествъ, изъ Божественнаго — словесность и разумность, что не допускаетъ разности въ мужскомъ и женскомъ полѣ, и изъ безсловеснаго — тѣлесное устройство и образование, раздѣляемое на мужескій и женскій полъ. То и другое изъ сихъ естествъ непременно есть во всякомъ причастномъ человѣческой жизни. Но умное, какъ дознаемъ отъ изложеннаго въ порядкѣ происхожденіе человѣка, въ немъ первенствуетъ; прирождено же человѣку общеніе и сродство съ безсловеснымъ. Ибо Писаніе сперва говоритъ: *сотвори Богъ человека по образу Божію*, показывая сими словами, какъ говоритъ Апостоль, что въ такомъ *плоть мужескій полъ ни женскій*; потомъ присовокупляетъ отличительныя свойства человѣческаго естества, а именно: *мужа и жену сотвори ихъ*. Посему что же дознаемъ изъ сего?

Да не понегодуетъ на меня кто либо, что издадека поведу рѣчь о пастоящей мысли. Богъ, по естеству Своему, есть всякое то благо, какое только можно обнять мыслію. Или лучше сказать, будучи выше всякаго блага и мыслимаго и постигаемаго, Онъ творитъ человѣка не по чему либо иному, а только по-

тому, что благъ. Будучи же таковымъ, и поэтому приступивъ къ созданію человѣческаго естества, не въ половину показавъ могущество благодати, давъ нѣчто изъ того, что у Него есть, и покушавшись въ семь общеній. Напротивъ того, совершенный видъ благодати въ Богѣ состоитъ въ томъ, что приводитъ человѣка изъ небытія въ бытіе, и содѣлываетъ его не скуднымъ въ благахъ. Послику же подробный списокъ благъ, великъ и обозначить ихъ числомъ неудобно: то Божіе слово, въ краткомъ изреченіи совокушвъ все блага, обозначило ихъ, сказавъ, что человѣкъ созданъ по образу Божию. Ибо это значитъ тоже, что и сказать: содѣлавъ естество человѣческое причастнымъ всякаго блага; потому что, если Божество есть полнота благъ, а человѣкъ Его образъ, то значитъ, образъ въ томъ и имѣть подобіе первообразу, что исполненъ всякаго блага. Слѣдовательно въ насъ есть представленіе всего прекраснаго, всякая добродѣтель и мудрость, все, что только есть умопредставляемаго о наилучшемъ. Однимъ изъ числа всего необходимо есть и сіе, — быть свободнымъ, не подчиняться какому либо естественному владычеству, но имѣть самовластную, по своему усмотрѣнію рѣшимость: потому что добродѣтель есть нѣчто не подвластное и добровольное, принужденное же и невольное не можетъ быть добродѣтелію.

Итакъ, поелику образъ во всемъ носить на себѣ черты первообразной красоты; то, если бы не имѣлъ въ чемъ либо различія, былъ бы уже, конечно, не подобіемъ, но казался бы по всему тѣмъ же самымъ, во всемъ не отличнымъ. Посему какое же различіе усматриваемъ между самымъ Божествомъ и уподобляемымъ Божеству? То, что Божество не создано, а подобіе произведено творцею. А различіе такового свойства сопровождалось опять различіемъ другихъ свойствъ. Ибо всѣмъ непремѣнно признается, что естество несотворенное непремѣнно и всегда таково же; естество же тварное не можетъ пребывать безъ измѣненія; потому что самый переходъ изъ небытія въ бытіе есть нѣкое движеніе и измѣненіе въ существующее несуществовавшаго, предлагаемаго по Божественному изволенію. И какъ черты кесаря на мѣдиЕвангеліе называетъ образомъ, — изъ чего дознаемъ, что, хотя по внѣшнему виду въ изображеніи есть подобіе кесарю, однакоже въ дѣйствительности имѣется разность, такъ и согласно съ настоящимъ словомъ, разумѣя вмѣсто чертъ то изъ усматриваемаго въ Божественномъ и человѣческомъ естествѣ, въ чемъ есть подобіе, на самомъ дѣлѣ находимъ различіе, какое примѣчается въ несотворенномъ и сотворенномъ. Итакъ, поелику несотворенное пребываетъ одинаковымъ и притомъ всегда, а приведенное въ бытіе

твореніємъ начинаеть и существованіе измѣненіемъ, и сродственно такому образу бытія; то *Свидѣній вся прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42.), какъ говоритъ пророчество, соображаясь съ тѣмъ, или лучше сказать, предуразумѣвая силою предвѣдѣнія, къ чему склонно движеніе человеческого произвола по самоуправству и самовластию (послику знаютъ будущее), изобрѣтаеть для образа различіе мужескаго и женскаго пола, которое не имѣеть никакого отношенія къ Божественному первообразу, но, какъ сказано, присвоено естеству безслесному.

Причину же такового примышленія могутъ знать одни *самоисидцы истины и слуги словесе* (Лук. 1, 2.), а мы, сколько возможно, въ нѣкихъ гаданіяхъ и образахъ представляя себѣ истину, пришедшее на мысль не излагаемъ утвердительно, а въ видѣ упражненія предложимъ благопріизрательнымъ слушателямъ. Итакъ что же придумали мы о семъ? Слово Божіе, сказавъ: *сотвори Богъ человека*, неопредѣленностію выраженія указываетъ на все человеческое; ибо твари не придано теперь сіе имя: Адамъ, какъ говоритъ исторія въ послѣдующемъ; напротивъ того имя сотворенному человеку дается, не какъ какому либо одному, но какъ вообще роду. Посему общимъ названіемъ естества приводимся къ такому предположенію, что Божественнымъ предвѣдѣніемъ и

могуществомъ въ первомъ устроении объемлетъ все человеѣчество. Ибо надлежить думать, что для Бога въ сотворенномъ Имъ нѣтъ ничего неопредѣленнаго; а напротивъ того для каждаго изъ существъ есть нѣкїи предѣлъ и мѣра, опредѣленная премудростію Сотворившаго. Посему, какъ одинъ человеѣкъ по тѣлу ограничивается количествомъ, и количественность есть мѣра тѣлеснаго у него состава, опредѣляемая поверхностію его тѣла;—такъ, думаю, по силѣ предвѣдѣнія, какъ бы въ одномъ тѣлѣ сообщята Богомъ всяческихъ полнота человеѣчества, и сему-то учить слово изрекшее: *сотвори Богъ человека, и по образу Божію сотвори его.* Ибо не въ части естества образъ, и не въ комъ либо одномъ изъ усматриваемыхъ такимъ-же благодать, но на весь родъ равно простирается таковая сила; а признакомъ сему то, что всѣмъ равно дарованъ умъ, всѣ имѣютъ способность размышлять, напередъ обдумывать, и все прочее, чѣмъ изображается Божественное естество въ созданномъ по образу Его. Однакоже имѣютъ сіе, и явленный при первомъ устроении міра человеѣкъ, и тотъ, который будетъ при скончаніи вселенной; они равно носятъ въ себѣ образъ Божїи. Посему цѣлое наименовано однимъ человеѣкомъ; потому что для Божїи-могущества нѣтъ ничего ни прошедшаго, ни будущаго, но и ожидаемое направѣ съ настоящимъ, содержится вседержа-

щею дѣйствительною. Посему все естество, простирающееся отъ первыхъ людей до послѣднихъ, есть единый пѣкій образъ Сущаго. А различіе рода относительно къ мужескому и женскому полу придано твари въ послѣдствіи, по слѣдующей, какъ думаю, причинѣ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Что надлежитъ отвѣчать недоумѣвающимъ о томъ, что если чадородіе послѣ грѣха, то какъ рождались бы души, еслибы первобытные люди пребыли не согрѣшившими ?

Лучше же сказать, прежде изслѣдованія предположеннаго, благоразумнѣе, можетъ быть, поступимъ, принесявъ рѣшеніе предлагаемаго намъ противниками.. Ибо говорятъ, что прежде грѣха не повѣствуется ни о рожденіи, ни о болѣзни рожденія, ни о желаніи чадородія. Но, когда послѣ грѣха изгнаны люди изъ рая, и жена осуждена въ наказаніе на болѣзни рожденія, тогда Адамъ приступилъ къ супругѣ своей, и позналъ ее брачно, и тогда положено начало чадородію. Посему, если въ раю не было брака, ни болѣзни рожденія, ни самаго рожденія; то въ слѣдствіе сего, говорятъ, необходимо заключить, что не было бы множества душъ человѣческихъ, еслибы даръ безсмертія не обращенъ былъ въ смертность, и бракъ не соблюлъ естества рождающимися вновь, вмѣсто отходящихъ вводя прощед-

нихъ отъ нихъ; такъ что грѣхъ, прившедшій въ жизнь человѣческую, нѣкоторымъ образомъ принесъ пользу. Ибо родъ человѣческій ограничивался бы четою первосозданныхъ, еслибы страхъ смерти не побудилъ естества къ произведенію потомства.

Но и въ этомъ опять истинное ученіе если оно доступно кому, можетъ быть явнымъ только для посвященныхъ, подобно Павлу, въ тайны рая: а наше мнѣніе таково: саддукеи оспаривали нѣкогда ученіе о воскресеніи, и въ подтвержденіе своего ученія указывали на жену многобрачную, бывшую за семью братьями, потомъ спрашивали: котораго изъ нихъ женою будетъ она по воскресеніи? Господь на этотъ вопросъ отвѣтствуетъ, не только вразумляя саддукеевъ, но и всѣмъ послѣ нихъ открывая тайну жизни по воскресеніи, и говоритъ: *въ воскресеніе бо ни женятся, ни посвящаются* (Мѡ. 22, 30.), *ни узрети бо ктому логутъ: равни бо суть Ангеломъ, и сынове сунтъ Божіи, воскресенія сынове суще* (Лук. 20, 36.). Даръ же воскресенія не иное что обѣщаетъ намъ, какъ возстановленіе падшихъ въ первобытное состояніе; ибо сія ожидаемая благодать есть къ первоначальной жизни возвращеніе, изгнаннаго изъ рая снова въ него вводящее. Посему, если жизнь востановляемыхъ имѣеть сродство съ жизнью Ангеловъ: то очевидно, что жизнь до преступленія была нѣкая ангельская. Почему и возвращеніе

къ первобытной нашей жизни уподобляется Ангеламъ. Но какъ сказано, хотя брака у Ангеловъ нѣтъ, однакоже воинство ангельское состоитъ изъ безчисленныхъ тѣмъ. Такъ повѣствоваль въ видѣніяхъ и Даниль. Слѣдовательно, еслибы не произошло съ нами въ слѣдствіе грѣха никакаго превращенія и паденія изъ ангельскаго равночестія, то и мы такимъ же образомъ для размноженія не имѣли бы нужды въ бракѣ. Но какой способъ размноженія у естества ангельскаго,—это неизреченно и недомыслимо по гаданіямъ человѣческимъ; впрочемъ несомнѣнно то, что онъ есть. И оный могъ бы дѣйствовать и у людей *малыи чимъ отъ Ангелъ* умаленныхъ (Ис. 8, 6.), приумножая человѣческій родъ до мѣры определенной совѣтомъ Сотворшаго.

Если же кто затруднится, спрашивая о способѣ происхожденія людей, не нужно ли было для сего человѣку содѣйствіе брака?—то и мы спросимъ его о способѣ бытія Ангеловъ: — почему они составляютъ безчисленныя тѣмы, будучи и одною сущностію и многочисленными? Ибо даемъ приличный отвѣтъ возражающему: какъ могъ бы человѣкъ, быть безъ брака? когда говоримъ: такъ же, какъ Ангелы существуютъ безъ брака. А что человѣкъ до преступленія подобенъ былъ Ангеламъ, доказываетъ сіе возстановленіе его опять въ этоже подобіе.

Послѣ такого нашего о семъ разсужденія возвратиться должно къ прежнему вопросу : почему по устроеніи образа Богъ примышляетъ для твари различіе въ мужескомъ и женскомъ полѣ? Для сего, какъ утверждаю, полезно предварительно нами изложенное начало. Приводящій все въ бытіе и цѣлаго человѣка , по собственной Своей волѣ, содѣлавшій Божіимъ образомъ, не хотѣлъ бы видѣть, чтобы число душъ достигало своей полноты постепеннымъ приращеніемъ раждаемыхъ, по силою предвѣдѣнія мгновенно представивъ мысленно въ сей полнотѣ всю человѣческую природу и почтивъ ее высокимъ и равноангельнымъ жребіемъ , поеліку прозрительною силою предусмотрѣлъ, что произволеніе человѣческое не пойдетъ прямымъ путемъ къ прекрасному , и потому отпадетъ отъ равноангельской жизни, то, чтобы не сдѣлалось малымъ число душъ человѣческихъ, утративъ тотъ способъ, какимъ Ангелы возрасли до множества; поэтому самому примышляетъ для естества способъ размноженія , сообразный для поползувшихся въ грѣхъ; вмѣсто того, что прилично ангельскому величію, насадивъ въ человѣчествѣ способъ взаимнаго пресѣтства скотскій и безсловесный. Посему-то, кажется мнѣ, и великій Давидъ, сожалья о бѣдности человѣка, такими словами оплакиваетъ человѣческое естество: *человѣкъ въ чести сый не разумъ*, называя честию—рав-

ночестіе съ Ангелами: посему продолжаетъ ,
*приложися скотомъ неслышаннымъ, и угодися
 члвкъ* (Псал. 48, 21.). Ибо подлинно стаѣъ ско-
 тень пріивній въ природу свою, по наклон-
 ности къ вещественному, этотъ текущій спо-
 собъ рожденія.

ГЛАВА ОСНАДЦАТАЯ.

О томъ, что страсти безсловесныхъ имѣють въ насъ причину
 средство съ безсловеснымъ естествомъ.

Думаю, что и всякая страсть отъ сего начала,
 какъ изъ нѣкаго источника произикши, на-
 водняетъ человѣческую жизнь. Доказатель-
 ствомъ же сказаннаго служить средство стра-
 стей, равно обнаруживающееся и въ насъ, и
 въ безсловесныхъ; ибо несправедливо припи-
 сывать первыя начала страстнаго расположенія
 естеству человѣческому, созданному по образу
 Божію. Но пощчку привзошла въ этотъ міръ
 и жизнь безсловесныхъ, а чловѣкъ, по ска-
 занной выше причинѣ, и изъ естества безсло-
 весныхъ заимствовалъ нѣчто, разумѣю способъ
 рожденія; то чрезъ сіе заимствовалъ и прочее,
 замѣчаемое въ этомъ ествѣ; ибо не въ раз-
 дражительной силѣ у чловѣка подобіе Божіе,
 и не сластолюбіемъ отличается естество пре-
 имущественное: и боязливость, и дерзость, и
 желаніе большаго, и отвращеніе отъ скудости,
 и все тому подобное, далеки отъ признаковъ

боголѣпія. Посему естество человѣческое извлекло это изъ безсловесной въ себѣ части; ибо, чѣмъ безсловесная жизнь ограждена для самосохраненія, то, будучи перенесено въ жизнь человѣческую, стало страстно. Животныя плотоядныя охраняются раздражительностію; животныхъ многогородящихъ спасаетъ сластолюбіе; животное малосильное хранитъ робость. удобоуловимое сильнѣйшими—страхъ, прензбыточествующее плотію—прожорливость. И не удовлетворить въ чемъ либо своему сластолюбію — для безсловесныхъ служить предлогомъ къ скорби. Все сіе и подобное тому, по причинѣ скотскаго рожденія, привзошло въ устройство человѣка.

И да позволено мнѣ будетъ, подражая ваятельному искусству, описать человѣческой образъ словомъ. Какъ между изваяніями можно видѣть двулицыя, какія обдѣльваютъ на удивленіе зрителямъ любители сего художества, на одной головѣ представляя два вида лицъ: такъ и человѣкъ, кажется мнѣ, носить въ себѣ до противоположности двоякій видъ, въ богоподобіи ума изображая подобіе Божественной красотѣ, а въ страстныхъ стремленіяхъ представляя близость свою къ скотообразности. Но часто и разумъ, по наклонности и расположенію къ безсловесному, затмѣвая въ себѣ лучшее худшимъ, доходитъ до скотоподобія; ибо, какъ скоро до этого унизитъ кто мыслен-

ную дѣятельность, и принудить разумъ стать служителемъ страстей, происходить какое-то превращеніе добрыхъ чертъ въ безсловесный образъ, и все естество измѣняетъ свой видъ, а разумъ, подобно земледѣльцу, обрабатываетъ пачатки страстей, и постепенно возвращаетъ ихъ въ большемъ и большемъ количествѣ; потому что, употребивъ свое содѣйствіе страсти, произвелъ онъ многочисленное и обильное порожденіе пелѣостей. Такъ сластолюбіе имѣло началомъ уподобленіе безсловесному, но въ человѣческихъ проступкахъ возрасло, породивъ такое число разныхъ грѣховъ сластолюбія, какого нельзя найдти въ безсловесныхъ. Такъ вождельніе къ раздражительности сродно съ стремительною безсловесныхъ, возрастаетъ же при содѣйствіи помысловъ; ибо отсюда метительность, зависть, лживость, злоумышленность, лицемеріе. Все это произрашено худымъ дѣланіемъ ума. Ибо, если страсть сія лишится содѣйствія помысловъ, то раздражительность останется чѣмъ-то скоропреходящимъ и безсильнымъ, подобнымъ пузырью, который, едва явится на водѣ, и тотчасъ лопается. Такъ прожорливость свиней ввела любостыжательность, и величавость копей стала началомъ гордыни. И все, произшедшее отъ скотскаго безсловесія, и взятое въ отдѣльности, при худомъ употребленіи ума стало порокомъ; какъ и наоборотъ, / если разумъ

воспринметъ власть надъ таковыми движеніями, то каждое изъ нихъ превратится въ видъ добродѣтели. Такъ раздражительность производитъ мужество, робость—осторожность, страхъ — благопокорность, ненависть — отвращеніе отъ порока, сила любви—вождедѣніе истинопрекраснаго, а величавость права возвышаетъ надъ страстями, и образъ мыслей сохраняетъ непорабощеннымъ злу. Такой видъ возношенія духа похваляетъ и великій Апостоль, повелѣвая постоянно мудрствовать *гория* (Кол. 3, 2.). Такъ можно найти, что всякое таковое движеніе, возносимое возвыщенностію мысли, сообразуется съ красотою того, что по образу Божію. Но поелику есть какая-то тяжелая и въ низъ стремящаяся склонность грѣха: то чаще бываетъ иное: ибо тяжестию безсловеснаго естества болѣе увлекается въ низъ владычественное души, нежели сколько тяжелое и перетное возносится вверхъ возвыщенностію мысли. Посему нерѣдко окаянство наше дѣлается, что не узнаемъ Божія дара: потому что плотскія страсти налагаются, подобно гнуеной личинѣ, на красоту того, что по образу.

Поэтому взирающіе на подобное сему извинительны нѣсколько, когда не легко соглашаются, что есть въ нихъ образъ Божій. Напротивъ того, смотря на преуспѣвшихъ по жизни, можно усматривать въ людяхъ образъ Божій. Ибо, если кто, будучи страстнымъ и плот-

скимъ , заставляетъ не вѣрять, что человекъ украшенъ какъ бы Божественной лѣнотою : то, несомнѣнно, высокій по добродѣтели и чистый отъ скверны утвердить тебя въ лучшемъ о людяхъ мнѣніи. Напримѣръ (пбо всего лучше объяснить мысль сію примѣрами) пусть скверною лукавства омрачилъ въ себѣ красоту естества кто-либо изъ извѣстныхъ пороочноію, какой нибудь Іехонія, или, если кто и другой упоминается по причинѣ худыхъ его дѣлъ, за то въ Моисеѣ и подобныхъ ему чистымъ сохранился видъ образа. Посему, въ комъ не померкла красота, тѣмъ ясно подтверждается вѣрность сказаннаго, что человекъ сотворенъ какъ Божіе подобіе.

Но шій, можетъ быть, приводится въ стыдъ тѣмъ, что жизнь наша, по подобію безсловесныхъ, поддерживается пищею, и потому признаетъ человека недостойнымъ той ѿ немъ мысли, что созданъ по образу Божію: пусть же надѣется, что естеству нашему пѣкогда, сообразно ожидаемой жизни, даровано будетъ освобожденіе отъ сего служенія: *нѣтъ бо, какъ говоритъ Апостоль, царство Божіе брашно и питіе* (Рим. 14, 17.). И Господь предрекъ: *не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человекъ, но о всякомъ словомъ исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Мѡ. 4, 4.). Да и воскресеніе указываетъ намъ на жизнь равноангельную. Поелику же у Ангеловъ нѣтъ брашна, то къ удостовѣренію достаточно

сего доказательства, что освободится отъ тако-
ваго служенія челоуѣкъ, и будетъ жить по
подобію Ангеловъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Отвѣтъ утверждающимъ, что наслажденіе уповаемыми благами
должно состоять опять въ нищѣ и пити, по написанному, что
въ началѣ въ раю этимъ жилъ челоуѣкъ.

Но, можетъ быть, скажетъ иный, что чело-
уѣкъ придетъ не въ тотъ же опять образъ
жизни, если первоначально нужно было намъ
вкушать нищу, а послѣ настоящей жизни осво-
бодимся отъ сего служенія. А я, слушаая свя-
тое Писаніе, не только тѣлесное разумѣю вку-
шеніе и плотское веселіе, но ~~еще и другую~~
нѣкую, имѣющую нѣкоторое сходство съ тѣ-
лесною) нищу, наслажденіе которою прости-
рается на одну душу. *Идите мой хлѣбъ*, пове-
лѣваетъ алчущимъ премудрость (Притч. 9, 4.),
и Господь улаждаетъ алчущихъ таковою снѣди
(Мѡ. 5, 6.), и говоритъ: *еще кто жаждетъ,*
да придетъ ко Мнѣ и нестъ (Юан. 7, 37.). И
великій Исаія способнымъ понять высоту его
повелѣваетъ: *пійте радость* (Иса. 25, 6.). ~~Есть~~
и нѣкая пророческая угроза достойнымъ на-
казанія, что наказаны будутъ голодомъ; и гладь
этотъ будетъ не отъ какого либо недостатка
въ хлѣбѣ и водѣ, но отъ лишенія слова; ибо

сказано: *не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня* (Амосъ: 8, 11.)

Поэтому надлежитъ представлять себѣ нѣкій плодъ, достойный Божія насажденія въ Едемѣ (а Едемъ толкуется: услажденіе), и не сомнѣваться, что питался имъ человѣкъ; и для пребыванія въ раю не воображать себѣ непременно эту преходящую и истекающую пищу.

Сказано: *отъ всякаго древа, еже въ раю, съидю съи* (Быт. 2, 16.). Чувствующему здравый гладъ кто дастъ оное древо, еже въ раю, заключающее въ себѣ всякое благо, которому имя: *всяко*—все, вкушеніе чего даруется человѣку Божіимъ словомъ? Послику съ симъ родовымъ и высшимъ понятіемъ неразрывенъ всякій видъ благовъ, то въ чемъ заключается цѣлое? И кто отвратитъ меня отъ этого смѣшаннаго и обоюднаго вкушенія съ древа? Ибо, конечно, неявно для болѣе прозорливыхъ, что сіе *всяко* есть нѣчто такое, чего плодъ—жизнь, и это смѣшанное опять нѣчто такое, чего конецъ—смерть. Ибо обильно Предложившій человѣку наслажденіе всякимъ, безъ сомнѣнія, по нѣкому закону и по промыслительности воспрещаетъ человѣку вкушеніе того, что не есть ни то ни сіе. И мнѣ кажется лучшимъ, учителями въ истолкованіи сего понятія избрать великаго Давида и премудраго Соломона; потому что оба они даръ дозволеннаго услажденія признаютъ единымъ, тѣмъ дѣйствительнымъ

благомъ, которое подлинно есть всякое благо, и Давидъ сказуетъ *наследися Господеву* (Псал. 36, 4.), и Соломонъ самую премудрость, которая есть Господь, именуя *древомъ живота* (Притч. 3, 18.). Итакъ одно и тоже съ деревомъ жизни есть *всякое* дерево, вкушеніе отъ котораго дозволяется Словомъ созданному по Богу. Противопологается же сему дереву другое дерево, вкушеніе отъ котораго есть вѣдѣніе добра и зла, не въ томъ смыслѣ, что оно особо по частямъ приносило въ плодъ каждую изъ означенныхъ противоположностей, но въ томъ, что оно произрацало нѣкїи слитный и смѣшанный плодъ, срастворенный изъ противоположныхъ качествъ. Вкушеніе сего плода воспрещаетъ Начальникъ жизни, совѣтуетъ же змїи, чтобы устроить входъ смерти. И присовѣтовавній это дѣлается убѣдительнымъ, прикрасивъ плодъ доброцвѣтностію и сладостію, чтобы и на видъ казался прїятель, и возбуждалъ желаніе вкусить его.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Какова жизнь въ раю, и что такое запрещенное дерево.

Посему, что это такое, въ чемъ срастворено вѣдѣніе добра и зла вмѣстѣ, и что украшено удовольствїями для чувства? Конечно не далекимъ отъ истины будетъ мое гаданіе, если въ

начало обозрѣнія употреблю уразумѣніе того, что́ значить вѣдѣніе. Думаю же, что здѣсь Писаніе подъ вѣдѣніемъ разумѣеть не познаніе, но нахожу, по словоупотребленію Писанія, нѣкую разность въ словахъ: вѣдѣніе и различеніе. Ибо Апостоль говоритъ, что отличать добро отъ зла съ знаніемъ дѣла принадлежитъ совершеннѣйшей способности и чувствамъ обученнымъ (Евр. 5, 14.). Поэтому дасть и повелѣніе—*вся* некушать (1 Сол. 5, 21.), и говоритъ, что различать свойственно духовному (1 Кор. 2, 15.). Но вѣдѣніе не вездѣ по смыслу рѣчи означаетъ познаніе и уразумѣніе, а иногда и расположеніе къ приятному. Такъ: *позна Господь* *сущія Свои* (2 Тим. 2, 19.). И Моисею говоритъ Богъ: позналъ Я тебя *паче* *всѣхъ* (Втор. 34, 11.). Объ осужденныхъ же за порочность говоритъ Всевѣдущій: *ико* *никогдаже* *знахъ* *васѣ* (Мѣ. 7, 23.).

Итакъ древо, которымъ въ плодъ приносится смѣшанное вѣдѣніе, принадлежитъ къ запрещенному. А плодъ оный, имѣвній защитникомъ своимъ змія, смѣшанъ изъ противоположностей, по той, можетъ быть, причинѣ, что предлагается не злу обыкновенное, какииъ представляется оно само въ себѣ по собственной своей природѣ: потому что не имѣлъ бы и силы порока, непрекращеннѣйшій ничѣмъ хорошимъ, привлекающимъ обольщаемого къ пожеланію. А нынѣ смѣшана нѣскольکو природа.

зла, внутри имѣетъ пагубу, какъ скрытый иѣкій обманъ, а по наружности показываетъ обольстительное иѣкое представленіе добра. Прекрасною серебромъ кажется доброцѣтность вещества, но *корень весьма злымъ* бываетъ *сребролюбіе* (1 Тим. 6, 10.). Кто поползнулъ бы въ зловонную тишу нецѣлостности, еслибы удовольствія не почиталъ чѣмъ-то прекраснымъ и желательнымъ для себя, увлекаемый этою приманкой въ страсть? Такъ и прочіе грѣхи, имѣя въ себѣ скрытую гибель, желательными кажутся на первый взглядъ, но какому-то обольщенію для неосмотрительныхъ столько же привлекательными, какъ и дѣло доброе. Посему многіе признаютъ прекраснымъ то, что веселитъ чувства, и подобоименны, какъ дѣйствительно прекрасное, такъ и кажущееся прекраснымъ: посему самому и бывающее вождѣніе зла какъ и добра въ Писаніи наименовано вѣдѣніемъ добра и зла, и подъ вѣдѣніемъ разумѣется какое-то сорасположеніе и примѣненіе, то есть, не отрѣшенное зло (такъ какъ цвѣтъ красотою), но и не чистое добро (потому что сокрывалъ въ себѣ зло), но смѣсь того и другаго — этотъ плодъ запрещеннаго древа, вкушеніе котораго, по сказанному, ведетъ къ смерти прикасающихся. А снѣмъ открыто почти выражаетъ сіе ученіе, что по-длинно доброе по природѣ своей просто и ошолочно, чуждо всякой двойственности и

сочетанія съ противоположнымъ, а злое раз-
пообразно и прикровенно, инымъ чѣмъ-то при-
знается, и инымъ оказывается на опытѣ: и
вѣдѣніе его, т. е. дознаніе на опытѣ, дѣлается
началомъ и причиною смерти и тлѣнія.

Поэтому-то змій указываетъ этотъ зловредный
плодь грѣха, не обнаруживъ явно того зла,
какое заключалъ онъ въ себѣ по природѣ
своей (человѣкъ и не прельстился бы очевид-
нымъ зломъ), но, облетавъ какою-то красо-
тою видимость, и очаровавъ какимъ-то чув-
ственнымъ удовольствіемъ при вкушеніи, до-
стойнымъ вѣроятія показался женѣ, какъ
говоритъ Писаніе. Ибо сказано: *и видѣ жена,
яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима
видѣти, и красно есть, еже разумѣти: и взя-
ше отъ плода его, яде* (Быт. 5, 6.); и она
снѣдь для людей стала матерью смерти.

Поэтому вотъ что значитъ сей смѣшанный
плодь, по ясному изъясненію смысла Писа-
нія, по которому оное древо наименовано вѣ-
дѣніемъ добра и зла, потому что подобно зло-
вредности яда вложеннаго въ медь, поколику
улаживаетъ чувство, кажется добромъ, а по-
колику губитъ прикасающагося, дѣлается са-
мымъ крайнимъ зломъ. Поэтому, когда зловред-
ный ядъ подѣйствовалъ на жизнь человѣческую,
тогда *человѣкъ*, — это великое и дѣло и имя,
отображеніе Божественнаго естества, какъ го-
воритъ Пророкъ, *суети подобися* (Псал. 143,

4.). Итакъ образъ Божій состоитъ въ томъ, что усматривается въ насъ лучшаго, а все то, что въ жизни нашей скорбнаго и бѣдственнаго, далеко отъ подобія Божеству.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О томъ, что воскресеніи должно надѣяться, не столько въ слѣдствіе пророчдв Исаіи, сколько по самой необходимости вещей (а).

Но порокъ не столько могущественъ, чтобы превозмогать ему добрую силу, и безразсудство естества нашего не выше и не тверже Божественной премудрости. Да и невозможно превратному и измѣняемому быть сильнѣе и по-

(б) Читателю сей главы, по причинѣ некоторыхъ выраженій, которыя съ перваго взгляда могутъ быть поняты не въ надлежащемъ ихъ значеніи, полезно будетъ чтеніе свое предварить слѣдующимъ поясненіемъ излагаемаго въ ней.

Св. Григорій царство добра и область зла унодобляетъ — первое—видимому міру, который *весь наполненъ свѣтомъ*, а послѣднюю—ночной тмѣ, то есть тѣнн, какую земля, какъ шаръ, въ видѣ конуса отбрасываетъ отъ себя въ сторону, противоположную солнцу. Какъ самая глубокая тма, будучи заключена въ среднѣ сего конуса, къ краямъ онаго болѣе и болѣе срастворяется свѣгомъ, а поверхность его отъ основанія до вершины вся облита свѣглымъ потокомъ солнечныхъ лучей: такъ сіе же можно сказать и объ области зла, то есть, что зло преимущественно сосредоточено въ среднѣ сей области, а ближе

стоянціѣ того, что всегда тоже и водружено въ добръ. Совѣтъ же Божіи всегда и непремѣнно непреложенъ, а нашей природы превратность не тверда даже и во злѣ. И непремѣнно всегда движимое, если оно на пути къ добру, по безпредѣльности проходимаго дѣла, никогда не прекратитъ стремленія впередъ, и

къ крайню она не лишена нѣкоторыхъ остатковъ добра, крайню же ея предѣлы отвсюду уже объаты добромъ. И потому, говоритъ св. Григорій, *если предположимъ, что будетъ кто либо съ силахъ перейти разстояніе, на которое простирается тьма; то непременно окажется онъ со свѣтъ, непревѣщаемомъ тьмою.* Такъ, думаю, продолжаетъ онъ, *должно разумѣть и о насъ, то есть о насъ, которые, вмѣсто пресѣзанія въ добръ, уклоняемся въ область зла, вступаемъ на поприще порока.* Но не говоритъ онъ о тѣхъ, которые проходятъ, такъ сказать, первую половину сего поприща, не упоминаетъ и о тѣхъ, которые погрузились въ глубину грѣховной тмы, низоман на самое дно бездны зла, не разсуждаетъ о возможности различныхъ путей по сей области зла, ведетъ же рѣчь о тѣхъ только, которые, какии бы то ни было способомъ, уже миновали сію пагубную среду области зла, и стали ближе къ другому ея предѣлу, что и выражаетъ ясно, говоря: *въ нихъ всегдашняя подвижность нашей природы, принимаемое презвншихъ несчастій зрѣломудриваемая не отдаваться снова въ ильнѣ подобныя отвствіямъ, такъ какъ за предѣломъ зла слѣдуетъ пресство добра, снова наконецъ возвращается на добрый путь.* Почему и всё мы имѣемъ твердую надежду, что каждому изъ насъ, какъ скоро, спасиши изъ глубины грѣха, достигнешь края грѣховной тмы, снова *будетъ возможно начать теченіе на поприщѣ добра, и жить во знѣ.*

не найдеть никакого конца некому, достигнувъ котораго могло бы со временемъ остановиться въ движеніи; а если уклонилось оно въ противоположное: то, когда совершить путь порока, и достигнетъ самой крайней мѣры зла, тогда при неподвижности стремленія, по природѣ своей не находя никакого покоя, какъ скоро пройдетъ поприще порока, по необходимости обращаетъ движеніе къ добру. Ибо, такъ какъ порокъ не простирается въ безпредѣльность, но ограниченъ необходимыми предѣлами: то по сему самому за предѣломъ зла слѣдуетъ пресметво добра; а такимъ образомъ, по сказанному, всегдашняя подвижность нашей природы оишь наконецъ возвращается на добрый путь, принамятованіемъ прежнихъ несчастій уцѣломудриваемая не отдаваться снова въ плѣнь подобнымъ бѣдствіямъ. Поэтому намъ снова будетъ возможно теченіе на поприщѣ добра, потому что порокъ по природѣ своей ограниченъ необходимыми предѣлами: Свѣдущіе въ небесныхъ явленіяхъ говорятъ, что весь міръ исполненъ свѣтомъ, а тма бываетъ въ мѣстѣ, отъиенномъ преградою земнаго тѣла, да и мѣсто сіе по шаровидности земнаго тѣла, ограничивается коническою поверхностію, каковую описываетъ солнечный лучъ; солнце же, во много кратъ превосходящее величиною землю, отвсюду кругомъ объема ея лучами, при вершинѣ конуса сопрягаетъ схо-

лящіеся лучи свѣта; и потому, если предположимъ, что будетъ кто-либо въ силахъ перейти разстояніе, на которое простирается тѣнь, то непременно окажется онъ во свѣтѣ, непресѣкаемомъ тмою. Такъ, думаю, должно разумѣть и о насъ, что, дошедши до предѣла порока, когда будемъ на краю грѣховной тмы, снова начнемъ жить во свѣтѣ, потому что Естество добротъ до несконечности во много кратъ преизбыточествуетъ предъ мѣрою порока. Посему снова рай, снова оное древо, которое есть древо жизни; снова даръ образа и достоинство начальства, впрочемъ не надъ тѣмъ, кажется мнѣ, что людямъ нынѣ по житейской потребности подчинено Богомъ; но предстоить намъ упование нааго нѣкоего царства, о которомъ слово остается для насъ неизглаголанымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Отвѣтъ возражающимъ: если воскресеніе есть нечто прекрасное и доброе, то почему его донынѣ не было, но должно надѣяться послѣ нѣсколькихъ оборотовъ времени.

Но будемъ держаться послѣдовательности въ изслѣдованіяхъ. Иной, можетъ быть, окриливъ мысль сладостно надежды, почтетъ бременемъ и потерю для себя, если не скоро насладится тѣхъ благъ, которыя выше и чувства и вѣдѣ-

нія человѣческаго, и несноснымъ представляетъ это протяженіе времени, отдѣляющее его отъ желаемаго. Но пусть не тревожитъ себя, подобно какому нибудь ребенку, котораго огорчаетъ малое замедленіе въ доставленіи ему удовольствія. Поелику все устроится разумомъ и премудростію: то по всей необходимости должно признать и все, что ни бываетъ, не чуждымъ сего разума и присутней въ немъ премудрости. Посему скажемъ: какой же это законъ, по которому не вдругъ совершается переходъ отъ жизни скорбной въ вождельное состояніе, по опредѣленному нѣкое время, продолжавшаяся тяжкая и тѣлесная эта жизнь ждетъ конца, — исполненія всего, чтобы тогда уже, какъ бы отъ нѣкой узды освободившись, человѣческая жизнь, опять независимая и свободная, возвратилась къ житію блаженному и безстрастному?

Но приближается ли слово наше къ истинѣ некомаго, видѣть это ясно сама истина: а что пришло на мысль намъ, таково: именно же то первое слово, къ которому возвращаюсь снова. Богъ говоритъ: *сотворилъ челоуька по образу Нашему и по подобію; и сотвори Богъ челоуьки; по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 26. 27.). Посему образъ Божій, усматриваемый во всемъ естествѣ человѣческомъ, уже былъ, но не произошелъ еще Адамъ; потому что Адамомъ, по словопроизводству, означаетъ земная тварь,

какъ говорятъ свѣдущіе въ еврейскомъ языкѣ, почему и Апостоль, преимущественно обученный отечественному языку Израильянъ, называетъ человѣка *отъ земли перстнымъ* (1 Кор. 15, 47.), какъ бы переводя на греческій языкъ названіе: Адамъ. Итакъ по образу сотворенья человѣкъ, — это всецѣлое естество, эта Богоподобная тварь; и по образу сотворена всемогущею Премудростію, не часть цѣлаго, но вся въ совокупности полнота естества. Зналъ Объемлющій горстию все предѣлы, какъ говоритъ Писаніе, выражающееся: *въ руку Его вси концы земли* (Псал. 94, 4.); зналъ Вѣдущій все и прежде бытія вещей, сообщая вѣдѣніемъ, въ какомъ числѣ будетъ родъ человѣческой, проницательнѣе отъ каждаго. Но поелю проразумѣлъ въ насъ склонность къ худшему и то, что, добровольно утративъ равночестіе съ Ангелами, человѣкъ приблизится къ общенію съ низшимъ: то примѣнялъ по сему нѣчто къ собственному Своему образу отъ безсловесной твари. Ибо въ Божественномъ и блаженномъ естествѣ нѣтъ различія мужскаго и женскаго пола. Но перенесъ на человѣка отличительное свойство безсловеснаго устроенія, не соответственно высотѣ твари, даруетъ нашему роду способъ размноженія. Не тогда, какъ сотворилъ человѣка по образу, сообщилъ ему и силу *растись и множити*, но когда уже произвелъ различіе, мужской и женской

поль, тогда говоритъ: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28.). Ибо подобное сему свойственно естеству не божественному, но безсловесному, какъ даетъ разумѣть исторія, повѣствуя, что прежде сказано это Богомъ о безсловесныхъ. Почему, если бы прежде, нежели придано естеству раздѣленіе на мужескій и женскій поль, Богъ снмъ словомъ далъ человѣку способность *раститися*: то не имѣли бы мы нужды въ такомъ способѣ рожденія, какимъ раждаются безсловесныя. Посему, проразумѣвъ Своимъ предвѣдѣніемъ, что полнота человѣческаго рода войдетъ въ жизнь рожденіемъ, какое свойственнѣе животнымъ, въ извѣстномъ порядкѣ и въ связности правящій всѣмъ Богъ, послыку вообще для человѣчества таковыи способъ рожденія необходимымъ содѣлывала склонность нашей природы къ униженію, каковую прежде ея появленія предвѣдалъ Тотъ, Кто будущее видитъ наравнѣ съ настоящимъ, посему самому предусмотрѣлъ и соразмѣрное устроенію человѣковъ время, чтобы появленію опредѣленнаго числа душъ соответствовало и продолженіе времени, и тогда остановилось текущее движеніе времени, когда прекратится въ немъ распространеніе человѣческаго рода. А когда кончится сей способъ рожденія людей, съ окончаніемъ его кончится и время, и такимъ образомъ совершится обновленіе вселенной, и

за измѣненіемъ цѣлаго послѣдуетъ и переходъ
 человѣчества отъ тѣснаго и земнаго къ без-
 страстному и вѣчному. Сіе, кажется мнѣ, ра-
 зумѣвъ и божественный Апостоль въ посланіи
 къ Коринѳянамъ предрекаетъ внезапную оста-
 новку времени и поступленіе движимаго въ
 обратный путь, когда говоритъ: *се тайну вамъ
 глаголю, вси бо не уснете: вси же изытиише:
 вскорѣ во мновеніи ока, въ послѣдней трубѣ*
 (1 Кор. 15. 51. 52.). Пбо, какъ думаю, когда
 полнота человѣческаго естества въ предувѣ-
 данной мѣрѣ достигнетъ конца, потому что не
 потребуется уже никакого приращенія къ чи-
 слу дунѣ: тогда, какъ словами: *вскорѣ во мно-
 веніи ока* наименовавъ оный неизмѣримый и
 неизмѣющій протяженія предѣлъ времени, учитъ
 Апостоль, въ мновеніе времени совершится
 измѣненіе существъ. Почему кто достигъ этой
 самой послѣдней и крайней точки времени,
 тому, такъ какъ ничего не остается за сѣмъ
 краемъ, невозможно получить это временное
 посредствомъ смерти измѣненіе, развѣ когда
 прозвучитъ труба воскресенія, пробуждающая
 умершихъ, и оставшихся въ жизни, подобно
 измѣняемымъ чрезъ воскресеніе, мгновенно
 предлагающая въ нетѣніе, такъ что тягота
 плоти не повлечетъ уже ее долу, и бремя не
 удержитъ подъ землею, но поидетъ она по
 воздуху выспрь: пбо Апостоль говоритъ: *во-
 схищени будете на облацехъ въ срѣженіе Гос-*

*подне на въздухъ, и тако всегда съ Господенъ
буденъ* (1 Сол. 4, 17.).

Посему да ожидаютъ времени, которое необходимо продолжится соразмѣрно приращенію
человѣческаго рода. Ибо Авраамъ и другіе
патріархи имѣли желаніе видѣть блага, и не
преставали искать небеснаго отечества, какъ
говоритъ Апостолъ (Евр. 11, 16.); однакоже
пребываютъ еще только въ надеждѣ благодати,
по слову Павлову, *Богу лучше что о насъ
предзрѣвши, да не безъ насъ*, какъ говоритъ
Павелъ, *совершенство приимутъ* (40.). Посему,
если терпятъ сіе замедленіе оныя, издали
только вѣрою и надеждою, какъ свидѣтель-
ствуетъ Апостолъ, *видѣвшіе и цѣловавшіе блага*
(13.), несомнѣнность наслажденія уповаемымъ
поставляя въ томъ, чтобы обѣтованное при-
знавать вѣрнымъ:—что надлежитъ дѣлать мно-
гимъ изъ насъ, у которыхъ, судя по жизни,
нѣтъ, можетъ быть, и надежды на лучшее?
Изнемогала отъ вожеланія душа у Пророка,
и въ нѣспопѣніи неповѣдуетъ онъ сію до стра-
сти пламенѣющую любовь, говоря, что *же-*
лаетъ и скончавается душа его пребывать во
дворѣхъ Господнихъ (Ис. 83, 3.), хотя бы дол-
жно было *припытатися* (11.) тамъ въ числѣ
последнихъ: потому что выше и предпочти-
тельнѣе быть тамъ последнимъ, нежели пер-
венствовать въ *селеніихъ временничихъ* этой жизни.
Однакоже перенося оныя замедленіе, и убла-

жая пребываніе тамошнее, кратковременное участіе въ тѣхъ благахъ предпочитая тысячамъ лѣтъ, *лучше бо, говорятъ, день единъ во дворцѣ Твоихъ нече тысяць* (11.), не огорчался необходимымъ смотрѣніемъ о существующемъ, и признавалъ достаточнымъ для ублаженія имѣть людямъ блага въ унованіи. Почему въ концѣ Псалма говорятъ: *Господи Боже силъ близенъ человекъ унованій на Тя* (13.). Поэтому надлежитъ и намъ не скорбѣть о кратковременномъ замедленіи уноваемаго, но прилагать стараніе о томъ, чтобы не содѣлаться недостойными уноваемыхъ благъ. Если кто предскажетъ какому-либо опытному человѣку, что во время лѣта будетъ собраніе плодовъ, наполнятся хранилища, и трапеза будетъ полна снѣдей во время сего обилія: то суетенъ онъ будетъ, если послѣшитъ желать наступленія этого времени, когда должно еще сѣять и попечительно заготовлять себѣ плоды. Время, хочеть ли, не хочеть ли кто, непременно наступитъ въ опредѣленный срокъ; но не одинаково увидятъ его; кто заготовилъ себѣ изобиліе плодовъ, и кто остался на этотъ часъ съ пустыми руками и безъ всякаго запаса. Такъ, думаю, посліку изъ Божественной проповѣди для всякаго явлю, что настанеть время измѣненія; то должно не о времени любовитствовати (ибо *ижесть ваше, сказалъ Христосъ, разумити времена и лета* (Дѣян. ~~17~~ 7.)), и не пыскивать

ѣакихъ либо умозаключеній, которыми нѣтъ ослабить въ душѣ надежду воскресенія: но, подкрѣпясь вѣрою въ ожидаемое, добрымъ житіемъ закутать будущую благодать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

О томъ, что, кто признаётъ начало устроения міра, тотъ необходимо согласится и о концѣ.

Если же кто, взирая на настоящее теченіе міра, совершающееся въ нѣкоей связности, въ каковой усматривается временное продолженіе, скажетъ, что невозможно произойти предвозвѣщенной остановкѣ движаго: то таковій, очевидно, не вѣритъ, что и въ началѣ небо и земля сотворены Богомъ. Пбо кто придаетъ движенію начало, тотъ непременно не усумнится и о концѣ; а кто не принимаетъ конца, тотъ не принимаетъ начала. Но какъ *совершился вѣкомъ глаголюмъ Божіимъ*, по слову Апостола, разумѣваемъ, вѣруя *отъ невидимыхъ видимыхъ быти* (Евр. 11, 3.): такъ тою же вѣрою руководиться будемъ, и слыша глаголь Божій, предвозвѣщающій необходимую остановку существъ. А какъ она будетъ, сіе должно быть изъято изъ предметовъ нашего любопытства. Пбо и тамъ, отложивъ въ сторону изслѣдованіе неностижаго, вѣрою приняли мы *совершился видимому отъ невидимыхъ*; хотя ра-

зумы внушалъ намъ недоумѣвать во многомъ, представляя немаловажные поводы къ сомнѣнію въ томъ, чему повѣрили. Ибо и тамъ любителямъ споровъ можно благовидными доводами поколебать вѣру такъ, чтобы не признавалось истиннымъ ученіе о сотвореніи вещества, какое преподастъ намъ святое Писаніе, утверждая, что всѣ существа имѣютъ бытіе отъ Бога.

А защитники противнаго ученія усиливаются доказать, что вещество совѣчно Богу, пользуясь слѣдующими доводами въ подтвержденіе своего ученія. (Если Богъ по естеству простъ, не вещественъ, не качественъ, не количественъ, не сложенъ и чуждъ очертація по наружному виду; всякое же вещество ограничивается въ пространственномъ протяженіи, не избѣгаетъ постиженія посредствомъ чувствъ, будучи познаваемо по цвѣту, по наружному виду, по величинѣ, по количеству, по упорству, по прочимъ усматриваемымъ въ немъ свойствамъ, изъ которыхъ ни одного не возможно представлять себѣ въ естествѣ Божественномъ: то какая возможность изъ невестественнаго произойдти веществу, изъ неизреченнаго протяженности естеству протяженному? Ибо если вѣрять, что произошло сіе отъ Бога, то очевидно, что сущее въ Богѣ неизреченному закону пришло такимъ образомъ въ бытіе. А если въ Немъ было нѣчто вещественное, то

какъ же не вещественъ Тотъ, Кто имѣлъ въ Себѣ вещество? Тоже сказать должно и о всеиномъ, чѣмъ отличается вещественное естество. Ежели въ Богѣ есть количество, то какъ же не количественъ Богъ? Ежели въ Немъ есть нѣчто сложное, то какъ же Самъ Онъ простъ, не дѣлимъ на части и не сложенъ? Посему разумъ понуждаетъ, или по необходимости признать, что Богъ вещественъ, потому что отъ Него произошло вещество, или, если кто не согласится на это, необходимо предположить, что для устройства вселенной вещество произошло къ Нему отъиъ. Посему, если оно было иъ Бога; то, конечно, кромѣ Бога было нѣчто и иное, относительно къ вѣчности умопредставляемое вмѣстѣ съ Сущимъ не рождено. Почему постигаются разумомъ одно съ другимъ вмѣстѣ два безначальныя и нерожденныя существа, изъ которыхъ одно художественно дѣйствуетъ, а другое пріемлетъ на себя искусное это дѣйствование. (Если же кто по сей необходимости предположитъ, что Создателю всяческихъ предстояло вѣчное вещество, то какую защиту своимъ ученіямъ найдеть этотъ Манхей, который естеству благому противопоставляетъ по нерожденности вещественное начало?

Но мы, слыша, что говоритъ Писаніе, увѣровами, что все отъ Бога; о томъ же, какъ было оно въ Богѣ, какъ о превышающемъ

нашъ разумъ, не смѣемъ любопытствовать, вѣруя, что все возможно Божію могуществу; возможно и несуществующее привести въ бытіе, и сущему по произволенію придать качества. Въ слѣдствіе же сего, какъ признаемъ силу Божіей воли достаточною для созданія существъ изъ несуществовавшаго; такъ, преобразование созданнаго возводя къ той же силѣ, вѣримъ не чему либо невѣроятному. Но какъ, можетъ быть, есть возможность какими либо доводами убѣдить спорящихъ о веществѣ; то не минуемъ и сего, чтобы не показалось, будтобы умалчиваемъ по недостатку слова.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Возраженіе утверждающимъ, что вещество совѣсно Богу.

Не внѣ того, до чего послѣдовательно доходитъ разумъ, кажется и это предположеніе о веществѣ, утверждающее, что происходитъ оно отъ умопредставляемаго и невещественнаго. Ибо найдемъ, что всякое вещество состоитъ изъ какихъ либо качествъ, и если бы лишено было оныхъ, никакъ не могло бы постигаемо быть разумомъ. Но каждый видъ качества отдѣляется въ понятіи разума отъ подлежащаго. Понятіе же есть ~~нѣчто~~ умопредставляемое, а не тѣлесное ~~воззрѣніе~~, Напри-

мѣръ, если подлежитъ воззрѣнію какое либо животное, или дерево, или что либо другое изъ имѣющаго вещественный составъ; то многое въ предметѣ семъ представляемъ мыслію отдѣльно, и понятіе отдѣльнаго не смѣшивается съ подлежащимъ воззрѣнію. Ибо иное понятіе о цвѣтѣ, иное о тяжести, иное опять о количествѣ, и иное о какомъ либо осязательномъ свойствѣ, потому что мягкость, длина и прочія упомянутыя качества, ни одно съ другимъ, ни съ самымъ тѣломъ не смѣшиваются по понятію. Но каждому изъ свойствъ, каково оно само въ себѣ, примышляется особое положительное опредѣленіе, неизмѣющее ничего общаго съ какимъ либо инымъ качествомъ изъ усматриваемыхъ въ подлежащемъ. Посему, если умопредставляемъ цвѣтъ, умопредставляемъ также упорность, количественность и прочія подобныя симъ свойства, если съ отытіемъ каждаго изъ сихъ у подлежащаго уничтожается всякое понятіе о тѣлѣ: то слѣдуетъ предположить, что въ отсутствіи чего находимъ причину уничтоженія тѣла, совокупное стеченіе того производитъ вещественное естество.) Какъ не тѣло то, въ чемъ нѣтъ цвѣта, наружнаго вида, упорства, протяженія, тяжести и прочихъ свойствъ, да и каждое изъ сихъ свойствъ также не тѣло, а напротивъ того взятое отдѣльно есть нѣчто отличное отъ тѣла: такъ и наоборотъ, гдѣ стеклись вмѣстѣ сказанныя

свойства, тамъ производится тѣлесное существо. Но если представленіе сихъ свойствъ принадлежитъ уму, а умопредставляется также и Божество по естеству, то нѣтъ никакой несообразности въ томъ, что безтѣлеснымъ естествомъ произведены сіи умопредставляемые начала бытію тѣлъ, потому что умопредставляемое естество производитъ умопредставляемые силы, а взаимное соединеніе сихъ послѣднихъ приводитъ въ бытіе естество вещественное. Но сего пусть мимоходомъ только коснется итѣе изслѣдованіе. А намъ опять должно обратить слово къ вѣрѣ, которою приедемъ, что вселенная сотворена изъ ничего, и, наученные Писаніемъ, не сомнѣваемся, что снова будетъ преобразована въ иное нѣкое состояніе.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Какъ можно изъ вѣдѣній, привести къ тому, чтобы, по ученію Писанія, повѣрить воскресенію.

Но нѣкій, можетъ быть, смотря на разрушившіяся тѣла, и по мѣрѣ собственныхъ своихъ силъ судя о Божествѣ, скажетъ, что слово о воскресеніи есть нѣчто невозможное, и станетъ при семъ утверждать, что, какъ движущемуся теперь придти въ покой, такъ не движущемуся теперь придти въ движеніе, нѣтъ и возможности. Но таковій пусть приметъ для

себя первымъ и самымъ важнымъ доказательствомъ истины воскресенія достоверность проповѣди о немъ. А достоверность сказуемаго въ Писаніи дѣлаетъ несомнѣнною событіе прочихъ предреченій. Поелику божественное Писаніе предлагаетъ много всякаго рода сказаній, то, разсмотрѣвъ, точно ли лживо, или истинно, прочее въ немъ сказанное, можно поэтому составить понятіе и о догматѣ воскресенія. Ибо, если слова Писанія въ другомъ чемъ изобличаются лживыми и погрѣшающими противъ истины, то, конечно, и это слово не истинно. Если же все прочее свидѣтелемъ истины имѣетъ опытъ, то послѣдовательно будетъ, основываясь на семъ, и предреченіе о воскресеніи почитать истиннымъ. Поэтому приведемъ себѣ на память одно или два предвѣщанія, и съ предсказаннымъ соизмѣримъ событіе, чтобы узнать изъ сего, близко ли къ истинѣ сіе ученіе.

Кто не знаетъ, какъ въ древности процвѣтала народъ израильскій, противостоявшій всѣмъ царствамъ во вселенной? Какіе во градѣ Іерусалимѣ были царскіе дома? Какія стѣны, башни? Какое величественное зданіе—храмъ? Все сіе признавали достойнымъ удивленія и ученики Господни, и съ изумленіемъ взирая на видимое, какъ дасть видѣть евангельское сказаніе, желаютъ обратить вниманіе Господа, говоря Ему: *каковы дѣла, и какова зданія* (Марк. 13, 2.)? Господь же дивящимся настоящему

показываетъ будущее запустѣніе мѣста, и уничтоженіе этой красоты, говоря, что вскорѣ не останется ничего видимаго ими. Да и во время страданія жены слѣдовали за Господомъ, оплакивая несправедливый надъ Нимъ приговоръ, потому что не примѣчали еще будущаго домостроительства. А Господь совѣтуетъ имъ молчать о томъ, что дѣлается съ Нимъ; потому что не слезъ сіе достойно; отложить же сѣтованіе и плачь до времени, дѣйствительно требующаго слезъ, когда городъ будетъ обложенъ осаждающими, и страданія дойдутъ до такой крайности, что блаженнѣйшимъ будетъ почитаемъ перодившійся. А вмѣстѣ съ симъ предвозвѣстилъ и это ужасное дѣло — поядать дѣтей, сказавъ, что въ тѣ дни будутъ ублажать утробу, которая не раждама (Лук. 23, 29.). И гдѣ же теперь царскіе тѣ дома? Гдѣ храмъ? Гдѣ стѣны? Гдѣ сторожевыя башни? Гдѣ царство израильское? Одинъ здѣсь, другой тамъ, едва не по цѣлой вселенной разсѣяны Израильтяне. А съ разореніемъ всего этого разрушены и царскіе дома.

И мнѣ кажется, что Господь предвозвѣстилъ сіе и подобное сему не ради самыхъ произшествій (принесло ли бы слушателямъ столько пользы предреченіе о томъ, что непревѣнно сбудется? они дознали бы сіе на опытъ, и не будучи предувѣдомлены о будущемъ), но чтобы слышавшіе въ слѣдствіе сего приобрѣли

вѣру и сказанному о важнѣйшемъ. Ибо свидѣтельство самыхъ дѣлъ объ одномъ, служить доказательствомъ истины и другаго. Еслибы, когда какой либо земледѣлецъ толкуеть о силѣ сѣмянъ, случилось неопытному въ земледѣліи не повѣрить, то первому для доказательства истины достаточно было бы, показавъ силу одного какого либо изъ лежащихъ въ мѣрѣ сѣмянъ, поручиться и за прочія: ибо, увидѣвши, что одно зерно пшеницы, или ячменя, или чего другаго, наполняющаго выставленную мѣру, будучи брошено въ землю, произрастило колось, по этому одному зерну не останется не вѣрить и о прочихъ. Такъ для засвидѣтельствованія тайны воскресенія, кажется мнѣ, достаточно того, что признана всеми истина прочаго, что сказано въ Писаніи; лучше же сказать, опытное дознаніе самаго воскресенія, которое приобрѣли мы, не столько изъ словъ, сколько изъ самыхъ дѣлъ.

Поелику чудо воскресенія велико и превышаетъ вѣру, то Господь, начавъ съ низшихъ степеней чудотворенія, какъ бы приобучаетъ насъ къ вѣрѣ постепенно большими чудесами. Какъ мать какая, воспитывающая младенца, сообразно съ его возрастомъ, пока уста его мягки и иѣжны, изъ сосцовъ поитъ молокомъ: а когда появятся зубы, и младенецъ подростеть, дастъ ему хлѣбъ, но не грубый и худо испеченный, чтобы жесткая пища не повре-

дила нѣжныхъ и непривычныхъ десенъ, но разжевывая своими зубами, приводитъ въ состояніе соразмѣрное и соответственное силѣ вкушающаго. Потомъ, по мѣрѣ приращенія укрѣпляющихся силъ, привыкнутому къ нѣжной пицѣ младенцу дастъ постепенно болѣе и болѣе твердую пищу. Такъ и Господь человѣческое малодушіе, какъ несовершеннаго какого младенца питая и паносвая чудесами, сперва покажетъ подобіе силы воскресенія надъ отчаянною болѣзнію. И хотя велико было чудо само въ себѣ, однакоже не таково, чтобы не повѣрилъ кто повѣствованію о немъ. Ибо *запретивъ* огню, сильно распалывшему тещу Симонову, произвелъ такой переворотъ въ болѣзни, что въ силахъ стала прислуживать присутствующимъ та, о которой ожидали уже, что умретъ (Лук. 4, 39.). Потомъ Господь присовокушилъ нѣчто немногое къ этой силѣ, и сыну царедворца, лежавшему въ признанной всѣми опасности (ибо по сказанію исторіи *имѣяше умерети*, когда вопіялъ отецъ: *спиди, прежде даже не умретъ отрока* (Іоан. 4, 48. 49.)): дастъ оный возстаніе, когда были увѣрены, что онъ умретъ, совершивъ это чудо съ большимъ могуществомъ, потому что и не приближался даже къ больному, но издали слою повелѣнія послалъ ему жизнь. И еще постепенно восходитъ къ болѣе высокимъ чудесамъ. На пути къ дочери архисинагога, намѣренно замес-

длилъ шествиѣмъ , чтобы обнаружилось неизвѣстное народу исцѣленіе отъ кровотеченія, и между тѣмъ въ это время овладѣла больною смерть. Посему, когда душа уже разлучилась съ тѣломъ, и смятенные съ плачевнымъ воплемъ жаловались на постигнуую утрату, Господь повелительнымъ словомъ, какъ отъ сна, возставляетъ дѣвицу опять къ жизни, съ какою-то постепенностію и послѣдовательностію возводя человѣческую немощь къ важнѣйшему.

Потомъ и сіе превьшаетъ новымъ чудомъ, и высшею силою пролагаетъ людямъ путь къ вѣрѣ въ воскресеніе. Писаніе повѣствуетъ о нѣкоемъ въ Іудеѣ городѣ Наннѣ. Въ немъ у нѣкоей вдовы былъ единородный сынъ, не въ такихъ уже лѣтахъ, чтобы почитать его отрокомъ, но изъ дѣтскаго возраста переходившій въ мужескіи. Юношею именуется его Писаніе. Исторія въ немногомъ повѣствуетъ многое: и повѣствованіе вполнѣ есть плачь. Сказано, что мать умершаго *бы вдова* (Лук. 7, 12.). Видишь ли тяжесть несчастія, и какъ трогательно въ немногомъ изображено словомъ страданіе? Ибо что значитъ сказанное? То, что не было у ней надежды имѣть дѣтей, которая могла бы урочевать бѣдственную утрату: потому что женщина *бы вдова*. Не на кого было и взглянуть ей вмѣсто сего умершаго: потому что былъ онъ у нея единородный; а сколько въ этомъ горестнаго, не трудно понять всякому,

кто не чуждъ естества. Его одного познала въ болѣзняхъ рожденія, его одного вскормила сосцами. Онъ одинъ дѣлалъ для ней веселую транезу. Онъ одинъ служилъ поводомъ къ радости въ домѣ: играя, участь, занимаясь дѣломъ, веселясь въ прогулкахъ, въ упражненіяхъ, въ собраніяхъ молодыхъ людей: всемо, что въ глазахъ матери и сладостно и драгоценно, былъ онъ одинъ. И эта отрасль рода, вѣтвь преемства, опора старости, приближалась уже къ порѣ вступленія въ бракъ. Да и самое упоминаніе о возрастѣ показываетъ другую причину плача. Писаніе, назвавъ юношею, выразило, что это былъ цвѣтъ увидшей красоты, что едва только пробивался у него пушечъ, но не было густой бороды, и ланиты сіяли еще красотою. Посему, сколько было естественно страдать о немъ матери? Но слово Божіе не пренло молчаніемъ и того, что, какъ бы огнемъ сожигались внутренности у матери, и какъ она, объемля лежащаго мертвеца, горькій продолжала надъ нимъ плачь, какъ не спѣшила погребеніемъ умершаго, но подавляемая страданіемъ, какъ можно долѣе, старалась продолжить надъ нимъ сѣтованіе. Ибо сказано: *видѣвъ ю Іисусъ милосердова. И приступль коснуся во одръ, посещи же стаиа: и рече мертвецу: юноше, тебѣ глаголю, востани: и даде его матери его живымъ* (Лук. 7, 13. 17.). Такъ, когда не мало продолженіе времени юноша былъ мертвымъ, и

едва только не преданъ погребенію, Господомъ совершается надъ нимъ гораздо большее чудо, хотя повелѣніе было такое же.

Но еще на высшую стѣнень восходитъ чудотвореніе, такъ что явленное приближается намъ къ невѣроятному чуду—воскресенію. Заболѣлъ иѣкто изъ знаемыхъ Господомъ, и любимыхъ Имъ; имя больному было Лазарь. И Господь замедляетъ посѣщеніемъ друга, находясь вдали отъ больного, чтобы въ отсутствіе Жизни наша возможность и силу съ помощію болѣзни сдѣлать дѣло свое смерти. Въ Галилеи Господь объявляетъ ученикамъ о состояніи Лазаря, и о Своемъ отправленіи къ нему, что бы воздвигнуть лежащаго. Но они боялись жестокости Іудеевъ, затрудились и опасаясь идти опять въ Іудею въ среду убійць. Поэтому не снѣща и откладывая, хотя медленно, но возвращаются изъ Галилеи; потому что превозмогала власть, и ученики ведены были Господомъ, увидѣть въ Вифаніи какбы предпачатки общаго воскресенія. Четыре уждняпрошло послѣ предсмертнаго страданія. Совершенно было надъ умершимъ все предписанное закономъ. Тѣло сокрыто въ могилѣ, и какъ обыкновенно, стало пухнуть, предавшись тлѣнію, растекаясь въ земный гной, трупъ по необходимости распадался на части. Недоступное было дѣло—съ насиліемъ природѣ, что обратилось въ зловоиіе, то возвратить опять къ жизни. И тогда-то въ самомъ ясномъ чудѣ

представляется доказательство сего невѣроятнаго дѣла— общаго воскресенія. Ибо не отъ трудной болѣзни возстаетъ кто-либо, и не при послѣднемъ находящійся дыханіи возводится къ жизни, не дѣвица только что умершая оживотворяется, не юноша, сопровождаемый въ могилу, снова отрѣшается отъ одра; но мужъ преклонныхъ лѣтъ, мертвый, уже смердящій, отекащій, предавшійся тлѣнію, такъ что и ближнимъ его казалось нестерпимымъ, чтобы приближался къ гробу Господь, по причинѣ гнусности распадающагося на части тѣла, оживотворенный единымъ воззваніемъ удостоверяетъ въ проповѣди о воскресеніи, то есть, о томъ ожидаемомъ и для всѣхъ вообще, что опытомъ дознали мы отчасти. Ибо какъ во время общаго обновленія, говоритъ Апостоль, *Самъ Господь въ повелѣніи, во гласъ Архангеловъ, и въ трубѣ спидетъ* (1 Сол. 4, 16.) возстановитъ мертвыхъ въ нетлѣніе: такъ и теперь предаанный гробу, по гласу повелѣнія, какъ бы пѣкшій сонъ, отрясши смерть и сложивъ съ себя произведенное мертвенностію тлѣніе, цѣлымъ и неповрежденнымъ исходитъ изъ гроба: и сему исхожденію не воспренятствовали руки и ноги обвязанныя укроемъ.

Ужели и этого мало для вѣры въ воскресеніе мертвыхъ? Или будешь требовать чего-либо инаго, чтобы утвердиться тебѣ въ рѣшительномъ мнѣніи объ этомъ? Но, кажется ~~у~~, не

напрасно сказано о бывшемъ въ Капернаумѣ, когда и Господь, какъ бы отъ лица людей, говоритъ Самому Себѣ слѣдующее: *всяко речете Ми притчу сію, врачу исцѣлися самъ* (Лук. 4, 23.). Ибо ученіе о воскресеніи, преподанное людямъ въ чудѣ надъ тѣлами другихъ, должно было подтвердить на воспринятомъ отъ насъ Человѣкѣ. Видѣлъ уже ты сильную проповѣдь въ другихъ. Видѣлъ готовыхъ умереть, отроковщю едва только лишившуюся жизни, юношу выносиваго въ могилу, мертвеца сотлѣвшаго, и всѣхъ равно единымъ повелѣніемъ возвращенныхъ къ жизни. Или спросишь о подвергшихся смерти отъ ранъ и пролитія крови, не уничтожаетъ ли благодати на нихъ оказавшійся какой либо недостатокъ животворящей силы? Воззри на Того, Чьи руки пригвождены гвоздями. Воззри на Того, Чье ребро пронзено копіемъ. Наложь персты свои на оставшіеся слѣды гвоздей. Вложи руку свою въ язву, нанесенную копіемъ. Безъ сомнѣнія опредѣлишь, на сколько слѣдовало острою углубиться въ тѣло, по широтѣ язвы заключаая о томъ, далеко ли прошло оно внутрь. Ибо язва, дающая свободный ходъ человѣческой рукѣ, показываетъ, какъ глубоко внутрь проникло желѣзо. Посему, если восталъ Онъ, то прилично будетъ провозгласить апостольское слово: *како малоютъ ныщи, яко воскресенія мертвыхъ нсть* (1 Кор. 15, 2.)?

Итакъ, поелику всякое пророчество Господа обазывается истиннымъ по свидѣтельству событій: а въ разсужденіи сего, не только научены мы словомъ, но и отъ самихъ возвращенныхъ къ жизни воскресеніемъ на самомъ дѣлѣ получили доказательство обѣтованія; то какій остается предлогъ невѣрующимъ? Оставивъ тѣхъ, которые *философією и тщетною лестію* (Кол. 2, 8.) отражаютъ отъ себя безнскуственную вѣру, будемъ держаться простаго исповѣданія, дознавъ о способѣ благодати изъ немногихъ словъ Пророка, когда говоритъ: *отбилеши духъ ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся: последи Духа Твоего, и созиждутся, и обновши лице земли* (Пс. 103, 29. 30.). И тогда, сказуетъ Пророкъ, *возвеселится Господь о дѣльхъ Своихъ* (31), потому что *исчезнутъ грѣшницы отъ земли* (35). Ибо какъ могъ бы кто либо именоваться грѣшникомъ, еслибы небыло грѣха?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

О томъ, что воскресеніе не есть что либо невѣроятное.

Но есть и такіе, которые, по безспію чело-
вѣческаго разсудка, судя о Божественной
сплѣ по нашимъ мѣрамъ, утверждаютъ, что
невмѣстимое для насъ невозможно и для Бога.
Ибо они указываютъ на уничтоженіе ~~древнихъ~~

мертвецовъ, на остатки обращенныхъ въ пепель огнемъ: а сверхъ сего представляютъ еще въ словѣ плотоядныхъ животныхъ, рыбу, которая, принявъ въ собственное свое тѣло плоть потерѣннаго кораблекрушеніе, сама также сдѣлалась нищею людей, и посредствомъ нищеваренія переняла въ составъ ѣвнаго. И многоенодобное сему, и само въ себѣ мало-важное, и недостойное великой Божіей силы и власти, описываютъ въ опроверженіе ученія, какъ будто невозможно Богу тѣми же опять путями чрезъ разложеніе возстановить человѣку принадлежащее ему. Но мы въ краткихъ словахъ положимъ конецъ длиннымъ изворотамъ красноглазливой ихъ суетности, признавая, что совершается разложеніе тѣла на то, изъ чего оно состояло, и не только земля по Божію слову разлагается въ землю,—но и воздухъ, и влажность переходятъ въ средное имъ, и совершается переходеніе въ среднее всего, что въ насъ, хотябы тѣло человѣческое было пожрано плотоядными птицами, или свирѣными звѣрями, и смѣшалось съ ихъ плотию, хотябы прошло подъ зубами рыбъ, хотя бы огнемъ превращено было въ пары и въ пепель. Куда бы кто въ предположеніи своемъ не перенесъ человѣка словомъ, безъ сомнѣнія онъ все еще въ мірѣ. А что міръ содержится въ рукѣ Божіей, сему учить богодуновенное слово. Поэтому, если ты не знаешь и того,

что у тебя въ горсти, то ужели думаешь, что Божіе вѣдѣніе немощѣе твоей силы, и не въ состояніи съ точностію отыскать того, что содержится въ Божіей длани?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

О томъ, что, и по разложеніи человѣческаго тѣла на составныя части всеенной, можно каждому изъ общаго снова найти въ цѣлости свое собственное.

Но, можетъ быть, смотря на составныя части всеенной, подумаешь: поелику воздухъ, который въ насъ, полицень сродной ему стидіей, а также и теплота, и влажность, и землистое смѣшались съ однороднымъ, то отъ общаго частному трудно возвратиться въ свое мѣсто. Почему же не заключать по человѣческимъ примѣрамъ, что по крайней мѣрѣ это не превышаетъ предѣловъ Божественнаго могущества? Безъ сомнѣнія, видѣлъ ты гдѣ нибудь около жилищъ человѣческихъ общее стадо какихъ бы то ни было животныхъ, составленное изъ общаго достоянія. Но когда снова оно дѣлится владѣльцами, тогда или привычка животнаго къ дому, или положенные на немъ знаки, каждому доставляютъ свое. Подобное нѣчто представляя въ умѣ и о себѣ, не погрѣшивъ въ приличномъ истинѣ. Поелику душа естественною какою-то дружбою и любовью

была расположена къ сожителю—тѣлу, то хранится тайно въ душѣ какая-то дружеская связь и знакомство въ слѣдствіе срастворенія съ свойственнымъ, какъ бы отъ какихъ-то наложенныхъ природою знаковъ, по которымъ остается въ ней неслитная общительность, отличающая свою собственность. Посему, когда душа снова повлечетъ къ себѣ сродное и собственно ей принадлежащее, тогда какое, скажи мнѣ, затрудненіе воспретить Божественной силѣ произвести соединеніе сроднаго, по нѣкому неизъяснимому влеченію природы поспѣшающаго къ своей собственности? А что въ душѣ и по отрѣшеніи отъ тѣла остаются нѣкоторые знаки нашего соединенія, сіе показываетъ разговоръ во адѣ, изъ котораго видно, что, хотя тѣла преданы были гробу, однакоже въ душахъ оставался нѣкоторый тѣлесный признакъ, и по оному, какъ Лазарь былъ узнавъ, такъ и богатый не оказался неизвѣстнымъ.

Посему нѣтъ ничего несообразнаго съ разумомъ вѣрить, что произойдетъ слова отрѣшеніе воскресшихъ тѣлъ отъ общаго къ своему собственному, и особенно (если кто тщательнѣе изслѣдуетъ естество наше) потому, что составляющее насъ не всецѣло есть нѣчто текущее и превращающееся: да и совершенно было бы непонятно, если бы по природѣ не было въ насъ ничего постояннаго. Напро-

тивъ того по точнѣйшему изслѣдованію изъ того, что въ насъ, одно есть что-то постоянное, а другое подлежитъ измѣненію. Тѣло измѣняется возрастаніемъ и умаленіемъ, какъ бы подобно какимъ одеждамъ, передѣваемое съ каждымъ возрастомъ. Остается же при всякой перемѣнѣ непреложнымъ въ самомъ себѣ отличительный видъ, неутрачивающій однажды навсегда положенныхъ на немъ природою знаковъ, но при всѣхъ перемѣнахъ въ тѣлѣ оказывающій въ себѣ собственные свои признаки. Исключить же должно изъ сего закона измѣненіе, производимое страстію, простирающееся на отличительный видъ; потому что, подобно какой-то чуждой личинѣ, закрываетъ сей видъ болѣзненное безобразіе, по снѣтін котораго разумомъ, какъ у Неемана Сиріянина, или у описываемыхъ въ евангеліи прокаженныхъ, сокрытый подъ страстію видъ снова, по причинѣ выздоровленія, является съ собственными своими признаками. Посему въ томъ, что въ душѣ богоподобно, нѣтъ измѣнимо текущаго и прелагаемаго, но естественно сему-то, что въ составѣ нашемъ постоянно и всегда одинаково. И поелику извѣстныя видоизмѣненія въ сраствореніи образуютъ разности въ отличительномъ видѣ, а сраствореніе не иное что есть, какъ смѣшеніе стихій,—стихіями же называемъ основныя начала въ устроеніи вселенной, изъ которыхъ составлено и чело-

вѣческое тѣло: то, такъ какъ отличительный видъ, подобно оттиску печати, остается въ душѣ, она необходимо знаетъ изобразившее печатію эти черты, да и во время обновленія опять пріемлетъ на себя это, какъ сообразное съ чертами отличительнаго вида: сообразно же, конечно, все то, что первоначально было отпечатано въ отличительномъ видѣ. Посему нѣтъ ничего несообразнаго съ разумомъ частному изъ общаго снова возвратиться въ свое мѣсто. Сказываютъ же, что ртуть, пролитая изъ сосуда на какомъ либо покатомъ и наполненномъ пылью мѣстѣ, раздѣлившись на мелкіе шарки, разсыпается по землѣ, не смѣшиваясь ни съ чѣмъ ей встрѣтившимся; если же кто по многимъ мѣстамъ разсыпанную ртуть соберетъ опять въ одно мѣсто, то она сама собою сливается съ однороднымъ, ничего посторонняго не заключаая въ свою смѣсь. Подобное иѣчто, думаю, надлежитъ представлять себѣ и о человѣческомъ составѣ, что, если только послѣдуетъ Божіе повелѣніе, соответственнымъ частямъ самимъ собою присоединиться къ тѣмъ, которыя имъ свои, то обновляющему естество не будетъ въ этомъ никакого затрудненія. И въ произрастающемъ изъ земли виднѣтъ, что, возмемъ ли пшеницу, ли зерно изъ смоквы, ли другое какое изъ лѣбныхъ или овоцныхъ сѣмянъ, природѣ нѣтъ никакого труда превратить ихъ въ солому, и

въ остны, и въ колось. Ибо безъ принужденія, сама собою, соотвѣтственная пища переходитъ изъ общаго въ особое свойство каждаго изъ сѣмянъ. Посему, если изъ общей, всеѣмъ произрастеніямъ подлежащей влаги, каждое изъ питающихся ею растеній извлекаетъ способствующее къ его возрастанію: то есть ли что необычайнаго въ ученіи о воскресеніи, по которому каждымъ изъ воскрешаемыхъ, подобно тому, что бываетъ съ сѣменами, привлекается свойственное ему?

Поэтому изъ всего можно дознавать, что проповѣдь о воскресеніи не содержитъ въ себѣ ничего такого, что не было бы извѣстно изъ опыта: хотя умолчали мы о томъ, что всего извѣстнѣе въ насъ, разумѣю самое первое начало нашего составленія. Ибо кто не знаетъ этого чуднаго дѣйствія природы? что принимаетъ въ себя матерпяя утроба, и что производитъ изъ сего? Не видишь ли, что всѣваемое въ утробу, какъ начало тѣлеснаго состава, нѣкоторымъ образомъ просто и состоитъ изъ подобныхъ частей? Какое же слово изобразить разнообразіе уготовляемаго состава? Кто, не научаемый подобному общему природою, призналъ бы возможнымъ совершающееся, а именно, что это малое и само по себѣ незначительное служитъ началомъ столько великаго дѣла? Называю же великимъ, не

только взирая на образованіе тѣла, но и на то, что болѣе достойно удивленія, разумѣю самую душу, и все въ ней усматриваемое.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСМАЯ.

Противъ утверждающихъ, что души существовали прежде тѣла, или наоборотъ, что тѣла созданы прежде душъ, и вмѣстѣ нѣкое опроверженіе баснословнаго ученія о преселеніи душъ.

Не вѣдѣ, можетъ быть, предѣловъ подлежащаго намъ труда, изслѣдованіе того, что въ церквахъ составляетъ предметъ недоумѣнія о душѣ и тѣлѣ. Однимъ изъ жившихъ прежде насъ, а именно занимавшимся ученіемъ о началахъ, разсудилось утверждать, что души, подобно какому-то обществу, по особымъ постановленіямъ существуютъ сами по себѣ; и тамъ есть для нихъ образцы порока и добродѣтели; и душа, пребывающая въ добрѣ, остается не испытаніемъ соединенія съ тѣломъ: но, если она уклонится отъ общенія съ добромъ, и возымѣетъ поплзновеніе къ здѣшней жизни, въ такомъ случаѣ бываетъ соединена съ тѣломъ. Другіе же, держась описаннаго Моисеемъ порядка въ устроеніи человѣка, говорятъ, что душа по времени вторая послѣ тѣла. Поелику Богъ, сперва *взель персть отъ земли* (Быт. 2, 7.), создагъ человѣка: а потомъ уже одушевилъ его вдуновеніемъ; то на семъ основаніи доказываютъ, что плоть пред-

почтительнѣе души, вошедшей въ предварительно созданную плоть. Душа, говорятъ они, сотворена для тѣла, чтобы не быть ему тварію бездыханною и недвижимою. А все, дѣлаемое для чего нибудь, конечно малоцѣннѣе того, для чего дѣлается, какъ и Евангеліе сказуетъ, что *душа болѣе есть нища, и тѣло одежды* (Матѣ. 6, 25.), потому что для души и тѣла—одежда и нища; а не для нищи душа, и не для одежды устроены тѣла, напротивъ того, когда существовали уже тѣла, по необходимости изобрѣтены и одежды.

Итакъ, послѣку въ обоихъ предположеніяхъ достойно порицанія разсужденіе и баснословящихъ, что души жили прежде въ особомъ нѣкоемъ состояніи, и полагающихъ, что онѣ созданы послѣ тѣлъ: то необходимо, ничего изъ сказаннаго въ сихъ ученіяхъ не оставлять безъ изслѣдованія. Но со всею точностію заняться разсужденіями тѣлъ съ другихъ, и обнаружить всѣ несообразности, заключающіяся въ сихъ предположеніяхъ, потребовало бы продолжительнаго и времени и слова. Посему, вкратцѣ разсмотрѣвъ, по возможности, каждое изъ означенныхъ мнѣній, снова обратимся къ предположенію.

Защитники перваго ученія, которые утверждаютъ, что души, до жизни во плоти, имѣютъ другіи образъ жизни, по моему мнѣнію, держатся еще языческихъ баснословныхъ ученій

о преселеніи души изъ одного тѣла въ другое. Ибо, если кто въ точности изслѣдуетъ, то по всей необходимости найдетъ, что ученіе ихъ клонится къ тому, что, какъ говорятъ, сказывалъ о себѣ одинъ изъ ихъ мудрецовъ, а именно: «былъ я мужемъ, потомъ облекся въ тѣло жены, леталъ съ птицами, былъ растеніемъ, жилъ съ животными водяными.» II, по моему сужденію, не далеко отступилъ отъ истины утверждающій о себѣ подобное. Ибо подобное ученіе, что одна душа входила въ столько тѣлъ, подлинно достойно, или крика какихъ либо лягушекъ и галокъ, или безсловесія рыбъ, или безчувственности растеній. Причиною же такой нецѣльности та мысль, что души преуспеваютъ. Ибо начало подобнаго ученія, открывая разсужденію путь къ ближайшему и непосредственно за тѣмъ представляющемуся, послѣдовательно доводитъ до такихъ бредней. Если душа какимъ либо порокомъ отвлечется отъ высшаго образа жизни, однажды вкусивъ (какъ говорятъ) тѣлесной жизни, дѣлается человекомъ; жизнь же во плоти, въ сравненіи съ вѣчною и безтѣленною, безъ сомнѣнія признается болѣе страшною; то души въ такой жизни, въ которой больше поводовъ ко грѣху, совершенно необходимо сдѣлаться болѣе порочною, и болѣе расположенною къ страстямъ, нежели сколько была прежде. Страстность же человѣческой души есть угодиле-

ніе безсловесному. Душа, усвоившая себѣ это, переходитъ въ естество скотское, и однажды вступивъ на путь порока, даже и въ состояніи безсловесія никогда не прекращаетъ дальнѣйшаго поступленія во зло. Ибо остановка во злѣ есть уже начало стремленія къ добродѣтели; а у безсловесныхъ добродѣтели нѣтъ. Посему душа необходимо всегда будетъ измѣняться въ худшее, непрестанно переходя въ состояніе болѣе и болѣе безчестное, и изыскивая всегда положеніе худшее того, въ какомъ она находится. Но какъ ниже разумнаго чувственное, такъ иснаденіе изъ чувственного дѣлается безчувственностію. До сего доходя ихъ разсужденіе, хотя вращается внѣ истины, однакоже и целѣность изъ целѣности выводитъ съ нѣкоторою послѣдовательностію. Но выводимое изъ сего баснословное ученіе слагается уже у нихъ изъ понятій безсвязныхъ. Ибо строгая послѣдовательность указываетъ на растлѣніе души. Душа, однажды поползнувшая въ жизни высней, не возможетъ остановиться ни на какой мѣрѣ порока, но по склонности къ страстямъ, изъ словеснаго состоянія перейдетъ въ безсловесное; а изъ сего дойдетъ до безчувственности растлѣннѣй; къ безчувственному же нѣкоторымъ образомъ близко неодушевленное; а за этимъ слѣдуетъ немѣющее бытія. И такимъ образомъ по строгой послѣдовательности душа дѣлается нихъ вовсе

несуществующею. Поэтому опять по необходимости невозможно уже для нея будетъ возвращеніе къ лучшему. Между тѣмъ они изъ растѣнія возводятъ душу въ человѣка: а симъ показываютъ, что жизнь растѣній предпочтительнѣе жизни безтѣлесной. Ибо доказано, что поступленіе души въ худшее, какъ и естественно, низведетъ ее ниже. Безчувственнаго же естества ниже неодушевленное, въ которое послѣдовательно низводитъ душу начало ихъ ученія. А какъ негодно имъ это: пусть, или навсегда заключать душу въ безчувственности, или, если хотятъ возвести отсюда ее въ человѣческую жизнь, докажутъ (какъ сказано), что древесная жизнь предпочтительнѣе прежняго состоянія, потому что въ немъ совершилось ниспаденіе въ порокъ, а въ первой совершается возвращеніе къ добродѣтели. Посему какимъ-то немѣющимъ ни начала, ни конца оказывается ученіе, по которому души прежде жизни во плоти живутъ сами по себѣ, и за пороки соединяются съ тѣлами.

Непѣность же ученія утверждающихъ, что душа позднѣе тѣла, объяснена въ послѣдствіи. Посему ученіе тѣхъ и другихъ равно не можетъ бытъ принято. Наше же ученіе, какъ думаю, должно идти къ истинѣ среднимъ путемъ между сими предположеніями, и оно состоитъ въ слѣдующемъ: не должно ни предполагать, будтобы души, какъ обольщаютъ себя языч-

ники, вращавшіяся со всею вселенной, обременившись какимъ-то порокомъ, по невозможности идти наравнѣ съ скоростію движущагося полюса, испали на землю: ни утверждать также, будтобы человекъ созданъ сперва подобнымъ изваянію изъ брешія, и для сего-то изваянія сотворена душа. Ибо въ такомъ случаѣ умная природа обажется стоящею менѣе, нежели брешная тварь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Доказательство, что одна и таже причина осуществлена души и тѣла.

Послику человекъ, состоящій изъ души и тѣла, есть единое; то предполагаемъ одно общее начало его состава, такъ что онъ ни старше ни моложе самого себя, и не прежде въ немъ тѣлесное, а потомъ другое. Напротивъ того утверждаемъ, что предвѣдушимъ Божиимъ могуществомъ, согласно съ изложеннымъ нѣсколько выше ученіемъ, приведена въ бытіе вся полнота человѣческаго естества, какъ свидѣтельствуешь о семъ пророчество, которое говоритъ, что Богъ *видѣетъ вся прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42.). Въ сотвореніи же каждой части не предносимъ ~~одного~~ ~~другому~~, и души тѣлу, ~~наоборотъ~~, наоборотъ,

чтобы человекъ, раздѣляемый различно во времени, не былъ поставляемъ въ разладъ съ самимъ собою. Послику, по учению апостольскому, естество наше представляется двоякимъ, инымъ въ человекѣ видимомъ, и инымъ въ потаенномъ (1 Петр. 3, 4.); то, если одно существовало, а другое произошло послѣ, сила Создателя окажется какою-то несовершенною, недостаточною, чтобы произвести все вдругъ, но раздробляющею дѣло, и трудящеюся особо надъ каждою половиною. Но какъ о пшеничномъ зернѣ, или о другомъ какомъ сѣмени, говоримъ, что оно въ возможности заключаетъ все относящееся къ колосу, зелень, стебель, колѣна на стеблѣ, плодъ, ости и утверждаемъ, что изъ всего этого, по закону природы, въ естествѣ сѣмени ничто не предсуществуетъ, или не происходитъ прежде, но по естественному порядку обнаруживается сокрытая въ сѣмени сила, и не вмѣшивается въ дѣло чуждая природа: по такому же закону и о человѣческомъ осѣмененіи предполагаемъ, что съ первымъ началомъ состава всѣвается естественная сила, которая развивается и обнаруживается съ нѣкоторою естественною послѣдовательностію, поступаая къ совершенію цѣлаго, ничего не замѣтуя отвѣтъ въ средство къ сему совершенію, но сама себя послѣдовательно возводя къ совершенству; такъ что несправедливо было бы утверждать, будто про-

познала душа прежде тѣла, или тѣло безъ души: по одно обонхъ начало, по высшему закону положенное первымъ Божиимъ изволеніемъ, а по другому закону состоящее въ способахъ рожденія. Какъ въ томъ, что посѣвается для зачатія тѣла, прежде его образованія невозможно видѣть членораздѣльности: такъ въ этомъ же самомъ невозможно представлять себѣ душевныхъ свойствъ, пока не придутъ въ дѣятельность. И какъ никто не усумнится, что это всѣянное образуетъ изъ себя различные члены и внутренности, не иною какою либо привнеденною силой, но силою сокрытою въ сѣмени и естественно приведенною въ дѣятельность: такъ, согласно съ симъ, тоже можно подразумѣвать и о душѣ, что, хотя никакими дѣятельностями не открываетъ себя въ видимомъ, но тѣмъ не менѣе есть уже во всѣянномъ; потому что и отличительный видъ человѣка, который изъ сего составитя, заключается въ этомъ по возможности, но сокрытъ по невозможности сдѣлаться явнымъ прежде неизбежной послѣдовательности: а также и душа есть въ сѣмени, но непримѣтна, явить же себя свойственною ей естественною силою, сообразуясь съ тѣлеснымъ возрастомъ. Посему сила къ зачатію отдѣляется, не отъ мертваго, но отъ одушевленнаго и живаго тѣла; то признаемъ посему основательною ту мысль, что исходящее отъ живаго въ начало жизни не есть что либо мер-

твое и неодушевленное. Ибо неодушевленное во плоти безъ сомнѣнія мертво. Мертвенность же происходитъ отъ утраты души. Никто же не скажетъ при этомъ, что лишеніе возможно прежде обладанія, но сіе говоритъ утверждающій, что неодушевленное, то есть, мертвенность, старше души.

Но если кто потребуеъ и яснѣйшаго доказательства на то, что жива эта часть, которая служить началомъ зараждающагося живаго существа: то можно уразумѣвать сіе по другимъ признакамъ, которыми одушевленное отличается отъ мертваго. Ибо доказательствомъ жизни въ человѣкѣ поставляемъ нѣкоторую теплоту, дѣятельность и подвижность: а охлажденіе и недвижность въ тѣлахъ есть ничто иное, какъ мертвенность. Итакъ, послку въ томъ, о чемъ у насъ рѣчь, усматриваются и теплота и дѣятельность; то принимаемъ сіе за доказательство, что оно не неодушевлено. И какъ съ тѣлесной стороны не называемъ сего ни плотію, ни костями, ни волосами, ни чѣмъ либо усматриваемымъ въ человѣческомъ составѣ; а говорящъ, что, хотя по возможности есть оно каждымъ изъ насъ, но не оказывается еще по видимости: такъ и со стороны души говоримъ, что не имѣютъ въ этомъ мѣста разумная, вождѣлвательная и раздражительная сила, и все прочее усматриваемое въ душѣ, по согласно съ устроениемъ и усовер-

шеніемъ тѣла, возрастаютъ въ человѣкѣ и душевныя дѣятельности. Ибо, какъ человѣкъ совершеннаго возраста въ дѣлахъ немаловажныхъ проявляетъ въ себѣ душевную дѣятельность; такъ въ началѣ своего образованія показываетъ въ себѣ сообразное и соразмѣрное съ настоящею потребностію содѣйствіе души въ томъ, что изъ всѣяннаго вещества устрояетъ она себѣ сродное жилище. Ибо признаемъ невозможнымъ, чтобы душа приаровляла къ себѣ чужія жилища, какъ и сдѣланная на воску печать не можетъ быть примѣяема къ инымъ оттискамъ. Какъ тѣло изъ самаго малаго приходитъ въ совершенный возрастъ: такъ и душевная дѣятельность, возрастая въ человѣкѣ соответственно тѣлу, развивается и увеличивается. При первоначальномъ устроеніи тѣла, подобно нѣкому корню сокрытому въ землѣ, предшествуетъ въ душѣ одна растительная и питательная сила: потому что малость приемолющаго тѣла не можетъ вмѣстить бѣльшаго. Потомъ, когда это растѣніе выдетъ на свѣтъ, и ростокъ свой покажетъ солнцу, расцвѣтаетъ даръ чувствительности. Когда же созрѣетъ и достигнетъ уже соразмѣрной высоты, тогда, подобно нѣкому плоду, начинаетъ просвѣчивать разумная сила, впрочемъ не вся вдругъ обнаруживаясь, но быстро возрастая вмѣстѣ съ усовершеніемъ орудія, и столько принося всегда плода, сколько вмѣщаютъ силы человѣка.

Если же доискиваемся душевныхъ дѣятельностей въ образованіи тѣла, то *воини себѣ*, говоритъ Моисей (Втор. 4, 9.), и какъ въ книгѣ, читай исторію дѣйствій души. Ибо сама природа явѣе всякаго слова расскажетъ тебѣ различныя занятія души въ тѣлѣ, при устройствѣ и цѣлаго и частей. Но излишнимъ почтию описывать словомъ то, что касается насъ самихъ, какъ бы разсуждая о какихъ нибудь постороннихъ чудесахъ. Ибо кто, взирая на самаго себя, найдетъ нужду въ чужомъ словѣ, чтобы изучить собственное свое естество? Кто уразумѣлъ способы жизни, и дозналъ, сколько тѣло способно ко всякой жизненной дѣятельности; тому можно познать, чѣмъ были заняты естественныя силы души при первоначальномъ образованіи человѣка. Почему и изъ сего дѣлается явнымъ для не вовсе невнимательныхъ, что не мертвымъ и не неодушевленнымъ бываетъ то, что, для произведенія животнаго существа будучи извлечено изъ живаго тѣла, влагається въ художническую храмину природы. И сердцевицу плодовъ и отростки корней сажаетъ въ землю неомертвѣвшіе и неутратившіе вложенной въ нихъ природою жизненной силы, но сохранившіе въ себѣ, хотя сокрытое, но непременно живое свойство первообраза. Таковую же силу и окружающая ихъ земля влагається не отвѣвъ, отдѣливъ ее отъ себя самой: ибо въ такомъ случаѣ и мертвыя части

деревь давали бы отъ себя отырыски: а напротивъ того проявляетъ только сокрытую въ насажденномъ силу, питающую своею влагою и образованіемъ корня, коры, сердцевины, отырысковъ, вѣтвей, доводи растѣніе до совершенства. А сего не могло бы произойти, если бы не вложена была какая либо естественная сила, которая, привлекая въ себя изъ окружающаго среднюю и сообразную пищу, дѣлалась кустомъ, или деревомъ, или колосомъ, или какимъ либо оwoцнымъ произрастѣніемъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Краткое, врачебное болѣе, обзорное устройство нашего тѣла.

Но хотя точному устройству нашего тѣла учить каждый самъ себя, имѣя учителемъ собственное свое естество въ томъ, что онъ видитъ, живетъ и чувствуетъ: однакоже можно дознать въ точности все и тому, кто возьметъ книги, въ которыхъ изложена исторія всего этого, трудолюбиво составленная мудрыми въ подобномъ сему.—Одни изъ нихъ чрезъ разсѣченіе тѣлъ изучали, какое положеніе имѣеть въ часъ каждый членъ: а другіе примѣчали и объясняли, на что именно сотворена всякая часть тѣла, такъ что трудолюбивыми почеркается отсюда достаточное вѣдѣніе человѣче-

скаго устройства. Но если кто потребуеть учительницею во всемъ этомъ имѣть Церковь, чтобы ни для чего не было нужды въ постороннемъ голосѣ (ибо, какъ говоритъ Господь, — вотъ законъ для духовныхъ овецъ, — не слушать имъ *чуждаго гласа* (Юан. 10, 5.)): то кратко изложимъ ученіе и объ этомъ.

Въ естествѣ тѣла примѣтили мы три цѣли, для которыхъ устройство въ насъ каждый членъ въ отдельности. Одно устроено, чтобы жить, другое, чтобы жить хорошо, и иное приспособлено къ потомственному преемству. Посему все таковое, безъ чего не можетъ состояться въ насъ человѣческая жизнь, примѣтили мы въ трехъ частяхъ: въ головѣ, сердцѣ, и печени. А что служить нѣкоторымъ добавленіемъ къ нимъ благамъ, по щедрости естества, и чѣмъ даруется человѣку возможность жить хорошо, то составляютъ орудія чувствъ. Таковыя орудія не существенны для жизни, потому что перѣдко, и при недостаткѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, человѣкъ тѣмъ не менѣе сохраняетъ жизнь; но безъ дѣятельности нѣтъ человѣку невозможно наслаждаться пріятностями жизни. Третья же цѣль относится къ послѣдующему и къ преемству.

Но кромѣ слухъ членовъ и другіе нѣкоторые служатъ къ пребыванію всѣхъ вообще членовъ, и составляютъ собою соответственное каждому члену дополненіе; таковы: желудокъ

и легкое: и легкое дыханіемъ воспаляетъ огонь въ сердцѣ, а желудокъ вмѣщаетъ во внутренностяхъ пищу. Посему, при такомъ раздѣленіи нашего устройства, можно въ точности уразумѣть, что жизненная сила неоднобразно и не однимъ какимъ либо членомъ приводится въ насъ въ дѣйствіе: но что естество, удѣливъ многимъ частямъ средства къ устройству нашего состава, необходимымъ дѣлаетъ, чтобы каждый членъ внеслъ свою дань въ пользу цѣлаго. Почему члены, которые естествомъ много устроены для безопасности и красоты жизни, и многочисленны и между собою имѣютъ великую разность. Но, думаю, что надлежитъ намъ прежде кратко, только подробнѣе, раскрыть первыя начала того, что служитъ къ образованію жизни. Посему объ общемъ веществѣ всего тѣла, положенномъ въ основаніе каждаго изъ его членовъ, да будетъ теперь умолчано: потому что сіе общее естествословіе нимало не послужитъ къ нашей цѣли—къ частному обозрѣнію. Какъ всѣми признано, что есть въ насъ часть всего, усматриваемаго въ мірѣ въ видѣ стихій, то есть, тепла и холода, а также и другой умопредставляемой пары, влажности и сухости; то должно намъ разсмотрѣть каждую стихію порознь.

Итакъ видимъ три управляющія жизненные силы, изъ которыхъ одна согрѣваетъ все теплотой: другая согрѣтое проявляетъ влагою,

чтобы равносиліемъ качества противоположностей живое существо соблюдалось въ среднѣ, и влажность не была понаеяема преизбыткомъ теплоты, и теплота не угашалась преобладаніемъ охлаждающаго. Третья же сила содержитъ собою въ нѣкоей близости и стройности разъединенныя суставы, сопрягая ихъ своими связками, и веѣмъ сообщая самодвижную и произвольную силу, при недостаткѣ которой членъ этотъ дѣлается отдѣльнымъ и омертвѣвающимъ, лишившись произвольнаго дыханія. Прежде же сего болѣе достойна примѣчанія художественность естества нашего въ самомъ созданіи тѣла.

Поелику жесткое и упорное не принимаетъ въ себя дѣятельности чувствъ, какъ можно видѣть въ костяхъ у насъ, и въ земныхъ растѣніяхъ, въ которыхъ примѣчаемъ нѣкоторый видъ жизни въ томъ, что растутъ и питаются, чувства же напротивъ того не принимаютъ въ себя упорство ихъ: то для чувственныхъ дѣятельностей должно было приготовить, какбы воску подобный, нѣкій снарядъ, который могъ бы отпечатлѣвать на себѣ ощутительныя отпечатки, и не сшивалъ ихъ по преизбытку влажности (потому что на влажномъ не удерживается отпечатлѣнное), и не противился отпечатлѣнію по чрезмѣрной отвердѣлости (потому что неуступчивое не оставляетъ на себѣ знаковъ отпечатлѣннаго) но занималъ среднюю

между мягкостію и твердостію, чтобы живое существо не лишено было прекраснѣйшаго изъ естественныхъ дѣйствій, разумію, движеніе чувствительное. Послѣ же мягкое и уступчивое, не имѣя никакой дѣятельности, свойственной вещамъ твердымъ, было бы, безъ сомнѣнія, недвижимо, печенообразно, подобно морскому киселю; то естество примѣшало посему къ тѣлу твердость костей, и соединило ихъ между собою неотъемлемою соразмѣрностію, сблизивъ и скрѣпивъ связями изъ жилъ, потомъ обложило ихъ плотію, доступною чувствамъ, менѣе же чувствительною, и тверже сложенною на поверхности. На сіи-то твердыя по природѣ кости, какъ на нѣкоторыя подпирающіе зданіе столны, возложило всю тяжесть тѣла: и не одну пераздѣльную кость вложило въ цѣлой составъ. Человѣкъ оставался бы недвижимымъ и бездѣйственнымъ, если бы имѣлъ такое устройство, подобно какому-то дереву, держась на одномъ мѣстѣ, потому что не могъ бы производить движенія впередъ перестановкою ногъ, ни пользоваться въ жизни услужливостію рукъ. Теперь же этимъ примышленіемъ некусно устроила природа, что орудіе сіе и подвижно и дѣятельно, съ произвольнымъ дыханіемъ, проходящимъ по жиламъ, вложивъ въ тѣло и стремленіе къ движеніямъ и силу для нихъ. Отсюда разнообразная, многосторонняя, ко всякому примышленію пригод-

ная услужливость рукъ. Отсюда поворотливость шеи, наклоны и всякія движенія головы, дѣятельность челюсти, разведеніе и соединенное съ тѣмъ вѣстѣ наклоненіе бровей; и движенія прочихъ членовъ произволятся, какбы въ машинѣ какой, сжатіемъ и растяженіемъ извѣстныхъ жилъ. Проходящая же по онымъ сила имѣеть какое-то самодвижное стремленіе, въ каждомъ изъ нихъ дѣйствуя произвольнымъ дыханіемъ по особому смотрѣнію естества. А корнемъ и началомъ всѣхъ движеній въ жилахъ оказывается облекающая собою головной мозгъ волокнистая плева.

По сему думаемъ, не должно много любопытствовать о жизненныхъ членахъ, что они такое, когда дознали, что движущая сила въ мозгу. А что мозгъ головной весьма много способствуетъ жизни, ясно открывается это изъ противоположныхъ случаевъ. Ибо если потеритъ кто какое либо уязвленіе или разрывъ мозговой плевы, за симъ немедленно послѣдуетъ смерть: потому что естество и на мгновеніе не въ силахъ устоять противъ этого уязвленія, подобно тому, какъ, если станешь выламывать основаніе, то цѣлое зданіе съ этою частию придетъ въ потрясеніе. А что при своемъ поврежденіи сопровождается явною гибелью цѣлаго живаго существа, въ томъ (нельзя не признаться) главнымъ образомъ заключается причина жизни.

Поелку же у прекратившихъ жизнь съ угашеніемъ вложенной въ естество теплоты омертвѣвшее охладѣваетъ: то посему и въ теплотѣ усматриваемъ причину жизни. Ибо за утратою чего слѣдуетъ омертвѣніе, о томъ, по всей необходимости, должно признать, что присутствіемъ этого держится жизнь въ живомъ существѣ. А какъ бы нѣкоторый источникъ и начало таковой силы примѣчаемъ въ сердцѣ, изъ котораго, подобныя свирѣляемъ, одна изъ другой многовѣтвисто исходящія трубки по всему тѣлу разливаютъ, какъ бы огненное, теплое дыханіе.

И какъ непремѣнно должно, чтобы естество доставляло теплотѣ нѣкую пищу, потому что огонь не можетъ поддерживаться самъ собою, не будучи питаемъ чѣмъ либо для сего пригоднымъ: то посему и оченью, какъ бы источникомъ какимъ, доставляемые потоки крови вмѣстѣ съ теплымъ дыханіемъ идутъ повсюду въ тѣлѣ такъ неразрывно, что, по взаимномъ однихъ съ другимъ разобщеніи, пронесенное страданіе погубило бы самое естество. Да вразумить сіе не наблюдающихъ равенства, научая самимъ естествомъ, что лобостыканіе есть тлѣтворная нѣкая болѣзнь. Но поелку оно Божество ни въ чемъ не имѣетъ нужды, человеческое же убожество къ поддержанію своему нуждается во внѣшнемъ: то тремъ онымъ силамъ, которыми, какъ сказали мы,

устраивается все тѣло, природа доставляетъ отъ вышнѣ притекающее вещество, вводя разными путями соответственное каждой силѣ. Ибо источнику крови, то есть, печени, природа предоставила снабженіе посредствомъ пищи. Что непрестанно доставляется пищею, то дѣлаетъ, что изъ печени изливаются потоки крови, подобно тому, какъ снѣгъ на горахъ свойственною ему влажностію увеличиваетъ подгорные источники, чрезъ всю высоту горы влагу свою сшибая до нижнихъ жилъ.

Воздухъ же въ предсердечіи входитъ туда чрезъ находящуюся близь него часть внутренности, которая называется легкимъ, и есть пріемникъ воздуха, и посредствомъ лежащей въ немъ боковой жиры, простирающейся до рта, вдыханіями втягиваетъ въ себя вышній воздухъ. Имъ по срединѣ раздѣленное сердце, въ подражаніе дѣятельности присподвижнаго огня, само непрерывно движимое, и подобно тому, что производятъ въ кузницахъ мѣли, и втягиваетъ въ себя воздухъ изъ прилежащаго легкаго, и наполняя произшедшій отъ расширения пустоты, и раздувая, что есть огненнаго въ немъ само, выдыхаетъ въ прилежащія боковыя жиры. И не прекращаетъ сего дѣйствія, какъ втягивая вышній воздухъ въ собственные свои пустоты расширеніемъ оныхъ, такъ выдѣляя отъ себя въ боковыя жиры сжа-

тѣмъ. Сіе-то, кажется мнѣ, и дѣлается въ насъ причиною этого самодвижнаго дыханія. Ибо часто умъ занятъ чѣмъ либо другимъ, или совершенно поконится, отрѣшившись отъ тѣла во снѣ, но вдыханіе воздуха не прекращается, безъ всякаго содѣйствія въ томъ нашего произволенія. Ибо, думаю, поелику сердце будучи соединено съ легкимъ и связано съ нимъ заднею своею частію, своими разширеніями и сжатіями приводитъ съ собою въ движеніе внутренности; то втягиваніе воздуха и дыханіе производится легкимъ. Ибо легкое, будучи чѣмъ-то рѣдкимъ, — исполненнымъ скважинъ сосудомъ, и всѣ пустоты въ себѣ имѣя отверстыми при основаніи біющейся жилы, когда сдвинуто и сжато, остававшійся во впадинахъ воздухъ по необходимости съ силою извергается, а когда расширено и отверсто, втягиваетъ вышній воздухъ въ промежутокъ сдвинутой пустоты отъ притягиванія. И вотъ причина сего непривольнаго дыханія, — невозможность, чтобы огненное въ насъ сдѣлалось неподвижнымъ. А поелику теплотѣ свойственна дѣятельность въ движеніи, начало же теплоты примѣтили мы въ сердцѣ: то непрестанное движеніе въ этомъ членѣ производитъ непрерывное побужденіе къ выходу и вдыханіе воздуха легкимъ. Почему, когда огненное напряжено сверхъ-естественно, дыханіе нашими горячешнымъ жаромъ дѣлается учащеннымъ,

какъ будто бы сердце снѣшить сокрытїи въ немъ пламень угасить новымъ воздухомъ.

Но послѣку естество наше есть что-то скудное; и для собственнаго своего поддержанія имѣя во всемъ нужду, бѣдно до того, что имѣть у него, не только собственнаго своего воздуха, но и дыханія возбуждающаго теплоту: то для сохраненія живаго существа непрерывно привносится что либо отъиѣ.—Да и пища, поддерживающая тѣлесный составъ, у него прїобрѣтенная: почему яствами и питіями наполняетъ нуждающееся тѣло, вложивъ въ него когда оно въ недостаткѣ, имѣющую притягивающую, а когда въ избыткѣ, отталкивающую силу, и при этомъ сердечный огонь оказываетъ естеству не малое содѣйствіе. Послѣку изъ жизненныхъ членовъ, по сказанной выше причинѣ, самый главный есть сердце, теплымъ дыханіемъ оживотворяющее каждый изъ прочихъ членовъ: то Звждитель нашъ содѣлалъ, что все оно дѣйствительно по производительности силы, такъ что ни одна часть его не остается безъ дѣйствія и безъ пользы въ домостроенствѣ имѣлаго. Поэтому сердце, опускаясь отъ легкаго, и непрерывнымъ движеніемъ притянувъ къ себѣ внутренности, расширяетъ проходы для втягиванія вышшняго воздуха, а поднимаясь опять вверхъ, способствуетъ выдыханію того воздуха, который внутри. Переднимъ же своими частями состоя въ связи

съ влаганищемъ верхняго желудка, согрѣваетъ его, и приводитъ въ движеніе для собственныхъ его дѣятельностей, возбуждая не къ втягиванію воздуха, но къ принятію подобной пищи; потому что близки между собою входы для дыханія и для пищи; иди вдоль одинъ противъ другаго, вверху въ равной мѣрѣ сближены, такъ что отверстіями сходятся другъ съ другомъ, и въ однихъ устахъ оканчиваются оба сіи проходы, изъ которыхъ однимъ входитъ въ насъ пища, другимъ дыханіе. Но въ глубинѣ не вездѣ сохраняется взаимная связь этой пары проходовъ: потому что сердце, помѣщаясь въ среднѣ между основаніями того и другаго, даетъ силы одному для дыханія, а другому для питанія. Огню обычно искать вещества для горѣнія. Это же по необходимости происходитъ и съ пищенріемникомъ. Ибо въ какой мѣрѣ разгорячается соудственною теплою, въ такой же силѣе привлекаетъ питающее теплоту; а таковое побужденіе называемъ позывомъ на пищу.

Если тѣлесный сосудъ, въ который слагается пища, приметъ въ себя достаточное количество вещества: то и въ семъ случаѣ дѣятельность огня не успокоивается, но какъ въ плавищнѣ производитъ какой-то сплавокъ вещества, и разложивъ и перемѣшавъ, что было твердо, какъ бы изъ тигля какого переливаетъ въ слѣдующіе далѣе проходы. Потомъ, отдѣ-

ливъ болѣе грубое отъ чистаго, какъ бы водо-
проводами какими препровождаеть истончен-
ное во врата печени. А густый отсѣдъ нищи
отбрасываетъ въ болѣе широкіе желудочные
проходы, и нѣсколько времени круговращая
по онымъ разными оборотами, задерживаетъ
нищу во внутренностяхъ, чтобы легко извер-
гаемая по прямому проходу не возбуждала тот-
часъ позыва на нищу въ живомъ существѣ, и
человѣкъ по естеству безсловесныхъ не при-
нужденъ былъ никогда не оставлять такой ра-
боты. Послѣку же и печени наиболѣе потребно
содѣйствіе теплоты для обращенія соковъ въ
кровь, а отъ сердца по положенію отстоитъ
она далеко (ибо, думаю, будучи нѣкимъ на-
чаломъ и корнемъ жизненной силы, не можетъ
она утѣсняться другимъ началомъ); то, чтобы
отдаленность теплотворной сущности не по-
вредила сколько нибудь всему домостроитель-
ству, волокнистый проходъ (у свѣдущихъ въ
этомъ называется онъ біющеюся жилою), при-
нявъ въ себя разгоряченное дыханіе, изъ
сердца переноситъ въ печень, гдѣ, закрывъ
нѣсколько отверстія его входомъ влаги, и
теплотою приведя жидкость въ кипѣніе, отла-
гаетъ во влажномъ нѣчто изъ огненного сред-
ства, и огненнымъ цвѣтомъ окрасивъ кровь.
Потомъ, два нѣкіе водопровода, изъ которыхъ
каждый, подобно трубѣ, содержитъ въ себѣ,
одинъ дыханіе, а другой кровь, чтобы то и

другое удобно пролагало себѣ путь, начавшись въ печени, жидкое, сопровождаемое и облегчаемое движеніемъ теплоты, многократно разсѣваютъ по всему тѣлу, во всякой его части дѣлясь на тысячи началъ и вѣтвей сихъ проводовъ.

Два же начала жизненныхъ силъ слившись между собою, сообщая повсюду тѣлу, одно теплоту, другое влажность, какъ бы необходимую нѣкую дань изъ своей собственности приносятъ правительственной силѣ жизненнаго домостроительства. А это есть сила, открывающаяся въ мозговой оболочкѣ и въ головномъ мозгу; отъ нея всякое движеніе составовъ, всякое сжатіе мышцъ, всякое произвольное дыханіе, передаваемое каждой части порознь; и сіе показываетъ земное наше изваяніе, подобно какой-то машинѣ, приводимое въ дѣйствіе и движеніе. Что есть самаго чистаго въ тепломъ и самаго тонкаго во влажномъ, то, будучи соединено тою и другою силою въ нѣкую смѣсь и сраствореніе, питаетъ и поддерживаетъ исареніями головной мозгъ. А что выходитъ изъ мозга, будучи имъ до высшей степени чистоты угощено, то укрѣпляетъ объемлющую головной мозгъ плеву, которая на подобіе свирѣли, простираясь сверху внизъ, по ряду позвонковъ проводя и себя и лежащій въ ней мозжечекъ, оканчивается въ основаніи спиннаго позвонка. Головной мозгъ всѣмъ свя-

зямъ костей и сочлененій, и началамъ мѣшцъ, подобно какому-то всаднику, даетъ отъ себя побужденіе и силу въ каждомъ движеніи и при каждой остановкѣ. Посему-то, кажется мнѣ, и удостоенъ онъ болѣе надежнаго охраненія, обнесенный вокругъ и въ головѣ двойною оградю костей, и въ позвонкахъ выдающимися шишами и разнообразными снаружи переплетеніями, что охраняетъ его отъ всякой возможности что либо потернѣть, потому что окруженъ надежною стражей.

Подобнымъ образомъ можетъ ннѣи заключить и о сердцѣ, что оно, подобно какому либо дому, приведенному въ безопасность твердынями, также отвсюду защищено, укрѣпленное костяными ограденіями. Ибо сзади проходитъ спишный позвонокъ, съ обѣихъ сторонъ обезопасенный лонатками; въ каждомъ боку оноясывающее положеніе реберъ дѣлаетъ среднѣу ннмало неподверженною страданіямъ отвиѣ. А свередн выдаются грудь и нара ключицъ, чтобы сердце отвсюду было безопасно и охранено отъ внѣшнихъ прираженій. Подобное нѣчто можно видѣть въ земледѣи, когда дождь изъ облаковъ, или орошеніе изъ водопроводовъ, увлажнваетъ землю. Представимъ себѣ въ умѣ садъ: въ немъ восннтиваются тысячи разныхъ деревъ и всякаго рода произрастенія, у которыхъ въ каждомъ усматри-

ваются весьма различными и наружный видъ, и качество, и свойство цвѣта. И когда столько растѣній на одномъ мѣстѣ питаются тоюже влагою, хотя сила напоющая каждое изъ нихъ по естеству есть какая нибудь одна, однакоже свойство питаемыхъ растѣній предлагаетъ влагу въ разныя свойства. Одна и таже влага въ польни г сѣкветъ: въ цикутѣ дѣлается ядовитымъ сокомъ, а въ чемъ другомъ, въ шафранѣ, въ бальзамѣ, въ макѣ принимаетъ другія свойства, въ одномъ разгорячается, въ другомъ мѣдветъ, и въ иномъ оказываетъ въ себѣ среднее качество: въ лаврѣ, въ нарѣ и въ подобныхъ растѣніяхъ благоуханно: въ смовицѣ и въ грунѣ сладко: виноградною лозою обращается въ гроздь и въ вино. И кислота яблока, и румянецъ розы, и бѣлизна лиліи, и голубоватость фіалки, и пурпуровый цвѣтъ гіацинта, и все, что можно видѣть на землѣ, прозябая изъ одной и тойже влажности, различается такимъ множествомъ разностей въ наружности, видѣ и качествахъ. Подобное же что и на одушевленной нашей нѣвѣ чудотворитъ природа, или, лучше сказать, Владыка природы. Кости, хрящи, кровоносныя бѣнныя жиы, волокны, связки, плоти, кожа, туки, волосы, железы, ногти, глаза, ноздри, уши, все сему подобное и сверхъ того тысячи другихъ суставовъ, отличающихся другъ отъ друга разными свойствами, питаются однимъ

родомъ пищи, соотвѣтственно своему естеству, такъ что пища, приблизившись къ каждому изъ членовъ, въ то и измѣняется, къ чему близка, дѣлаясь свойственною и сродною съ качествомъ сего члена. Если будетъ въ глазѣ, то срастворится съ этимъ зрительнымъ членомъ, и какъ свойственно разностямъ глазныхъ покрововъ, удѣлится каждому. Если приливаетъ къ слуховымъ суставамъ, смѣшивается съ естествомъ слуха; вошедши въ губу, дѣлается губой; въ костяхъ отвердѣваетъ, въ мозжечкѣ размягчается, приходитъ въ напряженіе въ жилахъ, и растягивается съ поверхностями, переходитъ въ потъ, утончается въ соотвѣтственныхъ испареніяхъ до того, что производитъ изъ себя волосы. Если проходитъ путями извилистыми, то порождаетъ волосы вьющіеся и курчавые; а если прохождение волосяныхъ испареній совершается путями прямыми, то и волосы производитъ долгиіе и прямые.

Но слово наше далеко уклонилось отъ предложеннаго, углубляясь въ дѣла естества, и предприѣмля описать, какъ и изъ чего составилось въ насъ все служащее, какъ къ тому, чтобы жить, такъ и къ тому, чтобы жить хорошо, и къ тому, что еще кромѣ сего примѣчено было нами по первому раздѣленію. Ибо предположено было нами доказать, что осѣмняющая причина нашего состава есть и не

душа безтѣлесная, и не тѣло неодушевленное, но что первоначально изъ одушевленныхъ и живыхъ тѣлъ рождается живое одушевленное существо. Человѣческое же естество, воспріявъ его, подобно пѣкшей кормилицѣ, само питаетъ его собственными своими силами; оно же питается въ обѣихъ своихъ частяхъ, и въ каждой части, соотвѣтственно одной, явно возрастаетъ. Ибо при семъ художественномъ и многоискусномъ образованіи естества тотчасъ обнаруживается сопряженная съ нимъ сила души, хотя въ началѣ оказывающаяся слабою, но въ послѣдствіи просіявающая вмѣстѣ съ усовершеніемъ орудія подобно тому, какъ можно сіе видѣть у ваятелей. Художнику нужно представить изъ камня видъ какого нибудь животнаго. Предположивъ себѣ это, сперва очищаетъ онъ камень отъ приросшаго къ нему вещества, потомъ, обѣкиши излишнія его части, подражаніемъ предположенному приближается къ нему нѣсколько въ грубомъ видѣ, такъ что и неискусный изъ видимаго угадываетъ цѣль искусства. Слова принимаясь обдѣлывать, еще болѣе приближается къ желаемому подобію. Потомъ, выработавъ изъ вещества совершенный и точный видъ, доводитъ искусство до конца. И этотъ, незадолго до того неизмѣнный никакого образа, камень дѣлается у художника, или львомъ, или человѣкомъ, или чѣмъ бы то ни было, не потому что вещество

измѣнено снмъ видомъ, но потому что сей видъ искусственно приданъ веществу. Иѣчто подобное приписывая душѣ, не погрѣшимъ противъ истины. Ибо утверждаемъ, что естество, художнически все обрабатывающее изъ однороднаго вещества, пріавъ въ себя часть, взятую отъ человѣка, создаетъ изваянія. Но какъ за постепеннымъ обрабатываніемъ камня послѣдовать видъ, сначала слабій, а по окончаніи дѣла совершеннѣйшій: такъ и въ изваяніи орудія видъ души, соотвѣтственной предположенному, проявляется въ несовершенномъ несовершеннѣй, и въ совершенномъ совершеннѣй.

Но онъ былъ бы совершенъ и въ самомъ началѣ, если бы естество не было повреждено грѣхомъ. Потому-то общеніе съ рожденіемъ страстнымъ и скотскимъ сдѣлало, что не вдругъ въ твари просіяваетъ Божіи образъ, но какимъ-то путемъ и послѣдовательно по вещественнымъ и животнымъ болѣе свойствамъ души ведетъ человѣка къ совершенству. Подобное ученіе излагаетъ и великій Апостоль въ посланіи къ Коринѣянамъ, говоря: *егда былъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ слышлахъ: егда же былъ мужъ, отвергохъ младенческая* (1 Кор. 13, 11.): не потому что въ мужа входитъ другая душа, кромѣ умпредставляемой въ отрокѣ, и отвергается младенческое разумѣніе, а появляется мужское,

но потому, что таже душа, въ младенцѣ несовершенная, въ мужѣ оказывается совершенною.

Какъ о томъ, что раждается и растетъ, говоримъ, что оно живетъ, такъ и о всякомъ существѣ, которое причастно жизни и естественнаго движенія, никто не скажетъ, что оно неодушевлено, хотя и невозможно утверждать, что подобная жизнь причастна совершенной души. Ибо являющаяся въ растѣніяхъ душевная иѣкая дѣятельность не достигаетъ до движеній чувства. Опять и въ беззловесныхъ, съ приращеніемъ оказывающая себя душевная иѣкая сила также не достигаетъ совершенства, потому что не вмѣщаетъ въ себя дара слова и разумнія. Посему говоримъ, что душа человѣческая есть душа истинная и совершенная, дающая познавать себя всякою дѣятельностію. Если же что иное причастно жизни, то называемъ сіе одушевленнымъ по привычкѣ выражаться неточно, не потому что въ этомъ есть совершенная душа, но потому что примѣтны въ этомъ иѣкоторыя части душевной дѣятельности, которыя, какъ дознаемъ по Моисею таинственному сказанію о бытіи чело-вѣка, появились и въ немъ отъ того, что освоился съ страстными. Посему-то и Павелъ желающимъ слушать, совѣтуя достигать совершенства, предлагаетъ и способъ, какъ улучшить желаемое, говоря, что должно совлечься *вет-*

хито челоуька, и облечься въ новаго, обновляемаго по образу Создавшаго (Кол. 2, 22.). Но да возвратимся и веѣ къ той боговидной благодати, съ которой въ началѣ сотворилъ Богъ челоуька, сказавъ: сотвори мѣ челоуька по образу Нашему и по подобію. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

- - - - -

3. О ЖИЗНИ МОИСЕЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ,

ИЛИ

О СОВЕРШЕНСТВѢ ВЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Что неспытываютъ на себѣ охотники смотрѣть на конскія ристалища: о комъ изъ состязующихся въ скорости бѣга заботятся они, хотябы у того небыло ни малаго недостатка въ усердіи ускорить бѣгъ, изъ заботливости однакоже объ его побѣдѣ подаютъ ему голосъ съ верху, слѣдя за нимъ глазами по всему покривцу, и увеличиваютъ (по ихъ мнѣнію) стремительность ѣздока, крича въ тоже время на коней, протягивая къ нимъ руки и махая ими: а все это дѣлаютъ не потому, что снѣмъ дѣйствительно способствуютъ побѣдѣ, но чтобы изъ благо-расположенія къ состязающимся въ жару усердія и голосомъ и тѣлодвиженіями выразить свою заботливость: подобное иѣчто, кажется, дѣлаю и я съ тобою, дражайшій для меня изъ

Гр. Писск. Ч. I.

15

друзей и братьевъ, потому что, когда ты прекрасно подвизаешься въ божественномъ теченіи на поприщѣ добродѣтели, частыми и легкими скачками стремишься достигнуть *почести великаго званія* (Филип. 3, 14.), и голосъ подаю тебѣ, и побуждаю тебя посиѣнать, и прошу заботливо усилить скорость. Дѣлаю же, не какимъ либо неразумнымъ усердіемъ держимый къ этому, но, какъ возлюбленному чаду, желая доставить тебѣ удовольствіе.

Послѣку писъво, недавно тобою присланное, сообщило мнѣ это прошеніе, чтобы дали мы тебѣ какое либо правило для совершенной жизни; то призвать я приличнымъ удовлетворить сему. Хотя шое въ сказанномъ не будетъ, можетъ быть, и сколько нибудь для тебя полезнымъ; однакоже не останется, конечно, безполезнымъ то самое, что послужу для тебя примѣромъ благопокорности. Если мы, поставленные замѣнять собою отцевъ для столькихъ дунъ, признаемъ приличнымъ для этихъ сѣднъ принять приказъ цѣломудревающей юности; то тѣмъ намъ естественно въ тебѣ преимуществовать преснѣнцію въ благопокорности, когда юность твоя подъ руководствомъ нашихъ обучается добровольному послушанію.

И о семъ довольно. Время уже приступить къ предложенному, призвавъ Бога быть поставникомъ въ словѣ.

Прощай ты меня, любезная глава, описать

тебѣ, какая жизнь совершенна,—просить, имѣя въ виду, конечно, дознать, какимъ образомъ, если въ словѣ найдено будетъ некое, указанныя черты совершенства прилагать къ собственной своей жизни. А я равно не спешу въ томъ и другомъ, и утверждаю, что, какъ объять умомъ совершенство, такъ и показать въ жизни, что могъ бы постигнуть умъ, — выше монуъ силъ. А, можетъ быть, не я одинъ, но и многіе изъ великихъ и преимуществующихъ въ добродѣтели сознаются, что подобное дѣло и для нихъ недоступно. Но чтобы не подать мысли, будтобы, говоря словами Псалмопѣвца, *тало* убоился я страха, *идиже* не бы страха (Пс. 13, 5.): яеже представлю тебѣ свою мысль.

Совершенство во всемъ другомъ, что измѣряется чувствомъ, ограничивается какими либо известными предѣлами, наиримѣрь относительно къ количеству, будетъ ли это чѣмъ непрерывнымъ и раздѣльнымъ. Ибо всякая мѣра количества объемлетъ своимъ какими либо предѣлами, и кто видитъ локоть, или число десять, тотъ знаетъ, чѣмъ пачинается, и чѣмъ кончается, то, въ чемъ должно заключаться совершенство. О добродѣтели же знаемъ мы отъ Апостола, что у нея одинъ предѣлъ совершенства—не имѣть самаго предѣла. Ибо самъ, сильный и высочій разумомъ, божественный Апостолъ, въ теченіи своемъ

поприщемъ добродѣтели, никогда не останавливался, *простираяся въ предняя* (Филип. 3, 13.), потому что не безопасна ему была остановка въ семь теченіи. Почему же? Потому что всякое добро по природѣ своей не имѣеть предѣла; ограничивается же приближеніемъ къ противоположному; напримѣръ: жизнь — къ смерти, свѣтъ—ко тмѣ. И вообще всякое добро оканчивается всѣмъ тѣмъ, что представляемъ себѣ противоположнымъ добру. Какъ конецъ жизни есть начало смерти: такъ и остановка въ теченіи поприщемъ добродѣтели дѣлается началомъ теченія по пути порока. Посему не лжетъ наше слово, утверждая, что въ добродѣтели достиженіе совершенства невозможно.

По крайней мѣрѣ имъ доказано, что заключающееся въ предѣлахъ еще не добродѣтель. Поелнку же сказалъ я, что и ведущимъ добродѣтельную жизнь невозможно достигнуть совершенства: то слово о семъ объяснено будетъ такъ. Первоначально и въ собственномъ смыслѣ добро, что естествомъ своимъ имѣеть благодѣть: это Само Божество, которое, чѣмъ умопредставляется по естеству, то дѣйствительно и есть, тѣмъ и именуется. Посему, такъ какъ доказано, что шѣтъ иного предѣла добродѣтели, кромѣ порока: а Божество не допускаетъ противоположнаго: то, слѣдуетъ, что естество Божіе неограниченію и безпре-

дѣльно. Но идущій путемъ истиной добродѣтели не иного чего причастенъ, какъ Самаго Бога: потому что Онъ есть всесовершенная добродѣтель. Итакъ, послѣку знающимъ то, что по естеству прекрасно, непремѣнно возжелѣнно причастіе сего: а оно не имѣетъ предѣла: то по необходимости возжелѣніе причащающагося, простираясь въ безпредѣльность, не имѣетъ остановки. Поэтому всеконечно нѣтъ средствъ достигъ совершеннаго: потому что совершенство, по сказанному, не объемлется предѣлами, у добродѣтели же одиць предѣлъ — безпредѣльность. Какъ же кому дойти до некомаго предѣла, не находя самаго предѣла?

Впрочемъ, потому что, какъ доказало слово, некоее вовсе не достижимо, не должно перадѣть о заповѣди Господней, которая говоритъ: *будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48.). Въ томъ, что прекрасно по естеству, хотя и не возможно улучшить все, для имѣющихъ умъ великая выгода не остаться не улучившимъ и части. Посему должно прилагать все тщаніе о томъ, чтобы не вовсе лишиться возможнаго совершенства, но столько приобрѣсть онаго, сколько успѣемъ узнать некоее. Ибо, можетъ быть, имѣть у себя прекрасное для того, чтобы всегда желать, приобрѣсти его еще больше, — есть уже совершенство человеческой природы.

Прекраснымъ мнѣ кажется дѣломъ, совѣтникомъ въ этомъ употребить Писаніе. Ибо ивѣдѣ въ пророчествѣ Исаи говоритъ Божій гласъ: *воззри на Авраама отца вѣрнаго, и на Сарру породившую сы* (Ис. 51, 2.). Конечно же повелѣніе такое дастъ слово блуждающимъ вѣдѣ пути добродѣтели, чтобы, какъ на морѣ унесенные съ прямого пути, ведущаго къ пристани, несправляютъ ошибочное свое направленіе по усмотрѣнному знаку, увидѣвъ поднимающійся съ высокаго мѣста вверхъ пламеникъ, или открывшуюся вершину какой либо горной высоты: подобно сему примѣромъ Сарры и Авраама направили снова путь свой въ пристань Божіей воли тѣ, которые блуждаютъ по житейскому морю съ утратившимъ кормило умомъ. Поелику человѣческое естество дѣлится на мужескій полъ и женскій, и обомъ равно предоставлено во власть избраніе пути къ добродѣтели и къ пороку: то каждому отдѣлу Божиимъ словомъ указанъ поэтому соотвѣтственный образецъ добродѣтели, чтобы тѣ и другіе, взирая на среднее нмѣ: мужи на Авраама, а другая часть на Сарру, оба пола по свойственнымъ нмѣ образцамъ направлялись къ жизни добродѣтельной. Посему, можетъ быть, достаточно для насъ будетъ памяти одного какого либо мужа, благоискуснаго по жизни, чтобы послужить пламеникомъ и показать, какъ можно въ отверстую пристань

добродѣтели ввести душу, не давъ ей испытать незгодъ среди обуреваній житейскихъ и потерѣтъ крушеніе въ бурный ворокъ отъ непрерывнаго тревоженія страстей. Для этого, вѣроятно, и представляется исторію во всей точности образъ жизни высочайхъ мужей: чтобы подражаніемъ ихъ пресвѣаніямъ послѣдующая наша жизнь была направлена къ добру.

Итакъ чтоже, спросить иной, если я не Халдей, какъ упоминается объ Авраамѣ, и не воспитанникъ дочери царя египетскаго, какъ говорится въ Писаніи о Моисѣ, и вообще въ подобіи сему по жизни не имѣю ничего сходнаго съ кѣмъ либо изъ древнихъ: то какъ же поставлю себя въ одинъ рядъ съ однимъ изъ нихъ, не имѣя и возможности въ своихъ занятіяхъ подражать человѣку, столько отъ меня отдаленному? На сіе скажемъ вопрошающему: быть Халдеемъ не признаемъ порокомъ, или добродѣтельно: не жизнью въ Египтѣ, не пребываніемъ въ Вавлонѣ человѣкъ дѣлается далекимъ отъ жизни добродѣтельной. А также не во *Judei* только бываетъ *видо:zъ Богъ* достойнымъ, и не *Sionъ* одинъ, какъ можно подумать съ перваго взгляда, есть *Божіе жилище* (Исая. 75, 1. 2.). Напротивъ того намъ нужны нѣкое болѣе тонкое разумѣніе и болѣе острый взоръ, чтобы усмотрѣть изъ исторіи, отъ какихъ Халдеевъ или Египтянъ держа

себя вдали, и отъ какого Вавилонскаго освободившись плѣна, взойдемъ на высоту блаженной жизни.

Поэтому образцемъ жизни для насъ пусть будетъ въ семь словѣ представленъ Моисей, котораго жизнь изобразивъ сперва кратко, какъ дознали ее изъ Божественнаго Писанія, потомъ поищемъ приличнаго исторіи смысла къ извлеченію правилъ добродѣтели, чтобы по нимъ познать совершенную жизнь, какая доступна людямъ.

Итакъ повѣствуется, что Моисей родился, когда законъ мучителя запрещалъ оставаться въ живыхъ раждающимся мужескаго пола младенцамъ; но онъ пріятностію своего лица предупредилъ всякое требовавшееся временемъ пожертвованіе, и родителей, еще въ пеленахъ увидѣвшихъ его *лына* (Исх. 2, 2.), побудилъ къ тому, что не поснѣвши такого младенца предать смерти, и даже, когда превозмогла угроза мучителя, не просто ввергли въ воды Нила, но положивъ въ нѣкій ковчегъ, по назамъ помазанній клеємъ и смолою, потомъ уже предали потоку (сіе рассказано тщательно написавшими о немъ исторію). Поелику же ковчегомъ правила Божія нѣкая сила, то онъ устремленъ къ возвышающемуся на сторонѣ берегу, и въ этомъ мѣстѣ безиренятственно прибитъ къ нему стремленіемъ волнь. А какъ на луга того берега, куда былъ принесенъ

ковчегъ, пришла царская дочь; то Моисей, издавъ младенческій вопль въ ковчегъ, дѣлается находкою царевны. Когда посмотрѣла на него царевна, и увидѣла красоту младенца, немедленно привлекъ онъ благорасположеніе царевны, и взять ея вмѣсто сына. Но оказавъ естественное отвращеніе къ иноплеменному сосцу, по примышленію одной изъ близкихъ по роду, былъ вскормленъ матернею грудью. А вышедши уже изъ дѣтскаго возраста, питался царскою пищею, и обученъ былъ виѣшнимъ наукамъ, что почиталось славнымъ у виѣшнихъ, не рѣшился же пользоваться тѣмъ долге, и признавать матерью эту вымышленную, у которой былъ онъ вмѣсто сына, но пожелалъ возвратиться опять къ родной своей матери и жить среди соплеменниковъ.

У одного Еврея завязалась борьба съ Египтяниномъ, Моисей стоитъ за своего, и умерщвляетъ иноплеменника. Потомъ, схватываются другъ съ другомъ два какіе-то Еврея, Моисей пытается усмирить въ нихъ этотъ враждебный духъ; подастъ совѣтъ вести себя, какъ братьямъ, и посредникомъ въ ссорахъ дѣлать не раздражительность, а природу. Но отвергнутый тѣмъ, у кого въ виду была только обида, Моисей безчестіе сіе обратилъ въ поводъ къ большому любомудрію; и удалившись отъ пребыванія въ многолюдномъ обществѣ, избралъ послѣ этого уединенную жизнь, вступивъ въ связи съ од-

нимъ изъ иноплеменниковъ—мужемъ прозирающимъ въ лучшее, осмотрительнымъ въ сужденіи о людскихъ правахъ и жизни, и который изъ одного поступка, разумѣю дѣло съ настулами, усмотрѣлъ добродѣтель юнаго, а именно, что сталъ за правду, имѣя въ виду не свою пользу, но признавая самую правду по собственной ея природѣ достойною уваженія, наказавъ неправду настуловъ, ничѣмъ не провинившихся предъ нимъ. И сей-то иноплеменникъ, подивившись Моисею, и добродѣтель его при видимой бѣдности признавъ болѣе уважительною, нежели многоцѣнное богатство, отдастъ ему въ супружество дочь, и предоставляетъ его произволу вести, какую угодно, жизнь. И ему, уединенно въ пустынѣ занятому попеченіемъ объ овцахъ, правилась эта на горахъ уединенная, свободная отъ всякаго торжественнаго шума, жизнь.

Довольно проведено времени въ такомъ родѣ жизни, говоритъ исторія, и было Моисею страшное богоявленіе: въ самый полдень облисталъ его взоры другой свѣтъ наче свѣта солнечнаго. Изумленный необычайностію зрѣлища, Моисей обращаетъ взоръ къ горѣ, и видитъ кустъ, въ которомъ горѣлъ пламень огненный, а вѣтви куста, какъ подъ росой, зеленѣли во пламени; и Моисей самъ себѣ изрекаетъ сіи слова: *лило шедъ увижду виднѣе великое сіе* (Исх. 3, 3.). Сказавъ же сіе, не одними уже

очами воспріемлетъ чудный свѣтъ; но, что всего необычайнѣе, и слухъ его озаряется лучами сего свѣта. Удѣлявшаяся обонмъ чѣвствамъ благодать свѣта, взоры озаряетъ блистаніями лучей, а слухъ просвѣщаетъ чистыми догматами. Обремененному мертвыми кожами своєю обуви Моисею гласъ онаго свѣта воспрещаетъ подходить къ горѣ, позволяетъ же *иззубъ сапоги отъ ногъ*, потому уже касаться оной земли, осіяваемой Божественнымъ свѣтомъ (Исх. 3, 5.).

При этомъ (ибо не надобно, думаю, слинкомъ много останавливаться словомъ на простой исторіи сего мужа, какъ бы достигалось уже тѣмъ предположенное), — Моисей, укрѣпленный видѣннымъ богоявленіемъ, получаетъ повелѣніе избавить соотечественниковъ отъ египетскаго рабства. И чтобы болѣе ему дознать сообщаемую свыше силу, по Божію повелѣнію, дѣлаетъ опытъ надъ тѣмъ, что у него въ рукахъ. Опытъ же былъ слѣдующій: жезлъ, падши изъ руки, одушевляется, дѣлается живымъ существомъ (и это живое существо былъ змій), но, взятый въ руку опять, становится тѣмъ, чѣмъ былъ до превращенія въ звѣря. И поверхность руки, сперва вложенной въ нѣдро, превращается въ нѣчто подобное бѣлизною свѣгу, а когда снова вложена была въ нѣдро, возвращаетъ себѣ естественный свой видъ.

Идетъ Моисей въ Египеть, ведетъ съ собою супругу иноплеменницу и рожденныхъ ею дѣтей,—и когда, какъ повѣствуется, *срѣше его* нѣкій *Амелъ* (Исх. 4, 24.), приводящій въ страхъ угрозою смерти, жена умоливаетъ его сыновнею *кровію обрѣзанія*; тогда происходитъ встрѣча съ Аарономъ, который Богомъ также побужденъ былъ идти *во срѣщеніе* (27). Потомъ оба они живущій въ Египтѣ народъ созываютъ въ общее собраніе, и тѣмъ, которые злострадали, утружденные работами, возбѣщаютъ освобожденіе отъ рабства, и самому мучителю изрекается о семъ слово. При семъ негодованіе мучителя, и на приставниковъ, надзирающихъ за работами, и на самихъ Израильтянъ, дѣлается большимъ прежняго; урокъ плинодѣланія увеличенъ, насымаются еще болѣе затрудняющій приказъ не надъ брениемъ только не видѣть себѣ покой, но изнурять себя собираніемъ плевъ и *тросія* (Исх. 5, 12.). Фараонъ (такъ было имя мучителю египетскому) тѣмъ знаменіямъ, какія Моисей совершалъ Божією силою, предприемлетъ ухищренно противопоставить чародѣяннѣ волхвовъ: и когда Моисей въ глазахъ Египтянъ снова превратилъ жезлъ свой въ звѣря, чародѣйство думало совершить равное чудо и надъ жезломъ волхвовъ. Сіе ухищреніе обличено тѣмъ, что совершилось; змій, изъ превращеннаго Моисеева жезла, пожралъ посохи у волхвовъ, то есть, ихъ

зміевъ; и тѣмъ показалъ, что жезлы волхвовъ не имѣли никакой, ни оборонительной, ни даже жизненной силы, кромѣ одного вида, какой ухищренное чародѣйство показывало глазамъ легко обольщаемыхъ.

Тогда Моисей, видя, что единомысленно съ предводителемъ злобы все ему подвластное, наноситъ общій ударъ всему египетскому народу, никого не изъемя изъ числа испытывающихъ бѣдствіе. А съ нимъ къ таковому нападенію на Египтянъ, какъ подвластное какое воинство, подвиглись самыя стихіи существъ, видимыя во вселенной: и земля, и огонь, и воздухъ, и вода, по произволенію людей измѣняя свои дѣйствительныя силы. Ибо одною и тою же силою, въ одно и тоже время, и въ одномъ и томъ же мѣстѣ наказываемо было безчиніе, а нестраждущимъ оставалось свободное отъ грѣха. Тогда все водное естество въ Египтѣ, по повелѣнію Моисея, обратилось въ кровь, такъ что и рыбы отъ сего предложенія воды въ плотскую дебелость подверглись порчѣ; для однихъ только почерпающихъ Евреевъ кровь была водою; почему и чародѣйству открылась возможность водѣ, находимой ими у Евреевъ, ухищренно придавать кровавый видъ. А также, когда пресмыкающіяся жабы наполнили Египеть (народженіе ихъ объясняемое не по какой либо естественной послѣдовательности не простерлось бы до толи-

каго множества, напротивъ того самое повелѣніе составить жабамъ обновляло сію появившуюся тогда породу живыхъ тварей); все египетское терѣло вредъ, утѣсняемое въ жилищахъ этими пресмыкающимися, а жизнь Евреевъ была свободна отъ сеіи неприятности. Такъ и воздухъ, ночь и день, ничѣмъ не различался для Египтянъ, пребывающихъ въ одинаковомъ мракѣ; а у Евреевъ въ этомъ не было никакой переменны противъ обыкновеннаго. Такимъ же образомъ и все иное: градъ, огонь, струны, скнипы, песьи мухи, туча саранчи, — на Египтянъ каждое сіе бѣдствіе дѣйствовало по обыкновенію; а Евреи по слухамъ и рассказамъ знали о страданіи обитающихъ съ ними, сами не испытывая никакого прираженія къ себѣ подобныхъ золъ. Потому гибель первородныхъ производитъ еще болѣе точное различіе между Евреемъ и Египтяниномъ, — Египтяне обливаются слезами при утратѣ имъ любезнѣйшихъ, а Евреи пребываютъ въ совершенномъ безмолвіи и въ безопасности:—имъ обезопасено спасеніе изліаніемъ крови во всякомъ входѣ, когда *на обою подвою* и на сопряженномъ съ ними *прати* сдѣланы были знаменія кровію (Исх. 12, 7.).

При семъ, когда Египтяне поражены были несчастіемъ, постигшимъ первородныхъ, и каждый свое, и все общее оплакивали горе, Моисей распоряжается истребіемъ Израильтянъ,

предуготовивъ ихъ къ тому повелѣніемъ, унести съ собою подъ видомъ займа испрошенное богатство Египтянъ. Соверивъ трехдневный путь внѣ Египта, говоритъ еще исторія, и тяжело стало царю египетскому, что Израиль уже не въ рабствѣ: и вооруживъ всѣхъ подданныхъ, съ конною силою гонится онъ за народомъ Божиимъ. Израильтяне, увидѣвъ снаряженныхъ коней и множество оружія, какъ неискусные въ войнѣ и не приготовленные къ такимъ чуднымъ для нихъ дѣламъ, немедленно поражаются страхомъ, и возстаютъ на Моисея. Тогда-то, что всего удивительнѣе, какъ скажутъ исторія о Моисеѣ, дѣясь на двое въ своей дѣятельности, онъ голосомъ и словомъ ободряетъ Израильтянъ, и повелѣваетъ пребывать имъ въ доброй надеждѣ, а внутренно умомъ приносить Богу моленіе за приведенныхъ въ ужасъ. И путеводится свѣще даннымъ совѣтомъ, какъ избѣжать опасности: Самъ Богъ (какъ говоритъ исторія) внимасть его безмолвному воплю (Исх. 14, 15.).

По Божіей силѣ народомъ предводительствовало облако, не по общему закону естества образовавшееся (ибо не изъ паровъ какихъ или куреній былъ составъ его въ воздухѣ, ступаемомъ парами по причинѣ туманнаго или сложенія, сгнѣтаемаго или сжимаемаго въ себя самаго вѣтрами); напротивъ того это облако, по свидѣтельству Писанія, какъ нѣчто высшее человѣческаго

понятія и его превосходящее, такое было чудо, что освѣщаемое палящими лучами солнца служило народу стѣною, отѣняя чтó было надъ нимъ и тонкою росю увлаживая знойный воздухъ, а ночью обращалось въ огонь, съ вечера до утра собственнымъ своимъ свѣтомъ озаряя Израильтянъ. На сіе-то облако взиралъ и самъ Моисей, и народъ научалъ слѣдовать за его появленіемъ.

Когда пришли къ Чермному морю, куда привело предводившее въ шествіи облако: народъ окруженъ былъ сзади цѣлымъ войскомъ египетскимъ; Израильтянамъ не оставалось никакого средства, и некуда было бѣжать отъ бѣды, потому что захваченнымъ въ срединѣ угрожали и враги и вода; тогда-то, подвигнутый Божию силою, Моисей совершилъ то, чтó всего невѣроятнѣе. Приблизясь берегомъ къ водѣ, поражаетъ онъ море жезломъ, и оно дѣлится отъ удара. И какъ обыкновенно бываетъ со стекломъ, если въ какой части сдѣлается сверху трещина, то по прямой чертѣ идетъ она и до другаго края: такъ и по всему морю, какъ скоро съ одного края раздѣлилось оно подъ жезломъ, и до противоположнаго берега продолжалось расторженіе волнъ. Моисей по мѣрѣ того, какъ дѣлилось море, сходя въ глубину со всѣмъ народомъ ниже водъ, съ немокренымъ, какъ бы отъ солнечныхъ лучей осушаемымъ, тѣломъ, иѣшій по сухому дну моря

проходить бездну, не боится этого внезапнаго остѣненія изъ волнъ, когда здѣсь и тамъ съ обѣихъ сторонъ морская вода отвердѣваетъ на подобіе стѣны. Когда же и Фараонъ съ Египтянами вторгся въ море, по этому ново-положенному въ водахъ пути; опять сливается вода съ водою, и по взаимномъ соединеніи раздѣленныхъ частей моря въ прежній видъ. воды принимаютъ одну непрерывную поверхность. Израильтяне отдохнули уже на краю берега отъ длиннаго и усильнаго шествія по морю, когда воспѣли побѣдную пѣснь Богу, воздвигшему тогда для нихъ безкровный побѣдный памятникъ, по истребленіи подъ водою всего египетскаго воинства и даже съ конями, съ оружіемъ и съ колесницами.

Потомъ Моисей простирается впередъ, и совершивъ трех-дневный безводный путь, приходитъ въ затрудненіе, не имѣя, чѣмъ утолить жажду ополченія. Было какое-то озеро, при которомъ расположились они станомъ, но вода въ немъ морская, лучше же сказать, и морскую превосходила она горечью. Итакъ, когда стоя при водѣ сгараля жаждою воды, Моисей, по данному свыше совѣту, близъ этого мѣста нашедши нѣкое дерево, ввергаетъ его въ воду. И вода немедленно дѣлается годною къ питью; дерево своею силою претворяетъ свойство воды изъ горечи въ сладость. Поелику же облако пошло впередъ; то пошли

и они путеводимые его движеніемъ, какъ и всегда дѣлали это, прекращая шествіе, гдѣ остановившееся облако давало знакъ къ отдохновенію, и опять отправляясь въ путь, когда облако предвѣряло ихъ въ шествіи. Слѣдуя сему путеводителю, достигаютъ мѣста изобильнаго годною для питья водою, въ избыткѣ омываемаго двѣнадцатю источниками. Было тутъ семьдесятъ финиковыхъ деревъ, которыхъ и при маломъ числѣ достаточно было, чтобы чрезвычайною ихъ красотою и величиною произвести великое удивленіе въ зрителяхъ. И отсюда также путеводное облако, воздвигнувъ ополченіе, ведетъ его въ другое мѣсто. А это была какая-то пустыня на сухомъ, ничѣмъ не покрытомъ пескѣ, въ странѣ не орошаемой никакою водною влагой: и тамъ опять, когда народъ стала томить жажда, нѣкій камень, ударенный Моисеевымъ жезломъ въ его вершину, издаетъ сладкую и годную для питья воду въ обиліи, превышающемъ потребность многочисленнаго народа.

Вотъ оскудѣвъ запасъ снѣдей, какой заготовки Израильтяне на путь, выходя изъ Египта, народъ сталъ мучиться голодомъ; тогда происходитъ чудо всѣхъ чудесъ невѣроятнѣйшее: не изъ земли, по общему закону, является имъ пища, но источается свыше съ неба на подобіе росы. Къ утру разливалась у нихъ роса, и эта роса для собирающихъ дѣ-

лалась пищею; потому что разлитое не водяная была капля, какъ обыкновенно въ росѣ; но вмѣсто капель падали какіе-то, какъ бы ледяные, округленные куски, по виду походившіе на коріандровы (а) сѣмена (по выговору поселянъ: коліандровы), по вкусу ихъ уподоблялся сладости меда. Въ этомъ чудѣ усматривалось вмѣстѣ и другое, — всѣ выходяшіе для сбора, въ разныхъ, какъ вѣроятно, возрастахъ и при разныхъ силахъ, приносили одинъ другаго не меньше по разности силъ, напротивъ того собираемое соразмѣрялось съ потребностію каждаго, такъ что и сильнѣйшій не имѣлъ у себя избытка, и у менѣе сильнаго не оказывалось недостатка. Опять и при этомъ исторія говоритъ еще о другомъ чудѣ, — и именно: каждый, принеся на день, ничего не откладывалъ до слѣдующаго дня; у спрятавшаго же, по какой-то бережливости, часть пищи отъ настоящаго дня къ слѣдующему, отложенное дѣлалось негоднымъ въ пищу, претворяясь въ червей. Но есть и другое нѣчто необычайное въ исторіи объ этой пищѣ. Послѣку одинъ изъ дней седмицы, по какому-то таинственному закону, почтенъ былъ бездѣйствіемъ, то въ день предшествующій оному, и пищи выпадало съ прежними днями въ равной мѣрѣ, и усердіе собирающихъ бывало

(а) *Коріандръ* иначе называется: *кишнецъ*.

одинаковое, но собраннаго оказывалось вдвое противъ обычной мѣры, такъ что не было предлога, по необходимости въ пищу, нарушать законъ о бездѣйствіи. И въ этомъ еще болѣе выказывалась Божія сила тѣмъ, что излишекъ, въ другіе дни дѣлавшійся негоднымъ къ употребленію, въ одинъ пятокъ, день предъ субботою (такъ было имя дню бездѣйствія), будучи сбереженъ, оставался не повредившимся такъ, что оставшееся оказывалось свѣжимъ, какъ бы вышедшее въ тотже день.

Потомъ у Израильтянъ начинается война съ вѣкинмъ иноплеменнымъ народомъ (Писаніе возставшихъ тогда на нихъ именуеть Амаликитянами). И въ сіе-то время народъ израильскій въ первый разъ вооружается, чтобы стать въ боевой порядокъ, впрочемъ не всѣ, составивъ одно воинство, но избранные по доблести, подвиглись въ битву, да и изъ нихъ самыя отборныя вступили въ сраженіе, на которомъ Моисей показалъ опять новый способъ военачальства; потому что войско противъ Амаликитянъ вывелъ тогда Іисусъ, бывшій послѣ Моисея вождемъ народа, а Моисей вѣ поля сраженія на одномъ видномъ издали холмѣ возводитъ взоръ къ небу, по обѣ же его стороны стоятъ два близкихъ ему человекъ. Тогда-то, какъ узнаемъ изъ исторіи, совершилось такое чудо: *егда воздвизаше Моисей руку къ небу, подвластные ему усиливались противъ*

враговъ, *егда же опускаше*, войско его уступило стремительности иноплеменниковъ (Исх. 17, 11.). Замѣтивъ это, предстоящіе Моисею, подошедши къ нему съ обѣихъ сторонъ, поддерживали руки его, по какой-то сокровенной причинѣ дѣлавшіяся тяжелыми и неудободвижными. Послику же не было у нихъ столько силъ, чтобы поддерживать Моисея въ прямомъ положеніи; то сдѣлалище его подперли камнемъ, и такимъ образомъ сдѣлали, что у Моисея, при ихъ помощи, руки воздвигнуты были къ небу; и иноплеменники рѣшительно побѣждены Израильтянами.

Но какъ на томъ же мѣстѣ оставалось облако, предводительствовавшее народомъ въ путешествіи; то по всей необходимости народу надлежало не трогаться съ мѣста, потому что некому было предводительствовать при переходѣ въ другое мѣсто. Такъ безъ всякихъ усилій были у нихъ удобства къ жизни: свыше воздухъ дождилъ имъ готовый хлѣбъ, а въ низу камень доставлялъ питіе, и облако избавляло отъ неприятности воздушныхъ перемѣнъ, днемъ служило огражденіемъ отъ зноя, а ночью разсѣвало мракъ, осіявая какими-то огневидными лучами; безнечально было для нихъ это пребываніе въ пустынѣ при подошвѣ горы, гдѣ раскинуть былъ станъ. Здѣсь-то Моисей наставлялъ Израильтянъ какому-то неизреченному таинству; сама же сила Божія превосхо-

дящими слово чудесами тайноводствовала и весь народъ и самаго вождя. А тайноводство сіе совершилось симъ образомъ.

Напередъ сказано народу быть далекимъ отъ всякихъ другихъ оскверненій, какія примѣчаются по тѣлу и по душѣ, и очистить себя нѣкими крошеніями, даже опредѣленное нѣкое число дней воздерживаться отъ самаго брака, чтобы сподобляющійся таинству, омывшись отъ всего страстнаго и тѣлеснаго, приступилъ къ горѣ чистымъ отъ страсти. Имя горѣ сей было Синай. И восхожденіе на нее въ это время дозволено было однимъ существамъ словеснымъ, и изъ нихъ одному мужескому полу, и притомъ очистившимся отъ всякой скверны. Употреблены же всякая осторожность и предусмотрительность, чтобы ни одно безсловесное не всходило на гору. А если бы случилось какъ это, было повелѣно народу побивать камнями все, что ни появилось бы на горѣ изъ естества безсловеснаго. Потомъ разлитый въ воздухъ свѣтъ вмѣсто чистой прозрачности началъ очерняться мглою, такъ что гора, вокругъ объятая мракомъ, стала невидима. Появлявшійся изъ мрака огонь дѣлалъ видѣніе для зрителей страшнымъ, объемъ горы представлялся со всѣхъ сторонъ поглощеннымъ, и все видимое, въ слѣдъ за промелькнувшимъ огнемъ, покрывалось дымомъ. Моисей же ведетъ народъ къ восхожденію, и самъ,

несмѣло взирая на видимое, но изумѣвая душою отъ боязни, содрогаясь тѣломъ отъ страха: такъ что не скрываетъ предъ Израильтянами душевнаго страданія, но признается предъ ними, сколько пораженъ видимымъ, и трещеть тѣломъ. Ибо видимое было таково, что не посредствомъ только глазъ приводило душу въ ужасъ, но и посредствомъ слуха сообщало ей страшное. все дальнее сокрушалъ поразительный свѣше гласъ, котораго и первое прираженіе было тягостно и невыносимо всякому слуху: онъ уподоблялся звуку трубъ, но грозною и поразительною звучностію превосходилъ всякіи подобный образецъ; съ продолженіемъ же времени гласъ дѣлался еще страннѣе, потому что звукъ его непрестанно усиливался, и становился еще болѣе поразительнымъ. Да и гласъ сей былъ членораздѣльный, Божіею силою, безъ способствующихъ выговору орудій, самый воздухъ членораздѣльно образовалъ въ себѣ слово. И слово сіе не просто было членораздѣльное; но узаконяло Божественныя повелѣнія. И продолжающійся гласъ /возрастая усиливался, труба звучала громче себя самой, предшествующіе звуки превосходя всегда послѣдующими.

Весь народъ не имѣлъ столько силъ чтобы выносить видимое и слышимое; и потому общее всѣми приносится прошеніе Моисею, чтобы онъ сталъ посредникомъ закона, и народъ

не отказывается, какъ Божию велѣнію, вѣрить всему, что ни возвѣститъ Моисей по наученію свыше. Посему снова всѣ сходятъ къ подошвѣ горы, оставленъ одинъ Моисей, показавшій въ себѣ противное, или то, чѣмъ былъ онъ дѣйствительно. Ибо когда всѣ, сообщая участвуя въ дѣлѣ, предаются паче страху, Моисей, оставшись одинъ, поступаетъ смѣлѣе окружавшихъ его. Почему и изъ этого дѣлается явнымъ, что не собственной его немоцію былъ тотъ страхъ, который объялъ его въ началѣ, но потерпѣлъ онъ это по сочувствію съ пораженными страхомъ. Посему когда, какъ нѣкое время, сложивъ съ себя боязнь народа, пришелъ онъ въ себя; тогда осмѣливается вступить и въ самый мракъ, и пребываетъ внутри незримаго, ставъ уже невидимымъ для взирающихъ на него (ибо, проникнувъ въ неисповѣдимость Божественнаго тайноводства, тамъ, и самъ уже незримый, сопребываетъ съ Незримымъ). А тѣмъ, что сдѣлано имъ, научаетъ онъ, какъ думаю, что намъ ревающемуся быть въ единеніи съ Богомъ, должно выйдти изъ всего видимаго, напрягая разумѣніе свое къ Незримому и Непостижимому, какъбы къ какой вершинѣ горы, увѣровать, что Божество — тамъ, куда не восходитъ понятіе. Въ семъ-то состояніи Моисей приемлетъ заповѣди Божіи. И онѣ были—ученіе добродѣтели, сущность котораго—благочестіе, усвоеніе самыхъ

приличныхъ представленийъ объ Естествѣ Божіемъ, о томъ, сколько Оно превышаетъ всякаго доступнаго разуму понятія и образца, не угодбляясь ничему познаваемому. Ибо Писаніе въ представленіяхъ о Богѣ повелѣваетъ не имѣть въ виду ничего умопостигаемаго, и Естества всего превышающаго не угодблить чему либо познаваемому разумомъ, но вѣровать, что Оно есть, — а что Оно такое, или сколь велико, или откуда, или какимъ образомъ, оставлять безъ изысканія, какъ не постижимое.

Но Писаніе, преподавая ученіе о общихъ и частныхъ законахъ, присовокупляетъ и то, сколько есть нравственныхъ преспѣяній. Вообще законъ запрещаетъ всякую неправду, обязывая имѣть любовь къ соотечественнику, а по утвержденіи сего, непременно требуетъ по порядку за тѣмъ слѣдующаго: не дѣлать никакого зла ближнему. Въ законахъ же подробныхъ предписывается почтеніе родителямъ и излагается перечень запрещаемыхъ погрѣшностей. И какъ бы по предочищеніи ума сими законами, возводится Моисей къ совершеннѣйшему тайноводству въ мгновенномъ ему Божіею силою предуказаніи вѣковой скнни.

А скннія была храмъ, имѣющій красоту въ неизъяснимомъ вѣкосмѣ разнообразіи. Тутъ были предверія, столпы, завѣсы, трапеза, свѣтильникъ, алтарь кадилыный, жертвенникъ, очистилище, внутренность святилища сокро-

венная и недоступная. Красоту и расположение всего этого, чтобы чудо сіе не утратилось изъ памяти, и могло быть показано дольнимъ, повелѣвается Моисею не одному только писанію предать сіе, но вещественнымъ устройніемъ сдѣлать подобіе невещественнаго онаго созданія, взявъ для сего наиболѣе блистательныя и видныя вещества изъ находимыхъ на землѣ. Изъ нихъ всего болѣе было золота, которымъ вокругъ облиты были столны. Съ золотомъ вмѣстѣ употреблено и серебро, украшавшее собою верхи и основанія столповъ, чтобы, какъ думаю, болѣе блистало золото среди отличающагося цвѣтомъ на обоихъ концахъ. А ипдѣ почтено полезнымъ и вещество мѣди: оно служило надглавіемъ и основаніемъ серебряныхъ столповъ. Завѣса же и покровы, чѣмъ были обтянуты бока храма и верхъ надъ столпами,—все приготовлено было прилично ткацкимъ искусствомъ изъ вещества пригоднаго для каждаго дѣла. У однѣхъ изъ тканей цвѣтъ былъ синета, багряница, огнезрачность червеной красоты, бѣлизна виссона, — этотъ самородный и безыскусственный видъ. На самое тканье взяты для инаго ленъ, а для инаго волосы; но мѣстамъ же для красоты строенія употреблены красныя кожи. И это Моисей, по сошествіи съ горы, устроилъ при содѣйствіи другихъ, по представленному ему образцу зданія.

Тогда же, пребывая въ ономъ нерукотворенномъ храмѣ, получаетъ Моисей законъ объ іереѣ, вступающемъ во святилище, какимъ убранствомъ надлежитъ ему отличаться; и Писаніе излагаетъ въ подробности законы о внутреннемъ и наружномъ облаченіи. Началомъ облаченія въ одежды служить не сокрытое что либо, но видимое, ризы верхнія, испещренныя разными цвѣтами, именно тѣми же, съ какими устроена была завѣса, но преимуществующія предъ завѣсою золотою прядію. Сія верхнія ризы по обѣимъ сторонамъ соединялись застежками, а это были изумруды, обдѣланные кругомъ въ золото. Естественною краскою этихъ камней служилъ блескъ, издававшій отъ себя какіе-то зеленоватые лучи, а искусственною была чудная рѣзьба. И красу эту составляла не художественная насѣчка чертъ для изображенія какихъ либо идоловъ; но имена патріарховъ, начертанныя на двухъ камняхъ, по шести на каждомъ. Къ нимъ привѣшены были спереди щитки и витыя верви, сплетенныя между собою одна поперегъ другой съ правильной разстановкой, на подобіе сѣтки, опускались съ верху отъ застежки по обѣ стороны щитковъ, чтобы, какъ думаю, болѣе замѣтною казалась красота плѣтенья, просвѣчаемаго тѣмъ, что подъ нимъ. На груди іерея выдавалось то золотое украшеніе, въ которомъ вдѣлано было нѣсколько, по числу

патріарховъ, разныхъ родовъ камней, расположенныхъ въ четыре ряда, и въ каждомъ ряду по три; камни сіи сдѣланными на нихъ начертаніями показывали соименныхъ колѣнамъ патріарховъ. Подъ верхними ризами была риза внутренняя (Исх. 28, 31.), отъ выи доходившая до края ногъ, благолѣпно украшенная привѣсками бахрамы. А внизу подолъ красиво былъ убранъ, не только испещренною тканію, но и золотыми привѣсками; и это были золотые звонки и нуговицы, рядами расположенныя на подолѣ. Была также головная повязка вся изъ синеты, а спереди на челѣ дщица изъ чистаго золота съ начертанными на ней какими-то таинственными писменами. Были и поясъ, стягивающій просторное облаченіе, и убранство сокровенныхъ одеждъ, наконецъ все, что подъ видомъ облаченія, загадочно научало священнической добродѣтели.

Когда же Моисей, объятый онымъ невидимымъ мракомъ, по неизреченному Божію наставленію, изучилъ таковыя вещи съ приращеніемъ танцевенныхъ познаній, сталъ выше себя самого; тогда, опять изшедши изъ мрака, сходить къ соплеменникамъ сообщить имъ о чудесахъ, открытыхъ ему при богоявленіи, предложить законы, соорудить народу храмъ и установить священство по образу, показанному ему на горѣ. Несъ онъ въ рукѣ и священныя скрижали, которыя были Божіимъ об-

рѣтеніемъ и даромъ, ни въ какомъ предварительномъ содѣйствіи не имѣвъ нужды къ своему происхожденію; напротивъ того каждая изъ скрижалей, и вещество ея, и начертаніе на ней, равно были дѣломъ Божиимъ. Впрочемъ народъ не допустилъ до себя дара, прежде, нежели предсталъ законодатель, необузданно предавшись идолослуженію. Немало прошло времени, пока Моисей въ собесѣдованіи съ Богомъ занять былъ Божественнымъ онымъ тайноводствомъ; въ продолженіе сорока дней и столькихъ же ночей, подъ покровомъ мрака причащался онъ приносущной оной жизни, былъ даже внѣ естества, потому что въ это время не имѣлъ нужды въ пищу для тѣла. Тогда-то народъ, подобно ребенку, оставшемуся не подъ надзоромъ пѣстуна, несмысленными стремленіями вовлекается въ безчиніе, и возставъ на Аарона, приводитъ священника въ необходимость, предводить ими въ идолослуженіи. Идолъ сдѣланъ изъ золотаго вещества (и идоломъ былъ телець); народъ восхищался своимъ нечестіемъ, но Моисей, подходившій къ нимъ, сокрушаетъ скрижали, которыя несъ отъ Бога, чтобы Израильтяне, лишившись богопріемнаго дара, понесли достойное за свой проступокъ наказаніе. Потомъ, руками левитовъ очистивъ скверну кровію соплеменниковъ, а гнѣвомъ своимъ на согрѣшившихъ умиловивъ Божество, уничтоживъ

же идола, наконецъ по сорокодневномъ пребываніи на горѣ, снова приносятъ скрижали, на которыхъ Писаніе произведено Божіей силой, тогда какъ вещество ихъ обдѣлано Моисеевою рукою. Приносятъ ихъ снова, въ продолженіе такого числа дней превзошедши самое естество, и соблюдши иной нѣкій образъ жизни, а не тотъ, какой узаконенъ для насъ, не принимавъ внутрь тѣла своего ничего такого, что оскуднѣніе естества нашего подкрѣпляетъ пищею.

И послѣ сего сооружаетъ скинію, даетъ законныя предписанія, устанавливаетъ священство, по преподанному ему Богомъ. И когда, по Божію указанію, уготовилъ вещественнымъ построеніемъ все это: скинію, преддверія, и что внутри скиніи, алтарь кадилный, жертвенникъ, свѣтильникъ, завѣсы, очистилище во святилищи, священническія украшенія, муро, различныя жертвоприношенія, очистительныя, благодарственныя, спасительныя въ бѣдахъ, умилостивительныя въ прегрѣшеніяхъ.—когда все это Моисей должнымъ образомъ привелъ въ порядокъ; тогда въ близкихъ къ нему возбуждаетъ зависть, — этотъ недугъ, сродный природѣ человѣческой; такъ что и Ааронъ, почтенный саномъ священства, и сестра его Маріамъ, какою то свойственною женщинамъ ревностію подвигнутая къ той чести, какой удостоенъ отъ Бога Моисей, высказываютъ

пѣчто такое, чѣмъ раздражено Божество, и потому наказало прегрѣшенія. Здѣсь Моисей еще болѣе достоинъ удивленія за свое незлобіе, потому что Богъ наказуетъ неразумную женскую зависть, а онъ, успѣвъ въ томъ, что естество превозмогло въ немъ и самый гнѣвъ, умилоствивляетъ къ сестрѣ Бога.

И народъ предался опять безчинію, къ преступленію же привела неумѣренность въ наслажденіяхъ чрева: Израильтянамъ стало недостаточно въ здравіи и безпечально поддерживать жизнь подаваемою свыше пищею, пожеланіе плотей, приверженность къ мясоястію дѣлали, что египетское рабство казалось для нихъ предпочтительнѣйшимъ настоящихъ благъ. Моисей доноситъ Богу о возобладавшей ими страсти. И Богъ тѣмъ самымъ, что даетъ получить желаемое, научаетъ, что не должно желать сего, именно же насыщаетъ множество какихъ-то иглицъ, летающихъ почти по землѣ, которыя тучею и стадами устремляются на ополченіе; удобство ловить доводить пожеланіе мяса до пресыщенія, а неумѣренное употребленіе снѣди превращаетъ у нихъ вдругъ тѣлесныя срастворенія въ тлетворные соки, и насыщеніе оканчивается болѣзнію и смертію. Такого примѣра и имъ самимъ и видящимъ ихъ достаточно стало, чтобы уцѣломудрить народъ.

Потомъ посылаются Моисеемъ соглядатаи

въ ту страну, въ которой, по Божію обѣтованію, надѣялись обитать Израильтяне. Поелику же не всё они возвѣстили правду, но нѣкоторые сдѣлали ложныя и перадостныя показанія; то народъ опять поступилъ съ Моисеемъ гнѣвно. Но Богъ отчаявшихся въ Божіемъ содѣйствіи осуждаетъ не увидѣть обѣтованной имъ земли. Между тѣмъ у идущихъ далѣе по пустынѣ снова не доставало воды, и вмѣстѣ утратилось памятованіе о Божіемъ могуществѣ, и послѣ бывшаго прежде чуда съ камнемъ не вѣрили теперь, что не будутъ нуждаться ни въ чемъ потребномъ; отринувъ же благія надежды, дали мѣсто укоризнамъ, роища на Самаго Бога и на Моисея; такъ что и Моисей, по видимому, преклопился предъ невѣріемъ народа, впрочемъ опять сотворилъ предъ ними чудо, несѣкомый оный камень претворивъ въ естество водъ. Когда же рабское это наслажденіе снѣдями опять возбудило въ нихъ вождельніе чревоугодія, и не будучи лишены ничего необходимаго для жизни, возмечтали о египетскомъ пресыщеніи; тогда, подобно безчиннымъ юношамъ, вразумляются сильнѣйшими ударами бичей: появившіеся у нихъ въ стану зміи угрызеніемъ своимъ сообщаютъ смертоносный ядъ. Одинъ за другимъ падаютъ угрызенные животными; и законодатель, возбужденный Божіимъ совѣтомъ, сливъ мѣдное подобіе змія, дѣлаеть его на нѣкоей

высотѣ видимымъ для всего стана, и такимъ образомъ останавливаетъ въ народѣ гибель отъ змievъ. Кто взиралъ на сіе мѣдное изображение, тому нимало не страшно было угрызение подлинно дѣйствительнаго змія; потому что зрѣніе по какому-то необъяснимому противодѣйствію ослабляло ядъ.

Опять происходитъ въ народѣ возстаніе на Моисея за предводительство, и нѣкоторые усиливаются себѣ присвоить священство. Но Моисей дѣлается молитвенникомъ предъ Богомъ за погрѣшившихъ; впрочемъ правда суда Божія превозмогаетъ Моисееву сострадательность къ соплеменникамъ. Земля, разверзши зѣвъ, по волѣ Божіей, снова сходится сама съ собою, пріавъ во внутренность всѣхъ, со всѣмъ ихъ родомъ, превознесшихся предъ начальствомъ Моисеевымъ. И неистово домогавшіеся священства, числомъ около двухъ сотъ пятидесяти, будучи пожжены огнемъ, страданіемъ своимъ уцѣломудриваютъ соплеменниковъ. Но для большаго удостовѣренія людей въ томъ, что благодать священства отъ Бога дается удостоившимся оной, Моисей беретъ жезлы отъ каждаго колѣна у начальствующихъ оными; и по означеніи писменами на каждомъ жезлѣ, кѣмъ онъ данъ (въ числѣ ихъ былъ и жезлъ священника Аарона), полагаетъ ихъ во храмъ, потомъ объявляетъ народу приговоръ Божій о священствѣ: ибо изъ всѣхъ жезловъ

одинъ жезлъ Аароновъ прозябъ, и отъ сего дерева произрость и созрѣлъ плодъ (а плодомъ былъ орѣхъ). Величайшимъ чудомъ даже для невѣрующихъ показалось, что дерево безъ коры, остроганное, не имѣющее корня, вдругъ утучняется, производитъ то же, что и укорененное въ землѣ, потому что и землю, и бору, и влагу, и корень, и вѣтви замѣняетъ дереву Божія сила.

При этомъ, проводя воинство землями иноплемениныхъ народовъ, Моисей налагаетъ на себя клятву, что не дозволить своему народу проходить пивами и виноградниками, но будетъ соблюдать *царскій путь* (Числ. 21, 22.), не уклоняясь ни въ право, ни въ лѣво. Но какъ непріатели и этимъ не были умирны; то преодолевъ сопротивника въ битвѣ, полновластно совершаетъ переходъ. Потомъ пѣкто Валакъ, владѣющій многочисленнѣйшимъ племенемъ (имя же племени было—Мадіанитяне), утраченный поражениемъ предъ симъ погибшихъ, и не дожидаясь того, чтобы и самому пострадать то же отъ Израильтянъ, употребляетъ въ дѣло, не помощь оружія и тѣлесной силы, но безполезное чародѣйство, въ лицѣ нѣкоего Валаама, который почитался свѣдущимъ въ этомъ, и о которомъ пользовавшіеся имъ были увѣрены, что имѣетъ нѣкую силу въ подобныхъ дѣлахъ. Зналъ онъ птицегадательное искусство, страшень былъ и тѣмъ, что, по

какому-то содѣйствию демоновъ, причинялъ людямъ нѣкою ухищренною силою неисцѣльныя бѣдствія. Онъ-то, слѣдуя за тѣми, которые вели его къ царю этого народа, научается голосомъ ослицы, что путь его не будетъ удаченъ. Потомъ изъ нѣкаго явленія дознавъ, что ему дѣлать, находить, что злоторное волшебство безсильно причинить какой-либо вредъ людямъ, которымъ спомоществуетъ Богъ. вмѣсто же демонской силы, исполнившись божественнаго вдохновенія, провѣщавааетъ такіе глаголы, которые прямо служатъ пророчествомъ о томъ, что въ послѣдствіи имѣло произойти къ лучшему. Тѣмъ самымъ, что воспретило искусству дѣйствовать во зло, приведенный въ опущеніе Божіей силы, отложивъ свое прорицательное искусство, пророчествуетъ онъ по Божіей волѣ. Послѣ сего сокрушенъ народъ племеничскій; потому что въ войнѣ сильнѣе его сталъ народъ Божій, который потомъ побѣжденъ страстію распутства къ плѣнницамъ. Когда Финеесъ застигнутыхъ въ срамномъ дѣлѣ пронзилъ однимъ ударомъ, прекратился Божій гнѣвъ на предававшихся съ неистовствомъ симъ непозволеннымъ связямъ.

Тогда законодатель взошедши на высокую нѣкую гору, и издали увидѣвъ страну, которая, по Божію обѣтованію отцамъ, уготована была Израильтянамъ, преселяется изъ жизни человеческой, не оставивъ ни знака на землѣ, ни

памяти во гробахъ о своемъ преселеніи, тогда какъ время не повредило красоты его, не помрачило свѣта очей его, не ослабило сіявшеи на лицѣ его благодати; но всегда былъ онъ одинаковъ, и вмѣстѣ съ измѣняемостію естества сохранялъ непреложность красоты.

Итакъ вотъ что изъ исторіи мужа дознали мы съ перваго взгляда, и пересказали тебѣ кратко, хотя въ иномъ встрѣчался поводъ по необходимости распространить слово. Но время вспомнутую нами жизнь примѣнить къ предположенной нами цѣли слова, чтобы изъ сказаннаго прежде сдѣлано было какое либо привношеніе въ описаніе добродѣтельной жизни. Потому возвратимся къ началу повѣствованія о Моисеѣ.

ВЗГЛЯДЪ НА ЖИЗНЬ МОИСЕЕВУ.

Когда законъ мучителя повелѣвалъ истреблять мужескій полъ; тогда раждается Моисей. Посему какъ можемъ по произволенію подражать сему случайными обстоятельствами сопровождаемому рожденію Моисея? Конечно, скажетъ иный, не отъ насъ зависитъ, чтобы человекъ своимъ рожденіемъ подражалъ славному сему рожденію. Но нимало не трудно начаться подражанію и тѣмъ, что, по видимому, весьма затруднительно. Ибо кто не знаетъ, что все подлежащее измѣненію, никогда не остается однимъ и тѣмъ-

же, но непрестанно изъ одного обращается въ другое, всѣдствие измѣненія дѣлаясь всегда лучшимъ или худшимъ. Разумѣй же сіе примѣнительно. Вещественное и страстное расположеніе, къ которому особенно посползовенна природа человѣческая, это женственное въ жизни, когда раждается, угодно бываетъ мучителю; а твердость и неослабность добродѣтели, это мужское порожденіе, враждебно мучителю и подозрительно тѣмъ, что можетъ востать противъ его власти. Посему, что какъ ни есть измѣняется, тому, конечно, должно непрестанно раждаться; потому что въ природѣ удобопревратной не увидишь ничего пребывающаго всегда одинаковымъ; а такъ родиться зависитъ не отъ посторонняго побужденія, подобно тому, какъ раждаютъ что либо тѣлесное; напротивъ того по собственному произволенію совершается подобное рожденіе, и мы бываемъ нѣкоторымъ образомъ отцами себя самихъ, раждая себя такъми, какими сами желаемъ, и по собственному своему произволенію уроками добродѣтели, или порока, образуя себя въ какой желательно намъ полъ, мужескій или женскій. Конечно, и намъ можно, противъ воли и къ огорченію мучителя, произойдти на свѣтъ лучшимъ рожденіемъ, и, хотя бы сіе было вопреки мудрованію мучителя, явиться и вступить въ жизнь на удовольствіе родителямъ прекраснаго сего плода (а это суть помыслы

содѣлывающіеся отцами добродѣтели). Посему слово сіе учить, какъ, заимствовавъ поводъ изъ исторіи, можно со всею ясностію раскрыть загадочный сей смыслъ, положить начало добродѣтельной жизни, родиться къ скорби врага, то есть непріятнымъ для него образомъ рожденія, въ которомъ болѣзни рожденія тернить произволеніе. Ибо иначе можетъ кто либо причинить скорбь сопротивнику, какъ показавъ въ себѣ такіе признаки, которые бы служили свидѣтельствомъ побѣды надъ нимъ.

Отъ одного и того же произволенія зависить, безъ сомнѣнія, родить сіе мужеское и доблестное порожденіе, воскормить оное приличными снѣдами, позаботиться, чтобы безвредно спаслось оно изъ воды; ибо приносящіе свои порожденія въ даръ мучителю, облаживъ и безъ призора предають чадъ рѣчному потоку; разумѣю же потокъ жизни, волнуемый непрерывными страстями, отъ чего впадшее въ этотъ потокъ погрязаетъ и лишается дыханія подъ водами. Но цѣломудренныя и попечительныя помыслы—отцы мужескаго порожденія, когда необходимость жизни принуждаетъ ихъ добрый плодъ свой предать житейскимъ волнамъ, предаваемое потоку обезонашиваютъ ковчегомъ, чтобы не погрязло въ глубинѣ. Ковчегомъ же, составленнымъ изъ разныхъ дщицъ, пусть будетъ обученіе, твердо связанное изъ различныхъ уроковъ, и поддер-

живаемаго имъ носящее надъ житейскими волнами, при которомъ и носимый стремленіемъ волнъ не слишкомъ далеко увлечется волненіемъ водъ; но оставаясь при твердомъ брегѣ, т. е., внѣ житейскаго волненія, самымъ стремительнымъ теченіемъ водъ, неизвѣстно какъ, будетъ отталкиваемъ къ сушѣ. И сіе дознаемъ на опытѣ; потому что не погружившихся еще въ человѣческія оболщенія самыхъ житейскихъ дѣлъ непостоянное туда и сюда уклоняющееся движеніе отталкиваетъ отъ себя, какъ нѣкое безполезное бремя, призывая ихъ людьми безпокойными по своей добродѣтели. Но кто сталъ внѣ таковыхъ волненій, да подражаетъ Моисею, не пада слезъ, хотя и приведенъ въ бонасность въ ковчегъ; потому что слезы — тщательный стражъ для спасающихся добродѣтелию.

Если же безчадная и безплодная царская дочь (подъ именемъ которой, думаю, разумѣется собственно внѣшнее любомудріе), присвоивъ себѣ новорожденнаго, готовится назваться его матерью: то слово сіе позволяетъ до тѣхъ поръ не отвергать свойства съ сею лжеименною матерью, пока новорожденный видитъ въ себѣ несовершенство возраста. А кто приходитъ уже въ возрастъ, какъ дознаемъ въ примѣрѣ Моисея, тотъ почтетъ для себя стыдомъ именоваться сыномъ безчадной по естеству. Ибо внѣшнее обученіе дѣйствительно безчадно:

всегда страждетъ болѣзнями рожденія, но никогда не раждаетъ ничего живаго. И любо-мудріе сіе, послѣ долговременныхъ болѣзней рожденія, какой показало плодъ, достойный столь многихъ и великихъ трудовъ? Не всѣ ли въ видѣ вѣтренныхъ пузырей и недоношенными извергаются прежде, нежели придуть во свѣтъ боговѣдѣнія? А вѣроятно могли бы они содѣлаться имѣющими человѣческой образъ, если бы не были вовсе сокрыты въ нѣдрахъ безчадной мудрости. Посему кто у египетской царевны прожилъ столько времени, сколько нужно, чтобы не казаться непричастнымъ уважаемаго Египтянами, тотъ да возвратится къ матери по естеству, отъ которой да не удаляется и во время своего воспитанія у царевны, питаясь матернимъ млекоу, какъ скажетъ исторія. И это, кажется мнѣ, учить тому, чтобы, если во время обученія упражняемся въ наукахъ внѣшнихъ, не лишали и мы себя млека воспитывающей насъ — Церкви, т. е., тѣхъ узаконеній и обычаевъ Церкви, которыми питается и укрѣпляется душа, и изъ которыхъ она заимствуетъ для себя средства къ возрастанію.

Истинно же то слово, что среди двухъ враговъ будетъ тотъ, кто внимасть ученіямъ внѣшнимъ, а не отеческимъ; потому что еврейскому понятію противится иноплеменникъ въ богопочтеніи, усиливаясь показать, что онъ крѣпче Израильянина; да и кажется таковымъ

для многихъ легкомысленныхъ, которые, оставивъ отеческую вѣру и содѣлавшись преступниками отеческаго ученія, вступили въ борьбу за одно со врагомъ. Но кто, подобно Моисею, великъ и благороденъ душою, тотъ противоборствующаго слову благочестія умерщвляетъ своимъ ударомъ.

А иной и иначе найдетъ въ насъ подобную борьбу. Ибо человекъ, какъ бы нѣкою наградою за подвигъ, поставленъ на срединѣ между держащимися противныхъ сторонъ,—и къ кому присоединяется, того и дѣлаетъ побѣдителемъ противника. Напримѣръ—идолослуженіе и богочестіе, невоздержность и цѣломудріе, справедливость и неправда, кичливость и скромность ума и все представляемое противоположнымъ, явная есть борьба какаго-то Египтянина съ Евреемъ. Посему Моисей примѣромъ своимъ наставляетъ насъ быть въ единеніи съ добродѣтелію, какъ съ единоплеменникомъ, убивать же востающаго съ противной стороны на добродѣтель. Ибо дѣйствительно преодолѣніе благочестія дѣлается смертію и истребленіемъ идолопоклонства; такъ и справедливостію умерщвляется неправда, и скромностію убивается кичливость.

Но бываетъ также въ насъ и востаніе другъ на друга-единоплеменниковъ. Ибо не имѣли бы мѣста вѣроученія лукавыхъ ересей, еслибы одни помыслы противъ другихъ болѣе истинныхъ

не выступали въ сопротивныхъ рядахъ. Если же будемъ немощны для того, чтобы самимъ собою отдать преимущество справедливости, потому что худшее пересиливаетъ своими умствованіями, и отвергаетъ владычество истины: то намъ должно, какъ можно скорѣе, бѣжать отсюда къ важнѣйшему и болѣе возвышенному ученію таинствъ, подобно указуемому сею исторією образцу. И хотябы потребовалось снова вступить въ единеніе съ иноплеменнымъ, то есть, нужда заставила быть въ единеніи съ внѣшнимъ любомудріемъ; рѣшимся и на это, отгнавъ лукавыхъ пастырей отъ несправеднаго употребленія кладязей, т. е., учителей худому обличивъ въ лукавомъ употребленіи обученія, уединимся потомъ въ самихъ себя, не входя въ связи и сближенія съ какими либо любителями споровъ, но будемъ жить вмѣстѣ съ тѣми, которые единомысленны и единомудренны съ пасомыми у насъ, между тѣмъ какъ все движеніе души нашей, подобно овцамъ, управляются волею руководственнаго разума. И такимъ образомъ намъ, неуклонно пребывающимъ въ семъ мирномъ и безмятежномъ житіи, возсіяетъ тогда истина, лучами своими озаряющая душевное зрѣніе. Истина же, являющаяся тогда Моисею въ неизреченномъ ономъ свѣтоводствѣ, есть Богъ.

Если же и терновымъ вѣткимъ кустомъ воспламеняется тотъ свѣтъ, которымъ просвѣ-

щается душа Пророка, — то не бесполезно будет и сіе сдѣлать намъ предметомъ изслѣдованія. Ибо если истина есть Богъ, а также истина есть свѣтъ, — и оба сіи высокія и божественныя именованія евангельское слово присвояетъ явившемуся намъ во плоти Богу (Іоанн. 14, 6.): то слѣдуетъ, что таковое добродѣтельное житіе возводитъ насъ къ вѣдѣнію онаго свѣта, который нисходитъ даже до естества человѣческаго, возсіявая не отъ какого либо звѣзднаго свѣтила, почему не можно было бы признать его сіяніемъ дошняго вещества, но отъ земнаго куста, и превосходя свѣтлостію лучей небесныя свѣтила. А симъ научаемся и таинству явленному въ дѣвѣ, отъ которой въ рожденіи возсіявній Человѣческой жизни свѣтъ Божества сохранилъ воспламененную кунину несгораемою, такъ что и по рожденіи не увялъ стебель дѣвства. Онымъ свѣтомъ научаемся и тому, что намъ дѣлать, чтобы стать въ лучахъ истины, а именно, что не возможно 'связанными ногами взойти на ту высоту, гдѣ усматривается свѣтъ истины, если не будетъ разрѣшена на душевныхъ стопахъ эта мертвенная и земная кожаная оболочка, возложенная на естество въ началѣ, когда обнажило насъ преслушаніе Божіей воли. И такимъ образомъ, какъ скоро совершится сіе съ нами, послѣдуетъ за тѣмъ вѣдѣніе истины, которое служитъ очищеніемъ отъ предположенія

о несуществующемъ, то есть, по моему понятію, опредѣленіемъ истины не составляютъ себѣ ложнаго понятія о сущемъ. (Ибо ложь есть какое-то раждающееся въ умѣ представленіе о несущемъ, будто бы существуетъ то, чего нѣтъ; а истина есть несомнѣнное понятіе о сущемъ.) И такимъ образомъ даже тотъ, кто въ продолженіе долгаго времени среди безмолвія любомудрствовалъ о предметахъ возвышенныхъ, едва составитъ понятіе о томъ, что такое въ дѣйствительности сущее, по естеству своему имѣющее бытіе, и что такое не сущее, по видимости только имѣющее бытіе, тогда какъ естество само по себѣ не осуществимо. И сіе-то, кажется мнѣ, позналъ тогда великій Моисей, наученный бого-явленіемъ, а именно, что изъ всего объемлемаго чувствомъ и созерцаемаго умомъ, ничто не есть сущее въ подлинномъ смыслѣ, бромъ превысшей всего сущности, которая всему причина, и отъ которой все зависить. Ибо если мысль и другое что усматриваетъ въ числѣ существъ, то ни въ одномъ изъ сихъ существъ не видитъ умъ такого, которое бы не имѣло нужды въ другомъ, и которому было бы возможно придти въ бытіе безъ причастія истинно сущаго.

Всегда одно и то же не увеличиваемое и не умаляемое, ко всякой перемѣнѣ, въ лучшее ли—то или худшее, равно неподвижное, потому

что худшее ему чуждо, а лучшего нѣтъ; во всемъ другомъ неимѣющее нужды, единое всѣмъ вождельваемое, единое, чего все причастно, единое причастіемъ причащающихся не уменьшаемое, — вотъ дѣйствительно въ подлинномъ смыслѣ сущее, и понятіе о семъ сущемъ есть вѣдѣніе истины. Посему, какъ тогда достигнѣй сего Моисей, такъ нынѣ всякій, кто, подобно ему, отрѣшаетъ себя отъ земной оболочки, видитъ свѣтъ кушны (т. е. обращаетъ взоръ въ возсіявшему для насъ отъ плоти — сего терноваго куста лучу, который, какъ говоритъ Евангеліе, есть *свѣтъ истинный* (Іоан. 1, 9.) и *истина* (14, 6)), дѣлается такимъ, что можетъ послужить ко спасенію другихъ, истребить превозмогающее на зло мучительство и привести въ свободу все поднавшее жестокому рабству, между тѣмъ какъ измѣненная десница и жезлъ обращенный въ змія творять чудеса, чѣмъ, какъ думаю, загадочно изображается тайна во плоти Господней явившагося человѣкамъ Божества, которымъ совершается низложеніе мучителя и освобожденіе имъ обладаемыхъ. Къ этой же мысли приводитъ меня евангельское и пророческое свидѣтельство; ибо Пророкъ говоритъ: *сія измѣненна десница Вышняго* (Пс. 76, 11.); потому что, хотя Божественное естество умопредставляется неизмѣняемымъ, однакоже, по снисхожденію къ немощи естества человѣческаго, измѣнилось въ

нашъ образъ и видъ. Ибо и тамъ рука законодателя, вложенная въ нѣдро, измѣнила цвѣтъ въ противосестественный, и опять, бывъ въ нѣдрѣ, возвратила себѣ собственную природную красоту. И едиnorodный Богъ, сый въ нѣдрахъ Отчихъ, Онъ есть десница Вышняго; когда явился намъ изъ нѣдръ,—измѣнился въ подобное намъ; когда же, понесши на Себѣ наши немощи, бывшую у насъ и подобно намъ измѣнившую цвѣтъ руку возвратилъ въ собственное нѣдро свое (нѣдро же Десницы—Отецъ): тогда безстрастнаго естества не измѣнилъ въ страданіи, но измѣняемое и страстное общеніемъ съ неизмѣняемымъ преложилъ въ безстрастіе.

Да и превращеніе жезла въ змія да не смущаетъ христіюбцевъ тѣмъ, что понятіе о таинствѣ приспособляемъ къ животному противнаго вида; ибо Сама Истина не отвергаетъ сего изображенія, когда говоритъ въ Евангеліи: *яко же Моисей вознесе змію въ пустыни: тако подобаетъ вознестися Сыну Человѣческому* (Іоан. 3, 14.). Слово сіе ясно: ибо если отецъ грѣха въ Божественномъ Писаніи наименованъ зміемъ, и рожденное зміемъ, безъ сомнѣнія, есть змій; то слѣдуетъ, что грѣхъ соимененъ съ породившимъ его. Апостольское же слово свидѣтельствуетъ, что Господь ради насъ содѣлался грѣхомъ (2 Кор. 5, 21.), воспріявъ на Себя грѣховное наше естество.

Слѣдовательно гаданіе сіе справедливо прилагается ко Господу. Ибо, если грѣхъ есть змій, и Господь содѣлался грѣхомъ; тотъ, кто есть грѣхъ, содѣлывается для насъ и зміемъ, чтобы поглощать и истреблять египетскихъ змievъ, оживотворяемыхъ волхвами, а по совершении сего снова обращаться въ жезль, которымъ уцѣломудриваются согрѣшающіе, и упокоеваются восходящіе крутымъ и неудобнопроходимымъ путемъ добродѣтели, въ добромъ упованіи опираясь на жезль вѣры: потому что *если вѣра уповаемыхъ извѣщеніе* (Евр. 11, 1.). Посему, кто уразумѣлъ сіе, тотъ прямо дѣлается Богомъ воспротивившихся истинѣ, и приводимыхъ въ изумленіе этою вещественною и неосуществимою прелестію; которыми, какъ нѣчто суетное, пренебрегается то, чтобы послушать Сущаго; ибо говоритъ Фараонъ: *кто есть, его же послушаю гласа? Не слылъ Господа* (Исх. 5, 2.). Одно же только, именно вещественное и плотское, признаютъ достойнымъ уваженія преданные скотской чувственности. Посему, если кто укрѣпленъ будетъ озареніемъ свѣта и пріобрѣтетъ столько силы и власти надъ сопротивниками; то, какъ нѣкій борець, достаточно обучившійся у наставника подвижническому мужеству, смѣло и съ увѣренностію готовится къ борьбѣ со врагами, имѣя въ рукѣ оный жезль, то есть, слово вѣры, которымъ будетъ поборать египетскихъ змievъ.

Послѣдуетъ же за нимъ и супруга—инопле-
 менница; потому что и изъ внѣшняго обуче-
 нія допускается нѣчто въ сожитіе съ нами къ
 плодоношенію добродѣтели. И нравственное
 естественное любомудріе, и высокому по жизни
 можетъ иногда служить сожительницею, подру-
 гой и сообщницею, если только ея порожде-
 нія нимаю не принесутъ иноплеменной сквер-
 ны. Ибо пока не обрѣзана и не отъята сія
 скверна, чтобы истреблено было все какъ
 вредное и нечистое, угрожаетъ страхомъ
 смерти срѣтающій Ангель, но его умиловив-
 ляетъ сожительница отъятіемъ отличительнаго
 свойства, по которому познается иноплемен-
 ное, доказывая, что порожденіе ея чисто. Ду-
 маю же, что выразумившему сіе историческое
 повѣствованіе изъ сказаннаго дѣлается явною
 послѣдовательность преслѣваній въ добродѣ-
 тели, какую показываетъ слово, непрерывно
 слѣдующее за связію историческихъ гаданій.
 Ибо въ урокахъ любомудраго порожденія есть
 нѣчто плотское и закрытое, но что остается
 по отъятіи покровы, то не лишено израиль-
 скаго благородства. Напримѣръ: и внѣшнее
 любомудріе говорить, что душа безсмертна —
 вотъ порожденіе благочестивое. Но утвер-
 ждать, что будто бы душа изъ одного тѣла
 переходитъ въ другое, и словесное естество
 мѣняетъ на безсловесное,—это есть уже плот-
 ское и иноплеменное необрѣзаніе. А подобно

сему и многое другое. Любомудріе говорить, что Богъ есть, но признаеть Его вещественнымъ; исповѣдуеть, что Онъ Создатель, но для созданія имѣеть 'нужду въ веществѣ; соглашается, что Онъ всемогущъ и благу, но во многомъ уступаетъ необходимости судьбы; и что если пересказать въ подробности, какъ добрыя ученія вѣшняго любомудрія оскверняются вѣльными прибавленіями? По отъятіи только сихъ послѣднихъ Ангелъ Божій содѣлывается къ намъ милостивъ, радуясь истинному порожденію таковыхъ ученій.

Но возвратиться должно къ послѣдовательности слова, чтобы и намъ, когда будемъ близки къ египетскимъ подвигамъ, встрѣтилось со временемъ братское спомоществованіе. Ибо знаемъ, что у Моисея, въ началѣ добродѣтельной его жизни, происходитъ бранная и воинственная* встрѣча: Египтянинъ притѣсняетъ Еврея, и также Еврейъ возстаеть на единоплеменника. Если же онъ своими добродѣтелями при долговременной попечительности, въ слѣдствіе бывшаго въ высшей степени озаренія, достигнувъ большаго изъ душевныхъ преснѣній, имѣеть дружественную и мирную встрѣчу, по Божію внушенію, во срѣтеніе ему исходитъ братъ; то (если сіе историческое событіе примѣнить къ иносказательному воззрѣнію) и мы найдемъ это не бесполезнымъ для своей цѣли. Ибо дѣйствительно преуснѣвающимъ въ

Добродѣтели оказывается отъ Бога данное естеству нашему вспоможеніе, которое по первоначальному бытію предваряетъ, но является и познается тогда уже, какъ при внимательности и попечительности достаточно освоившись съ высшимъ житіемъ, приуготовимся къ труднѣйшимъ подвигамъ. Но, чтобы не разрѣшать намъ гаданія гаданіемъ же, мысль свою объ этомъ изложимъ открытѣе.

Есть нѣкое ученіе, заимствующее достовѣрность изъ отеческаго преданія, и оно говоритъ: когда естество наше пало въ грѣхъ, Богъ паденія нашего не оставилъ Своимъ промысломъ, но въ помощь жизни cadaго представляетъ нѣкого Ангела изъ пріявшихъ безплотное естество; но и съ противной стороны растлитель естества ухищряется на тоже посредствомъ нѣкого лукаваго и злоторнаго демона, который бы вредилъ человѣческой жизни. Человѣкъ же, находясь среди сихъ двухъ сопровождающихъ его, такъ какъ цѣль cadaго изъ нихъ противна другому, самъ собою дѣлаетъ одного сильнѣйшимъ другаго. Добрый Ангель предуказываетъ помысламъ блага добродѣтели, какія преусиѣвающими открываются въ упованіи. А другой показываетъ вещественныя удовольствія, отъ которыхъ нѣтъ никакой надежды на блага, только настоящее, вкушаемое, видимое порабощаетъ чувства малосмысленныхъ.) Посому, если кто чуждается

того, что манить къ худому, устремивъ помыслы къ лучшему, и порокъ какъ бы поставилъ позади себя, а душу свою, какъ нѣкое зеркало, обратилъ лицомъ къ упованію благъ, чтобы въ чистотѣ собственной его души напечатлѣлись все изображенія и представленія указуемой ему Богомъ добродѣтели: то срѣтаетъ его тогда, и оказываетъ ему вспоможеніе, братъ; ибо по дару слова и по разумности души человеческой Ангелъ нѣкоторымъ образомъ дѣлается человѣку братомъ, (какъ сказано), являясь ему и при немъ находясь тогда, когда приближаемся къ Фараону.

Но въ той мысли, что таковой взглядъ ума можно во всей связи приспособить къ цѣлому изложенію исторіи, если что либо въ написанномъ окажется не подходящимъ подъ сіе разумѣніе, ради того самого никто да не отвергаетъ всего, а напротивъ того пусть всегда помнитъ цѣль нашего слова, которую имѣя въ виду, излагасмъ сіе, напередъ сказавъ въ самомъ началѣ, что житія мужей благоискусныхъ предлагаются потомству въ образецъ добродѣтели. / Для соревнующихъ же дѣламъ ихъ невозможно идти по тѣмъ же самымъ слѣдамъ: найдется ли напрімѣръ еще народъ, по переселеніи размножающійся во Египтѣ? Также найдется ли порабощающій его мучитель, непріязненно расположенный къ мужескому полу и заботящійся о размноженіи пола болѣе

нѣжнаго и немощнаго? Найдется ли гдѣ и все прочее, что содержитъ въ себѣ сія исторія? И такъ, поелику оказывается невозможнымъ чудесамъ сихъ блаженныхъ подражать въ тѣхъ же самыхъ событіяхъ; то заимствуемое изъ дѣйствительнаго послѣдованія событій пусть будетъ прилагаемо къ какому либо нравственному учению, и ревнителямъ добродѣтели да послужитъ это нѣкоторымъ пособіемъ для таковой жизни. Если же какое либо изъ историческихъ событій самая необходимость вещей принуждаетъ оставаться внѣ связи принятаго разумѣнія: то, отложивъ оное въ сторону, какъ не полезное и неслужащее къ нашей цѣли, должны мы не прерывать ученія о добродѣтели. А говорю это, имѣя въ виду мнѣніе объ Ааронѣ, и предупреждая то возраженіе, какое можно сдѣлать на основаніи послѣдующихъ событій.

Иный скажетъ: у Ангела, какъ существа разумнаго и безплотнаго, ~~есть~~ ^{есть} сродство съ душою, и несомнѣнно то, что онъ старѣ насъ по устроенію, оказываетъ ~~помощь~~ ^{помощь} вступающимъ въ борьбу съ ^{сопротивными}; но нѣтъ основанія въ образѣ ангела представлять себѣ Аарона, который содѣйствовалъ Израильтянамъ въ идолопоклонствѣ. Въ отвѣтъ таковому, отступивъ отъ связи рѣчи, скажемъ тоже, что сказано прежде: если что не служитъ къ цѣли, то ради сего да не опровергается въ словѣ

согласіе въ прочемъ; и братъ и Ангелъ есть нѣчто одноименное, по своему значенію равно прилагаемое къ тому и другому изъ существъ противоположныхъ; ибо въ Писаніи именуется не только Ангелъ Божій, но и ангелъ сатанинъ; и не только добраго, но и злаго называемъ братомъ; Писаніе такъ говоритъ о добрыхъ: *братія въ нуждѣхъ полезни да будутъ* (Прит. 17, 17.), и о противоположныхъ имъ: *всякъ братъ запинаніемъ занятъ* (Іерем. 9, 4.). Упомянувъ же о семъ не въ связи рѣчи кратко, и точнѣйшее обозрѣніе отлагая до мѣста, собственно сему принадлежащаго, коснемся теперь того, что предлежитъ намъ.

Итакъ, кто самъ себя укрѣпилъ явившимся ему свѣтомъ, и приобрѣлъ себѣ такого брата, — поборника и помощника, тотъ смѣло ведетъ съ народомъ слово объ истинѣ, напоминаетъ объ отеческомъ благородствѣ и подаетъ мысль, какъ освободиться отъ бреня и тяжкаго плингодѣланія. Посему чему же научаетъ насъ этимъ исторія? — Тому, чтобы не отваживался говорить народу, кто таковою же жизнію не уготовалъ слова для собесѣдованія со многими. Ибо видишь: Моисей, будучи еще юнымъ, пока до такой мѣры не возросъ въ добродѣтели, не признанъ способнымъ къ тому, чтобы стать совѣтникомъ мира и для двоихъ враждующихъ между собою, а теперь ведетъ рѣчь со многими вдругъ тысячами. И едва не громо-

гласно вопіеть тебѣ сія исторія: не отваживайся, какъ учитель, подавать совѣты слушателямъ, если великою и продолжительною попечительностію не укрѣпилъ для этого силъ своихъ.

Но слова оказались дѣйствительными, свобода возвѣщена, слушатели одобрены и вождѣваютъ оной; этимъ раздражается врагъ и послушныхъ слову подвергаетъ большому страданію. Тоже самое бываетъ и нынѣ. Ибо многіе изъ пріившихъ ученіе, освобождающее отъ мучителя, и послѣдовавшихъ проповѣди, и донынѣ отъ сопротивныхъ терпятъ прираженія искушеній. И какъ многіе изъ нихъ, окрѣпнувъ отъ прираженія къ нимъ горестей, дѣлаются благоискусными и болѣе твердыми; такъ иные изъ немощныхъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, упадаютъ духомъ, открыто говоря, что гораздо лучше было бы для нихъ оставаться неслыхавшими проповѣди о свободѣ, нежели, по этой причинѣ, испытывать такіа бѣдствія. Сіе самое произошло и тогда; Израильтяне по малодушію обвиняли возвѣстившихъ имъ освобожденіе отъ рабства. Но тѣмъ паче да не ослабѣваетъ слово, привлекающее къ прекрасному, хотя иныи, какъ младенецъ и несовершенный умомъ, но непривычкѣ къ искушеніямъ, дѣтски боятся ихъ. Ибо вредоносный и тлетворный демонъ о томъ и старается, чтобы подчинившійся ему чело-

вѣкъ, не на небо взиралъ, но поинкалъ очами къ землѣ, и дѣлалъ въ себѣ изъ брениа плинѣы.)
 Что служащее къ вещественному наслажденію непремѣнно берется изъ земли или воды, для всякаго это явно. Что со тщаніемъ добывается для чрева и снѣдей, что признается богатствомъ, — это смѣшеніе земли и воды, и дѣлается и именуется брениемъ. Жадные до сихъ бренихъ удовольствіи, наполяя себя ими, никогда не сохраняютъ полнаго той пустоты, которая ихъ пріемлетъ въ себя. Напротивъ того непрестанно наполняемое дѣлается пустымъ для притекающаго вновь. Такъ и плинѣодѣлатель, имѣя въ виду плинѣу за плинѣой, безъ труда можетъ уразумѣть эту загадку; удовлетворивъ своему пожеланію въ чемъ либо одномъ изъ того, о чемъ человекъ старался, если пожеланіе склонится къ чему либо другому, оказывается также и въ этомъ неудовлетвореннымъ. А если и въ томъ удовлетворится, для другаго опять ощущаетъ въ себѣ пустоту и просторъ. И это не перестаетъ непрерывно въ насъ совершаться, пока не кончитъ кто этой вещественной жизни.

Что же такое стебліе и плева изъ стеблій, которую повинующійся мучительскимъ приказаніямъ принужденъ примѣшивать къ плинѣѣ? И Божественнымъ Евангеліемъ и высокимъ гласомъ Апостола истолковано сіе намъ, а именно, что и плева (Матѣ. 3, 12. 1 Кор. 3,

12.) равно служить пищею огню. — Посему, когда кто изъ преданныхъ добродѣтели пожелаетъ порабощенныхъ прелестію отвлечь въ жизнь любомудреншую и свободную, тогда ухитряющійся противъ душъ нашихъ, по слову Апостола, на различныя козни (Еф. 6, 11.), закону Божественному противопоставить умѣтъ оболстительныя лжеумствованія. Говорю же сіе, обращая рѣчь къ египетскимъ зміямъ, то есть, къ различнымъ кознямъ прелести, обращаемымъ въ ничто Моисеевымъ железомъ, котораго, сколько было пужно, въ довольнои мѣрѣ касалось уже наше обозрѣніе.

Посему тотъ, кто пріобрѣлъ этотъ непреоборимый жезлъ добродѣтели, — жезлъ уничтожающій жезлы ухищренныя, нѣкимъ путемъ и послѣдовательно восходитъ къ большимъ чудесамъ. Чудотвореніе же не съ цѣлію изумить слышавшихъ совершается, но имѣеть въ виду пользу спасаемыхъ; потому что чудесами добродѣтели истребляется враждебное для нихъ, и умножается имъ соплеменное. По стараемся же дознать прежде всего самое общее изъ чудесъ частныхъ, цѣль, къ какой они возводятъ; тогда только возможно для насъ будетъ составить приличное понятіе и о каждомъ чудѣ въ отдѣльности. Ибо ученіе истины неодинаково дѣйствуетъ, смотря по расположеніямъ пріемлющихъ слово. Хотя слово всѣмъ равно показываетъ худое или доброе, одна-

коже, кто съ убѣжденіемъ пріемлетъ показанное, у того умъ во свѣтѣ; а кто упорствуетъ и не соглашается обратить душевнѣйшій взоръ къ лучу истины, для того пребываетъ мракъ невѣдѣнія. Если понятіе наше о чемъ либо подобномъ не сложно въ своей цѣлости, то не иначе оно, конечно, и въ подробностяхъ, какъ показало въ словѣ частное изслѣдованіе. Посему неудивительно, что Еврей, живя среди иноплеменниковъ Египтянъ, остается не претерпѣвающимъ египетскихъ бѣдствій. Ибо можно видѣть, что и нынѣ совершается тоже. Въ многолюдныхъ городахъ, когда жители держатся противоположныхъ мнѣній, для однихъ сладокъ и чистъ потокъ вѣры, которымъ орошаютъ ихъ Божественное ученіе, а для держащихся египетскаго образа мыслей вода сія дѣлается поврежденною кровію. Жемудрованіе прелести покушается нерѣдко и сврейское питіе скверною жию обратитъ въ кровь, т. е., и наше ученіе даже намъ показать не таковымъ, каково оно въ дѣйствительности. Но не сдѣлаетъ питія сего совершенно негоднымъ къ употребленію, хотя безъ труда придастъ ему кровавый видъ для обмана; потому Еврей пьетъ истинную воду, не обращая вниманія на обманчивый видъ, хотябы противники и старались увѣрить, что это—кровь.

Такъ и этотъ гнусный и крикливый родъ жабъ, эти животныя пресмыкающіяся и ска-

чушія, неприятыя не только по виду, но и по зловонію кожи, вползають и въ дома, и на ложи, и въ хранилища къ Египтянамъ, но не касаются жизни Евреевъ. Ибо тлѣтворныя порожденія грѣха дѣйствительно составляютъ родъ жабъ, зараждающихся, какъ въ грязи, въ нечистомъ сердцѣ человѣческомъ. Сн-то жабы живутъ въ домахъ у уподобляющихся Египтянамъ избраніемъ рода жизни, являются у нихъ на трансахъ, не удаляются съ ложей, проникають въ хранилища жизненныхъ припасовъ. Ибо, какъ скоро увидишь нечистую и невоздержную жизнь, подлинно изъ брениа и грязи раждающуюся, и при уподобленіи бессловеснымъ въ образѣ своего поведенія не держащуюся въ точности ни того ни другаго естества, увидишь, что, кто по природѣ чловѣкъ, тотъ по страсти дѣлается скотомъ, и тѣмъ показываетъ въ себѣ этотъ земнородный и обоюдный образъ жизни; то найдешь при этомъ признаки подобной болѣзни, не на ложахъ только, но и на трансахъ, и въ хранилищахъ, и по всему дому. Таковый во всемъ выражаетъ свое распутство, такъ что по заботамъ, какія въ домѣ, всякому легко узнать жизнь и невоздержнаго и благонравнаго чловѣка. Когда въ домѣ развратнаго на штукатуркѣ стѣны какими либо искусственными изображеніями указывается служащее къ воспламененію страстнаго сластолюбія и напоми-

нающее собою свойство болѣзни; потому что при видѣ безчестныхъ зрѣлищъ вливается въ душу страсть; тогда у цѣломудреннаго приняты во всею осторожность и предусмотрительность, чтобы сохранивъ око чистымъ отъ страстныхъ зрѣлищъ. А также и трапеза чиста у цѣломудреннаго, но полною жабъ и многихъ мясовъ оказывается она у пресмыкающагося въ грязной жизни. Заглянешь ли въ его кладовыя, то есть, въ сокровенности и тайны его жизни, тѣмъ паче въ нихъ у неоптребныхъ найдешь кучу жабъ.

Если же исторія скажетъ, что у Египтянъ произвелъ это жезлъ добродѣтели, то да не смущаетъ насъ сказанное. Ибо исторія говоритъ также, что и мучитель ожесточенъ Богомъ. За что былъ бы осужденъ, кто по необходимости получилъ бы свыше жестокое и упорное расположение сердца? Подобное сему говоритъ нѣгдѣ и божественный Апостоль: *якоже не искушиша плъти Бога въ разумъ, сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія* (Рим. 1, 28.), разумѣя сіе о мужеложникахъ и опозорившихъ себя безчестными и несказанно распутными нравами. Но хотя такъ выражено сказанное въ божественномъ Писаніи; однакоже не Богъ дѣлаетъ предающимся страсти безчестія того, кто стремится къ этому. И Фараонъ не по Божію изволенію ожесточается, и не добродѣтелию производится эта кипящая

жабами жизнь. Ибо если бы угодно сіе было Божіей волѣ, то, безъ сомнѣнія, такое изволеніе простиралосьбы равно на всѣхъ, такъ что относительно къ жизни не усматривалосьбы различія между какою либо добродѣтелию и порокомъ. Если же каждый по своему пользуется жизнью, — одни преусиѣвають въ добродѣтели, а другіе впадаютъ въ порокъ; то никто не имѣетъ основанія высшимъ какимъ либо необходимостямъ, установленнымъ Божією волею, вмѣнять сіи разности въ жизни, которыя содержитъ во власти своей произволь каждаго. Посему, кто предается страсти безчестія, о томъ ясно можно дознать у Апостола. Кто *не искусилъ имѣти Бога въ разумъ*, того не Богъ, наказуя за то, что не познано имъ бытіе Божіе, предаетъ страсти, но то самое, что не познастъ онъ Бога, служитъ причиною, по которой вовлекается онъ въ жизнь страстную и безчестную. Какъ, если бы кто сказалъ, что такого-то ввергло въ ровъ солнце, на которое онъ не взглянулъ, то не заключимъ, что свѣтило, предавшись гнѣву, столкнуло въ ровъ не хотѣвшаго увидѣть его, но каждый, рассуждая основательно, пойметъ сказанное такъ, что не смотрящему на солнце и не пользующемуся свѣтомъ его сіе самое служитъ причиною паденія въ ровъ: такъ законно будетъ понимать и апостольское слово, что неразумѣющіе Бога предаются въ страсти

безчестія. И египетскій мучитель ожесточается Богомъ: — не въ томъ смыслѣ, что Божиимъ изволеніемъ въ Фараонову душу вложено упорство, но въ томъ, что Фараоновъ произволь, по склонности къ пороку, не принялъ слова смягчающаго упорство. Такъ и жезлъ добродѣтели, явленный Египтянамъ, Еврея дѣлаетъ чистымъ отъ кипящей жабами жизни, а жизнь египетскую показываетъ страждущею отъ таковой болѣзни.

Но вотъ и другой случай: Моисей простираетъ на жабъ руки, и онѣ исчезаютъ. Это же, какъ можно узнать, совершается и нынѣ. Ибо уразумѣвшіе сіе простертіе рукъ законодателевыхъ (уразумѣешь же непременно, что говоритъ тебѣ сія загадка, а именно чрезъ законодателя Моисея даетъ познать истиннаго Законодавца, а чрезъ простертіе рукъ—Простершаго руки на крестѣ), хотя незадолго до сего жили нечистыми и полными жабъ помыслами, какъ скоро обратятъ взоры къ Простершему за насъ руки,—освободятся отъ лукаваго ихъ сожительства, по умерщвленіи и истребленіи страсти. А дѣйствительно освободившимся отъ таковой болѣзни, по умерщвленіи пресмыкающихся движеній, воспоминаніе о прежней жизни дѣлается какимъ-то неумѣстнымъ и зловоннымъ, непріятнымъ душѣ, по причинѣ стыда, какъ говоритъ Апостоль тѣмъ, которые, отложившись отъ порочной жизни,

приступили къ добродѣтели : *кѣй убо тогда ильсте плодѣ , о нихже нынь стыдитесь* (Рим. 6, 21.)?

Въ этомъ же смыслѣ разумѣй и то, что отъ жезла воздухъ въ глазахъ Египтянъ очерняется, а для Евреевъ озаряется солнцемъ, чѣмъ и подтверждается особенно основаніе высказанной нами мысли, что не понудительная нѣкая свыше сила заставляетъ одного быть во мракѣ, а другаго во свѣтѣ. Напротивъ того мы люди у себя дома, въ своемъ естествѣ и произволѣ, имѣемъ причины и свѣта и тмы, дѣлаясь тѣмъ, чѣмъ сами пожелаемъ. Ибо, по сказанію исторіи, не по причинѣ какой либо стѣны или горы, преграждающей зрѣніе и останавливающей лучи, когда Евреи наслаждались свѣтомъ, Египтяне оставались нечувствительными къ сему дару. Такъ во власть каждому равно предоставлена жизнь во свѣтѣ; но одни ходятъ во тмѣ, лукавыми предначинаніями вводимые въ грѣховный мракъ; другіе осіяваются свѣтомъ добродѣтели. Если же, послѣ трехдневнаго злостраданія во тмѣ, и Египтяне дѣлаются причастниками свѣта; то, можетъ быть, возбуждшись симъ кто либо изъ жившихъ прежде по-египетски, чрезъ познаніе Распятаго и при помощи покаянія возведетъ мысль къ прехожденію отъ порока къ добродѣтели. Ибо оная, по сказанію исторіи, *осызаемая тма* (Исх. 10, 21.), и по самому имени, и по зна-

ченію онаго, имѣеть великое сродство со тмою невѣдѣніа и грѣха. Но та и другая тма разрѣшается, какъ скоро Моисей (что разумѣлось и въ сказанномъ прежде) простираеть руки надъ пребывающими во тмѣ.

А равно согласно съ симъ разумѣть можно и тотъ пещный прахъ, который производитъ болѣзненные струны на Египтянахъ (Исх. 9, 8. 9.), и загадочно подъ именемъ пещи означаетъ наказаніе геенскимъ огнемъ, угрожающее и уготовляемое только тѣмъ, которые живутъ подобно Египтянамъ, т. е. какъ говорили мы неоднократно, живутъ худо, и не покланяются простертію рукъ Христовыхъ. Есть ли же кто истинный Израѣльтянинъ и сынъ Авраамовъ, Аврааму уиодобляется жизнию, такъ что своимъ произволеніемъ доказываетъ тѣсное родство съ избранными; то онъ спасается отъ онаго пещнаго мученія. Но и то, что по данному нами истолкованію, простертіемъ рукъ Моисеевыхъ означается и для живущихъ подобно Египтянамъ, можетъ нѣкогда послужить уврачеваніемъ отъ мученія и избавленіемъ отъ наказаній.

А о мелкихъ оныхъ скнипахъ, которые не примѣтнымъ угрызениемъ причиняють боль Египтянамъ, о песихъ мухахъ, при угрызеніи болѣзненно вивающихся въ тѣла, объ истребленіи плодовъ земледѣлія плугами, о пламеникахъ, падающихъ свыше вмѣстѣ съ камеш-

нымъ градомъ, — да потрудится иный и самъ, въ связи съ изслѣдованнымъ прежде, идя тѣмъ-же путемъ, составить о каждой казни приличное понятіе; такъ какъ все это, по сказанному выше, производитъ египетскій произволъ, налагаетъ же на Египтянъ нелицепріятное Божіе правосудіе. Но слѣдуя сему, и мы будемъ разумѣть такъ, что горестное посылается отъ Бога достойнымъ того, каждый же самъ для себя бываетъ виновникомъ сихъ бичей, собственнымъ своимъ произволомъ уготовляя себѣ ожидающія его скорби, какъ говоритъ Апостоль, обращая рѣчь къ одному изъ таковыхъ: *по жестокости твоей и не покаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божіа, Иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (Рим. 2. 5. 6.). Какъ отъ безпорядочнаго рода жизни во внутренностяхъ составляется тлетворный желчный какой-то сокъ, и врачу, съ помощію искусства извлекшему его рвотою, не поставляется въ вину, будтобы самъ онъ произвелъ въ тѣлѣ этотъ болѣзненный сокъ, тогда какъ онъ произведенъ безпорядочнымъ употребленіемъ пищи, а врачебная наука извела его наружу: такъ, хотя говорится, что имѣющимъ злое произволеніе¹⁾ отъ Бога бываетъ скорбное воздаяніе; но сообразнѣе съ разумомъ понимать сіе такъ, что таковыя страданія заимствуютъ свое начало и причину въ насъ са-

михъ. Ибо для жившаго безгрѣшно нѣтъ ни тмы, ни червя, ни геенны, ни огня, ни чего либо ипаго страшнаго по именованію и на самомъ дѣлѣ, какъ и исторія говоритъ, что для Евреевъ не существовали египетскія казни. Посему, если въ одномъ и томъ же, что одному служить во зло, а другому нѣтъ, разность произволенія то и другое показываетъ въ противоположности; то ясно, что никакое зло не можетъ состояться безъ нашего произвола.

Но приступимъ къ продолженію слова, предыдущими изслѣдованіями, достаточно научившись, что и Моисей оный и всякій, подобно ему возвысившійся добродѣтелю, какъ скоро долговременнымъ попеченіемъ о правой высокой жизни и озареніемъ свыше укрѣнилъ душу, — почитаетъ для себя утратою для единоплеменныхъ ему не быть руководителемъ къ свободной жизни. И пришедши къ нимъ, представленіемъ тяжкихъ страданій влагаеть въ нихъ сильнѣйшее пожеланіе свободы; готовясь избавить соплемениковъ отъ бѣдствій, предаеть смерти всякаго египетскаго первенца. А это дѣлаеть, узаконяя намъ уничтожать первое зарожденіе зла; ибо иначе не возможно избѣгнуть египетской жизни. И мнѣ кажется, прекрасно сдѣлаемъ, если не оставимъ сію мысль безъ обозрѣнія. Ибо если кто обратить вниманіе только на исторію, то какъ сохра-

нися боголѣпное понятіе о происшедшемъ по ея сказанію? Несправедливо поступаетъ Египтянинъ, и за него тернить наказаніе недавно родившійся младенецъ, которому, по несовершенству возраста, неизвѣстно и различіе между добромъ и зломъ, котораго жизнь не причастна порочной страсти; потому что младенчество его не даетъ въ себѣ и мѣста страсти; не знаетъ онъ разности между правой и лѣвой рукой, къ одной кормилицѣ обращаетъ взоры; одно у него тѣлесное ощущеніе скорбнаго—слеза; а если получить то, чего желаетъ природа, выражаетъ удовольствіе улыбкою. И онъ-то удовлетворяетъ правосудію за отеческій грѣхъ. Гдѣ же правда? Гдѣ благочестіе? Гдѣ святость? Гдѣ Іезекиль, который взываетъ: *душа согрѣшающая, та умретъ: не возметъ неправды отца своего рожденный иже* (Іезек. 18, 20.)? Почему исторія узаконяетъ противное слову Писанія? Посему согласнѣе съ разумомъ будетъ, держась смысла возводящаго выше (б), если и совершилось что прообразовательно, вѣрить, что Законодатель въ описаніи совершившагося излагаетъ правило. Излагаемое же здѣсь правило таково: при помощи добродѣтели борющемуся съ какимъ либо порокомъ должно уничтожать въ

(б) Точнѣе: взирая на аналогію смысла.

себѣ первыя начала злыхъ дѣлъ; ибо съ истребленіемъ начала уничтожается вмѣстѣ и слѣдующее за нимъ, какъ Господь учитъ въ Евангеліи, едва не ясными словами говоря объ умерщвленіи первенцевъ египетскихъ золъ, когда повелѣваетъ умертвившимъ въ себѣ похоть и гнѣвъ не бояться уже ни скверны—прелюбодѣянія, ни ужасовъ убійства; потому что и то и другое не бываетъ само собою, если не породитъ гнѣвъ—убійства, и похоть—прелюбодѣянія. Посему, такъ какъ чреватый грѣхомъ прежде прелюбодѣянія раждаетъ похоть, и прежде убійства—гнѣвъ: то убивающій первенца безъ сомнѣнія, убиваетъ и послѣдующее за первенцемъ поколѣніе, какъ и поразившій голову змѣи умерщвляетъ цѣлый ея составъ, какой влачитъ она за собою сзади.

Но сего не можетъ быть, если во входахъ нашихъ не излита оная кровь, которая обращаетъ въ бѣгство всегубителя. И если надлежитъ точнѣе выразумѣть въ сказанномъ заключенный въ семь смыслъ; то исторія къ уразумѣнію сего приводитъ тѣмъ и другимъ, какъ тѣмъ, что умерщвляются первенцы, такъ и тѣмъ, что входъ огражденъ кровію; ибо тамъ уничтожается первое устремленіе зла, а здѣсь истиннымъ Агнцемъ отвращается первый къ намъ входъ порока. Не тогда примышляемъ изгонять всегубителя, когда онъ уже вошелъ, но, чтобы не проникло къ намъ и самое на-

чало, поставляемъ по закону стражу. А стражею и огражденіемъ служить, — кровію Агнца положенное знаменіе на *правъ* и на *подвояхъ* входа (Исх. 12, 7.). И симъ писаніе загадочно преподастъ о душѣ нашей тоже естествосло-вие, какое измыслила и внѣшняя ученость, раздѣляющая душу на силу разумную, вожде-лѣвательную и раздражительную. Говорятъ же, что подчинено имъ и вождѣніе, съ обѣихъ сторонъ поддерживающее познавательную силу души, что разсудокъ, будучи сопряженъ съ обѣими силами, правитъ ими, и отъ нихъ заимствуетъ силу, раздражительностію укрѣпляет-ся въ мужествѣ, а вождѣніемъ возвышается до причастія добра. Посему, пока душа огра-ждена такимъ соотношеніемъ своихъ силъ, какъ бы клиньями какими, твердо смоченная своими понятіями о добродѣтели, пользуется она всякимъ взаимнымъ ихъ содѣйствіемъ къ произведенію прекраснаго, между тѣмъ какъ разсудокъ самъ собою доставляетъ безопа-сность низшимъ силамъ, а частію и отъ нихъ заимствуется равнымъ даромъ. Если же это со-отношеніе силъ будетъ извращено, и высшее сдѣлается низшимъ, такъ что разсудокъ, нис-павъ до понижаемаго, вождѣвательное и раз-дражительное расположеніе поставитъ вверху себя; то всегубитель проникаетъ тогда во вну-тренность, и вѣществу его не препятствуетъ никакое противодѣйствіе крови, то есть, пребы-

вающимъ въ такомъ расположеніи не спобораеть вѣра во Христа; ибо повелѣно помазать кровью сперва верхній брусъ въ двери, а потомъ уже касаться обоихъ подвоевъ. Но какъ же помазать кому сперва верхъ, когда не отыскивается верха?

Если же не оба сіи дѣйствія, и избіеніе первенцевъ, и изліяніе крови, совершаются у Израильтянъ; то нимало не дивись сему, и не отвергай поэтому предложеннаго умозрѣнія объ истребленіи зла, какъ оказывающагося не соответственнымъ истинѣ. Ибо теперь подъ разностию именъ: Израильтянинъ и Египтянинъ разумѣли мы разность добродѣтели съ порокомъ. Итакъ, если по высшему смыслу предполагается подъ именемъ Израильтянина разумѣть добродѣтельнаго; то основательно будетъ кому либо требовать, чтобы избиваемы были не начатки порожденій добродѣтели, но то, что полезнѣе уничтожать, нежели воспитывать. Посему справедливо научены мы Богомъ, что должно убивать начатки египетскаго поколѣнія, чтобъ оскудѣвало зло, умаляемое истребленіемъ начатковъ. Сіе разумѣніе согласно и съ исторією. Ибо чрезъ пролитіе крови совершается охраненіе израильскихъ порожденій, чтобы доброе пришло въ совершенство; а чтобъ достигнувъ совершенства, умножаетъ египетскій народъ, то, прежде усовершенія во злѣ, уничтожилось. Сему же

вающимъ предлагаемому нами высшему понятію содѣйствуетъ то, что въ слѣдъ за симъ входитъ въ обзорѣніе сей исторіи. Ибо назначается пищею для насъ содѣлаться тому тѣлу, изъ котораго излита кровь, и показуемая на дверяхъ удаляетъ отъ насъ губителя Египтянь.

И наружность вкушающихъ пищу сію представляется внимательною, озабоченною, не какъ у веселящихся на пирахъ, у которыхъ руки свободны, облаченіе одеждъ легкое, на ногахъ нѣтъ путнической обуви; а здѣсь все сему противно, ноги сжаты обувью, поясъ прижимаетъ облекающій хитонъ сего къ чресламъ, въ рукѣ жезлъ грозный для псовъ. Въ семъ-то видѣ предлагается имъ снѣдъ безъ всякой поварской приправы, какъ случилось съ поспѣшностію изготовленная на огнѣ, и вкушающіе снѣдаютъ ее со всею скоростію, снѣша одинъ передъ другимъ, пока не употребится вся плоть агнца; поглощая, что есть на костяхъ, не касаются они того, что внутри костей, потому что запрещено сокрушать кости сего агнца; а что остается отъ сей снѣди, то истребляется огнемъ. Изъ всего этого ясно, что здѣсь буква указываетъ на высшій нѣкій смыслъ; и этотъ законъ объясняетъ намъ не образъ вкушенія (для подобныхъ вещей достаточный законодатель — природа, вложившая въ насъ пожеланіе пищи), напротивъ того означается симъ нѣчто другое. Ибо что будетъ для добро-

дѣтели, или для порока, отъ того, что пища принята такъ, или иначе? распущенъ, или стянуть у ядущаго поясъ? ноги босыя, или надѣта обувь? въ рукѣ у него жезлъ, или отложенъ въ сторону? Но явно, что собою загадочно показываетъ этотъ путническій по наружности нарядъ. Ибо прямо повелѣваетъ познать здѣшнюю жизнь,—то, что, какъ путники, проходимъ мы настоящую жизнь, вмѣстѣ съ рожденіемъ по самой необходимости побуждаемые къ исшествію, къ которому надлежитъ имѣть въ готовности и руки и ноги, и всѣмъ прочимъ обезопасить себя на путь.

Чтобы тернія этой жизни (а тернія сіи — грѣхи) не уязвили босыхъ и ничѣмъ не охранныхъ ногъ, надѣнемъ на ноги жесткость сапоговъ; а это—воздержная и строгая жизнь, которая сама собою сокращаетъ и стираетъ острія терній, препятствуетъ грѣху, изъ малаго и незамѣтнаго взявшись начала, проникать до внутренности. Хитонъ, спущенный до ногъ и покрывающій ихъ собою, послужитъ препятствіемъ протекающему путь сей со тщаніемъ; а подъ хитономъ, по связи понятій, да разумѣтся у насъ обильное наслажденіе тѣмъ, что наиболее цѣнится въ сей жизни, сокращаемое нѣсколько цѣломудренными помыслами—этимъ поясомъ путника. Что поясъ есть цѣломудріе, свидѣтельствуется это тѣмъ способомъ, по какому приводится въ дѣйствіе жизнь. И жезлъ,

защищающей отъ звѣрей, имѣеть значеніе надежды, которою и подкрѣпляемъ душу въ изнеможеніи, и отражаемъ отъ себя оскорбительное. Подъ снѣдію же, предлагаемою намъ прямо съ огня (Исх. 12, 8.), разумѣю ту горячую и пламенѣющую вѣру, которую приедемъ безъ замедленія, и которой вкусивъ, сколько съ перваго раза принято ядущимъ, все сокровенное въ сихъ твердыхъ и неразлагаемыхъ понятіяхъ и глаголахъ оставляемъ безъ пытливости и развѣдыванія, предавая таковую пищу огню.

Въ уясненіе сихъ гаданій скажемъ то, что тѣ божественныя заповѣди, которыхъ смыслъ съ перваго взгляда удобопонятенъ, надлежитъ исполнять не лѣнливо и не принужденно, но подобно алчущимъ, съ желаніемъ насытиться предлагаемымъ, чтобы пища сія послужила для насъ напутіемъ къ здоровію. А какія понятія сокровенны (на примѣръ: чтò такое сущность Божія? чтò было до сотворенія? чтò внѣ видимого? какая была нужда въ сотворенномъ? — и все подобное, изслѣдованіемъ чего занимается одно любопытство), о семъ не разыскивать должно, но познаніе сего предоставитъ единому Святому Духу, испытующему, какъ говоритъ Апостолъ, *глубины Божія* (1 Кор. 2, 10.). Ибо, чтò въ Писаніи вмѣсто Духа многократно упоминается и именуется огонь, извѣстно это каждому, кто изучалъ Писаніе. Къ та-

ковой же мысли приводитъ насъ и наставленіе премудрости: *крѣпкихъ себе не испытуй* (Сир. 3, 21.), т. е. не сокрушай костей слова, потому что нѣтъ тебѣ потребности въ сокровенномъ.

Такъ Моисеѣ силою изводитъ народъ изъ Египта: и всякій идущій по слѣдамъ Моисея тѣмъ же образомъ освободитъ отъ египетскаго мучительства всѣхъ, къмъ только руководитъ его слово. Но слѣдующимъ за симъ вождемъ къ добродѣтели, думаю, не должно быть скудными въ египетскомъ богатствѣ и нестяжателями иноплеменныхъ драгоценностей; но, взявъ у противниковъ всю собственность, надлежитъ имѣть это у себя, какъ заемъ; что сдѣлать народу и повелѣвается тогда Моисеемъ. Не одобрить законодателя рѣшенія, кто по первому взгляду пойметъ сіе такъ, что будто бы Моисей велитъ давшихъ въ заемъ лишитъ собственности, и дѣлается наставникомъ несправедливости. Но никто и не скажетъ, что законодатель дѣйствительно отдалъ такое приказаніе, имѣя въ виду послѣдующіе законы, рѣшительно воспрепятствующіе всякую обиду ближнему, хотя инымъ и кажется справедливымъ дѣломъ, что Израильтяне симъ признаніемъ взяли съ Египтянъ заслуженную плату: ибо вина не меньше, если такой приказъ не чистъ отъ лжи и обмана. Кто взялъ что нибудь взасемъ, и не отдастъ оный за-

имодавцу, если это чужое, поступаетъ несправедливо, какъ отнявшій собственность. Если же завладѣть и своимъ, но обманувъ заимодавца надеждою получить назадъ, то, безъ сомнѣнія, будетъ названъ обманщикомъ. Посему того смысла, какой представляется съ перваго взгляду, [приличнѣе понятіе высшее, повелѣвающее добродѣтельно ведущимъ свободную жизнь заготовлять богатство внѣшняго образованія, которымъ украшаются иноплеменники по вѣрѣ. Ибо нравственную и естественную философію, геометрію и астрономію, и словесныя произведенія, и все, что уважается пребывающими внѣ Церкви, наставникъ добродѣтели повелѣваетъ, взявъ въ видѣ займа у богатыхъ подобнымъ сему въ Египтѣ, хранить у себя, чтобы употребить въ дѣло при времени, когда должно будетъ божественный храмъ таинства украсить словеснымъ богатствомъ.] Такъ собирающіе себѣ таковое богатство, каждый отъ себя приносятъ оное Моисею, трудящемуся надъ скиніею свидѣнія, удѣляя на устроеніе святыни. [Это, какъ можно видѣть, дѣлается и нынѣ. Многіе внѣшнюю ученость, какъ нѣкій даръ, приносятъ Церкви Божіей. Таковъ и были великій Василій, прекрасно во время юности купившій египетское богатство, принесшій его въ даръ Богу, и таковымъ богатствомъ украсившій истинную скинію Церкви.]

Но возвратиться должно къ тому, съ чего мы начали. Тѣхъ, которые обратили уже взоръ къ добродѣтели, и въ жизни послѣдуютъ законодателю, когда оставлятъ они (предѣлы египетскаго владычества.) сопровождають какія-то прираженія искушеній, причиняющимъ затрудненія, страхованія и крайнія опасности, которыми приводимый въ боязнь умъ не утвердившихся еще въ вѣрѣ впадаетъ въ совершенное отчаяніе сподобиться благъ. Но если будетъ Моисей, или кто изъ подобныхъ ему вождей народа; то онъ противопоставитъ страху совѣтъ, уstraшенный умъ ободряетъ упованіемъ на божественную помощь, чего, впрочемъ, не было бы, если бы сердце предстоящаго не возглагодало къ Богу. Ибо многіе изъ поставленныхъ на таковое предстояніе заботятся только о внѣшнемъ, чтобы оно было въ хорошемъ положеніи, а о сокровенномъ, что видимо одному Богу, мало у нихъ попеченія. Не такъ было у Моисея; въ чемъ онъ повелѣваетъ Израильтянамъ благодушествовать, не произнося, по видимому, никакого гласа къ Богу, о томъ вопіеть, какъ свидѣтельствуеть о семъ Самъ Богъ, научая, думаю, словомъ симъ и насъ, что благозвученъ и доходитъ до Божія слуха оный именно гласъ, — не вопль, съ напряженіемъ издаваемый, но помышленіе, возсылаемое отъ чистой совѣсти.

А кто таковъ, тому для помощи въ закон-

ныхъ борьбахъ малымъ уже оказывается братъ, — тотъ именно братъ, по Божіей волѣ срътившій Моисея идущаго къ Египтянамъ, котораго слово сіе представило въ чинѣ Ангела. Напротивъ того бываетъ тогда явленіе превысшаго Естества, открывающее Себя въ такой мѣрѣ, въ какой можетъ вмѣстить естество приѣмлющее. Что такъ было тогда, слышимъ это изъ исторіи, и что такъ бываетъ всегда, познаемъ умнымъ воззрѣніемъ. Ибо, когда побѣжить кто отъ царя египетскаго, и внѣ уже его предѣловъ убоится прираженія искушеній; тогда вождь указываетъ ему неожиданное спасеніе свыше. Когда окружающій преслѣдуемаго силою своею врагъ по необходимости дѣлаетъ для него проходнымъ море, къ которому ведетъ ^{свѣтъ} вождь—облако (вотъ имя вождю, какое бывшими прежде насъ прескрасно принято въ значеніе благодати Святаго Духа); тогда симъ-то вождемъ совершается путеводительство достойныхъ къ добру. Кто ему послѣдуетъ, тотъ переходитъ чрезъ воду въ слѣдъ за шествующимъ по морю вождемъ, которымъ даруется безопасность въ свободѣ, по уничтоженіи въ водѣ преслѣдовавшаго въ рабствѣ

Ибо кто не знаетъ, что египетское воинство — наши многоразличныя душевныя страсти, которыми поработается челоѣкъ? Это — кони, это колесницы и всадники па нихъ, стрѣлки, пращники, тяжело вооруженные, и

прочее множество вражеской дружины. Ибо скажетъ ли кто, что раздражительные помыслы или стремленія къ удовольствію, къ печали, къ любостыжательности, отличаются чѣмъ либо отъ упомянутаго воинства? Злословіе — вотъ камень, прямо пущенный изъ пращи; порывъ раздражительности—вотъ копье, потрясающее остриемъ; а страсть къ удовольствіямъ будемъ представлять себѣ конями, съ неудержимымъ какимъ-то порывомъ влекущими за собою колесницу и трехъ всадниковъ въ ней, которыхъ именуешь исторія *тристатани*.

Подъ сими тремя несущимися на колесницѣ, научившись предварительно таинственному значенію подвоевъ и прага, уразумѣешь, конечно, тречастное раздѣленіе души, возводя понятіе къ разумному, вождевательному и раздражительному въ душѣ. Итакъ все это и все едино-племенное съ симъ вмѣстѣ съ вождемъ лукаваго нашествія впадаетъ за Израильтяниномъ въ воду. Съ сего времени естество воды, подъ водительствомъ вѣры въ жезлъ и освѣщающаго облака, дѣлается животворнымъ для прибѣгающихъ къ водѣ, и мертвящимъ для гонителей.

Сверхъ сего исторія научаетъ симъ, каковыми надлежитъ быть проходящимъ чрезъ воду, именно, по исшествіи изъ воды ничего не привлекающимъ за собою изъ сопротивнаго воинства. Ибо если выйдеть съ кѣмъ врагъ,

то и послѣ воды остается онъ въ рабствѣ, извлекши живымъ мучителя, котораго не потопилъ въ глубинѣ. А этимъ (чтобы уяснить кому для себя сіе гаданіе, раскрывъ его вполне) означается, что всѣ преходящіе чрезъ таинственную воду въ крещеніи должны умертвить въ водѣ все полчище грѣха; какъ-то: любостыжательность, безчинное пожеланіе, хищнической замысль, страсть кичливости и гордыни, вспыльчивость, гнѣвъ, мстительность, зависть, ненависть; такъ какъ страстямъ нѣкоторымъ образомъ обычно слѣдовать за естествомъ человѣческимъ, должны они умертвить въ водѣ все сіе и подобное сему, а равно и самыя порочныя движенія мысли и ихъ послѣдствія, какъ въ таинствѣ пасхи, ибо это—имя той жертвы, кровь которой для воспользовавшагося ею дѣлается возбраненіемъ смерти. Посему, какъ тамъ законъ повелѣваетъ ѣсть хлѣбъ прѣсный—пасху (а опрѣснокъ готовится безъ примѣси старой закваски), и симъ даетъ разумѣть, что пресѣвшему непрерывное послѣдованіе вредни премѣненіемъ на лучшее должно уже къ послѣдующей жизни не примѣшивать никакого остатка грѣха, но положить послѣ сего особое начало жизни; такъ и здѣсь требуется, чтобы въ спасительномъ крещеніи, какъ бы въ нѣкоей глубинѣ, потопивъ всякое египетское лице, то есть, всякій видъ грѣха, исходили мы одни, не вовлекая въ

жизнь ничего иноплеменного. Ибо сіе-то самое узнаемъ изъ исторіи, которая говоритъ, что въ одной и той же водѣ жизнию и смертію различаются враждебное и дружественное, враждебное предается тлѣнію, а дружественное оживотворяется. Такъ многіе изъ принявшихъ таинственное крещеніе, по незнанію законныхъ предписаній, предшествовавшую въ жизни закваску порока примѣшиваютъ къ жизни по крещеніи, и послѣ того, какъ прешли воду, своими начинаніями вмѣстѣ съ собою изводятъ живымъ и египетское воинство. Ибо иный прежде дара крещенія обогатился хищничествомъ и неправдою, или клятвопреступленіемъ пріобрѣлъ что либо во владѣніе, или прелюбодѣйно жилъ съ женою, или отваживался въ жизни на иное что либо непозволительное, и думаетъ, что и послѣ купели, продолжая наслажденіе добытымъ прежде, свободенъ отъ грѣховнаго рабства, какъ не усматривающій, что покоренъ лукавымъ властителямъ. Ибо свирѣпый и неистовый властелинъ — страсть непотребства, удовольствіями, какъ бичами какими, терзающая раболѣпный помыслъ. Другой подобный властелинъ — любостыжательность, не дающая никакого покоя своему служителю, который, чѣмъ больше работаетъ, услуживая велѣніямъ владыки и пріобрѣтая по его пожеланіямъ, тѣмъ къ большому всегда понуждается труду. И все иное, что дѣлается

ради грѣха, принадлежитъ къ числу мучителей и властителей; и если кто служить имъ, то, хотябы прешель онъ чрезъ воду, по моему мнѣнію, еще не коснулся воды таинственной, которой свойственно истреблять лукавыхъ мучителей.

Но обратимся опять къ тому, что слѣдуетъ въ словѣ. Кто прешель разумѣемое нами море, и видитъ въ немъ мертвымъ этого умопредставляемаго Египтянина, тотъ не только обращаетъ взоры къ Моисею, этому жезлоносцу добродѣтели, но преимущественно вѣруетъ Богу, какъ говорить слово повѣствованія, покорствуешь же и *угоднику Ею Моисею* (Исх. 14, 31.). Это, какъ видимъ, бываетъ и нынѣ съ истинно прешедшими воду: они, предавъ себя самихъ Богу, повищаются и покарются, какъ говоритъ Апостоль (Евр. 13, 17.), служащимъ Божеству въ священствѣ.

За симъ слѣдуетъ трехдневный отъ моря путь; и на ономъ, когда на нѣкоемъ мѣстѣ расположились становъ, найденная вода сперва оказалась негодною къ питію по причинѣ горечи; но вложенное древо сдѣлало ее пріятнымъ для жаждущихъ питіемъ. Сказаніе сіе сообразно съ ходомъ дѣлъ. Оставившему египетскія удовольствія, которымъ служилъ онъ до перелома чрезъ море, удаленная отъ удовольствій жизнь кажется сперва трудною и непріятною, но, если вложено будетъ въ воду древо, то

есть, если кто приметъ таинство воскресенія, которому начало положено древомъ (слыша же о дрѣвѣ, конечно, будешь разумѣть крестъ); то всякой сладости, удовольствіемъ исполняющей чувство, дѣлается тогда слаще и удобопіемѣ добродѣтельная жизнь, услаждаемая надеждою будущаго.

Мѣсто остановки въ дальнѣйшемъ путешествіи, украшенное финиковыми деревьями и источниками, упокоиваетъ утомленныхъ путниковъ. Двѣнадцать тамъ источниковъ водныхъ, текущихъ чистой и сладкой струей; и семьдесятъ финиковыхъ дрѣвѣвъ величественныхъ, сѣннолиственныхъ, съ годами достигшихъ высокаго роста. Чтоже находимъ въ этомъ по послѣдовательному порядку исторіи? То, что таинство дрѣва, которымъ вода добродѣтели дѣлается удобопіемою для жаждущихъ, приводитъ насъ къ двѣнадцати источникамъ и семидесяти финиковымъ дрѣваамъ, то есть, къ евангельскому ученію, въ которомъ двѣнадцатью источниками служатъ Апостолы. Такое число на сію потребность избралъ Господь и содѣлалъ, что чрезъ нихъ источается слово, какъ и одинъ изъ Пророковъ предвозвѣстилъ объ источающейся отъ Апостоловъ благодати, когда говоритъ: *въ церквахъ благословите Бога, Господа отъ источниковъ Израилевыхъ* (Ис. 67, 27.). А семидесятью финиковыми дрѣваами пусть будутъ, кромѣ двѣнадцати учениковъ,

Гр. Нисск. Ч. I. 20

для цѣлой вселенной поставленные Апостолы, которыхъ столько же было числомъ, сколько, по сказанію исторіи, и финиковыхъ деревъ.

Но въ путешествіи семь надлежитъ, думаю, посѣщать словомъ; потому что изъ немногаго, нами примѣнительно представленнаго для трудолюбивыхъ, легко составить свой взглядъ и на прочіе станы. А станы сіи суть тѣ добродѣтели, въ которыхъ слѣдующій за столпомъ облачнымъ народъ, идя впередъ, какъ бы располагается станомъ и упокоевается. Посему, миновавъ въ словѣ средніе станы, напомнимъ о чудотвореніи при камнѣ, котораго упорное и твердое естество содѣлалось питіемъ для жаждущихъ, по разрѣшеніи упорства въ мягкость воды. Но нѣтъ никакого труда послѣдовательность исторіи приспособить къ высшему взгляду. Кто Египтянина оставилъ мертвымъ въ водѣ, самъ услажденъ древомъ, напоенъ апостольскими источниками, и упокоевался подъ тѣнію финиковыхъ деревъ, тотъ дѣлается уже способнымъ принять Самаго Бога. Ибо камень, какъ говоритъ Апостолъ, есть Христосъ (1 Кор. 10, 4.), для невѣрныхъ сухой и упорный, а какъ скоро приложитъ кто жезлъ вѣры, дѣлающийся удобопіемымъ для жаждущихъ и текущимъ внутрь приемолющихъ Его: Я и Отецъ Мой, говоритъ Онъ, *придемъ и обитель у Него сотворимъ* (Іоан. 14, 23.).

Но достойно также не быть оставленнымъ безъ особаго вниманія и то, что по переходѣ

чрезъ море послѣ того, какъ услаждена вода путникамъ добродѣтели, послѣ пріятнаго пребыванія при источникахъ и финиковыхъ деревьяхъ, и послѣ питія изъ камня, тогда только дѣлается совершенное истощаніе египетскихъ путевыхъ запасовъ. И такимъ образомъ, когда не осталось у нихъ никакой иноплеменной пищи, взятой изъ Египта, свыше истекаетъ пища, какая-то вмѣстѣ разнообразная и однообразная; ибо по видимости была она однообразна, но въ качествѣ имѣла разнообразіе, для каждаго дѣлаясь сообразною роду его пожеланія. Чему же симъ научаемся? Тому, сколькими очистительными средствами надлежитъ очищать себя человѣку отъ египетской и иноплеменной жизни, чтобы влагалище души своей содѣлать пустымъ отъ всякой грѣховной пищи, какую уготовляютъ Египтяне, и потомъ уже чистою душею принимать въ себя свыше сходящую пищу, которую не сѣянiе при помощи земледѣлія произрастило намъ, но которая есть готовый несѣянный и не оравный хлѣбъ, сходящій свыше, обрѣтаемый же на землѣ.

По загадочному смыслу исторіи, безъ сомнѣнія, уразумѣешь сіе истинное *брашно* (Юан. 6, 55.), а именно, что *хлѣбъ сходяй съ небесе* (33) не есть что либо не тѣлесное.¹ Ибо нетѣлесное какъ будетъ пищею тѣлу? А нетѣлесное, безъ сомнѣнія, не есть тѣло. Тѣло же

хлѣба сего не воздѣлывало ни ораніе, ни сѣяніе; но земля, оставаясь такою, какова она есть, оказывается исполненною сей Божественной пищи, которой причащаются алчущіе, симъ чудотвореніемъ предварительно научаемые таинству Дѣвы. Посему невоздѣланный сей хлѣбъ есть и Слово, при разнообразіи качества измѣняющее силу свою соотвѣтственно способности ядущихъ; ибо не только можетъ быть хлѣбомъ, но содѣлывается и млеко, и мясомъ, и овощемъ и всѣмъ, что есть только пригоднаго и нравящагося изъ предложеннаго въ пищу, какъ учить предложившій намъ, ученикамъ своимъ такую трапезу, божественный Апостолъ Павелъ, который слово свое обращаетъ для болѣе совершенныхъ въ твердую и плотную пищу, и для изнемогающихъ въ землі, для младенчествующихъ же въ млеко (1 Кор. 3, 2.).

А тѣ чудеса, какія повѣтствуетъ о сей пищѣ исторія, служатъ уроками для жизни добродѣтельной. Ибо говоритъ она, что всѣмъ предлагалась равная доля пищи, не по различію силы собирающихъ, не избыточествовала сверхъ потребности, и не имѣла недостатка (Исх. 16, 18.). А это, по моему разсужденію, есть совѣтъ, вообще предлагаемый всѣмъ, добывающимъ вещественныя средства къ поддержанію жизни, — не переступать предѣловъ потребности, но хорошо знать, что въ дѣлѣ

пропитанія для всего одна мѣра — дневное продовольствіе. Если приготовлено во много кратъ больше потребности, чреву не свойственно преступить собственную свою мѣру, и оно не расширяется по мѣрѣ избытка припасовъ; но, какъ говоритъ исторія, *непреизбыточествова иже много пріятъ*; потому что негдѣ было положить излишнее, *и иже мало, неменьше пріятъ* (Исх. 16, 18.); потому что потребность удовлетворялась соразмѣрно съ найденнымъ. А тѣмъ, что у скрывающихъ излишнее, избытокъ превращается въ червей, слово сіе нѣкоторымъ образомъ громко вопіеть *любостязательнымъ*, что все, удерживаемое сверхъ потребности, по этому любостязательному вождельнію на слѣдующій день, то есть, въ ожидаемой жизни, для сокрывавшаго это дѣлается червемъ. Но кто слышитъ о червѣ семъ, тотъ, конечно, пойметъ сіе о червѣ не умирающемъ, которому дастъ жизнь любостязательность.

А то, что отложенное только на субботу оставалось цѣлымъ, не подвергаясь никакой порчѣ, заключаетъ въ себѣ такой нѣкій совѣтъ: тогда полезно для тебя любостязательное произволеніе, когда собираемое не терпитъ порчи; тогда полезно для насъ дѣлаемое, когда, прешедши пятокъ сея жизни, по смерти будемъ въ бездѣйствіи: ибо день предшествующій субботѣ есть и именуется приуготовле-

ніе (пятокъ) къ субботѣ; а это есть настоящая жизнь, въ которую заготовляемъ себѣ пужное для жизни грядущей. Въ ней не совершается ни одного изъ дѣлъ, дозволенныхъ намъ нынѣ, ни земледѣлія, ни торговли, ни военной службы, ни чего либо инаго, озабочивающаго насъ здѣсь, даже и вовсе ничего; но живя въ совершенномъ покоѣ отъ таковыхъ дѣлъ, будемъ собирать тамъ плоды сѣмянъ, посѣянныхъ нами нынѣ въ настоящей жизни, — и плоды нетлѣнные, если сѣмена настоящей жизни добрыя, — тлѣнные же и гибнущіе, если таковыми произраститъ ихъ намъ дѣланіе сей жизни. Ибо сказано: *сѣяй въ духа, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный; а сѣяй въ плоть, отъ плоти пожнетъ истлѣніе* (Гал. 6, 8.). Но одно уготовленіе къ лучшему, въ собственномъ смыслѣ, именуется пяткомъ; почему постановляется онъ закономъ; и отложенное при ономъ есть нетлѣніе. Но разумѣемое въ противномъ смыслѣ должно быть наименовано не пяткомъ, а превращеніемъ пятка. Потому-то одинъ только пятокъ, служащій къ преслѣванію, узаконяетъ людямъ исторія, о противоположномъ же смысломъ даетъ разумѣть самымъ умолчаніемъ.

Но какъ при воинскихъ наборахъ предводитель воинства сперва обращаетъ вниманіе на заготовленіе съѣстныхъ припасовъ, и потомъ уже даетъ знакъ выходить на войну: такимъ же образомъ и воины добродѣтели, принявъ за-

пасъ таинственной свѣди, потомъ уже начинають брань съ иноплемениками. предводителемъ въ битвѣ имѣя преемника Моисеева Исуса. Примѣчашь ли, какъ послѣдовательно идетъ слово? Пока человекъ, угнетенный лукавымъ мучительствомъ, еще немощенъ, не мститъ врагу самъ собою; потому, что не въ силахъ; но другой сражается за немощныхъ, и наноситъ врагу ударъ за ударомъ. Когда же освободится отъ рабства преобладающимъ, усладится древомъ, упокоится отъ трудовъ въ пристанищѣ подъ финиковыми деревьями, познаетъ таинство камня и приобщится небесной пици; тогда уже, не чужею рукою мститъ неприятелю, но, какъ бы вышедши уже изъ дѣтскаго возраста, и достигнувъ цвѣтущей юности, самъ собою вступаетъ въ борьбу съ противникомъ, имѣя военачальникомъ, не Моисея,—служителя Божія, но Самаго Бога, у Котораго Моисей былъ служителемъ. Ибо законъ, данный въ началѣ въ образъ и сѣнь грядущаго, не остается ратоборствующимъ въ дѣйствительныхъ борьбахъ,—военачальствуетъ же исполнитель закона и преемникъ Моисеевъ, предвозвѣщаемый соименностію тогдашняго военачальника.

А народъ, если видитъ руки законодателя воздѣтыми, беретъ въ битвѣ верхъ надъ врагомъ: если же видитъ опущенными, уступаетъ врагу. И воздѣянiе Моисеевыхъ рукъ озна-

часть взглядъ на законъ съ понятіями самыми высокими, а преклоненіе къ землѣ — низкое, но землѣ пресмыкающесея, истолкованіе и наблюденіе закона по его буквѣ. Отягчавшія руки Моисеевы поддерживаесть священникъ, употребляя содѣйственникомъ близкаго ему по роду. И это не внѣ связи съ разсмотрѣннымъ; потому что истинное священство, по причинѣ соединеннаго съ нимъ Божія слова, тяготою іудейскаго смысла до земли униженную дѣйственность закона снова возводитъ на высоту, и упадающій законъ подпираесть камнемъ, чтобы онъ, возставъ, подъ образомъ воздѣянія рукъ, показывалъ взирающимъ свою цѣль. Ибо дѣйствительно способными сіе видѣть въ законѣ наипаче усматривается таинство креста. Посему говоритъ гдѣ-то Евангеліе, что *отъ закона* іота и черта не переходятъ (Матѣ. 5, 18.), означая въ сказанномъ двѣ черты, одну поперекъ и другую сверху въ низъ, которыми пишется образъ креста, что было видимо тогда и въ Моисеѣ, который разумѣется здѣсь вмѣсто закона, и для взирающихъ на него служитъ причиною торжества и побѣды.

Послѣдовательнымъ опять нѣкимъ восхожденіемъ слово руководствуетъ мысль нашу на высоты добродѣтели. Ибо кто подкрѣпился въ силахъ нищею, показалъ эту силу въ борьбѣ съ противниками и оказался побѣдителемъ надъ противоборствующими, тотъ возводится тогда

къ таинственному доному боговѣдѣнію. А симъ научастъ насъ слово, въ чемъ и сколько надлежитъ преуспѣть по жизни, чтобы осмѣлиться потомъ приступить мыслию къ горѣ боговѣдѣнія, услышать гласъ трубъ, войти во мракъ, гдѣ Самъ Богъ, и начертать на скрижаляхъ Божественныя писмена,—и если онѣ сокрушатся по чьему либо прегрѣшенію, снова представить Богу руками истесанныя скрижали, и чтобы на нихъ Божественнымъ перстомъ начертались писмена, не приведенныя въ исполненіе на первыхъ.

Но лучше будетъ послѣдовательно по порядку самой исторіи приспособить смыслъ сякъ къ высшему разумѣнію. Когда, кто, взирая на Моисея и на облако (которые оба путеваютъ идущихъ стезею добродѣтели, и Моисей при этомъ замѣняетъ законныя прѣдписанія, а облако—предводителя въ законѣ), умомъ достигшимъ чистоты, въ прохожденіи чрезъ воду, убивъ и отдѣливъ отъ себя иноплеменика; вкусить Мерры, то есть, жизни, удаленной отъ удовольствій, которая на первый разъ кажется вкушающимъ горькою и противною, а въ пріившихъ древо производитъ сладостное ощущеніе; и потомъ насладившись красотами евангельскихъ финиковыхъ деревьевъ и источниковъ, исполнившись живою водою, которая есть камень, принявъ въ себя небесный хлѣбъ, и показавъ свое мужество надъ иноплемени-

ками, при чемъ причиною побѣды служить воздѣяніе рукъ законодателя, предуказующее собою таинство креста: тогда возводится онъ къ созерцанію превѣсшаго Естества. Путемъ же къ такому вѣдѣнію бываетъ для него чистота, не только тѣла, очищаемаго какими либо окропленіями, но и одеждъ, измоченныхъ водою отъ всякой нечистоты. А сіе значитъ, что намѣревающемуся приступить къ созерцанію всего сущаго, должно очистить себя во всемъ, быть чистымъ и несквернымъ по душѣ и по тѣлу, омывшимъ съ себя нечистоту соотвѣтственно душѣ и тѣлу,—чтобы могли мы оказаться чистыми предъ Тѣмъ, Кто видитъ сокровенное, и чтобы благоприличіе въ видимомъ сообразно было внутреннему расположенію души. Посему-то предъ восхожденіемъ на гору, по Божію повелѣнію, измываются *ризы* (Исх. 19, 10.), и ризами гадательно означаетъ благоприличная наружность жизни. Ибо никто не скажетъ, что эта чувственная нечистота ризъ для восходящихъ къ Богу бываетъ препятствіемъ къ сему восхожденію; напротивъ того думаю, что ризами прекрасно именуется вся наружность житейскихъ занятій. Исправивъ это, и какъ можно дальше, отогнавъ отъ горы стадо безсловесныхъ, приступаетъ потомъ человѣкъ къ восхожденію до высокихъ понятій. А что ни одному безсловесному не дозволяется являться

у горы, это, по моему предположенію, значить, что въ созерцаніи умопредставляемаго превъшается знаніе, доставляемое чувствомъ. Ибо природѣ безсловесныхъ свойственно распоряжаться по одному чувству безъ участія ума; ими руководить зрѣніе: нерѣдко и слухъ приводитъ въ стремленіе къ чему нибудь, и все иное, отъ чего чувство приходитъ въ дѣятельность, имѣетъ великую силу въ безсловесныхъ. Созерцаніе же Бога совершается не по видимому, и не по слышимому, и никакимъ изъ обыкновенныхъ понятій не объемлется; ибо сего, *око не видѣтъ, и ухо не слышитъ*, и это не есть что либо изъ входящаго обыкновенно *на сердце чловѣку* (1 Кор. 2, 9.). Напротивъ того, намѣревающемуся приступить къ уразумѣнію высокаго, надлежитъ предпочесть нравъ свой отъ всякаго чувственнаго и безсловеснаго движенія, омывъ умъ отъ всякаго мнѣнія, составляемаго по какому либо предположенію, и отлучивъ себя отъ привычнаго собесѣдованія съ своею сожительницею, то есть, съ чувственностію (она есть какъ бы супруга и сожительница нашей природы); и когда станетъ кто чистъ отъ всего этого, тогда уже осмѣливаться ему приступить къ горѣ.

Подлинно крутая и неприступная гора — богословіе, и къ подгорию его едва подходитъ большая часть людей; развѣ кто Моисей, и

при восхожденіи будетъ вмѣщать въ слухъ звуки трубъ, которые, по точному слову исторіи, по мѣрѣ восхожденія дѣлаются еще болѣе крѣпкими (Исх. 19, 19.). А проповѣдь о Божіемъ естествѣ дѣйствительно есть труба, поражающая слухъ; велико открываемое съ перваго раза, но больше и важнѣе достигающее до слуха на послѣдокъ. Законъ и Пророки востребуили о Божественной тайнѣ домостроительства о человѣкѣ: но первые гласы слабы были для того, чтобы достигнуть до непокорнаго слуха; и потому отяжелѣвшій слухъ Іудеевъ не принялъ гласа трубъ. Но съ продолженіемъ времени трубы, какъ говоритъ Писаніе, содѣлались болѣе крѣпкими; потому что послѣдніе звуки, изданные свангельскою проповѣдію, достигли слуха. Такъ Духъ впоследствии громче звучалъ въ своихъ орудіяхъ, и звукъ дѣлался болѣе напряженнымъ. Орудія же, издававшія одинъ духовный звукъ, были Пророки и Апостолы, отъ которыхъ, какъ говоритъ псалмопѣніе: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Пс. 18. 5.).

Если же множество не вмѣщаетъ сходящаго свыше гласа, но предоставляетъ самому Моисею узнать тайны и преподать народу ученіе какое дознае тѣмъ по наставленію свыше: то это введено и въ церкви. Не всѣ сами собою доходятъ до уразумѣнія тайнъ, но, избравъ изъ себя способнаго вмѣстить божественное,

съ благопризнательностію преклоняють предъ нимъ слухъ, почитая вѣрнымъ все, что услышать отъ сего посвященнаго въ божественныя тайны. Ибо не всѣ, какъ сказано, Апостолы, не всѣ Пророки (1 Кор. 12, 29.). Но не во многихъ церквахъ соблюдается сіе нынѣ. Ибо многіе, имѣющіе еще нужду въ очищеніи отъ сдѣланнаго въ прежней жизни, какіе-то не омытые, оскверненные житейскими привязанностями, прикрываясь своимъ неразумнымъ чувствомъ, осмѣливаются на божественное восхожденіе, гдѣ приводятся въ колебаніе собственными своими помыслами; поѣтому что еретическія мнѣнія дѣлаются какими-то камнями, совершенно погребаящими подъ собою самаго изобрѣтателя худыхъ ученій.

Что же означается тѣмъ, что Моисей пребываетъ во мракѣ, и въ немъ только видитъ Бога? Ибо повѣствуемое нынѣ кажется нѣсколько противоположнымъ первому богоявленію. Тогда Божество видимо было во свѣтѣ, а теперь—во мракѣ. И этого не почитаемъ выходящимъ изъ ряда представляющагося высшему нашему взгляду. Учитъ же симъ слово, что вѣдѣніе благочестія въ первый разъ бываетъ свѣтомъ для тѣхъ, въ комъ появляется. Почему представляемое въ умѣ противоположно благочестію есть тма, а отвращеніе отъ тмы дѣлается причастіемъ свѣта. Умъ же, простираясь далѣе, съ большою и совершеннѣйшею

всегда внимательностію углубляясь въ уразумѣніе истинно постижимаго, чѣмъ паче приближается къ созерцацію, тѣмъ болѣе усматриваетъ несозерцаемость Божественнаго естества. Ибо оставивъ все видимое, не только, что воспріимлетъ чувство, но и что видитъ, кажется, разумъ, непрестанно идетъ къ болѣе внутреннему, пока пытливостію разума не проникнетъ въ незримое и непостижимое, и тамъ не увидитъ Бога. Ибо въ этомъ истинное познаніе искомаго; въ томъ и познаніе наше, что не знаемъ, потому что искомое выше всякаго познанія, какъ бы нѣкимъ мракомъ, объято отвсюду непостижимостію. Посему, и возвышенный Іоаннъ, бывшій въ семь свѣтозарномъ мракѣ, говоритъ: *Бога никтоже видѣтиже* (Іоан. 1, 18.), рѣшительно утверждая сими словами, что не людямъ только, но и всякому разумному естеству, недоступно вѣдѣніе Божіей сущности. Посему Моисей, когда сталъ выше вѣдѣніемъ, тогда исповѣдуется, что видитъ Бога во мракѣ, то есть, тогда познаетъ, что Божество въ самомъ естествѣ Своемъ то самое и есть, что выше всякаго вѣдѣнія и постиженія. Ибо сказано: *видѣ Моисей во мракѣ, идѣже бже Богъ* (Исх. 20, 21.). Кто же Богъ? Тотъ, Кто *положи тму закровъ Свой* (Пс. 17, 12.), какъ говоритъ Давидъ. Въ этомъ мракѣ и посвященный въ тайны.

Но бывшій тамъ, чему предварительно на-

ставленъ былъ мракомъ, тому снова обучается мракомъ же, чтобы, какъ думаю, для насъ стало тверже это ученіе, засвидѣтельствованное Божиимъ гласомъ. Ибо слово Божіе, во-первыхъ запрещаетъ людямъ уподоблять Божество чему либо познаваемому (Исх. 20, 4.); такъ какъ всякое понятіе, согласно съ какимъ либо удобопостижимымъ представленіемъ составляемое по нѣкому естественному уразумѣнію и предположенію, созидаетъ Божій кумиръ, а не возвѣщаетъ о Самомъ Богѣ. Но добродѣтель по благочестію дѣлится на два вида, относясь частію къ Божеству, а частію къ преспѣянію нравовъ; потому что и чистота нрава есть часть благочестія. Посему, дознавъ во-первыхъ, что надлежало познать о Богѣ (а познаніемъ было не знать о Богѣ ничего, познаваемаго человѣческимъ разумѣніемъ), потомъ научается Моисей и второму виду добродѣтели, дознавъ, какими упражненіями достигаемъ преспѣянія въ добродѣтельной жизни.

Послѣ сего Моисей вводится въ перукотворенную скинію. Кто же послѣдуетъ за нимъ, когда входитъ онъ въ таковыя тайны и столько возвышается умомъ? Тотъ, кто, какъ бы ступая съ вершины на вершину, восхожденіемъ на высеты непрестанно становится выше и выше себя самаго. Такъ Моисей, сперва оставляетъ подгоріе, отдѣлившись отъ всѣхъ оказав-

шихся немощными къ восхожденію. Потомъ приѣмлетъ слухомъ гласы трубъ, возносясь на высоту восхожденія. При семъ проникаетъ въ невидимое святилище боговѣдѣнія, и даже въ немъ не останавливается: но переходитъ въ нерукотворенную скинію: ибо въ этомъ встрѣчаетъ дѣйствительно предѣлъ и самъ возвысившійся таковыми восхожденіями. Миѣ кажется, что и въ другомъ смыслѣ небесная труба дѣлается учителемъ для восходящаго къ нерукотворенному входу. Ибо ^{устроеніе} небесныхъ чудесъ, взывающее о являемой въ существахъ премудрости и проповѣдующее въ видимомъ великую славу Божію, по сказанному: *небеса повѣдуютъ славу Божію* (Пс. 18, 2.), по ясности и доброзвучности наставленія само дѣлается велегласною трубою, какъ говоритъ одинъ изъ Пророковъ: *вострубилъ Богъ свыше*. А кто очистилъ себя и изострилъ слухъ сердца, тотъ, принявъ сей звукъ, разумѣю производимый обозрѣніемъ существъ, путеводится имъ къ вѣдѣнію Божіей силы, такъ что проникаетъ разумомъ туда, гдѣ Самъ Богъ. Сіе-то въ Писаніи именуется мракомъ, который по толкованію, какъ сказали мы, означаетъ невѣдомое и незримое. Въ немъ-то бывъ Моисей, видитъ нерукотворенную оную скинію, которую показываетъ дольнымъ въ вещественномъ подобіи.

Посему, какая же это нерукотворенная ски-

нія, показуемая Моисею на горѣ? Та, на которую повелѣвается ему взирать, какъ на первообразъ, чтобы рукотвореннымъ устройствомъ ся показать нерукотворенное чудо. Ибо сказано: *виждь, да сотвориши все по образу, показанному тебѣ на горѣ* (Исх. 24, 40.). Эти золотые столпы, утвержденные на серебряныхъ основаніяхъ и съ серебряными также надглавіями; эти еще другіе приличные столпы, у которыхъ надглавія и основанія изъ вещества мѣди и въ серединѣ между концами серебро; нутрь же у всѣхъ столповъ—дерево, не принимающее въ себя гнилости; отъ наружности кругомъ разливается блистаніе таковыхъ веществъ; нѣкій также кивотъ сіяетъ чистымъ золотомъ; и то, на чемъ держится золотой этотъ окладъ — тоже дерево, непринимающее въ себя гнилости. При семъ нѣкій свѣтильникъ, одинъ въ стволу при основаніи, а къ верху дѣлящійся на семь вѣтвей, съ равнымъ числомъ круговъ на вѣтвяхъ. Вещество свѣтильника — золото, въ составѣ его никакой пустоты, ни даже деревянной внутри опоры. Сверхъ сего алтарь, очистилище и, такъ называемые, херувимы, которыхъ крылами осѣненъ ковчегъ—все это было золото, не на внѣшней только поверхности имѣло доброцвѣтность, но все было цѣльное, одно и то же вещество простиралось внутри до самой глубины. Сверхъ того были испещ-

ренныя завѣсы ткацкаго искусства. въ которыхъ разные цвѣты для красоты ткани взаимно были переплетены между собою; сими завѣсами отдѣлялось въ скинии, и что было видимо и доступно нѣкоторымъ изъ священнодѣйствующихъ, и что для всѣхъ непроницаемо и недоступно; и прежде упомянутой части имя было: *святое*: а сокровенной: *святое святыхъ*. Кромѣ того купели, кадилники, облаченіе вѣшными ононами, ононы власныя и кожи, окрашенныя въ красный цвѣтъ, — это и все прочее, что Моисей приготовляетъ по Божію слову, какой умъ уразумѣтъ во всей точности? чему нерукотворенному служить сіе подобіемъ? Какую пользу взирающимъ приносить это вещественное подобіе видѣннаго Моисеемъ на горѣ?

Но хорошо, кажется мнѣ, поступимъ, точное разсужденіе о семъ предоставивъ тѣмъ, которые имѣютъ силу духомъ испытывать глубины Божіи, если только найдется кто либо таковой, что можетъ, какъ сказалъ Апостолъ, *духомъ глаголатъ тайны* (1 Кор. 14, 2.). А что о предложенномъ мнѣніи сказано нами по догадкѣ и предположительно, то предоставимъ на судъ читателямъ признать достойнымъ того, чтобы это, или отвергнуть, или принять, какъ принявшій на себя судъ рѣшить своимъ умомъ. Посему, послѣдуя Павлу, отчасти раскрывающему въ этомъ тайну, и взявъ для себя въ

сказанномъ хотя малый предлогъ , утверждаемъ, что Моисей въ образѣ наученъ былъ тайнѣ скиини, объемлющей собою вселенную. Скииня же сія да будетъ Христось, Божія сила и Божія Премудрость; она нерукотворенна по собственному своему естеству, допускаетъ же устроеніе , когда должно стало скиини сей быть водруженною въ насъ; такъ что нѣкоторымъ образомъ она есть и несозданная и созданная; какъ предсуществующая, она не сотворена, а какъ пріившая сей вещественный составъ, стала сотворенною. Сказуемое нами, вѣроятно, не неясно для пріившихъ въ точности таинство нашей вѣры. Ибо единое изъ всего, и что было прежде вѣковъ, и что произошло напоследокъ вѣковъ, что не имѣло нужды во временномъ происхожденіи (какъ имѣть нужду во временномъ рожденіи тому, что прежде время и вѣковъ?), и ради насъ, по безразсудству растлившихъ бытіе свое , допустило то, что пришло въ бытіе, подобно намъ, чтобы ставшее внѣ сущаго снова возвести въ сущее. А это есть едиnorodный Богъ, въ Себѣ все объемлющій, но и въ насъ водружившій Свою скииню.

Еслиже скиинію именуется столь великое благо, то нисколько не смущайся, христоробецъ, что заключающаяся въ реченіи выразительность умаляетъ величіе естества Божія ; ибо и никакое другое изъ именъ недостойно есте-

ства, означаемаго имъ, но всѣ одинаково ниже
 точнаго значенія, какъ признаваемыя малыми,
 такъ и тѣ, въ которыхъ предположительно
 усматривается нѣкое величїе понятій. Но какъ
 изъ всѣхъ прочихъ именъ каждое въ извѣст-
 номъ значенїи благочестиво употребляется въ
 показанїе Божїей силы;—таковы, на примѣръ,
 имена: врачъ, пастырь, покровитель, хлѣбъ,
 ангель, виноградная лоза, путь, дверь, оби-
 тель, вода, камень, источникъ и все иное,
 что говорится о Богѣ: такъ въ нѣкоемъ бого-
 лѣпномъ значенїи именуется Онъ и симъ сло-
 вомъ: скинія. Ибо всеобъемлющая существа
сила, въ которой обитаетъ вся полнота Божес-
тва, этотъ общій покровъ вселенной, Тотъ,
Кто все въ Себѣ содержитъ, въ собственномъ
смыслѣ именуется скинією. ✕

Необходимо же, чтобы видѣніе было соот-
 вѣтственно имени, и каждая часть видимаго
 руководила къ какому либо взгляду, открыва-
 ющему боголѣпное представленіе. Итакъ, по-
 слику великій Апостолъ говоритъ, что завѣсою
 въ дольней скиніи есть плоть (Евр. 10, 20.),
 говоритъ же, думаю, потому, что составъ ея
 изъ различныхъ четырехъ стихій, и вѣроятно
 самому Апостолу, когда было ему видѣніе ски-
 нїи, и восхищенъ онъ былъ въ пренесбесныя свя-
 тилища, открыты были духомъ тайны рая: то
 хорошо будетъ обратить вниманіе на сіе ча-
 стное истолкованіе, принаровить къ части и

цѣльнѣй нашъ взглядъ на скинію. Извлечемъ же изъ собственныхъ словъ Апостола объясненіе загадочныхъ представленій о скиніи. Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ объ Единородномъ, Котораго разумѣемъ подъ скинію: *яко Тьма создана быша всяческая, яже видимая, яже невидимая, аще престолы, аще власти, аще начала, аще господствія, аще силы* (Колос. 1, 16.). Посему добровидные и златокованные столпы, носила, кольца и эти херувимы, прикрывающіе крылами кивотъ, и все прочее, что заключаетъ въ себѣ описаніе сооруженія скиніи, (если кто, взирая на это, будетъ имѣть высшій взглядъ) суть премѣрные силы, созерцаемыя въ скиніи, по Божественному изволенію поддерживающія собою вселенную. Тамъ истинныя наши *носила*,—*посылаемы въ служеніе за хотящихъ наследовати спасеніе* (Евр. 1, 14.),—какъ бы *кольцами* какими прикрѣпленныя къ спасаемымъ нашимъ душамъ, лежащихъ на землѣ поднимающія на себѣ въ высоту добродѣтели. О Херувимахъ же Писаніе сказавъ, что они крылами покрываютъ тайнства, положенныя въ кивотъ завѣта, подтверждаетъ симъ представленный нами взглядъ на скинію: ибо знаемъ, что сіе имя употребляется о тѣхъ силахъ, окрестъ Божія естества созерцаемыхъ, которыя видѣли умомъ Исаія и Іезекиль. Да и кивотъ завѣта, покрываемый крылами, да не представляется чѣмъ-то страннымъ для слу-

ха; ибо и у Исаии дознаемъ подобное сему, загадочно сказанное Пророкомъ о крымахъ. Здѣсь упоминается кивотъ, а тамъ лице, но подъ тѣмъ и другимъ одно существо разумѣется, чѣмъ, какъ мнѣ кажется, и дастся намъ понять, что взглядъ на неизреченное недоступенъ. И если слышишь о свѣтильникахъ, раздѣльно держащихся на одномъ свѣщникѣ, чтобы возсіявающій всюду свѣтъ былъ богатъ и обилень; то не погрѣшишь разсуждая, что сей скинии приличны многообразныя облистанія Духа, какъ говоритъ Исаія, различая семь свѣтлостей Духа (Ис. 11, 2.). А очистилище, думаю, не требуетъ и истолкованія, такъ какъ сокровенное его значеніе раскрыто Апостоломъ, который говоритъ: *Еюже предположи Богъ очищеніе* (Рим. 3, 25.) душъ нашихъ. Слыша объ алтарѣ и алтарѣ кадильномъ, представляю мысленно непрестанно совершаемое въ сей скинии поклоненіе пренесбесныхъ силъ; ибо сказано, что языкъ, не только земныхъ и преисподнихъ, но и небесныхъ возсымасть хвалу Началу всѣхъ: а это есть пріятная Богу жертва, *плодъ устенъ*, какъ говоритъ Апостолъ (Евр. 13, 15.), и благоуханіе молитвъ. Если же въ числѣ прообразованій усматриваемъ окрашенную кожу и волосяныя ткани: то симъ не нарушается неразрывная цѣльность взгляда. Пророческое око, пришедши въ видѣніе Божественнаго, усматриваетъ тамъ предопредѣ-

ленное спасительное страданіе, которое означается тѣмъ и другимъ изъ сказаннаго. Какъ красный цвѣтъ толкуется: кровь; такъ волосы: умерщвленіе; потому что волосъ на тѣлѣ лишенъ ощущенія, почему и служитъ знакомъ въ собственномъ смыслѣ мертвости.

Итакъ сіе-то усматриваетъ въ этомъ Пророкъ, когда возводитъ взоръ къ горней скииніи. Если же кто обратитъ взглядъ на дольную скиинію; то, поелику у Павла нерѣдко Церковь именуется Христомъ, хорошо сдѣлаетъ, признавъ, что служители Божественнаго таинства, которыхъ Писаніе называетъ столпами Церкви, а также Апостолы, учителя и Пророки, именуются одними и тѣми же именами. Ибо не Петръ только, Іоаннъ и Іаковъ суть столпы Церкви; и не одинъ Іоаннъ Креститель *ѿ свѣтильникогоря* (Іоан. 5, 35.): но и всѣ послужившіе утвержденіемъ Церкви, и по дѣламъ своимъ содѣлавшіеся свѣтилами, называются и столпами, и свѣтильниками. *Вы есте свѣтъ міра*, говоритъ Господь Апостоламъ (Матѣ. 5, 14.). А Божественный Апостолъ и другимъ еще повѣлываетъ быть столпами, говоря: *тверди бышите не поступите* (1 Кор. 15, 58.), и Тимофея устроилъ онъ въ прекрасный столпъ, содѣлавъ его, какъ самъ выражается, столпомъ и утвержденіемъ истинной Церкви (1 Тим. 3, 15.). Въ сей скииніи всегда видимы и жертвы хваленія и ѳиміамъ молитвы, приносимыя и утромъ и

вечеромъ. Дастъ же сіе разумѣть великій Давидъ, исправляя въ вою благоуханія предъ Богомъ еиміамъ молитвы, и съ воздѣніемъ рукъ священнодѣйствуя жертву (Пс. 140, 2.). А кто слышитъ о купеляхъ, тотъ, безъ сомнѣнія, представитъ въ умѣ таинственной водою омывающихъ скверну грѣховъ: купелію былъ Іоаннъ, во Іорданѣ омывая крещеніемъ покаянія; купелію былъ Петръ, однажды вдругъ три тысячи приведшій къ водѣ; купелію былъ Филиппъ для свнуха Кандакіи. Купелями бываютъ и сообщающіе благодать всемъ причащающимся сего дара. Не погрѣшитъ противъ надлежащаго разумѣнія, кто предположитъ, что *опоны* (Исх. 26, 1.), во взаимномъ между собою соединеніи объемлющія вокругъ скинію, означаютъ исполненное любви и мира единомысліе вѣрующихъ. Ибо такъ истолковала Давидъ, который говоритъ: *полагая предълы твоя миръ* (Пс. 147, 3.). А *кожа червленая* (14.) и *опоны власныя* (7.), служащія къ украшенію скиніи, получаютъ сообразное себѣ значеніе, то есть, умерщвленіе грѣховной плоти, загадочно изображенное червеною кожей, и суровый образъ жизни по воздержанію, чѣмъ особенно украшается скинія Церкви, потому что кожи, не имѣющія въ себѣ данной природою жизненной силы, отъ червеной краски дѣлаются благоцвѣтными. А сіе научаетъ насъ тому, что цвѣтущая Духомъ благодать не въ

комъ другомъ бывасть, а только въ умѣ жившихъ себя грѣху. Если же червленымъ цвѣтомъ означается въ словѣ цѣломуренная стыдливость, то охотно соглашаюсь на сіе сужденіе. Но сплетеніе волосъ, производя грубую и жесткую для осязанія ткань, дасть подразумѣвать еуровое воздержаніе, изнуряющее силы неразлучныхъ съ нами страстей: все же подобное сему доказываетъ собою дѣвственная жизнь, изнуряющая плоть живущихъ такъ. Если же внутренность скинии, называемая: святое святыхъ, для многихъ недоступна: то и сего не почитаемъ противорѣчащимъ послѣдовательности нашихъ разумній. Ибо истина сущихъ дѣйствительно есть нѣчто святое, даже святое святыхъ, и для многихъ неприкосновенное и неприступное. Поелику она пребываетъ въ сокровенной и неизглаголанной глубинѣ таинственной скинии, то познанію оперывшающихся понятіе сущихъ надлежитъ быть не пытливымъ. Должно вѣровать, что искомое есть, однакоже не подлежитъ взорамъ всѣхъ, а пребываетъ неизглаголаннымъ въ сокровенныхъ глубинахъ мысли.

Сему и подобному научившись изъ видѣнія того, что въ скинии, достигшее до чистоты и возведенное на высоту таковыми зрѣлищами душевное оное Моисеево око снова восходитъ на самый верхъ цныхъ представленій, изучая облаченіе священства. Сюда принадлежитъ риза

вѣнчающія (Исх. 28, 31.), риза верхняя, и этотъ сіяющій блескомъ различныхъ камней *наперсникъ* (6.), и повязка на головѣ, и надъ нею *дирица* (Исх. 29, 6.), надраги (Лев. 6, 10.), *пуговицы*, *звонилы* (28, 33.). Потомъ поверхъ всего слово ^{ПРИМЪ} и явленіе, и въ обоихъ усматриваемая ^{ПРИМЪ} истина, также съ обѣихъ сторонъ примкнутые къ нимъ нарамники съ начертанными на нихъ именами патриарховъ. Множество сихъ облачений, да и самыя именованія ихъ таковы, что не возможно точно въ подробности ихъ обозрѣніе. Ибо что за именованія тѣлесныхъ одеждъ: — явленіе, слово, истина? Конечно симъ явно показывается, что исторією описывается не это, не чувственное облаченіе, а душевное убранство, истканное добродѣтельными предначинаніями.

Цвѣтъ подира—синета (28, 32.); нѣкоторые же изъ объяснявшихъ слово сіе прежде насъ говорятъ, что симъ цвѣтомъ означается воздухъ. Но дѣйствительно ли таковънн цвѣтъ имѣеть какое либо сродство съ цвѣтомъ воздуха, сего не намѣренъ я утверждать въ точности: но и не отвергаю утверждаемаго; потому что понятіе сіе согласно съ надлежащимъ взглядомъ на добродѣтель, а именно, требуетъ, чтобы намѣревающейся быть священнослужителемъ предъ Богомъ, тѣло свое представить въ священнодѣйствіе, и содѣлаться не мертвеннымъ закланіемъ въ жертвѣ живой и въ

служеніи словесномъ, не повреждалъ души какимъ либо грубымъ и многоплотнымъ облаченіемъ жизни, но чистотою оной, подобно какой либо паутинной нити, утончалъ всеъ житейскія назначенія, приближался къ тому, чтобы стать парящимъ горь, легкимъ, воздушнымъ. ~~И~~ сокрушить въ себѣ это тѣлесное естество. Въ такомъ случаѣ, когда услышимъ послѣднюю трубу, по гласу Повелѣвающаго, оказавшись необремененными и легкими, превыспренно, выѣсть съ Господомъ, понесемся по воздуху, никакимъ бременемъ не увлекаемые на землю. Посему кто, по совѣту Псалмопѣвца, *истаялъ яко паучину* душу свою (Пс. 38, 12.), тотъ облекся въ воздушный оный хитонъ, нисходящій отъ главы до края ногъ.

Законъ требуетъ, чтобы добродѣтель не была въ чсмъ либо скудна. Посему золотыя звонцы,* привѣшенныя къ пуговицамъ, означаютъ сіяніе добрыхъ дѣлъ. Ибо два рода дѣятельности, которыми собирается богатство добродѣтели: вѣра въ Бога и совѣстливость въ продолженіе жизни; вотъ тѣ пуговицы и звонцы, которые великій Павелъ придаетъ одеждѣ Тимоѣевоу, говоря, что должно ему имѣть *вѣру и благу совѣсть* (1 Тим. 1, 19.). И такъ часто и велегласно да звучитъ вѣра въ проповѣди о святой Троицѣ; а жизнь да уподобляется свойству гранатоваго плода: ибо наружная сторона сего плода негодна въ пи-

щю, будучи покрыта твердою и жесткою скорлупой, но внутренность пріятна для зрѣнія по разнообразію и строгому порядку въ устройствѣ плода, а еще пріятнѣе для вкуса, услаждая чувство. И любомудренная и суровая жизнь, будучи непривлекательна и непріятна для чувства, исполнена благихъ надеждъ, услажденная собственнымъ своимъ плодомъ. Ибо, когда Дѣлатель нашъ разкроетъ въ свое время гранатный плодъ жизни, и покажетъ красоту заключеннаго въ немъ, тогда вкушающимъ сладостно будетъ причащеніе собственныхъ своихъ плодовъ. И Божественный Апостоль говоритъ нѣгдѣ: *всякое наказаніе въ настоящее время, то есть, что первоначально встрѣчается прикасающемуся къ гранатовому плоду, не лиится радость быти, но печаль. Послѣди же плодъ миренъ воздаетъ* (Евр. 12, 11.): это сладость охотно вкушаемой внутренней.

Повелѣваетъ же Писаніе, чтобы хитонъ сей былъ и съ ометами: ометы же сѣи суть шаровидныя привѣски, привѣшиваемыя не ради нужды, но для украшенія. А изъ сего дознаемъ, что не заповѣдію только должна измѣряться добродѣтель, но нужно, чтобы и нами было нѣчто изобрѣтаемо изъ примысляемаго отвиѣ, и къ одеждѣ придавалось нѣкое прибавленіе украшенія, какъ и поступалъ Павелъ, отъ себя соплетавшій прекрасныя ометы къ заповѣдямъ. Хотя законъ повелѣваетъ служа-

щимъ олтарю съ олтаремъ дѣлится (1 Кор. 9, 13.), не запрещаетъ сестру жену водити (5.), и проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити (14.); Павелъ проповѣдуетъ Евангеліе даромъ, терня и жажду, и голодъ, и наготу. Вотъ тѣ прекрасныя ометы, которыя прибавленіемъ своимъ къ заповѣдямъ украшаютъ хитонъ.

Потомъ сверхъ подира налагаются двѣ ризы, спускающіяся съ раменъ до персей и по хребту, соединяемыя между собою на обонхъ раменахъ двумя застежками. А застежками служатъ камни, изъ которыхъ каждый имѣетъ начертанными на себѣ шесть именъ патріарховъ. Ткань сихъ ризъ пестрая. Синета соплетена съ багряницею, и червленый цвѣтъ примѣшанъ къ виссону; а между всѣмъ этимъ разсыпана золотая нить, такъ что отъ этой разновидности въ цвѣтѣ одна нѣкая срастворенная красота блистаетъ на ткани. А что дознаемъ изъ сего, состоитъ въ слѣдующемъ: верхнее облаченіе есть все, что собственно составляетъ украшеніе сердца, слагается изъ многихъ различныхъ добродѣтелей. Синета соплетается съ багряницею, потому что съ чистотою жизни сопрягается царство. Червленница соплетается съ виссономъ, потому что свѣтлая и чистая жизнь обыкновенно соединена какъ-то бываетъ съ румянцемъ стыдливости; просіявающее же между этими цвѣтами золото загадочно даетъ уразумѣть сокровище, предоставленнае таковой жиз-

ни. Патріархи начертанные на нарамникахъ немало приносятся къ таковому нашему убранству: потому что [прежними примѣрами добрыхъ мужей паче украшается челоѳъческая жизнь.]

Къ украшенію же верхнихъ ризъ прилагается еще другое сверху украшеніе: это — *щитцы отъ золота* (Исх. 28. 13.), висящіе на томъ и другомъ нарамникѣ, поддерживающіе собою нѣчто изъ золота въ видѣ четырехъугольника, издающес блескъ отъ двѣнадцати камней, которые расположены рядами; рядовъ было четыре, и каждый заключалъ въ себѣ по три камня. Въ камняхъ нельзя было находить сходства у одного съ другимъ, но каждый украшался особеннымъ своимъ блескомъ. Таковъ наружный видъ украшенія. А подразумѣваемое значеніе щитцевъ, висящихъ съ рамень—обоедесноручность дѣйствующаго оружіемъ противъ сопротивника, чтобы, такъ какъ, по сказанному нѣсколько выше, [добродѣтель преуспѣваетъ вѣрою и благою въ сей жизни совѣстію,]—ясно было, что подъ прикрытіемъ щитцевъ безопасенъ челоѳкъ съ обѣихъ сторонъ, оставаясь неуязвимымъ отъ подобныхъ стрѣлъ при помощи *оружій правды десныхъ и щуихъ* (2 Кор. 6, 7.). Четыреугольное же украшеніе, съ обѣихъ сторонъ поддерживаемое щитцами, гдѣ на камняхъ написаны были соименные колѣнамъ патріархи, служить покры-

валомъ сердца, и симъ слово^{мъ} научаетъ насъ, что двумя сими щитцами отразившій стрѣлы лукаваго украсить собственную свою душу всѣми добродѣтелями патріарховъ, когда каждый изъ нихъ своимъ блистаніемъ возсіяетъ на ризѣ добродѣтели. А видъ чѣтыреугольника да будетъ для тебя указаніемъ необходимости твердо пребывать въ добрѣ, потому что такое очертаніе, при прямыхъ сторонахъ равно опираясь на углы, съ трудомъ прелагается въ другой видъ. Привязи, которыми украшенія сіи прикрѣплялись къ плечамъ, по моему мнѣнію, служатъ повелѣніемъ заботиться о высокой жизни, почитать себя обязанными къ любомудрію созерцательному, присоединять и дѣятельное, такъ чтобы сердце служило знаменованіемъ созерцанія, а рамена—дѣль. Голова же, украшенная увясломъ, означаетъ вѣнецъ уготованной жившимъ хорошо, и его украшаетъ напечатлѣнный на золотой дщицѣ таинственными начертаніями.

На облеченнаго въ такое украшеніе не возлагается обувь, чтобы не былъ онъ обремененъ въ шествіи, и не затруднялся въ движеніи возложеніемъ на себя мертвыхъ кожъ, потому разумно, какое внушено было при взрѣніи на гору. Посему, какъ могла обувь содѣлаться украшеніемъ ногъ, будучи при первомъ тайнодѣйствіи отринута, какъ препятствіе къ восхожденію.

Возшедшій же на такую высоту, обозрѣнными у насъ по порядку восхожденіямъ, не-сетъ въ рукахъ богосозданныя скрижали, которыя содержатъ на себѣ Божественный законъ, но сами сокрушаются, сокрушаемыя ожесточеннымъ упорствомъ согрѣшившихъ. Грѣхъ же состоялъ въ сдѣланіи идола, въ образѣ тельца, сего изваяннаго идолопоклонникамъ кумира. Моисей, обративъ его въ порошокъ, всего растворилъ въ водѣ, и сдѣлалъ питіемъ для согрѣшившихъ, чтобы всѣми мѣрами привести въ уничтоженіе то вещество, которое послужило людскому нечестію. Симъ наипаче тогда и о томъ, что совершается нынѣ, въ наши времена, пророчески возвѣщала исторія. Ибо вся идольская прелесть уничтожена совершенно, будучи истреблена устами благочестивыхъ, которые добрымъ исповѣданіемъ совершили въ себѣ уничтоженіе нечестиваго вещества; и установленныя древле идолослужителями таинства содѣлались истинно мимотекущою и неосуществимою водою,—истребляемою тѣми самыми устами, которые нѣкогда предавались идолюбѣсію. Ибо, когда видишь, что подверженные прежде такой суетѣ нынѣ истребляютъ и уничтожаютъ идоловъ, на которыхъ была у нихъ надежда; не покажется ли и тебѣ, что исторія ясно взываетъ: всякій идолъ будетъ нѣкогда поглощенъ устами преложившихся отъ прелести къ благочестію?

Моисей вооружаетъ левитовъ на соплеменниковъ, и они, прошедши станъ отъ края до края, безъ разбора избиваютъ встрѣчающихся, острию меча предоставивъ рѣшеніе участи умерщвляемыхъ; всякаго, кто ни попадался, равно предавали они смерти, не различая убиваемыхъ людей, не обращая вниманія, врагъ ли кто, или другъ, сторонній или домашній, родственникъ или чужой: но было одно какое-то направленіе руки, одинаково и равно устремленное на всякаго встрѣчнаго. Сказаніе же о семъ можетъ служить для насъ слѣдующимъ полезнымъ урокомъ: поелику на худое дѣло умудрились всѣ цѣлымъ народомъ, и все ополченіе участвовало въ грѣхѣ, какъ одинъ человекъ; то и бичъ поражаетъ ихъ безъ различія. Какъ наносящій удары застигнутому въ какомъ либо грѣхѣ налагаетъ бичъ на какую бы то ни было часть тѣла, зная, что боль, ощущаемая въ одномъ членѣ, сообщается и всему тѣлу: такъ, поелику въ этомъ тѣлѣ, рѣшившемся на грѣхъ, всякой членъ наказываемъ былъ одинаково, то бичъ, обращаемый на части, уцѣломудривалъ цѣлое. Посему, если иногда равный грѣхъ усматривается во многихъ, гнѣвъ же Божій дѣйствуетъ не на всѣхъ, но только на нѣкоторыхъ; то надлежитъ разумѣть сіе такъ, что Богъ по человеколюбію исправляетъ сдѣланное, и хотя не всѣ несутъ на себѣ удары, однакоже всѣ уцѣломудри-

ваются, и отвращаются отъ грѣха ударами частными.] Но это еще только историческій смыслъ написаннаго, примѣнительный же смыслъ можетъ оказать намъ пользу такимъ образомъ: законодатель въ общей проповѣди говорить всѣмъ: *азце кто есть Господень, да идетъ ко мнѣ* (Исх. 32, 26.), то есть, таковъ гласъ закона, повелѣвающей всѣмъ: кто хочетъ быть другомъ Божиимъ, да будетъ другомъ мнѣ—закону; потому что другъ закону, конечно, и другъ Божій. И собравшимся къ нему по такой проповѣди даетъ повелѣніе дѣйствовать мечемъ противъ брата, и друга, и ближняго. Взирая же на послѣдовательность сего обозрѣнія, разумѣемъ сіе такъ: всякій, помышляющій о Богѣ и законѣ, очищается убіеніемъ въ себѣ того, что усвоилъ онъ на зло себѣ. Ибо не всякій братъ, другъ и ближній въ Писаніи понимается хорошо: но иной бываетъ и братъ и чужій, и другъ и врагъ, и ближній и со-противникъ. Разумѣемъ же подъ сими именами всегдашніе наши помыслы, которыхъ жизнь содѣлываетъ нашу смерть, а смерть — нашу жизнь. Таковое понятіе согласно съ сказаннымъ уже въ изслѣдованіи объ Ааронѣ, когда, по причинѣ содѣйствія его Моисею, представили его споборникомъ, хранителемъ ангеломъ, творящимъ знаменія въ устрашеніе Египтянъ, сираведливо имѣющимъ право, какъ на имя старшаго, потому что естество ангель-

ское и безплотное создано прежде естества нашего, такъ и на имя брата по сродству умопредставляемаго ангельскаго естества съ нашимъ умопредставляемымъ естествомъ.

Поселику же имѣеть мѣсто возраженіе: какъ можно полагать, чтобы служило къ лучшему содѣйствію Аарона, который сталъ для Израильтянъ служителемъ при сотвореніи идола, то слово наше, и выше еще упоминая о семъ, объяснило нѣсколько подобоименность братства, а именно, что не одно и то же означается всегда однимъ и тѣмъ же реченіемъ, когда одно имя берется въ противоположныхъ понятіяхъ. Инаковъ братъ, который истребляетъ египетскаго мучителя, и инаковъ также, который дѣлаетъ Израильтянамъ идола, хотя имя у обоихъ и одно. На таковыхъ-то братьевъ Моисей обнажаетъ мечъ. Ибо, о чемъ даетъ повелѣніе другимъ, то же равнымъ образомъ узаконяетъ и себѣ. А убіеніе такого брата есть уничтоженіе грѣха. Ибо всякій, кто уничтожилъ зло, утвердившееся въ комъ либо по совѣту сопротивника, и въ себѣ убилъ это зло, жившее нѣкогда грѣхомъ. Такое о семъ мнѣніе да одерживаетъ паче веру въ насъ, если и другое нѣчто возмемъ изъ исторіи для сего обозрѣнія. Ибо говорится, что, по повелѣнію этого Аарона, должно было Израильтянамъ обобратъ у себя *усерязи* (Исх. 32, 2.), и что обобраніе ихъ послужило веществомъ для идо-

ла. Посему что же скажемъ? То, что Моисей украсилъ слухъ Израильтянъ усерзями, то есть, закономъ, а лженменный братъ отъемлетъ приданное слуху украшеніе, и дѣлаетъ изъ него идола. И при первоначальномъ вторженіи грѣха было нѣкое отъятіе усерязей — совѣтъ преслушать заповѣдь. Можетъ ли другомъ и ближнимъ первозданныхъ почитаемъ быть змій, совѣтующій, какъ нѣчто полезное и доброе, отступить отъ Божія повелѣнія? Это и значить отъять у слуха *усерязь* заповѣди. Посему убивающій таковыхъ братьевъ, друзей и ближнихъ, услышитъ отъ закона оныя слова, по сказанію исторіи, произнесенныя Моисеемъ таковымъ убійцамъ. *Наполните руки ваша днесь Господу, кійждо въ сынъ своелз, и въ братъ, да дастся на васъ благословеніе* (Исх. 32, 29.).

Но благовременно, кажется, войти въ слово сіе припоминанію о допустившихъ грѣхъ; чтобы дознать, какъ богозданныя скрижали, на которыхъ начертанъ былъ божественный законъ, падшія изъ Моисеевыхъ рукъ на землю, и сокрушенныя упорствомъ дольняго, Моисей приносить снова, уже не совершенно тѣже самыя, но только съ тѣми же на нихъ писменами. Ибо взявъ скрижали изъ вещества дольняго, предложилъ могуществу Начертывающаго на нихъ законъ. И такимъ образомъ призываетъ благодать, на каменныхъ дскахъ

неся законъ, послѣ того, какъ Самъ Богъ изобразилъ слова на камнѣ; потому что и ими путеводимымъ возможно еще придти въ разумѣніе Божія о насъ промышленія. Ибо, если истиненъ божественный Апостоль, именующій *скрижали сердца* (2 Кор. 3, 3.), то есть, владычественное души; безъ сомнѣнія же истиненъ испытующій духомъ глубины Божіи, то послѣдовательно можно изъ этого дознать, что естество человѣческое, устроенное Божіими руками и украшенное неписанными начертаніями закона, въ началѣ было не сокрушимо и бессмертно; потому что естественно была въ насъ согласная съ закономъ воля, обнаруживающаяся въ отвращеніи отъ зла, и въ чествованіи Божества. Когда же коснулся насъ гласъ грѣха, который въ первомъ писаніи именуется гласомъ змѣя, а въ исторіи скрижалей гласомъ поющихъ отъ вина (Исх. 32, 18.): тогда павъ на землю, природа наша сокрушается. Но истинный Законоположникъ, прообразомъ Котораго былъ Моисей, снова изъ земли нашей истесалъ себѣ скрижали нашего естества. Ибо не бракъ соорудилъ Ему божественную плоть, но Самъ Онъ дѣлается каменосѣчемъ собственной Своей плоти, исписуемой Божественнымъ перстомъ. *Духъ Святый* снишелъ на Дѣву, и *сила Вышняго* оѣнила Ее (Лук. 1, 35.). Когда же совершилось сіе; естество снова пріобрѣло несокрушимость, на-

чертаніями перста содѣланное безсмертнымъ. Перстомъ же во многихъ мѣстахъ Писанія именуется Духъ Святый. И такимъ образомъ совершается въ такой степени и мѣрѣ претвореніе прославленія Моисеева, что дольнему оку стало невмѣстимо явленіе оной славы. Изучившій же Божественное таинство нашей вѣры, безъ сомнѣнія, не знаетъ, сколько согласуется съ исторіей сей высшій взглядъ. Ибо Возстановитель сокрушенной скрижали нашего естества (уразумѣешь, безъ сомнѣнія, въ сказанномъ Того, Кто уврачевалъ наши сокрушенія), поелику снова въ древнюю дѣлоту возвелъ сокрушенную скрижаль нашего естества, какъ сказано, украсивъ ее Божественнымъ перстомъ, дѣлается уже невмѣстимымъ для взоровъ недостойныхъ, по превосходству славы ставъ неприступнымъ для взирающихъ на Него. Ибо по истинѣ, *егда прїидетъ*, какъ говоритъ Евангеліе, *во славу Своей, и вси Ангели съ Нимъ* (Матѣ. 25, 31.), и для праведныхъ едва будетъ вмѣстимъ и видимъ: а нечестивый и *удѣйствующій*, какъ сказуетъ Исаія, останется непричастнымъ сего видѣнія. *Да возметъ нечестивый, говоритъ, да не видитъ славы Господни* (Ис. 26, 10.). Но сіе ввели мы въ рѣчь, слѣдуя порядку разсмотрѣннаго относительно къ высшему взгляду на сіе мѣсто; теперь же возвратимся къ тому, что слѣдуетъ.

Почему тотъ, о комъ Божественный гласъ

свидѣтельствуеть, что во многихъ богоявленіяхъ явственно видѣлъ Бога, а именно, когда говоритъ: *лицемъ къ лицу, якоже аще бы кто возмаломакъ къ своему другу* (Исх. 33, 11.), при всемъ этомъ, какъ неподобившійся еще того, чего, по свидѣтельству Писанія, должно признать его сподобившимся, молить Бога явить Себя ему (13.); какъ будто всегда являвшійся не былъ еще имъ видимъ? И гласъ свыше хотя соглашается теперь уступить желанію просящаго и не отрекается даже присовокупить ему сей благодати, однакоже вводитъ еще въ отчаяніе, объявляя, что просимое имъ и невмѣстимо для жизни человѣческой. Но есть, говоритъ Богъ, нѣкое у Мене мѣсто, и на мѣстѣ томъ камень, а въ камнѣ *разсѣлина*, въ которой повелѣваетъ пресбывать Моисею. Потомъ налагаетъ Богъ руку на устье разсѣлины, проходитъ мимо, и Моисей видитъ *задняя* Повелѣвшаго, и остается въ той мысли, что увидѣлъ, о чемъ просилъ, и что обѣтованіе Божественнаго гласа неложно (21—23.).

Если взирать на сіе, ограничиваясь буквою, то смыслъ для ищущихъ онаго, не только останется неяснымъ, но даже и нечистымъ отъ превратнаго о Богѣ понятія. Ибо у того только, что представляется въ очертаніи, есть и переднее и заднее; а всякое очертаніе есть предѣлъ тѣла; такъ что представляющій Бога въ очертаніи не признаеть Его свободнымъ

отъ тѣлеснаго естества: всякое же тѣло, безъ сомнѣнія, сложно: а сложное имѣеть составъ изъ соединенія разнородностей; и о составномъ никто не скажетъ, что оно не разлагаемо; а разлагаемое не можетъ быть нетлѣннымъ; потому что тлѣніе есть разложеніе составнаго. Посему, если кто задняя Божія пойметъ буквально; то послѣдовательно и необходимо доведенъ будетъ до сей нетлѣности, потому что переднее и заднее, безъ сомнѣнія, бываетъ въ очертаніи, а очертаніе у тѣла; тѣло же разлагаемо и разлагается по собственной своей природѣ; такъ какъ разлагаемо все сложное; разлагаемое же не можетъ быть нетлѣннымъ. Посему, кто рабски слѣдуетъ буквѣ, тотъ по необходимой связи понятій допустить въ Богѣ тлѣніе. Но Богъ нетлѣненъ и нетѣлесенъ. Какой же посему смыслъ приличествуетъ написанному, кромѣ представляющагося съ перваго взгляда? Если же въ связи рѣчи эта часть написаннаго принуждаетъ насъ отыскивать другой смыслъ: то конечно надлежитъ тоже разумѣть и о цѣломъ. Ибо что разумѣемъ въ части, подобнымъ сему необходимо принимаемъ и цѣлое.

Итакъ и мѣсто у Бога, и камень на томъ мѣстѣ, и помѣщеніе въ камнѣ, которое именуется разсѣлиною, и вшествіе туда Моисея, и положеніе руки Божіей на устье, и прохожденіе мимо, и воззваніе, и послѣ сего видѣніе

заднихъ, — основательнѣе будетъ разсматривать по закону возведенія смысла къ высшему взгляду. Посему что же изображается симъ? Какъ готовыя къ паденію тѣла, какъ скоро пріобрѣтутъ нѣкое стремленіе катиться по наклонности, хотя послѣ перваго движенія и никто не будетъ понуждать ихъ вновъ, сами собою сильнѣйшимъ порывомъ несутся внизъ, пока путь ихъ покать и клонится къ низу, притомъ не встрѣчается ничего такого, что противнымъ движеніемъ пресѣкало бы ихъ стремленіе: такъ вопреки сему/душа, отрѣшившаяся отъ земнаго пристрастія, дѣлается несущеюся горѣ и скорою въ этомъ движеніи высурь, воспаряя отъ дольняго въ высоту. И какъ свыше ничто не пресѣкаетъ ея стремленія (естество добра къ себѣ привлекаетъ возводящихъ къ нему взоры): то конечно непрерывно становится она выше и выше себя самой, но вождельнѣе небснаго, какъ говоритъ Апостоль, простираясь въ предняя (Фил. 3, 13.), ѣи будетъ всегда совершать пареніе къ высшему. Ибо по причинѣ уже пріобрѣтеннаго, вождельвая не оставляеть недостигнутою еще выше усматриваемую высоту, непрерывно продолжаетъ стремленіе къ горнему, тѣмъ самымъ, въ чемъ преуспѣла, непрерывно обновляя усиліе къ полету. Ибо одна только дѣятельность, обращенная къ добродѣтели, ищетъ силы трудомъ, не ослабляя, но увеличи-

вая дѣломъ напряженіе къ нему. Посему говоримъ, что Моисей, всегда бывшій великимъ, нимало не останавливается въ восхожденіи, не полагаетъ себѣ никакого предѣла въ стремленіи къ горнему: но однажды вступивъ на лѣствицу, на которой, какъ говоритъ Іаковъ, *утвержается Богъ* (Быт. 23, 13.), непрестанно восходитъ на высшую и высшую ступень, и не престаётъ возвышаться; потому что и на высотѣ находитъ всегда ступень, которая выше достигнутой имъ. Отрекается онъ отъ ложнаго родства съ ^{египетскою} египетскою царевною; дѣлается отмстителемъ за Еврея; переселяется жить въ пустыню, которой не возмущала жизнь чело-вѣческая; пасетъ въ себѣ стадо кроткихъ животныхъ, видитъ сіяніе свѣта; по снятіи обуви необременительнымъ дѣлаетъ восхожденіе къ свѣту; избирается для освобожденія родственнаго и единоплеменнаго народа; видитъ тонущаго врага, покрываемаго волнами; располагается станомъ подъ облакомъ; утоляетъ жажду камнемъ; на небѣ въздѣлываетъ мѣбъ; потомъ въздѣланіемъ рукъ побораетъ иноплеменника; слышитъ гласъ трубы; входитъ во мракъ; проникаетъ во святилище нерукотворенной скпни: изучаетъ тайны божественнаго священства: уничтожаетъ идола, умилостивляетъ Божество; возобновляетъ законъ, сокрушенный грѣхомъ Іудеевъ, сіяетъ славою, и превознесенный на такія высоты, пламенѣтъ еще

вожделѣніемъ, ненасытимо ищетъ бѣльшаго, и что всегда имѣлъ во власти, еще того жаждетъ: и какъ не причастившійся дотолѣ, домогается улучшить это, прося Бога, чтобы явилъ ему Себя, не въ такой только мѣрѣ, въ какой вмѣститъ онъ можетъ, но каковъ Богъ Самъ въ Себѣ. Мнѣ кажется, что чувствовать это свойственно душѣ, которая исполнена какимъ-то пламенѣющимъ любовію расположеніемъ къ прекрасному по естеству, и которую отъ видимой ея красоты надежда влечетъ всегда къ красотѣ высшей, непрестанно приобретаемымъ всегда возжигая въ ней вожделѣніе сокровеннаго. Почему сильный любитель красоты, непрестанно видимое имъ принимая за изображение вожделѣваемаго, желаетъ насытиться видѣніемъ отличительныхъ чертъ первообраза. Сіе-то и выражаетъ это дерзновенное и преступающее предѣлы вожделѣнія прошеніе насладиться красотою, не при помощи какихъ либо зеркалъ, или въ образахъ, но лицомъ къ лицу. Божественный гласъ даетъ просимое, въ самомъ отказѣ не многими реченіями показывая какую-то неизмѣримую глубину понятій. Ибо щедродаровитость Божія соизволила исполнить желаніе Моисея; но не обѣщала ему какого либо успокоенія и пресыщенія въ этомъ желаніи. Богъ не показалъ бы Себя своему служителю, если бы видимое было таково, что могло бы успокоить вожделѣніе взирающаго.

Въ томъ и состоитъ истинное видѣніе Бога, что у взирающаго на Него никогда не прекращается это вождѣніе. Богъ говоритъ: *не возможеша видѣти лица Моего, не бо узритъ человекъ лице Мое, и живъ будетъ* (Исх. 33, 20.). И сіе слово показываетъ не то, будтобы зрѣніе лица Божія для взирающихъ дѣлается виною смерти (какъ возможно лицу жизни стать когда либо виною смерти для приближающихся?); но, поелику, хотя Божество по естеству животворяще, однакоже собственно отличительнымъ признакомъ Божественнаго естества служитъ то, что Оно выше всего отличаемаго по признакамъ; то полагающій, что Богъ есть нѣчто познаваемое, уклонившись отъ сущаго къ тому, что признано существующимъ въ способномъ вмѣстить сіе представление, не имѣетъ въ себѣ жизни. Ибо подлинно сущее есть истинная жизнь; а сіе не дбступно вѣдѣнію. Посему, если животворящее естество превышаетъ вѣдѣніе, то постигаемое, безъ сомнѣнія, не есть жизнь; а что не жизнь, то не имѣетъ свойства содѣлаться сообщающимъ жизнь! Посему не исполняется желаемое Моисеемъ въ томъ, въ чемъ вождѣніе пребываетъ невыполнимымъ. Ибо сказаннымъ научается онъ, что Божество, по естеству Своему, неопредѣлимо, невключимо ни въ какой предѣлъ. А если бы Божество могло быть представлено въ какомъ либо предѣлѣ;

то по всей необходимости вмѣстѣ съ предѣломъ былобы представляемо и то, что за нимъ, потому что заключенное въ предѣлы, безъ сомнѣнія, чѣмъ нибудь оканчивается; какъ предѣломъ для живущихъ на сушѣ—воздухъ, и для живущихъ въ водѣ—вода. Посему, какъ рыба во всѣхъ своихъ предѣлахъ объемлется водою, а птица — воздухомъ, среда воды для плавающего, а среда воздуха для летающаго, есть крайняя поверхность предѣла, объемлющая собою и птицу и рыбу, за которою слѣдуетъ или вода или воздухъ: такъ, если Божество представляемо будетъ въ предѣлѣ, необходимо Ему быть объемлемымъ чѣмъ либо инороднымъ по естеству, а объемлющему, какъ свидѣтельствуется послѣдовательность рѣчи, во много кратъ превосходить содержимое. Но признано, что Божество по естеству прекрасно; а что разнородно съ прекраснымъ, то конечно есть нѣчто иное, а не прекрасное, и что внѣ прекраснаго, то заключается въ естествѣ зла. А доказано, что объемлющее во много кратъ больше объемлемаго. Посему думающимъ, что Божество заключено въ предѣлы, по всей необходимости должно согласиться, что Оно объято зломъ. И какъ всегда объемлемое умалено предъ естествомъ объемлющимъ, то слѣдуетъ произойти преобладанію преизобилующаго. И такъ заключающій Божество въ какой либо предѣлъ допускаетъ воз-

возможность надъ прекраснымъ возобладать про-
 тивоположному. Но это нельзя. Посему да не
 разумѣется какое либо постиженіе невидимаго
 естества. Непостижимому же не свойственно
быть объемлемымъ. Напротивъ того всякое
 вождѣленіе прекраснаго, привлекаемое къ оному
 восхожденію, всегда возрастаетъ вмѣстѣ съ
 желаннымъ шествіемъ къ прекрасному. И сіе-
 то значить въ подлинномъ смыслѣ видѣть
 Бога, никогда не находить сытости своему
 вождѣлѣнію. Но кто видитъ, какъ только можно
 ему видѣть, тому надлежитъ непрестанно воз-
 гораться вождѣлѣніемъ увидѣть еще больше.
 И такимъ образомъ никакой предѣлъ не пре-
 сѣчетъ приращенія въ восхожденіи къ Богу,
 потому что и прекрасному не отыскивается
 никакого предѣла, и никакимъ пресыщеніемъ
 не пресѣкается усиливающееся вождѣлѣніе
 прекраснаго.

Но какое это мѣсто, разумѣемое Богомъ?
 какой это камень? И что опять за вмѣстимость
 въ камень? Какая это рука Божія, закрываю-
 щая устье пещеры въ камень? Какое это Бо-
 жіе мимохожденіе? что такое задняя Божія,
 видѣніе чего обѣщаетъ Богъ дать Моисею,
 просившему зрѣнія лицомъ къ лицу? Безъ со-
 мнѣнія, всему этому, и въ отдѣльности взя-
 тому, надлежитъ быть чѣмъ-то великимъ и до-
 стойнымъ великодаровитости Дающаго, чтобы
 обѣтованіе сіе можно было признать болѣе

величественнымъ и превысшимъ всякаго, бывшаго уже великому служителю, богоявленія. Посему, какъ же изъ сказаннаго уразумѣть кто ту высоту, на которой и Моисей послѣ столькихъ восхожденій желаетъ еще восходить; и Самъ, *любящій Бога вся поспѣшествующій во благое*, (Рим. 8, 28.), подъ Своимъ путеводительствомъ облегчаетъ восхожденіе? *Се листво у Мене*, говоритъ Богъ (Исх. 33, 21.). Съ объясненнымъ во взглядъ семъ прежде согласно, можетъ быть, такое понятіе. Указавъ мѣсто, Богъ не ограничиваетъ указуемаго количествомъ (ибо для неколичественнаго нѣтъ мѣры), — но умолчаніемъ объ очертаціи относительно къ мѣрѣ руководитъ слушателя къ безпредѣльному и неизмѣрному. Посему слово, кажется мнѣ, выражаетъ таковую нѣкую мысль: поелику у тебя постоянно вождельніе простирается *въ предняя*, не имѣешь сытости въ продолженіе своего теченія, не знаешь никакого удовлетворенія добромъ, но всегда желаніе твое стремиться къ большему: то у Меня такое есть мѣсто, что проходящему оное никогда невозможно прекратить свое теченіе. По сіе теченіе въ другомъ смыслѣ есть стояніе. Ибо говоритъ Богъ: *Коставлю тебя на камени* (Исх. 33, 21.). Всего же чуднѣе это, почему одно и то же есть и стояніе и движеніе. Кто восходитъ, тотъ, конечно, не стоитъ; и кто стоитъ, тотъ не восходитъ. А здѣсь са-

мое стояніе дѣлается восхожденіемъ. Это значить, что, чѣмъ кто въ большей мѣрѣ пребываетъ твердымъ и непреложнымъ, тѣмъ усцѣпнѣе совершаетъ течение добродѣтели. А /кто непостояненъ и поползновенъ въ своихъ помыслахъ, не стоитъ твердо въ добрѣ, /но влается и скитается, какъ говоритъ Апостоль (Ефес. 4, 14.), колеблемый и сокрушаемый предположеніями и сомнѣніями о существующемъ,—тотъ никогда не взойдетъ на высоту добродѣтели; /подобно тому, какъ идущіе на возвышеніе по песку, хотя, по видимому, и переходятъ ногами большое пространство, трудятся безъ пользы; потому что ступни скользятъ всегда по песку въ низъ; такъ что, хотя и производится движеніе, но въ движеніи не происходитъ никакого поступленія впередъ. Если же кто, какъ говоритъ псалмопѣніе, извлекши ноги изъ глубокой тины, утвердилъ ихъ *на камени* (Псал. 39, 3.),—камень же есть Христось, всесовершенная добродѣтель, то, чѣмъ онъ тверже водруженъ въ добрѣ и *ни поступенъ*, по совѣту Павлову (1 Кор. 15, 58.), тѣмъ удобнѣе совершаетъ теченіе, какъ бы пѣкинми крыльями, пользуясь симъ стояніемъ и твердостію въ добрѣ окривляя сердце къ шествию горѣ.

Посему Показавшій Моисею мѣсто возбуждаетъ къ теченію поприщемъ, а обѣщая стояніе на камнѣ, показываетъ ему способъ божь

ственнаго теченія. Вмѣстилище же въ камнѣ, которое въ Писаніи именуется *разсѣлиною*, прекрасно прѣтолковалъ собственными своими словами божественный Апостолъ, говоря, что разорившимъ земную скинію соблюдается въ унованіи храма нерукотворенная небесная (2 Кор. 5, 1.). Ибо дѣйствительно, кто, (какъ говоритъ Апостолъ,) *теченіе* совершилъ на этомъ широкомъ и пространномъ поприщѣ, (которое въ божественномъ Писаніи наименовано мѣстомъ,) и *ствру* соблюлъ (2 Тим. 4, 7.), или какъ говорится загадочно, утвердилъ ноги свои *на камени*;) того рука Подвигоположника украситъ вѣнцемъ правды. (Но таковая награда въ Писаніи именуется различно. Ибо одно и то же здѣсь называется *разсѣлиною* камня; а въ другихъ мѣстахъ *сладоствію рая* (Быт. 3, 23.), вѣчнымъ кровомъ (Лук. 16, 9.), *обителію* у Отца (Іоан. 14, 2.), *лонолѣ* патріарха (Лук. 16, 22.), *страною живыхъ* (Пс. 114, 8.), водою покойною (Пс. 22, 2.), вышнимъ Іерусалиномъ (Гал. 4, 26.), царствіемъ небеснымъ (Матѹ. 7, 21.), почестію званія (Филип. 3, 14.), вѣнцемъ благодатей (Притч. 1, 9.), вѣнцемъ доброты (Прем. 5, 17.), столпомъ крѣпости (Псал. 60, 4.), веселіемъ за трапезою, сосѣденіемъ съ Богомъ, престоломъ суда (Псал. 9, 8.) мѣстомъ именитымъ (Иса. 56, 5.) и селеніемъ тайнымъ (Иса. 26, 9.). Посему утверждаемъ, что туже мысль имѣютъ и причисляющіе сюда вѣщствіе

Моисеево въ камень. Поелику у Павла подь камнемъ разумѣтся Христось; все же упованіе благъ, какъ вѣруемъ, во Христѣ, въ Которомъ, какъ дознали мы, сокровища благъ; то пребывающій въ какомъ либо благѣ, конечно во Христѣ, содержащемъ въ Себѣ всякое благо.

А кто достигъ сего, и покрытъ рукою Божіею, какъ возвѣстило слово (рука же Божія есть зиждущая существа сила, Единородный Богъ, Которымъ *вся быша* (Іоан. 1, 3.), Который и для совершающихъ теченіе служить мѣстомъ, какъ *путь* ихъ теченія, по собственному слову Его (Іоан. 14, 6.), для утвердившихся же дѣлается камнемъ и для успокоившихся домомъ); тотъ услышитъ тогда призывающаго, и будетъ позади зовущаго, то есть, пойдетъ во слѣдъ Господа Бога, какъ повелѣваетъ законъ. Слыша сіе, уразумѣлъ великій Давидъ, и живущему *въ помощи Вышняго* сказалъ: *плещма Своима осынитъ тя* (Пс. 90, 1. 4.); а сіе значить тоже, что быть позади Бога; потому что плечо принадлежитъ къ заднимъ частямъ. Да и о самомъ себѣ взываетъ Давидъ: *приле душа моя по Тебѣ: мене же приле десница Твоя* (Пс. 62, 9.). Видишь, какъ согласно съ исторіею псалмонѣніе. Какъ Давидъ говоритъ о воспріятіи десницею припнувшаго по Богу; такъ и тамъ касается рука ожидающаго Божія гласа въ камнѣ, и умоляющаго о дозволеніи слѣдовать позади. Да и

Господь, вѣщавшій тогда Моисею, ставъ исполнителемъ собственнаго своего закона; подобнымъ сему образомъ излагаетъ ученикамъ, раскрывая явнѣйшій смыслъ сказаннаго загадочно. *Аще кто хочетъ по Милъ ити*, а не предо Мною, говорить Онъ (Лук. 9, 23.). И умоляющему о вѣчной жизни предлагаетъ тоже самое. Ибо говоритъ: *прииди, ходи въ слѣдъ Мене* (Марк. 10, 21.). Но идущій въ слѣдъ видитъ задняя. Посему Моисей, нетерпѣливо желающій видѣть Бога научается теперь, какъ можно увидѣть Бога; а именно, что идти въ слѣдъ Бога, куда ни поведетъ Онъ, значить взирать на Бога, потому что мимохожденіе Божіе означаетъ вожденіе идущаго въ слѣдъ. Ибо незнающему пути невозможно безопасно совершить его иначе, какъ слѣдуя за путеводителемъ. Посему путеводитель тѣмъ самымъ, что предшествуетъ идущему въ слѣдъ, показываетъ ему путь. А идущій въ слѣдъ тогда не совращается съ прямаго пути, когда непрестанно видитъ задняя вождя. Ибо кто въ движеніи уклоняется въ сторону, или направляетъ взоръ, чтобы видѣть ведущаго въ лице, тотъ пролагаетъ себѣ иной путь, а не указуемый вождемъ. Почему говоритъ Богъ руководимому: *лице Мое не явится тебѣ* (Исх. 33, 23.), то есть, не становись лицомъ къ лицу предъ ведущимъ; потому что шествіе твое непременно будетъ въ противоположную сторону; доб-

рое не въ лице смотритъ доброму, но слѣдуетъ за нимъ. Представляемое въ противоположности лицомъ къ лицу противостоитъ доброму. Ибо порокъ смотритъ вопреки добродѣтели: добродѣтель же не представляется лицомъ къ лицу противостоящею добродѣтели. Посему Моисей смотритъ не въ лице Богу, но видитъ *задняя* Его. А кто смотритъ въ лице, тотъ не будетъ живъ, какъ свидѣтельствуемъ Божественный гласъ: *не бо узритъ* кто лице Господне, *и живъ будетъ* (20.). Видишь, сколько важно научиться, какъ ходить въ слѣдъ Богу, а именно, послѣ высокихъ оныхъ восхожденій, послѣ страшныхъ и славныхъ богоявленій, къ концу только жизни едва удостоивается сей благодати научившійся стать позади Бога. Кто такъ ходитъ въ слѣдъ Бога, тотъ уже не встрѣчаетъ никакого столкновенія съ порокомъ.

Послѣ сего поражается зависть къ нему братій: зависть—это начало зловредныхъ страстей, отецъ смерти, первая дверь грѣху, корень порока, порожденіе печали, мать бѣдствій, поводъ къ непокорности, начало стыда. Зависть изгнала насъ изъ рая, ставъ змѣемъ предъ Евою; зависть преградила доступъ къ древу жизни, и совлекши съ насъ священныя одежды, по причинѣ стыда привела къ вѣтвямъ смоковницы. Зависть вооружила Каина на естество, и произвела *седмижды* отмщае-

мую смерть (Быт. 4, 15.). Зависть содѣлала Иосифа рабомъ. Зависть — смертоносное жало, скрытое оружіе, болѣзнь естества, желчный ядъ, добровольное истощеніе, жестоко язвляющая стрѣла, гвоздь для души, огонь подъ сердцемъ, пламень сожигающій внутренности. Для зависти неудача — не собственное свое зло, но чужое добро; и на оборотъ также для нея удача, — не свое хорошее, но худое у ближняго. Зависть мучится благоусиѣнностію людей, и посмѣвается ихъ бѣдствіямъ. Сказываютъ, что питающіеся мертвыми тѣлами грифы мрутъ отъ мура; потому что естеству ихъ сродно зловонное и испортившееся. И одержимый этою болѣзнію, при благоденствіи друзей, какъ бы отъ прикосновенія какого-то мура, гибнетъ. Если же слѣдствіемъ бѣдствія усматриваешь какое либо страданіе, прилетаетъ къ страдающему, налагаетъ искривленный свой клювъ, извлекаетъ имъ сокровенныя причины безуспѣшности. Многихъ прежде Моисея поборола зависть. Но приразившись къ сему великому человѣку, подобно какому либо глиняному изваянію ударившемуся о камень, сама себя сокрушаетъ. Ибо въ этомъ наипаче и оказалась польза хожденія съ Богомъ, которое совершалъ Моисей, протекающій Божиимъ мѣстомъ, ставшій на камнѣ, вмѣстившійся въ его разсѣлинѣ, покрываемый Божіею рукою, сзади идущій въ слѣдъ вождя; не въ лице ему взн-

рающій, но видящій *задняя*. Посему, что по мѣрѣ возможности содѣлался онъ наиблаженнымъ, доказываетъ сіе тѣмъ, что идетъ въ слѣдъ Бога, и притомъ выше полета брошенной изъ лука стрѣлы; потому что зависть пушаетъ стрѣлу въ него, но полетъ ея не достигаетъ высоты, на которой былъ Моисей. Тетива лукавства была не въ состояніи съ такою силою выстрѣлить въ Моисея страстію, чтобы отъ болѣвшихъ ею прежде дошла и до него. Но хотя Ааронъ и Маріамъ уязвлены были страстію злорѣчія (Числ. 12, 1.), и дѣлаются какбы нѣкимъ лукомъ зависти, вмѣсто стрѣлъ поражая его словомъ: однакоже Моисей столько далекъ отъ общенія съ ними въ недугѣ, что даже врачуетъ заболѣвшихъ сею страстію, не только самъ оставаясь неподвижнымъ къ наказанію оскорбившихъ, но и умиловляя за нихъ Бога, тѣмъ самымъ, что дѣлалъ, показывая, какъ думаю, что хорошо огражденный щитомъ добродѣтели не будетъ уязвленъ остріями стрѣлъ; потому что твердость вооруженія притушаетъ остріе и отражаетъ стрѣлы назадъ. Оружіемъ же, охраняющимъ отъ таковыхъ стрѣлъ, бываетъ Самъ Богъ, въ Котораго облакается вонтель добродѣтели. Ибо сказано: *облецытеся Господемъ Исусомъ* (Рим. 13, 14.). Вотъ несокрушимое всеоружіе, какимъ оградившись, Моисей лукаваго стрѣлка содѣлалъ бездѣйственнымъ. Такъ овладѣло Мо-

исеемъ смягчающее влеченіе къ оскорбившимъ; не незналъ онъ, что справедливо по естеству, и притомъ въ отношеніи къ осужденнымъ на нелицепріятномъ судѣ, — но содѣлался молитвенникомъ за братій предъ Богомъ. А сего не сдѣлалъ бы, еслибы не былъ позади Бога, Который для безопаснаго вожденія путемъ добродѣтели показалъ ему *задняя*.

А таково и прочее за симъ послѣдовавшее. Поелику естественный врагъ чело^{вѣ}ковъ не имѣлъ возможности сдѣлать вредъ Моисею; то обращаетъ оружіе на тѣхъ, кого легче ему уловить. И какъ бы стрѣлу какую, путивъ въ народъ страсть чревоугодія, настроилъ его въ пожеланіи нищѣ угодиться Египтянамъ, небесной оной нищѣ предпочтя яденіе египетскихъ мясъ. Но высокій душою мужъ, возносящійся выше таковой страсти, всецѣло преданъ былъ будущему наслѣдію, какое обѣтовалъ Богъ переселеннымъ изъ мысленнаго Египта, и шествующимъ въ оную землю, въ которой течетъ млеко смѣшанное съ медомъ. Посему-то соглядатаевъ дѣластъ нѣкими наставниками, извѣщающими о благахъ этой земли. И сими соглядатаями, по моему разсужденію, могли быть, какъ подающіе благія надежды, то есть, помыслы пораждаемые вѣрою, утверждающіе въ упованіи на уготованныя блага; такъ доводящіе и до отчаянія въ добрыхъ надеждахъ, то есть, помыслы, внушас-

мые сопротивникомъ. ослабляющіе вѣру въ обѣтованія. Но Моисей, не обращая никакого вниманія на сопротивныхъ, признаеть вѣрнымъ возвѣщающаго объ оной землѣ лучшее. Сообщающій же подтвержденіемъ своимъ вѣрность возвѣщаемому былъ предводитель лучшаго согляданія, Иисусъ. На него взирая, Моисей имѣлъ твердыя надежды на будущее, признакомъ тамошняго обилія почитая гроздь виноградный, принесенный Иисусомъ на *жердяхъ* (Числ. 13, 24.). А слыша объ Иисусѣ, описывающемъ оную землю, и видя гроздь, повѣшенный на деревѣ, конечно, обратилъ мысль къ Тому, на что и онъ взирая, укрѣпился въ надеждахъ. Ибо гроздь, висящій на деревѣ, Кто иной, кромѣ того въ послѣдніе дни повѣшеннаго на деревѣ Грозда, кровь Котораго содѣлалась спасительнымъ питіемъ для вѣрующихъ?

Послѣ того, какъ предрекъ намъ сіе Моисей загадочно: *кровь гроздову пїяху* (Второз. 32, 14.), чѣмъ указывается на спасительное страданіе, снова продолжается путь по пустынѣ, и народъ, отчаявшійся въ обѣтованныхъ благахъ, томится жаждою. Но Моисей снова наводняетъ для нихъ камнемъ пустыню. А таковое слово, при умозрительномъ взглядѣ, да научить насъ тому, что такое—таинство покаянія. Ибо по однократномъ вкушеніи воды отъ камня обратившіеся къ чреву и плоти и къ египетскимъ

удовольствіямъ осуждаются на гладь помысловъ о причастіи благъ. Но возможно имъ снова при посредствѣ покаянія обрѣсти камень, который оставили, снова отверзсть себѣ водную струю. снова утолить жажду влагою, какую издаетъ камень тому, кто увѣровалъ, что согляданіе Иисусово истиннѣе согляданія сопротивныхъ, кто взираетъ на Гроздъ, за насъ источившій кровь и обогреннѣею кровію, кто снова деревомъ заставилъ камень источить имъ воду. Впрочемъ народъ не обучился еще ходить по слѣдамъ великодушія Моисеева, еще увлекается въ рабскія похоти, склоняется къ египетскимъ наслажденіямъ. Исторія примѣромъ ихъ показываетъ нѣсколько, что человѣческая природа всего болѣе преклонна къ таковой страсти, и что тысящи путей ведутъ къ этой болѣзни. Почему Моисей, какъ нѣкій врачъ, умѣющій при помощи искусства преодолевать всегда страсть, не позволяетъ болѣзни возобладать надъ ними даже до смерти. Пожеланіе неумѣстнаго породило имъ змievъ, а угрызеніе сообщило смертоносный ядъ подвергшимся угрызенію: но великій законодатель подобіемъ змія привелъ въ бездѣйствіе силу настоящихъ змievъ.

Но время уже яснѣе раскрыть сію загадку. Одно врачество отъ злыхъ этихъ страстей—очищеніе душъ нашихъ, совершаемое таинствомъ благочестія. Главное же, что пріемлет-

ся вѣрою въ таинствѣ, есть воззрѣніе на страданіе за насъ Пострадавшаго. Странаніе же есть крестъ; почему взирающій на Него, какъ повѣствуетъ Писаніе, не терпитъ вреда отъ яда похотѣнія. Взирать на крестъ, значить всю жизнь свою содѣлать какъбы мертвою и распятою для міра, пребывать неподвижнымъ на всякій грѣхъ, какъ говоритъ Пророкъ, пригвоздившимъ страху Божию плоти своя (Ис. 118, 120.). Гвоздемъ же, удерживающимъ плоти, послужитъ воздержаніе. Посему, такъ какъ похотѣніе неумѣстнаго извлекаетъ изъ земли смертоносныхъ змievъ (потому что всякое порожденіе лукаваго похотѣнія есть змій); то посему-то законъ предугадываетъ намъ являемос на древѣ: и это есть подобіе змія, а не змій, какъ и божественный Павелъ говоритъ: *въ подобіи плоти грѣха* (Рим. 8, 3.). А истинный змій—грѣхъ; кто предался грѣху, тотъ облекается въ естество змія. Посему человекъ освобождается отъ грѣха Пріившимъ на Себя подобіе грѣха, Тѣмъ, Кто содѣлался подобенъ намъ, превратившимся въ собственный видъ змія, Тѣмъ, Кто угрызенія дѣлаетъ не смертельными, но не уничтожаетъ самыхъ змievъ. Зміями же называю похотѣнія. Ибо взирающіе на крестъ не подвергаются дѣйствию на нихъ лукавой смерти; но не вовсе изгибло въ нихъ остающееся похотѣніе плоти на духъ. И въ вѣрныхъ нерѣдко дѣйствуютъ угрызенія похотѣ-

нія; но кто взираеть на Вознесеннаго на древо, тотъ прочь гонить отъ себя страсть, страхомъ заповѣди, какъ бы врачевствомъ какимъ, разсѣявъ силу яда. А что вознесенный въ пустынѣ змій естъ знаменіе крестнаго таинства, сему ясно учить Божіе слово, когда говоритъ: *якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ возвестися Сыну человеческому* (Іоан. 3, 14.).

Грѣхъ по какой-то на зло намъ послѣдовательности, свойственнымъ ему путемъ идетъ еще далѣе, какъ бы непрерывною какою цѣпью простираясь впередъ. И законодатель, какъ нѣкій врачъ, вмѣстѣ съ стрѣмленіемъ зла срасспростираеть и свое врачевство. Поелику угрызение змиевъ для взирающихъ на подобіе змія (безъ сомнѣнія, разумѣешь сказанное загадочно) содѣлалось недѣйствительнымъ; то иной способъ грѣха примышляется разнообразно ухищряющимся противъ насъ (на подобное сему, какъ и нынѣ можно видѣть совершающимся это во многихъ. Иные, когда цѣломудренною жизнію обуздають страсть похотѣнія, самовольно вторгаются въ священство, человеческими пронсками и усиліями присвоить себѣ рукоположеніе, оскорбляя Божіе домостроительство. А до сего злаго послѣдованія грѣху доводитъ тотъ, кого обвиняетъ исторія, что онъ внушаетъ людямъ злое. Когда земля, повѣрѣ въ Вознесеннаго на древо, перестала въ

наказаніе похотливимъ раждать зміевъ, и убѣдились, что не повредятъ имъ ядоносныя угрызенія, тогда въ освободившихся отъ страсти похотѣнія входятъ недугъ гордыни. Признавая низкимъ хранить на себѣ чинъ, въ которой поставлены, сами вторгаются въ санъ священства, усиливаясь изгнать изъ него пріившихъ служеніе сіе отъ Бога; погибли оии, поглощенные разверзтою землею; а что осталось на землѣ отъ подобнаго скопища, то пожжено молніями. И Писаніе, думаю, повѣствоваціемъ симъ научаетъ, что конецъ горделиваго превозношенія есть нисхожденіе въ приснодшую. И инѣй на семъ, можетъ быть, основаніи не несправедливо опредѣляетъ гордость схожденіемъ долу. Если же, по предположенію многихъ, мысль о томъ клонится къ противному, не дивись сему; ибо многимъ кажется, будтобы словомъ: гордость озпачается — быть выше другихъ. Но истина повѣствуемаго подтверждаетъ наше опредѣленіе. Ибо если превознесеніе надъ другими низошли долу въ зіяніи разсѣдшейся земли; то никто не осудитъ опредѣленія, по которому гордость есть паденіе въ самыя дольнія страны. Моисей взирающихъ на сіе научаетъ **Б**ыть скромными и не превозноситься пресиѣянiami, но всегда хорошо распорядяться настоящимъ. Ибо по той причинѣ, что сталъ ты выше сластолюбія, не имѣешь уже права безотчетно предаваться

другому роду страсти. Всякая страсть, пока будетъ страстію, есть паденіе; въ замѣнѣ же страстей одной другою цѣтъ никакой разности паденій. Кто поползнулъ отъ скользкости удовольствій, тотъ палъ; и кто занулся по гордости, также палъ. Ни одного же рода паденій не-избереть для себя имѣющій умъ, но равно долженъ избѣгать всякаго паденія, пока оно будетъ паденіемъ. / Почему, если и цѣпѣ увидишь кого, что съ одной стороны свободенъ отъ седуга сластолюбія, но, стараясь показать, что онъ выше другихъ, вторгается въ священство; то представляй, о немъ, что видишь его съ высоты гордости падающимъ въ преисподнюю.

Ибо въ послѣдующемъ законѣ учить, что священство есть достояніе божественное, а не человѣческое, учить же сему такъ жезлы каждаго колѣна, означивъ именами двѣхъ, Моисей полагаетъ при алтарѣ, чтобы жезлъ, отличенный отъ прочихъ цѣкимъ Божественнымъ чудомъ, содѣлался свидѣтельствомъ рукоположенія свѣше. И послѣнку сіе исполнилось. жезлы другихъ колѣнъ остались тѣмъ же, чѣмъ были, а жезлъ іерея, укоренившись въ себѣ самомъ, не отъ посторонней какой влаги, но вложенною въ него божественною силою, произрастилъ вѣтвь и плодъ; и плодъ пришелъ въ зрѣлость; плодомъ же былъ орѣхъ; то по совершеніи сего всѣ подвластные Моисею обу-

чились благочинію. По причинѣ же плода, произращеннаго жезломъ іерейскимъ, надобно придти къ мысли, сколько воздержною, строгою и суровою надлежитъ быть жизни въ священствѣ по виѣшнему ся поведенію, а внутренно, втайнѣ и невидимо какую содержать въ себѣ питательность, что въ орѣхѣ обнаруживается, когда питательное со временемъ созрѣетъ, твердая оболочка распадется, и деревянистый этотъ покровъ на питательномъ плодѣ будетъ сокрушенъ. Если же дознаешь, что жизнь какого либо, такъ называемаго, іерея похожа на яблоко, благоуханна, цвѣтетъ, какъ роза (весьма же многіе изъ нихъ украшаются виссономъ и червленицею, утучняютъ себя дорогими явстами, пьютъ *вино процѣженное*, мажутъ *первыми вонями* (Амос. 6. 6.), и все, что только по первому вкушенію кажется сладкимъ, признаютъ необходимымъ для жизни пріятной); то прекрасно будетъ сказать тебѣ при этомъ евангельское слово: вижу плодъ, и по плоду не узнаю древа священства. Инаковъ плодъ священства; а инаковъ этотъ; тотъ плодъ—воздержаніе; а этотъ — роскошь; тотъ земною влагою не утучняется; а къ этому съ долинныхъ мѣстъ стекается много потоковъ наслажденій, съ помощію которыхъ таковой красотою рдѣетъ зрѣлый плодъ жизни.

Когда же подчищенные Моисея стали свободны и отъ этой страсти; тогда вступаютъ

въ иноплеменную жизнь, между тѣмъ какъ законъ при уклоненіяхъ въ другую сторону ведетъ ихъ царскимъ путемъ. Ибо путнику уклоненіе въ сторону опасно. Какъ если двѣ сдвинувшіяся стремнины оставляютъ одну тропинку на высокомъ береговомъ утесѣ, то идущему по ней не безбѣдно туда и сюда уклоняться отъ середины, потому что на обѣихъ, можетъ быть, сторонахъ за уклоненіемъ послѣдуетъ обрывъ со стремнины: такъ и законъ требуетъ отъ идущаго по его слѣдамъ не оставлять *пути*, какъ говоритъ Господь, *узкою и тѣсною* (Матѣ. 7, 14.), никакого уклоненія ни въ лѣво, ни въ право не признавая благоуспѣшнымъ. И симъ словомъ опредѣляется то ученіе, что добродѣтели состоятъ въ срединѣ. Почему всякій порокъ обыкновенно совершается, или отъ недостатка, или отъ нарушенія мѣры, добродѣтели; на примѣръ относительно къ мужеству робость есть нѣкоторый недостатокъ сей добродѣтели; дерзость — нарушеніе мѣры; но что свободно отъ того или другаго изъ сихъ пороковъ, то усматривается въ срединѣ между ними и есть добродѣтель. Точно также и все прочее, что заботится о совершеннѣйшемъ, держится какъ-то середины между худымъ соседствомъ; мудрость занимаетъ средину между хитростію и простотою. Непохвальны ни мудрость змія, ни простота голубя, если каждое изъ сихъ свойствъ взять одно, само по себѣ; но

поведеніе, держащееся середины между тѣмъ и другимъ, дѣлается добродѣтелию. У кого недостаетъ цѣломудрія, тотъ развратенъ; а кто имъ избыточествуетъ, тотъ *сожженъ совѣстію*, какъ опредѣляетъ Апостоль (1 Тим. 4, 2.). Одинъ неудержимо утопаетъ въ удовольствіяхъ; другой и бракомъ гушается наравнѣ съ прелюбодѣйствомъ; поведеніе же, усматриваемое въ срединѣ между сими, есть цѣломудріе. Поелику же, какъ говоритъ Господь, *міръ сей во зль лежитъ* (1 Іоан. 5, 19.), а для послѣдователей закона иноплемению то, что противоположно добродѣтели, то есть порокъ: то проходящій жизнь въ этомъ мірѣ безопасно совершить необходимое сіе теченіе добродѣтели, если сохранить истинно царскій путь, углаженный и убѣленный добродѣтелию, нисколько не совращаемый порокомъ на прилежащія распутія.

Но какъ, по сказанному, съ восхожденіемъ добродѣтели вмѣстѣ восходитъ и злокозпность протпвника, отыскивающая примѣнительно къ каждому поводу къ совращенію въ грѣхъ: то, чѣмъ болѣе народъ возрастаетъ въ жизни по Богу, и сопротивникъ противъ этихъ сильныхъ въ военномъ дѣлѣ употребляетъ тогда иную кознь. Когда воюющіе видятъ, что полкъ превосходящихъ силами враговъ неодолимъ въ открытомъ бою, тогда преодолаваетъ ихъ, ведя переговоры и ставя засады. Такъ и полчище злобы противъ укрятившихся зако-

номъ и добродѣтелию, не лицомъ къ лицу выводитъ силы свои, но въ какихъ-то засадахъ скрытно строить имъ козни. Поэтому, и злоумышляя на Израильтянъ, призываетъ въ помощь чародѣйство. И вотъ исторія говоритъ, что былъ нѣкій *волхвъ* (Ис. Нав. 13, 22.) и птицегадатель (Чис. 23, 23.), по какому-то демонскому дѣйствию имѣлъ при этомъ силу вредить, принадлежалъ же къ числу враговъ, и властителемъ Мадіантянъ нанятъ былъ своими проклятіями нанести вредъ живущимъ по Богу: и онъ-то клятву перемѣнилъ въ благословіе. А мы изъ связи разсмотрѣннаго доселѣ уразумѣваемъ, что волшебство цѣлѣйственно противъ живущихъ добродѣтельно; напротивъ того подкрѣпляемые Божіею помощію превозмогаютъ всякую кознь. О томъ, что упомянутой исторіею занимался птицегадательнымъ волхвованіемъ, свидѣтельствуеетъ она, когда говоритъ: *волхвованія въ руки ея* (Числ. 22, 7.), и совѣщается онъ съ птицами, а еще прежде сего скажетъ, какъ крикомъ ослицы наученъ, что предстояло его усилю.

Голосъ этой ослицы (такъ какъ волхву обычно было, по какому-то демонскому дѣйствию, совѣщаться съ голосами безсловесныхъ) Писаніе представляетъ, какъ бы членораздѣльнымъ, показывая, что предзанятыя таковымъ демонскимъ оболъщеніемъ доходятъ до убѣжденія принимать за слово по нѣкоему наблюденію

изъ голоса безсловесныхъ извлеченное ими наставленіе. И волхвъ, внимая сему, тѣмъ самымъ, чѣмъ обольщался, наученъ, что непреоборима сила тѣхъ, противъ кого онъ нашъ. И по евангельской исторіи къ сопротивленію власти Господа готовилось подчище (легионъ) демоновъ; но когда приближается къ нему Имбьющій державу надъ всѣми, возглашаетъ оно о превозмогающей силѣ и не скрываетъ истины, что Божіе естество — Тотъ, Кто въ надлежащее время наложитъ наказаніе на согрѣшившихъ. Ибо демонскій голосъ произноситъ: *вѣлъ Ты кто еси, Святой Божій* (Марк. 1, 24.); и: *пришелъ еси прежде време мучити насъ* (Матѳ. 8, 29.). Тоже произошло и тогда; сопровождавшая волхва сила демонская открываетъ Вааламу непреоборимость и необходимость народа Божія.)

А мы, прицаровля исторію къ изслѣдованному доселѣ, утверждаемъ, что шамбревающійся проклясть живущихъ добродѣтельно не можетъ произнести ни одного огорчительнаго и противнаго слова, но проклятiе обращаетъ въ благословеніе. Разумѣется же подъ снмъ то, что живущихъ добродѣтельно не касается укоришна злорѣчiя. Ибо какъ нестяжателя укорить въ любостыжательности? Какъ объ отшельникѣ и живущемъ уединенно распускать кому либо слухъ, что онъ живетъ распутно? или о кроткомъ, что онъ раздражителенъ? или

о смиренномудренномъ, что онъ кичливъ? или иное что укоризненное разглашать о людяхъ, которые извѣстны съ противной стороны, /у которыхъ та и цѣль, чтобы представить жизнь неуловимую для насмѣшника, да посрамится, какъ говорить Апостоль, *противный, ничто же имья глаголати* (Гит. 2, 8.). Посему и голосъ призвавшаго для проклятiя произносить: *что проклену, его же не кленетъ Господь* (Числ. 23, 8.)? то есть, какъ буду злословить недавшаго нища злословію? У него, послику взоръ обращенъ къ Богу, то и жизнь неуязвима порокомъ.

Впрочемъ изобрѣтатель зла, когда не устыль въ этомъ, не вовсе перестаетъ примышлять козни тѣмъ, на кого злоумышлялъ, а напротивъ того обращаетъ изобрѣтательность на особую восиную хитрость, уловляетъ естество человѣческое въ порокъ приманкою удовольствій. И дѣйствительно удовольствіе, подобно какой-то приманкѣ, ко всякому пороку, какъ скоро поставлено на видъ, жадныя души удобно привлекаетъ удою погибели; особливо же естество наше безъ всякой какой-то осторожности вовлекается во зло сладострастіемъ. Такъ было и тогда; тѣхъ, которые преодолѣли оружіемъ, показали, что всякое прираженіе жѣлѣза уступаетъ крѣпостию собственной ихъ силѣ, стремительно обратили въ бѣгство со противныя дружины, — ихъ самихъ сластолюбіе

уязвило женскими стрѣлами. И побѣдившіе мужей уступили побѣду женамъ. Едва только показались предъ ними женщины, вмѣсто оружіи противопоставили имъ свои лица, и они немедленно забыли о силѣ мужества, раздраженіе ихъ перемѣнилось въ желаніе нравиться. И въ такое пришли состояніе, въ какомъ естественно быть до цѣлостности предавшимся беззаконному смѣшенію съ иноплеменицами.

Освоеніе же со зломъ стало отчужденіемъ помощи добраго; потому что вскорѣ востало на нихъ Божество. Но ревнитель Финеесъ не ждалъ, чтобы грѣхъ былъ очищенъ по приговору свыше; напротивъ того самъ содѣлался и судіею и исполнителемъ казни. Подвигшись гнѣвомъ на цѣлостныхъ, исполнилъ онъ дѣло іерея, кровію очистивъ грѣхъ, и кровію не какого либо цѣлостнаго животнаго, неприщипаннаго на себя никакой скверны цѣлостности, но кровію совокупившихся между собою въ грѣхѣ. И копьѣ, произившее два ихъ тѣла, успокоило готовое подвигнуться на нихъ Божіе правосудіе, наслажденіе согрѣшившихъ сливъ въ едино съ ихъ смертію. Но мнѣ кажется, что исторія сія предлагаетъ вмѣстѣ людямъ душеполезный вѣрній совѣтъ, обучающій насъ, что изъ многихъ страстей, поборающихъ человѣчскіе помыслы, ни одна не имѣетъ на насъ такой силы, чтобы равняться ей съ недугомъ сластолюбія. / Ибо что и эти Израильтяне, кото-

рые показали себя неубоявшимися египетской кощницы, побѣдили Амаликитянъ. содѣлались страшными и послѣ нихъ слѣдовавшему народу, а потомъ преодолѣли дружину Мадіанитянъ,— и они самыя внезапно, при одномъ воззрѣніи на иноплеменныхъ женщинъ, поработились сему недугу. и симъ, какъ сказано, не иное что доказываютъ, а только то, что сластолюбіе—такой нашъ врагъ, который съ трудомъ поборается и преодолевается, который однимъ своимъ появленіемъ одержавъ верхъ надъ непобѣдимыми оружіемъ, воздвигъ памятникъ ихъ безчестія, стыдъ побѣжденныхъ предавъ позору, при свидѣтельствѣ дневнаго свѣта. Сластолюбіе въ скотовъ преобразило людей, которыхъ скотское и неразумное стремленіе къ непотребству убѣдило забыть человѣческую свою природу; и они не таятъ преступленія, но величаются безчестіемъ страсти, утѣшаются скверною срама, подобно свиньямъ открыто, въ глазахъ другихъ, валяются въ тинѣ нечистоты.

Чему же научаемся изъ сего повѣствованія? Тому, чтобы, дознавъ, съ какою силою вовлекаетъ въ зло недугъ сладострастія, какъ можно дальше, отъ подобнаго сосѣдства устранимы жизнь свою, и чтобы не могъ, какимъ бы то ни было путемъ, прокрасться къ намъ этотъ недугъ, подобный какому-то огню, однимъ приближеніемъ производящему губительное за-

паленіе.] Сему учитъ Соломонъ, совѣтуя въ книгѣ Премудрости: обнаженною ногою не касаться горящаго угля и не класть огня въ нѣдра (Прит. 6, 27. 28.); такъ какъ въ нашей волѣ пребывать въ безстрастіи, пока мы далеко отъ поджигающаго насъ. А если до того сблизимся, что будемъ касаться этого палящаго зноя, то огонь похотѣнія внѣдрится въ насъ, и такимъ образомъ послѣдуетъ то, что и нога будетъ обожжена, и нѣдро повреждено. Чтобы вдали берегли мы себя отъ подобнаго зла, Господь въ Евангеліи, собственнымъ словомъ Своимъ, какъ бы нѣкій корень страсти, отсѣкаетъ пожеланіе, возбуждаемое зрѣніемъ, научая, что [принявшій въ себя страсть взоромъ дастъ путь болѣзни;] потому что лукавыя страсти, подобно заразѣ, какъ скоро однажды овладѣютъ существеннымъ въ чловѣкѣ, прекращаются только смертію.]

Но думаю, что тѣмъ, которые цѣлую жизнь Моисееву предложили читателямъ въ образецъ добродѣтели, нѣтъ нужды длить слово. [Кто напрягаетъ силы свои къ жизни высокой, тому и сказанное послужитъ нескуднымъ напутіемъ къ истинному любомудрію; а кто изнемогъ для подвиговъ добродѣтели, для того, если написать и во много кратъ больше сказаннаго, не будетъ пользы отъ этого труда, развѣ только будетъ предано забвенію то, въ чемъ слово наше, по опредѣленію высказанному въ пре-

дисловіи, стоить твердо, а именно: совершенная жизнь такова, что никакое описаніе совершенства не останавливаетъ дальнѣйшаго преслѣянiя въ оной, но непрестанное возрастаніе въ усовершенiи жизни для души есть путь къ совершенству.

Приведя слово къ концу Моиссеевой жизни, хорошо будетъ доказать, что сіе данное намъ правило совершенства несомнѣнно. Ибо кто въ теченiи всей жизни достигаетъ большей и большей высоты етоль многими восхожденiями, тотъ не сомнѣвался стать еще выше себя самаго, такъ что жизнь его, подобно орлу, во всемъ, думаю, усматривается надоблачною, превысиренною, парящею въ эфирѣ мысленнаго восхожденiя. Родился онъ, когда Египтянами родиться Еврею вмѣнялось въ проступокъ. Мучитель по закону наказывалъ родившагося. Но Моисей не подчиняется губительному закону, спасенный сперва родителями, а потомъ и самими постановившими законъ; и кому по закону надлежало стараться объ его смерти, тѣ приложили все попеченіе, не только о жизни его, но и о жизни славной, обучая юношу всякой премудрости. Послѣ сего ставитъ онъ себя выше человѣческой почести, принимаетъ царскаго сана, признавъ болѣе могущественнымъ и царственнымъ, вмѣсто званiя царскаго оруженосца, и вмѣсто царскихъ украшенiй, имѣть право стать на стражѣ доб-

родѣтели и величаться ся велелѣпіемъ. Потомъ спасаетъ соотечественника, низлагаетъ же ударомъ Египтянина, подѣ которыми въ нашемъ послѣдовательномъ обзорѣніи разумѣемъ мы врага и друга души. Послѣ этого преподавателемъ высокихъ уроковъ дѣлаетъ безмолвіе, и просвѣщаетъ умъ свѣтомъ, возсіявшимъ изъ купины. И тогда прилагаетъ стараніе и соотечественниковъ сдѣлать участниками въ дарованныхъ ему свыше благахъ. При этомъ представилъ сугубое доказательство силы, карательное въ разнообразныхъ одна за другою послѣдовавшихъ казняхъ врагамъ, и благодѣтельное соотечественникамъ. Пѣшимъ переводить черезъ море многочисленный народъ, не отрядъ кораблей приготовивъ для себя, но въ Израильтянахъ для плаванія оснастивъ вѣру. Немокрепною дѣлаетъ для Евреевъ глубину, а для Египтянъ море — моремъ. Воспѣлъ и побѣдную пѣснь, и путеводимъ былъ столпомъ, озаряемъ небеснымъ огнемъ, устраивалъ свою трапезу изъ снѣди, подаваемой свыше, утолялъ жажду камнемъ, воздѣвалъ руки на погибель Амаликитянъ; и къ горѣ приступаетъ, слышалъ звукъ трубы, входитъ и во мракъ, приблизился къ Божію естеству, пребывалъ въ горней скиніи, придавалъ благолѣпіе священству, устроилъ скинію, исправилъ жизнь законами, напоследокъ, по сказанному, преуспѣлъ въ войнахъ. При концѣ своихъ преслѣданій,

при помощи священства наказалъ испотребство; ибо сіе далъ разумѣть гнѣвъ Финсеса, обнаруженный имъ противъ страсти.

Въ заключеніе всего этого восходитъ на гору упокоенія, не сходитъ на дольную землю, къ которой по обѣтованію обращалъ взоры стоявшій долу народъ, не вкушаетъ болѣе земной пищи помышлявшій о снѣди дождной свѣише, но пребывая высирь на самой вершинѣ горы, какъ свѣдущій какой ваятель, преобразивъ себя въ полное ѣзваяніе жизни, въ заключеніе произведенія со тщательностію прилагасть, не конецъ, но вѣнецъ дѣлу всему. Ибо что говоритъ о немъ исторія? *Скончися Моисей, рабъ Господень, словомъ Господнимъ, и не увидя никтоже погребенія его; и не отемнисть очи его, и не истлѣло лице его* (Втор. 34, 5. 7.).

А изъ сего научаемся, что за столь многія преспѣянія удостоивается тогда этого высокаго имени — чтобы называться рабомъ Божиимъ, что значитъ тоже, какъ и сказать: онъ сталъ совершеннѣе всякаго. Ибо никто не возможетъ служить Богу, развѣ только тотъ, кто всѣхъ совершеннѣйшимъ содѣлался въ мірѣ. У Моисея и конецъ добродѣтельной жизни совершился *словомъ Господнимъ*. Исторія называетъ оный кончиною, кончиною живою, за которою не слѣдуетъ погребеніе, не насыпають могильнаго холма, не оказывается поте-

миѣнія въ очахъ и истлѣнія въ лицѣ. И такъ чему же научаемся сказаннымъ? Юдинъ конецъ имѣть въ виду въ продолженіе жизни, — чтобы за содѣланное нами въ жизни быть названу рабомъ Божиимъ. Ибо, когда преодолѣешь всѣхъ враговъ, Египтянина, Амаликитянина, Идумея, Мадіанитянина, перейдешь черезъ воду, озаришься облакомъ, усладишься деревомъ, испіешь отъ камня и вкусишь нищи свѣще, чистотою и невинностію положишь путь къ восхожденію на гору, и бывъ тамъ, посвященъ будешь въ Божественное таинство при звукѣ трубъ, въ неудообразимомъ мракѣ приближишься вѣрою къ Богу, тамъ обученный таинствамъ скиніи и изучившій санъ священства; когда содѣлаешься каменосѣтцемъ сердца своего, чтобы на скрижаляхъ его Богомъ могли быть начертаны слова Божіи; когда уничтожишь золотой кумирь, то есть, изгладишь изъ жизни похоть любостыжанія: когда столько возвысишься, что содѣлаешься непреоборимымъ для Валаамова волхвованія (а слыша о волхвованіи, разумѣй многоразличную прелесть этой жизни, отъ которой люди, какъ бы нанесенные изъ какой-то киркеной чаши, вышедши изъ собственнаго своего естества, превращаются въ видъ безсловесныхъ); когда совершится все это, и прозябнетъ въ тебѣ жезлъ священства, не всасывая въ себя для прозябенія никакой земной влаги, но самъ въ себѣ заключая силу

плодоношенія, и именно принесеніе въ плодъ орѣха, у котораго первое, что въ немъ представляется, горько и твердо, но содержащее въ этомъ сладко и годно въ пищу; когда все возстающее противъ твоего достоинства, приведешь въ уничтоженіе, какъ Давана, поглупившаго землю, или истребишь огнемъ, какъ Корея: тогда приблизишься къ концу; концемъ же называю то, ради чего все дѣлается. Какъ на примѣръ: конецъ земледѣлія — вкушеніе плодовъ; конецъ постройки дома — обитаніе въ домѣ; конецъ торговли — богатство; конецъ трудовъ подвижническихъ — вѣнецъ: такъ и конецъ высокаго житія — называться рабомъ Божиимъ, подѣль чѣмъ разумѣется также и то, чтобы не имѣть надъ собою могильной насыпи, то есть, сдѣлать жизнь не влекущую за собой дурныхъ послѣдствій.

Но Писаніе сказывасть другій признакъ сего рабства, — непотемнѣніе очей и неистлѣніе лица. Ибо око, которое всегда во свѣтѣ, какъ отемнѣть отъ тмы, которой оно чуждается? И кто во всю жизнь преуспѣвалъ въ нестлѣніи, тотъ, конечно, не приѣмлетъ въ себя никакого тлѣнія. Ибо кто дѣйствительно созданъ по образу Божію, и не измѣнилъ въ себѣ ни одной Божественной черты; тотъ носитъ въ себѣ сіи признаки, и подобіемъ во всемъ соотвѣтствуетъ первообразу, нестлѣніемъ, не-

измѣняемостію и отсутствіемъ всякой примѣси порока украшая свою душу.

Вотъ тебѣ, человѣкъ Божій, Кесарій, предлагается краткое сіе наше слово о совершенствѣ жизни добродѣтельной, изобразившее жизнь великаго Моисея, какъ нѣкій въ лицахъ первообразъ красоты, съ котораго и мы, каждый порознь, подражаніемъ симъ упражненіямъ, можемъ изображать въ себѣ очертаніе показанной намъ красоты. Что Моисей преуспѣлъ въ возможномъ совершенствѣ, въ этомъ найдется ли для насъ какой свидѣтель, достовѣрнѣйшій Божія слова, которое говоритъ ему: *вѣдь ты паче всѣхъ* (Исх. 33, 12.). И то, что Самимъ Богомъ наименованъ онъ другомъ Божиимъ, и, что, желая лучше погибнуть со всѣми, если Богъ и имъ по благоволенію не окажетъ помилованія за все, въ чемъ согрѣшили, остановилъ гнѣвъ на Израильтянъ, потому что Богъ измѣнилъ опредѣленіе Свое, чтобы не огорчить друга,—и это и все сему подобное служить яснымъ свидѣтельствомъ и доказательствомъ того, что жизнь Моисея достигла самаго крайняго предѣла совершенства.

Итакъ, посліку вопросъ у насъ былъ о томъ, что такое совершенство въ добродѣтельномъ житіи; а по сказанному совершенство сіе найдено: то остается тебѣ, доблестный, имѣть предъ очами этотъ образецъ, и что усмотрѣно при высшемъ взглядѣ на сказанное

исторически, примѣнивъ это къ собственной жизни, стараться о томъ, чтобы познаннымъ быть отъ Бога и содѣлаться другомъ Божиимъ. Ибо вотъ тѣ подлинномъ смыслѣ совершенство — не раболѣпно, не по страху наказанія удляться отъ порочной жизни, и не по надеждѣ наградъ дѣлать добро, съ какими нибудь условіями и договорами торгуя добродѣтельною жизнью; но теряя изъ вида все, даже что по обѣтованіямъ соблюдается надеждѣ, одно только почитать для себя страшнымъ — лишиться Божіей дружбы, и одно только признавать драгоценнымъ и вождѣннымъ — содѣлаться Божиимъ другомъ, что, по моему разсужденію, и есть совершенство жизни. / Но что можетъ быть найдено тобою твоимъ умомъ, превознесеннымъ къ болѣе велѣнному и Божественному, найдется же и многихъ.....; то, безъ сомнѣнія, будетъ общою пользою для всѣхъ о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки, аминь.

4. О МОЛИТВѢ

—

С Л О В О 1-е.

Божіе слово преподастъ намъ ученіе о молитвѣ, въ которомъ достойнымъ ученикамъ своимъ, тѣательно ищущимъ вѣдѣнія о молитвѣ, излагаетъ оно, какими молитвенными реченіями надлежитъ преклонять къ себѣ Божій слухъ. А я осмѣливаюсь предпоставить написанному, что настоящему собранію надлежитъ сперва учиться не тому, какъ должно молиться, но тому, что непремѣнно должно молиться, о чемъ, можетъ быть, и не слышали еще многіе. Священное и божественное сіе дѣло—молитва многими во время жизни оставляется въ нерадѣніи и небреженіи. Посему, кажется мнѣ, прилично будетъ сперва, сколько возможно, подтвердить словомъ, что непремѣнно должно, какъ говоритъ Апостоль, *пребывать въ молитвѣ* (Рим. 12, 12.); и потомъ уже выслушать Божественное слово, излагающее намъ способъ, какъ надлежитъ возносить моленіе ко Господу.

Вижу, что въ настоящей жизни о всемъ другомъ прилагается болѣе тѣнѣя, одинъ къ одному, другой къ другому устремленъ душою, но благо молитвы не съ усердіемъ взыскуется людьми. Мелочный торгашъ съ ранняго утра сидитъ съ товарами, стараясь прежде промѣняющихся тѣмъ же показать покупателямъ свое, чтобы, предваривъ другихъ, удовлетворить потребности нуждающагося и продать свое. А также и покупатель, имѣя въ виду не остаться безъ потребнаго ему, если прежде захватитъ это другой, снѣзнить не въ домъ молитвы, а на рынокъ. И у всякаго, кто имѣетъ равное пожеланіе получить выгоду, и старается предупредить ближняго, тѣмъ, о чемъ онъ заботится, похищается часть молитвы, будучи перенесенъ на торжище. Какъ занимающійся рукодѣліемъ, такъ и упражняющійся въ наукахъ, такъ подсудимый, такъ получившій право судить—каждый, всецѣло увлекаясь заботливостію о томъ, что у него подъ руками, предастъ забвенію упражненіе въ молитвѣ, признавая богомыслие утратою для лежащаго ему дѣла; потому что, кто занимается искусствомъ, тотъ Божіе въ лежащемъ ему дѣлѣ содѣйствіе почитаетъ чѣмъ-то бесполезнымъ и ни къ чему не служащимъ: почему, оставивъ молитву, возлагаетъ надежду на свои руки, не памятуя о томъ, Кто далъ ему эти руки. А также, кто прилагаетъ попеченіе объ образо-

ваніи въ себѣ дара слова, тотъ не помышляетъ о Томъ, отъ Кого имѣеть сей даръ, но какъ будто самъ себя возвелъ въ естество (в), обращаетъ вниманіе только на себя, и предается изученію уроковъ; въ той мысли, что отъ Божія содѣйствія не будетъ для него ничего добраго, своей тщательности отдастъ предпочтеніе предъ молитвою. Подобно сему и прочія занятія заботливостію о тѣлесномъ и земномъ не даютъ душѣ досуга на попеченіе о важнѣйшемъ и небесномъ.

Посему-то великій это въ жизни грѣхъ, непрестанно отъ разныхъ приращеній болѣе и болѣе увеличивающійся, соединенный со всѣми человѣческими заботами, отчего и забвеніе о Богѣ преобладаетъ всѣми, и благо молитвы не включается людьми въ число заслуживающаго ихъ заботливость. Съ торговлею привходитъ любостыжательность, а любостыжательность есть идолослуженіе. Такъ земледѣлецъ не съ необходимыми потребностями соразмѣряетъ труды земледѣлія, но, простирая всегда тщательность до большей мѣры, доставляетъ грѣху свободный входъ въ занятіе тѣмъ, что

(в) Слѣдующія за симъ выраженія переведены по пергаменной рукописи X—XI вѣка, хранящейся въ Москов. Синод. Библиотекѣ N 71, въ которой читается: *πρὸς ἑαυτὸν βλέπει καὶ ταῖς τῶν μαθημάτων προσαίρει σπουδαῖς διδὲν ἐκ τῆς τοῦ Θεοῦ συνεργίας* и проч.

вноситъ оное въ чуждые предѣлы (г). Отсюда происходятъ некончаемые споры, когда одержимые подобными недугомъ любостыжательности входятъ между собою въ состязанія о границахъ зѣлѣнаго отсего раздраженія, побужденія къ злымъ дѣламъ, и взаимныя нападенія другъ на друга часто оканчиваются кровопролитіемъ и убійствомъ. А также усиленныя ложенія по судамъ, изобрѣтая тысячи извѣщеній неправдѣ, служатъ множеству разныхъ грѣховъ. Судья, или произвольно за взятку кривитъ вѣсами правосудія, или, противъ воли введенный въ обманъ старающимися затемнить истину, подтверждаетъ неправду. И что, если пересказать подробно это множество видовъ и способовъ, какими грѣхъ примѣшивается къ человѣческой жизни?

Причиною же грѣха не иное что, а единственно то, что люди къ тѣмъ средствамъ достигнуть желасмаго, какія у нихъ подъ руками, не хотятъ присовокупитъ и Божию помощь. Если усиленному старанію предшествовать будетъ молитва, то грѣхъ не найдетъ доступа къ душѣ. Пока въ сердцѣ твердо памятованіе о Богѣ, недѣйствительными остаются примышленія сопротивника; потому что въ дѣ-

(г) По той же рукописи читается: *κατα τῆ ἐπιτηδείματος κα-
τοῖς ἀλλοτριῖοις ὄροις.*

лахъ сомнительныхъ вездѣ за насъ ходатайствуетъ правда. Молитва и земледѣльца удерживаетъ отъ грѣха, на маломъ пространствѣ земли умножая плоды, такъ что грѣхъ не входитъ уже съ пожеланіемъ болѣе. Такъ путешественникъ, такъ вступающій въ воинскіе ряды, или въ супружество, такъ всякій, къ чему бы ни было направлено его стремленіе, если каждое дѣло будетъ дѣлать съ молитвою, благоуспѣшностію въ томъ, чѣмъ онъ занятъ, будетъ отвращенъ отъ грѣха, такъ какъ ничто противное не увлечетъ души его въ страсть. Если же кто отступитъ отъ Бога, всецѣло предастся собственному усилію; то, ставъ внѣ Бога, по всей необходимости непремѣнно перейдетъ онъ во власть противника. Отлучается же отъ Бога, кто не въ единеніи съ Богомъ посредствомъ молитвы.

Поэтому надлежитъ намъ тому сперва научиться въ этомъ словѣ, что *подобаетъ всегда молиться, и не стужати* (Лук. 18, 1.). Ибо слѣдствіе молитвы то, что бываемъ мы съ Богомъ: а кто съ Богомъ, тотъ далекъ отъ сопротивника. Молитва есть охранныя стража цѣломудрія, доброе направленіе раздражительности, обузданіе кичливости, очистительное средство отъ памятозобія, истребленіе зависти, уничтоженіе неправды, исправленіе нечестія. Молитва есть крѣпость тѣлу, обиліе въ дому, благоустройство въ городѣ, могущество

царства, побѣдный памятникъ на брани, безопасность во время мира, собраніе разъединенныхъ, постоянная совокупность соединившихся. Молитва есть печать дѣвства, вѣрность супружества, оружіе путешественникамъ, стражъ спящимъ, смѣлость бодрствующимъ, плодъ сіе земледѣльцамъ, спасеніе плавающимъ. Молитва—защитникъ подсудимымъ, освобожденіе узниковъ, успокоеніе утружденныхъ, ободреніе скорбящихъ, удовлетвореніе радующихся, утѣшеніе плачущихъ, вѣнецъ вступающихъ въ супружество, торжество въ день рожденія, погребальная пелена умирающимъ. Молитва—собесѣдованіе съ Богомъ, созерцаніе невидимаго, несомнѣнная увѣренность въ возделываемомъ, равночестіе съ Ангелами, преснѣяніе въ добрѣ, низложеніе зла, исправленіе согрѣшающихъ, наслажденіе настоящимъ, осуществленіе будущаго. Молитва Іонѣ кита содѣлала жилищемъ, Езекию изъ вратъ (д) смерти возвратила къ жизни; а тремъ Ѳтрокамъ пламень обратила въ духъ росный (Дан. 3. 50.), Израильтянамъ воздвигла памятникъ побѣды надъ Амаликитянами, сто восемьдесятъ пять тысячъ Ассиріянъ поразила въ одну ночь невидимымъ мечемъ; и кромѣ сего можно найти

(д) По рукоп. вмѣсто: *αὐτῶν* читается: *ἐκ τῶν*.

въ томъ, что́ было уже прежде, тысячи примѣровъ, изъ которыхъ дѣлается явнымъ, что) изъ всего цѣнимаго въ жизни ничто не выше молитвы.

Но хотя время уже заняться самою молитвою; однакоже присовокупимъ еще иѣчто къ слову, потому что, по Божіей благодати, благъ всякаго рода у насъ много, для воздаянія же за полученное имѣемъ у себя это одно—возможность платить долгъ Благодѣтелю молитвою и благодареніемъ. Посему разсуждаю, что, если и цѣлую жизнь продолжимъ свое собесѣдованіе съ Богомъ, пребывая въ благодареніи и молитвѣ, то воздаяніе наше будетъ такъ же малоцѣнно, какъ если бы мы не позаботились еще положить и начала исполненію этой обязанности—чѣмъ либо воздать Благодѣтелю. Продолженіе времени дѣлится на три отдѣла: на прошедшее, настоящее и будущее. Сими тремя отдѣлами объемлетъ благодареніе къ намъ Господне. Помыслишь ли о настоящемъ? Ты о Господѣ живешь: или о будущемъ? Онъ для тебя — упованіе ожидаемаго; или о прошедшемъ? Тебя и небыло бы если бы не отъ Него получилъ бытіе; тѣмъ самымъ ты облагодѣтельствованъ Имъ, что получилъ отъ Него бытіе, облагодѣтельствованъ и тѣмъ, что пользуешься бытіемъ, потому что о Немъ живешь и движешься, какъ говоритъ Апостоль (Дѣян. 17, 28.). Да и надежды на будущее

зависятъ отъ сего же благодѣянiя (е). Самы ты властенъ только въ настоящемъ, такъ что, если бы и во всякое время не переставалъ ты благодарить Бога, то едва могъ бы возблагодарить за настоящее, не находя никакого способа воздать должное и за будущее, и за прошедшее. А мы столько скудны въ должной (ж) благодарности, что и по мѣрѣ возможности небываемъ признательны, не говорю, цѣлаго дня, даже большей части дня не удѣляя на богомыслие. Кто распростеръ для меня землю? Кто примыщенiемъ своимъ и влажное естество содѣлалъ проходимымъ? Кто устроилъ мнѣ *небо яко капару* (Иса. 40, 22.)? Кто носитъ передо мною свѣтильникъ солнца? Кто посылаетъ источники въ долину? Кто уготовалъ русла рѣкамъ? Кто отдалъ мнѣ въ служенiе бессловесныхъ животныхъ? Кто меня—неодушевленный прахъ содѣлалъ причастникомъ жизни и разумѣнiя? Кто сіе бренное образовалъ по подобiю образа Божiя? Кто омраченный во мнѣ грѣхомъ Божiй образъ снова привелъ въ первоначальную лѣноту? Кто меня, изгнаннаго изъ рая, удаленнаго отъ древа жизни, сокрытаго въ безднѣ вѣщественной жизни, влечетъ къ первобытному блажен-

(е) По рукъ вѣсто *ἐνεργίας* читается *ἐνεργ-σίας*

(ж) Въ рукоп вѣсто: *κατὰ δὲ τιμὴν* читается: *κατὰ ἀξίαν*.

ству? *Нѣсть разумѣвая* (Рим. 3, 11.), говорить Писаніе. Взирая на это, [должны бы; мы были во все продолженіе времени жизни безконечное и непрерывное воздавать благодареніе.]

Но теперь все почти человѣческое естество бдительно для одного вещественнаго, объ этомъ вся его тщательность, къ этому все усердіе, что составляетъ предметъ и памятованія и надежды. Неусыпно и неудержимо во всякомъ дѣлѣ естество человѣческое къ вождедѣнію бѣлаго, гдѣ только можетъ еще быть найдено что либо бѣльшее, въ чести ли это и славѣ, въ избыткѣ ли имущества, или недуга раздражительности, вездѣ естество наше имѣетъ въ виду достигнуть въ этомъ бѣлаго, объ истинныхъ же благахъ Божіихъ, или извѣстныхъ по обѣтованію, нѣтъ и помышленія.

Но время изслѣдовать, по возможности, смыслъ реченій, употребленныхъ въ молитвѣ; ибо явно, что получить желаемое нами, дѣлается для насъ возможнымъ, только когда дознаемъ, какъ надлежитъ сего испрашивать. Посему какое же преподано о семъ ученіе? *Молящеся* сказано, *не лишше глаголите якоже язычници*: *мятѣ бо яко въ многоглаголаніи своемѣ услышаны будутѣ* (Мѣ. 6, 7. ~~X~~). Хотя содержаніе сего ученія, будучи изложено намъ просто, само по себѣ можетъ быть ясно, и не требуетъ никакого болѣе тонкаго изысканія:

однакоже достойно для насъ изслѣдованія: что значить реченіе: *лишиеглаголаніе*, чтобы, дознавъ смыслъ сего слова, не дѣлать намъ за-
прещеннаго.

Мнѣ кажется, что Господь уцѣломудриваетъ суетность ума, обуздываетъ погружающихся въ суетныя пожеланія, и потому избрѣлъ это неупотребительное дотолѣ и новосоставлен-
ное реченіе въ обличеніе неразумія тѣхъ, которые развлекаются пожеланіями безполезнаго и суетнаго. Ибо слово благоразумное, смыслен-
ное и направленное къ полезному въ собствен-
номъ смыслѣ называется словомъ, а произно-
симое неисполнимыми пожеланіями ради не-
осуществимаго удовольствія есть не слово, но
лишиеглаголаніе, или какъ иный, выражая
мысль болѣе употребительными словами, ска-
залъ бы: пустословіе, бессмыслица, вздоръ,
и что либо другое подобнаго сему значенія.
По сему, что же внушаетъ намъ слово сіе?—
Во время молитвы не подвергаться тому же,
что, на примѣръ, происходитъ въ дѣтскомъ
умѣ. Ибо несовершенные умомъ не о томъ
думаютъ, что могло бы дѣйствительно быть
исполнено по ихъ мысли, но самовластно
строятъ себѣ какую-то счастливую судьбу,
предполагая сокровища, супружество, царства,
большіе города, называемые ихъ именами,
представляютъ себя обладателями того, что
изобразила имъ суетность помысловъ, а иные

еще смѣлѣе предаются такой суетности, и преступивъ мѣру естества, или дѣлаются мысленно птицами, или сіяютъ подобно звѣздамъ, или носятъ въ рукѣ горы, или небо представляютъ для себя удобопроходимымъ, или предполагаютъ прожить тысячи лѣтъ, изъ стариковъ дѣлаясь молодыми, или пныя подобныя симъ похожія на пузыри и пустыя представленія (з) пораждаеть сердце въ юныхъ уомъ; посему, какъ въ дѣлахъ обыкновенныхъ не разсуждающій о томъ, чѣмъ достигается какое либо изъ благихъ желаній, но осуетившійся не исполнимыми пожеланіями, какъ человекъ неразумный и жалкій, въ этихъ грезахъ тратить время, въ которое могъ бы подумать, какъ сдѣлать для себя что либо полезное: такъ и тотъ, кто во время молитвы устремленъ не къ тому, что полезно душѣ, но просить Бога оказать благоволеніе къ страстнымъ движеніямъ его ума, какъ человекъ нелѣпный, есть дѣйствительно лишесглаголивый, молящійся о томъ, чтобы Богъ сталъ содѣйственникомъ и служителемъ его суетностей. Скажу для примѣра: приступаетъ кто либо съ молитвою къ Богу, и не уразумѣвъ умомъ высоты того могущества, къ какому приступаетъ, самъ того не понимая, оскорбляетъ сіе величіе срамными и низкими прошеніями. (Какъ если кто, по

(з) По рук. вѣсто: *поѣмита* читается: *поѣмати*.

чрезвычайной бѣдности, или грубости, глиняные сосуды почитая для себя многоцѣнными, а потомъ пришедши къ царю, готовому раздавать богатства и чины, отложивъ въ сторону прошенія, какія прилично предлагать царю, станеть у почтеннаго такимъ саномъ просить чтобы изъ глины лѣнилъ, что для него желательно; такъ и невѣжественно пользующійся молитвою не возносится самъ до высоты Дающаго, а напротивъ того желаетъ Божественное могущество низвести до собственнаго своего низкаго и земнаго пожеланія, и поэтому страстныя стремленія простираеть къ Тому, Кто видитъ сердца, и простираеть не для того, чтобы уврачевалъ неумѣстныя движенія сердца, но чтобы содѣлалось оно еще худшимъ, когда лукавое сіе стремленіе, при содѣйствіи Божиємъ, увѣнчается дѣломъ. Поелику такой-то оскорбляетъ, и сердце къ оскорбляющему расположено непріязненно, то говоритъ Богу: «поразь его», какъ бы такъ вопія: «моя страсть да содѣлается и Твоею, моя злоба да перейдетъ и въ Тебя». Какъ въ человѣческихъ битвахъ невозможно стоять за кого либо съ одной стороны, нечувствуя вмѣстѣ съ гнѣвающимся раздраженія на противоборствующаго; такъ, очевидно, и возбуждающій Бога противъ своего врага просить Его, чтобы вмѣстѣ съ нимъ прогнѣвался, и сталъ участникомъ въ раздраженіи. А сіе значитъ Божеству

прийти въ страсть, уподобиться человѣку и благое естество претворить въ звѣрскую жестокость. Такъ славолубецъ, такъ по гордости желающій имѣть у себя больше и больше, такъ усиливающійся одержать побѣду въ судопроизводствѣ, такъ поспѣвающій получить вѣнецъ въ тѣлесныхъ борьбахъ, домогающійся одобренія на зрѣлищахъ, а часто и истощенный пенствою страстною юности — все они возносятъ моленія къ Богу не о томъ, чтобы освободиться отъ преобладающаго ими недуга, но о томъ, чтобы болѣзнь въ нихъ достигла своего предѣла; и поелику каждый изъ нихъ не успѣтъ въ этомъ признаеть для себя несчастіемъ, то подлинно они лишше глаголють, умоляя Бога, чтобы сталъ Онъ содѣйственникомъ умственнаго ихъ недуга: а что всего хуже, имъ желательно, чтобы Божество принимало противоположныя стремленія, дѣля Божію дѣйственность на жестокость и человѣколюбіе: потому что, о Комъ желаютъ, чтобы милостивъ и кротокъ былъ къ нимъ, Того же просятъ показать Себя жестокимъ и немилостивымъ къ ихъ врагамъ. / Какое неразуміе лишше глаголющихъ! Если Богъ жестокъ къ нимъ, то, безъ сомнѣнія, не благосклоненъ и къ тебѣ. А если, по надеждѣ твоей, къ тебѣ преклоняется на милость, то почему придетъ въ противоположное расположеніе, переѣвивъ милость на жестокость?

Но у любителей споровъ подъ руками на это возраженіе. Ибо въ защищеніе своей жестокости немедленно представляютъ пророческія слова, и именно: Давида, желающаго, *да погибнутъ* грѣшныя (Псал. 9, 4.), и молящагося о постыженіи и посрамленіи враговъ (Псал. 82, 18.); Іеремію, изъявляющаго желаніе видѣть *мщеніе* Божіе на сопротивныхъ (Іерем. 11, 20.), Осію, испрашивающаго дать врагамъ *утробу неплодѣющую и сосцы сухи* (Ос. 9, 14.), собираютъ и многое другое, разсѣянное въ разныхъ мѣстахъ священныя Писаній, доказывая, что должно молиться объ отмщеніи противникамъ и благодать Божію дѣлать содѣйственницею своей жестокости. Но чтобъ, какъ бы мимоходомъ, прекратить лишнеглаголаніе по сему поводу уклоняющихся въ противное. о каждомъ изъ упомянутыхъ мѣстъ предложимъ мы слѣдующее:

Ни одинъ изъ дѣйствительно святыхъ, вдохновенныхъ Духомъ Святымъ, которыхъ реченія по Божественному смотрѣнію написаны въ назиданіе послѣдующимъ родамъ, не окажется прилагающимъ реченія о чемъ либо худомъ. Но одна цѣль въ ихъ словахъ, она клонится къ исправленію естества отъ вселившагося въ немъ порока. Посему, какъ молящійся, чтобы небыло больныхъ, не было нищенствующихъ, желаетъ не смерти людей, а истребленія болѣзни и нищеты: такъ и каждый изъ святыхъ,

молясь о томъ, чтобы пришло въ уничтоженіе все враждебное и непріязненное естеству, только людямъ наиболѣе невѣжественнымъ подаетъ поводъ къ такой мысли, будто бы святыя ожесточены и раздражены противъ людей. Ибо Псалмопѣвецъ, сказавъ: *да исчезнутъ грѣшницы отъ земли и беззаконницы, якоже небыти иль* (Псал. 103, 35.), молится о томъ, чтобы исчезли грѣхъ и беззаконіе; потому что, не человѣкъ человѣку враждебенъ, но порочнымъ движеніемъ произвола соединенное съ нимъ по естеству дѣлается ему врагомъ. Посему Давидъ молится, чтобы исчезло зло; но человѣкъ—не зло. Ибо какъ быть зломъ подобно Благаго? Такъ, если молится о постыженіи и посрамленіи враговъ, то указываетъ симъ тебѣ на полчище сопротивниковъ, отъ невидимаго врага нападающихъ на жизнь человѣческую, о которыхъ откровеннѣе выражается Павелъ, говоря, что у насъ *брань къ началомъ, ко властемъ и къ міродержителямъ тмы* (и) *сея, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6, 12.), къ демонскимъ кознямъ, по которымъ представляются людямъ дурные случаи ко грѣху, приводящія въ раздраженіе встрѣчи, поводы къ вождельніямъ, предлоги къ зависти, ненависти, гордости, и подобнымъ порокамъ.

(и) Такъ читается по рукописи.

Видя, что все это злокозненно окружает душу каждого, великій Пророкъ, молящійся объ отмщеніи симъ врагамъ, молится, чтобы они были постыжены, то есть, чтобы спастися ему самому (i); потому что естественно побѣжденному въ борьбѣ стыдиться своего паденія, какъ и побѣдившему радоваться побѣдѣ. А что сіе дѣйствительно такъ, даетъ разумѣть видъ молитвы. *Да постыдятся, сказано, и посралятся шущіи душу мою* (Псал. 34, 4.). Пророкъ молится объ отмщеніи не тѣмъ, которые злоумышляютъ причинить ущербъ имуществу, или спорять о предѣлахъ владѣнія, или указываютъ какой либо порокъ въ его глѣбѣ, но которые злоумышляютъ на душу. Злоумышленіе же на душу въ чемъ иномъ состоитъ, какъ не въ отчужденіи ея отъ Бога? А душа человѣческая не иначе отчуждается отъ Бога, какъ страстнымъ расположеніемъ. Поелику Божество всегда безстрастно, то постоянно пребывающій въ страсти отлучается отъ общенія съ Божествомъ. Потому, чтобы не потерпѣть сего, Давидъ молится о постыженіи противоборствующихъ. А сіе не иное что значить, какъ испрашивать себѣ побѣды надъ сопротивниками. Сопротивники же эти суть страсти. Такъ и Іеремія, имѣя рев-

(i) По рукописи: *тѣхъ дугоу*.

ность о богочестіи, поелику тогдашній царь до безумія преданъ былъ идоламъ, а съ нимъ вмѣстѣ увлеклись и подданные, не собственную какую либо врачуеть бѣду, но вообще о людяхъ приносить моленіе, желая, чтобы ударомъ, какой наносится нечестующимъ, уцѣломудренъ былъ весь человѣческій родъ. Такъ и Пророкъ, который видѣлъ тогда порокъ у Израильтянъ многоплоднымъ, справедливо осуждаетъ его на безчадіе, и желаетъ, чтобы иссохли горькіе сосцы грѣха, и чтобы зло не раждалось и не воспитывалось больше у людей. Посему и говоритъ Пророкъ: *даждь имъ Господи утробу неплодную и сосцы сухи* (Ос. 9. 14.). И если у святыхъ найдется другое какое подобное слово, которымъ выражается и означается нѣкое раздраженіе, то, конечно, скрывается въ немъ та мысль, чтобы изгнано было зло, а не истребленъ человѣкъ. *Богъ смерти не сотвори* (Прем. 1, 13.). Слышишь этотъ рѣшительный приговоръ! Посему, какъ же Пророкъ сталъ бы вымаливать смерти собственнымъ врагамъ своимъ у Бога, Которому чужда дѣятельность смерти? *Не веселится Онъ о пошибели живыхъ.* Только лишицеглаголющій и желающій отъ собственныхъ своихъ враговъ отвратить Божіе человѣколюбіе побуждаетъ веселиться о человѣческихъ бѣдствіяхъ.

Но говорятъ: иные удостоились уже начальства, почестей, богатства, употребивъ къ сему

молитву, и такую благоусѣбнностію подали о себѣ мысль, что они боголюбивы. Поэтому скажетъ кто нибудь: какъ же запрещаешь намъ возносить Богу моленія о чемъ либо подобномъ?—Всякому, правда, извѣстно, что все зависитъ отъ Божіей воли, и настоящая жизнь устроится свыше, никто не станетъ и противорѣчить сему ученію: однакоже дознаемъ и другія причины таковой усѣбности молитвы, и безъ сомнѣнія, не какъ благое, удѣляетъ сіе Богъ просящимъ; но чтобы въ людяхъ поверхностныхъ утверждалась этимъ вѣра въ Бога, и чтобы, дознавая на опытѣ, какъ Богъ внесетъ нашимъ моленіямъ, испрашиваніемъ маловажнаго мало по малу возвысились мы со временемъ до пожеланія даровъ высшихъ и богодѣльныхъ, какъ усматриваемъ это на дѣтяхъ своихъ. Пока они при матернихъ сосцахъ, сколько можетъ вмѣстить ихъ природа, столько и требуютъ отъ родившей. Если же младенецъ возмужаетъ, и получитъ при этомъ нѣкоторую способность говорить, то не глядитъ уже на сосцы, а смотритъ у матери на что либо такое, какъ напримѣръ или на волосы на головѣ, или на одежду, или на иное сему подобное, чѣмъ увеселяется дѣтскіи глазъ. Когда же придетъ въ возрастъ, вмѣстѣ съ тѣломъ получитъ приращеніе и умъ; тогда, оставивъ все дѣтскія пожеланія, будетъ просить у родителей служащаго къ жизни совершен-

ной. Такъ и Богъ, всѣми мѣрами приучая чело-
вѣка обращать взоры къ Нему, для сего са-
мага бываетъ нерѣдко внимателенъ и къ мало-
важнымъ прошеніямъ, чтобы благодареніемъ въ
маломъ получившій сію милость вызванъ былъ
на пожеланіе высшаго. Посему и ты, если
такой-то челоѡкъ, по Божію Промыслу, изъ
невидныхъ сдѣлался извѣстнымъ и знамени-
тымъ, или приобрѣлъ что либо другое, чего
домогаются люди въ этой жизни, начальство,
или богатство, или блистательное положеніе,
представляй себѣ цѣль этого, а именно, что
Божіе въ этомъ челоѡколюбіе служить для
тебя доказательствомъ великаго Божія могу-
щества, чтобы ты, получивъ дѣтскія игрушки,
возсылалъ къ Отцу прошенія о важнѣйшемъ
и совершеннѣйшемъ. А таково все, что при-
носить пользу дунѣ. Ибо всего неразумнѣе
будетъ, если приступающій къ Богу станетъ
просить Вѣчнаго о временномъ, Небеснаго—
о земномъ, Всевышняго—о пресмыкающемся
по землѣ, Дарующаго небесное царство—объ
этомъ земномъ и низкомъ благополучіи, На-
дѣляющаго неотъемлемымъ—о кратковремен-
номъ пользованіи чужимъ достояніемъ, и отъ-
ятіе котораго необходимо, и наслажденіе
которымъ кратковременно, и распоряженіе
опасно.

Прекрасно изображаетъ Господь сію несооб-
разность присовокупленіемъ, сказавъ, *якоже*

язычницы. Ибо имѣть попеченіе о видимомъ свойственно не предоставляющимъ для себя никакой надежды въ будущемъ вѣкѣ, ни страха суда, ни угрозы геенной, ни ожиданія благъ, ни чего либо уповаемаго по воскресеніи, — свойственно людямъ, которые, на подобіе скотовъ, видятъ только настоящую жизнь, признаютъ за благо одно то, что могутъ дать въ удовлетвореніе гортани, чрева и прочихъ сластолюбивыхъ требованій тѣла. Или первенствовать между иными и заставить о себѣ думать, что ты выше прочихъ, или почитать на множествѣ талантовъ, или обладать чѣмъ инымъ, что только служить къ житейскому обольщенію, — свойственно такимъ людямъ, которымъ, кто скажетъ объ упованіи въ будущемъ, тотъ кажется пустословомъ, какъ скоро начинаетъ описывать рай и царство и небесную жизнь и подобное тому. Итакъ, поелику не имѣющимъ надежды свойственно прилѣпиться къ жизни настоящей, то излишества и суеты пожеланія, которыхъ сластолюбцы надѣются успѣшно достигнуть молитвою, прекрасно называетъ Писаніе свойственными язычникамъ, думающимъ неотступностію неслѣпыхъ прошеній довести Божество до содѣйствія, въ чемъ недолжно. *Мнятъ бо, сказано, яко въ многоглаголаніи своемъ услышани будутъ.*

Но какъ изъ того, что нами излѣдовано.
Гр. Писск. Ч. I.

научились мы, чего не должно просить (к), такъ о томъ, какое моленіе надлежитъ приносить Богу, услышимъ въ послѣдующемъ, по благодати Господа Иисуса Христа. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 2-е.

Отче нашъ, Иже еси на небесяхъ
(Мѣ. 6, 9.).

Когда великіи Моисей приуготовлялъ Израильскій народъ къ тайноводству на горѣ; тогда не прежде удостоилъ ихъ богоявленія, какъ предписавъ народу законъ объ очищеніи соблюденіемъ плотской чистоты и омовеніемъ. Да и послѣ сего не осмѣлились Израильтяне видѣть явленіе Божія могущества, но въ ужасъ приводило ихъ все видимое, огонь, мракъ, дымъ, трубы; и снова обратившись къ себѣ самимъ (л), просили законодателя стать ихъ посредникомъ предъ божественнымъ изволеніемъ, такъ какъ у нихъ не было достаточной

(к) Въ рукописи читается: *ἢ δι' ἡμῶν ἀξιῶν.*

(л) По рукоп. вмѣсто: *πρὸς τοῦτους* читается: *πρὸς ἑαυτοὺς.*

силы приблизиться къ Богу и перенести Божіе присутствіе. А нашъ Законоположникъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, намѣреваясь привести насъ къ Божественной благодати, указываетъ намъ словомъ не гору Синайскую, покрытую мракомъ и дымящуюся огнемъ, не гласы трубъ, звучащихъ что-то невнятное и страшное, и не соблюденіемъ тридневной плотской чистоты, не водою, омывающею скверны, очистивъ душу, и всю церковь оставивъ при подонвѣ горы, одному только позволяетъ взойти на вершину, покрытую мракомъ, сокрывающимъ въ себѣ Божественную славу; а напротивъ того, сперва вмѣсто горы возводитъ на самое небо, содѣлавъ оное для людей удобопроходимымъ посредствомъ добродѣтели; потомъ содѣлываетъ, не зрителями только, но и причастниками Божественной силы, и приступающихъ къ Нему вводитъ въ некоторымъ образомъ въ родство съ превысшимъ естествомъ, и не мракомъ покрываетъ все восходящую славу, чтобы неудобозримую была для ищущихъ, но, озаривъ мракъ яснымъ свѣтомъ ученія, содѣлалъ, что чистые сердцемъ въ полной ясности созерцаютъ неизреченную славу. Даетъ же и воду для орошенія, не изъ чуждыхъ потоковъ почерпаемую, но текущую въ насъ самихъ, будетъ ли кто разумѣть подъ нею источники очей, или чистую совѣсть сердца, — узаконивъ не допускать никакой

тины порока; да и плотскую чистоту (м) поставяеть въ воздержаніи, не отъ законнаго только общенія супруговъ, но и отъ всякаго вещественнаго и страстнаго расположенія; и такимъ образомъ посредствомъ молитвы возводитъ къ Богу. Ибо такова сила реченій, изъ которыхъ, не какіе либо звуки произносимые въ слогахъ, дознаемъ изъ Божія слова, но предначертаніе восхожденія къ Богу, успѣшно приводимое въ исполненіе высокою жизнію.

Но изъ самыхъ словъ молитвы можно уразумѣть Божественное тайноводство. *Егда молитесь* (Лук. 11, 2.), говоритъ Господь. Не сказалъ: егда изрекаете обѣтъ (ἐυχρησθε), но говоритъ: *егда молитесь* (προεὐχρησθε); потому что надлежащее по обѣту должно быть уже исполнено прежде, нежели приступаешь къ Богу съ молитвою. Какое же различіе въ значеніи сихъ именованій? То, что обѣтъ (ἐυχὴ) есть объявленіе о чемъ либо, по благочестію посвящаемомъ въ даръ Богу; а молитва (προεὐχὴ) есть прошеніе благъ, уничиженно обращенное къ Богу. / Итакъ, поелику потребно намъ дерзновеніе, когда приступаемъ къ Богу, обращаясь съ уничиженными прошеніями о

(м) По рукоп. читается: *μηδελίαν ἰλὺν ἀπὸ κακίας ἐπαγομένην, ἀγνίαν δὲ οὐκ ἀπὸ τῆς ἐνοήτου τῶν γυμνῶν ὀμιλίας ἐπαγομένην*

полезномъ для насъ, то необходимо предшествовать исполненію того, что́ объявлено по обѣту, чтобы, совершивъ зависящее отъ насъ, потомъ уже смѣлѣе изъявлять желаніе о полученіи воздаянія отъ Бога. Посему-то Пророкъ говорить: *воздамъ Тебѣ молитвы* (*τὰς ἐυχὰς*—обѣты) *моя, яже изрекошь устни мои* (Псал. 65, 13. 14.), и еще: *помолитесь* (*ἔνχαοθε*—дайте обѣтъ) *и воздадите Господеву Богу нашему* (Псал. 75, 12.). И во многихъ мѣстахъ Писанія можно видѣть подобное значеніе слова: *ἐυχὴ* (обѣтъ), и поэтому знать, что обѣтъ, какъ сказано; есть благодарственное возвѣщеніе о принесеніи дара, а *молитва* означаетъ приближеніе къ Богу, по исполненіи обѣщаннаго Ему. Посему Господне слово научаетъ насъ, не просить чего либо у Бога прежде, нежели что́ либо угодное Ему принесемъ Ему въ даръ. Ибо прежде надлежитъ совершить обѣтъ, и потомъ молиться; какъ иный скажетъ, что сѣянiе должно предшествовать собираию плодовъ. Посемѹ надлежитъ сперва посѣять сѣмена обѣта, и когда этотъ залогъ сѣмень возрастеть, собирать плоды, молитвою воспріемля благодать. Посему, такъ какъ не будетъ дерзновенія просить, если приступимъ безъ предварительнаго какого либо обѣта, или дара; то молитвѣ по необходимости да предшествуетъ обѣтъ.

Посему, такъ какъ обѣтъ уже выполненъ,

Господь говорить ученикамъ: *егда молитесь, глаголите: Отче нашъ, Иже на небъсехъ* (Лук. 11, 2.). *Кто дастъ ми криль яко голубинъ* (Псал. 54, 7.)?—говорить въ одномъ мѣстѣ псалмопѣнія великіи Давидъ. Осмѣлюсь и я сказать тоже слово: кто дастъ мнѣ оныя криль, чтобы могъ я воспарить умомъ на высоту величія сихъ реченій,—и оставить всю землю, перейти весь разлитый въ срединѣ воздухъ, коснуться эфирной лѣноты, достигнуть звѣздъ увидѣть все ихъ украшеніе, да и на нихъ не остановиться, но миновать и это, стать внѣ всего движимаго и измѣняемаго, объять естество постоянное, силу неподвижную, въ себѣ самой водруженную и направляющую и поддерживающую все, что имѣетъ бытіе, все, что зависитъ отъ неизреченной воли Божіей премудрости, чтобы, ставъ мыслію вдали отъ всего измѣняемаго и превратнаго, въ непре-
ложномъ и неуклонномъ состояніи души могъ я сперва сродниться мыслію съ Непреложнымъ и Неизмѣняемымъ, потомъ призывать самымъ родственнымъ наименованіемъ и говорить: *Отче?* Ибо произносящему это какая потребна душа? Сколько нужно дерзновенія? Какую надобно имѣть совѣсть, чтобы, сколько возможно, познавъ Бога, примышленными Ему наименованіями руководясь къ уразумѣнію неизреченной славы, и дознавъ, что естество Божіе, представляемое въ себѣ самомъ, есть благодать,

святѣни, радованіе. сила, слава, чистота, вѣч-
 ность. то, что всегда то же и таково же, и все,
 что подобнаго ему представляется мыслію о
 Божіемъ естествѣ, и уразумѣвъ при помощи
 божественнаго Писанія и собственнаго раз-
 сужда, — потомъ уже осмѣлится выговорить
 это слово, и такое Существо наименовать
 своимъ Отцемъ? Явно, что, если имѣеть кто
 сколько нибудь разума, то, не усматривая въ
 себѣ того же, что въ Богѣ, не осмѣлится про-
 изнести къ Нему слова сего, и сказать: *Отче*.
 Ибо не естественно благому по сущности стать
 Отцемъ лукаваго поступка, и святому—Отцемъ
 оскверненнаго по жизни, а также Неизмѣняемому
 —Отцемъ превратнаго, Отцу жизни—Отцемъ
 умерщвленнаго грѣхомъ; Чистому и безпри-
 мѣсному — Отцемъ опозорившихъ себя стра-
 стями *безчестія*, Благодѣтелю—Отцемъ любо-
 стятателя, вообще Тому, Кого представляемъ
 во всякомъ добрѣ — Отцемъ пребывающихъ
 въ какомъ либо злѣ. Если кто, видя себя имѣю-
 щимъ еще нужду въ очищеніи и порочную
 совѣсть свою признавая исполненною сквернъ
 и дурныхъ отмѣтокъ, прежде нежели очи-
 стился отъ такихъ и столь многихъ худыхъ
 свойствъ, включить себя въ родство съ Бо-
 гомъ, и неправедный Праведному, нечистый
 Чистому скажетъ: *Отче*; то реченіе сіе прямо
 будетъ оскорбленіемъ и злословіемъ, если
 только именуеть онъ Бога Отцемъ собствен-

ной своей порочности. Ибо слово: отецъ означаетъ причину отъ него произшедшаго. Посему, если порочный совѣстію назоветъ Бога Отцемъ своимъ: то не иное что симъ выскажетъ, а то, что Богъ есть начало и виновникъ собственныхъ его худыхъ свойствъ. Но *никое общеніе свѣту ко тлѣ* (2 Кор. 6, 14.), говоритъ Апостоль: напротивъ того свѣтъ освоенъ со свѣтомъ, справедливое съ справедливымъ, прекрасное съ прекраснымъ, нетлѣнное съ нетлѣннымъ. А противоположное, безъ сомнѣнія, имѣетъ сродство съ однороднымъ. Ибо *не можетъ древо добро плоды злы творити* (Мѡ. 7, 18.) (Посему, если кто, какъ говоритъ Писаніе, будучи *жестокосердъ*, и *лицей лжи* (Псал. 4, 3.), осмѣливается произносить слова молитвы, то пусть таковой знаетъ, что призываетъ онъ отца, не небснаго, а преисподняго, который самъ есть лжець и дѣлается отцемъ лжи, возникающей въ каждомъ, который есть грѣхъ, и отецъ грѣха. Посему-то Апостоль имѣющихъ страстную душу называетъ *чадами инва* (Ефес. 2, 3.). И отступившій отъ жизни именуется *сыномъ погибели* (2 Сол. 2, 3.); а человекъ сластолюбивый и изгѣженный названъ сыномъ *дьявока блудницъ* (1 Цар. 20, 30.), равно какъ напротивъ сего имѣющіе чистую совѣсть называются сынами свѣта (Лук. 16, 8.) и дня (1 Сол. 5, 5.), а другіе, ~~жрѣ~~жрѣвившіе себя

до Божественной силы, и *сынами силы* (Суд. 21, 10.).

Посему, когда Господь учитъ насъ въ молитвѣ называть Бога Отцемъ, не иное что, кажется мнѣ, дѣлать, какъ узаконяетъ возвышенный и высиренній образъ жизни; потому что истина учить насъ не лгать, не говорить о себѣ того, чего въ насъ нѣтъ, не именовать себя тѣмъ, чѣмъ мы небыли, но, называя Отцемъ своимъ Нетлѣннаго, Праведнаго и Благаго, родство сіе оправдывать жизнью. Поэтому видишь ли, сколько необходимо намъ приготовленія, какая нужна жизнь, сколько и какой требуется тщательности, чтобы съ возвышеніемъ нашей совѣсти достигнуть (н) такой мѣры дерзновенія, и осмѣлиться сказать Богу: *Отче?* Ибо если въ виду у тебя деньги если озабоченъ ты житейскою прелестію, если домогаешься людской славы, если служишь наиболѣе страстнымъ пожеланіямъ, и потомъ пріемлешь въ уста такую молитву: что, думаешь, скажетъ Тотъ, Кто видитъ твою жизнь, и слышитъ молитву? Такія, кажется мнѣ, слышу слова, какъ бы Самимъ Богомъ изрекаемыя подобному человѣку: «и ты, растлѣнный по жизни, называешь своимъ Отцемъ Отца нетлѣнія? Для чего нечистымъ своимъ голосомъ

(н) Слово: *φθίσαι* читается по рукописи.

оскверняень чистое имя? Для чего реченіе это употребляешь живо? Для чего оскорбляешь нескверное естество? Если ты чадо Мое: то, безъ сомнѣнія, и жизнь твоя должна носить на себѣ черты Моихъ благъ. Не признаю въ тебѣ образа Моего естества; черты твои противоположны. *Какое общеніе свѣту ко тлѣ?* Какое сродство у жизни и смерти? Какая близость у чистаго по естеству съ нечистымъ? Велико разстояніе между благодѣтелемъ и любостыжательнымъ, непримиримо противленіе милостиваго съ неумолимымъ. Иной отецъ злыхъ въ тебѣ свойствъ. Мои порожденія украшаются добрыми отеческими качествами, сынъ милостиваго милостивъ, чистаго — чистъ, нетлѣннаго — чуждъ растлѣнія, и вообще благаго — благъ, правдиваго — правдивъ. А васъ незнаю, откуда вы». Посему, пока не стали мы чистыми по жизни, опасно отваживаться на сію молитву, и Бога именовать Отцемъ своимъ.

Но вслушаемся еще въ слова молитвы, при частомъ ихъ повтореніи не уразумѣемъ ли сколько нибудь сокровеннаго въ нихъ смысла? *Отче нашъ, Иже еси на небесахъ.* Что добродѣтельною жизнію надлежитъ усвоить себѣ Богу, достаточно изслѣдовано это нами въ предыдущихъ словахъ. Но кажется миѣ, что слово Писанія указываетъ и на нѣкій болѣе глубокий смыслъ: ибо имъ напоминаетъ намъ, изъ какого отечества мы низшли, и какого благо-

родства лишились. Повѣствованіемъ о юношѣ, оставившемъ отеческій домъ и предавшемся свиннообразной жизни, Писаніе, исторически описывая его удаленіе и распутную жизнь, показываетъ бѣдственное состояніе человѣчества, и не прежде возвращаетъ сего юношу въ первоначальное состояніе, какъ по возчувствованіи имъ настоящаго бѣдствія, когда пришелъ въ себя, и привелъ себя на мысль слова покаянія. А онъ согласенъ нѣсколько съ словами молитвы. Ибо тамъ сказалъ юноша: *Отче, согрѣшихъ на небо и предѣ тобою* (Лук. 15, 21.), но не упомянулъ бы въ исповѣданіи о грѣхѣ на небо, если бы не былъ увѣренъ, что небо—его отечество, оставивъ которое, онъ впалъ въ согрѣшеніе. Посему-то помышленіе о такомъ исповѣданіи дѣлаетъ ему доступнымъ отца; почему слышитъ онъ къ сыну, привѣтствуетъ лобзаніемъ выи, что означаетъ словесное иго, посредствомъ евангельскаго преданія устами возлагаемое на человѣка, свергшаго съ себя прежнее ярмо заповѣди и отринувшаго охранительный законъ; потомъ возлагаетъ на него *одежду*, не иную, но *первую*, отъ которой обнаженъ былъ преслушаніемъ, вмѣстѣ съ вкушеніемъ запрещеннаго увидѣвъ себя обнаженнымъ. А *перстень на руку* изображеніемъ, сдѣланнымъ на обволѣ, означаетъ возвращеніе образа; и ноги обезошаниваетъ отецъ *сапогами*, чтобы, обнаженною пятою

приближаясь къ головѣ змія, не подверглись угрызенію. Посему, какъ тамъ причиною оказаннаго юношѣ отцемъ чловѣколюбія послужило возвращеніе его въ отеческій домъ (а это есть *небо*, согрѣшившимъ на которое признаетъ себя предъ отцемъ): такъ, кажется мнѣ, и здѣсь Господь, научая призывать Отца, *Иже на небесахъ*, дѣлаетъ тебѣ напоминаніе о благомъ отечествѣ, чтобы, возбудивъ сильнѣйшее пожеланіе прекраснаго, поставить тебя на путь, снова ведущій въ отчество.

Путь же, возводящій чловѣческое естество на небо, не иное что, какъ отступленіе и бѣгство отъ земныхъ золь; а средствомъ къ избѣжанію золь, не иное что, думаю, служить, какъ угоденіе Богу; и уподобиться Богу значить сдѣлаться праведнымъ, святымъ, благимъ, и всѣмъ сему подобнымъ. Если кто, сколько возможно, ясно напечатлѣетъ въ себѣ черты сихъ совершенствъ, то какъ бы по естественному порядку, безъ труда изъ земной жизни преселится въ страну небесную; потому что не мѣстное какое разстояніе у Божества съ чловѣчествомъ, такъ что была бы намъ потребность въ какомъ нибудь орудіи или примышленіи, чтобы эту тяжелую, обременительную и земную плоть ввести въ образъ жизни нетѣлесной и духовной. Но, по разумномъ отлученіи добродѣтели отъ порока, отъ одного чловѣческаго произволенія) зависить) быть

человѣку тамъ, куда преклоненъ пожеланіемъ Посему, такъ какъ никакого нѣтъ труда избрать доброе, а за избраніемъ слѣдуетъ и приобрѣтеніе того, что къмъ избрано: то возможно немедленно быть на небѣ и тебѣ, объявшему умомъ своимъ Бога. Если, какъ говоритъ Екклесіастъ, *Богъ на небеси горь* (5, 1.), а ты, по слову Пророка, прилѣнился *Богови* (Пс. 72, 28.): то по всей необходимости должно тому, кто въ единеніи съ Богомъ, быть тамъ, гдѣ Богъ.

Посему, предписавъ въ молитвѣ говорить, что Богъ Отецъ нашъ (о), не иное что повелѣваетъ, какъ боголѣпною жизнію уподобляться Отцу небесному; такъ какъ и въ другомъ мѣстѣ яснѣе заповѣдуетъ сіе же самое, говоря: *будите совершены, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48.). Итакъ, если уразумѣли мы смыслъ таковой молитвы: то время уже уготовать души свои къ тому, чтобы со временемъ осмѣлится воспріять устами сія реченія и съ дерзновеніемъ сказать: *Отче нашъ, Иже еси на небесахъ.*

Какъ явны признаки уподобленія Богу, по которымъ каждому можно содѣлаться чадомъ Божиимъ; ибо сказано: *лицы пріѣхавъ Ею, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (Іоан. 1,

(о) Въ рукописи читается: λέγει πάντα ταῦτα εἰπὼς τὸν Θεόν

12.), **Пріемлетъ** же въ себя Бога, кто воспріемлетъ совершенство въ добръ: такъ и у лукаваго нрава есть нѣкіе особыя признаки, и кто имѣеть ихъ, тому невозможно быть сыномъ Божиимъ, нося въ себѣ образъ противоположнаго естества. Угодно ли знать отличительныя свойства лукаваго нрава? Это—зависть, ненависть, клевета, кичливость, любостыжательность, страстное пожеланіе, недугъ славобѣсія; симъ и подобными сему чертами отличается образъ сопротивника. Посему, если подобными сквернами очернившій душу будетъ призывать отца, то какой отецъ услышитъ его? Очевидно состоящій въ родствѣ съ призваннымъ, а этотъ отецъ — не небесный, но преисподній. Признаки близости съ кѣмъ носить на себѣ челоуѣкъ, тотъ и признаеть несомнѣнно родство свое съ нимъ. И такъ молитва челоуѣка порочнаго, пока онъ въ порокѣ, бываетъ призываніемъ діавола; а кто оставилъ порокъ, и живетъ въ благодати, того гласъ призываетъ **благаго Отца**.

Поэтому, когда приступаемъ къ Богу, будемъ, сперва обращать вниманіе на жизнь свою, имѣемъ ли въ себѣ что либо достойное Божественнаго родства, и потомъ уже осмѣливаться на произнесеніе таковаго слова. Повелѣвшій сказать: *Отецъ* не дозволимъ* говорить ложь. Посему, кто жилъ достойно божескаго благородства, тотъ прекрасно возводитъ

взоръ къ небесному граду, небснаго Царя
 именуя Отцемъ и небесное блаженство—оте-
 чествомъ. Къ чему же клонится цѣль сего со-
 вѣта? Къ тому, чтобы [мудрствовать намъ гор-
 ния: гдѣ Богъ, тамъ полагать основаніе своего
 жилища, тамъ собирать сокровища; туда пере-
 селиться сердцемъ своимъ; *идиже бо есть со-
 кровище, ту и сердце* (Матѣ. 6, 21.), [и непре-
 станно имѣть въ виду отеческую лѣпоту и
 сообразно съ оною украшать собственную
 душу. *Иистъ на лица зрѣнія у Бога* (Рим. 2,
 11.), говоритъ Писаніе. И отъ твоего образа
 да бѣдетъ удалена такая нечистота. Божество
 непричастно зависти и отъ всякой скверны,
 и на тебѣ да не кладутъ пятна подобныя стра-
 сти: ни зависть, ни кичливость, ни что либо
 другое оскверняющее богоподобную лѣпоту.
 Если сдѣлаешься таковымъ, то смѣю гласомъ
 своимъ призывай Бога, и Владыку вселенной
 именуи Отцемъ своимъ. Опъ воззритъ на тебя
 отеческими очами, облечетъ тебя въ божествен-
 ную одежду, украситъ перстнемъ, и ноги твои
 для шествія горѣ снабдитъ евангельскими са-
 ногами, возстановитъ тебя въ небесное оте-
 чество, о Христѣ Иисусѣ Господѣ, нашемъ.
 Ему подобаетъ слава и держава во вѣки вѣ-
 ковъ! Амнь.

С Л О В О 3-е.

Да святится Имя Твое: да придетъ царствіе Твое (Матѣ. 6, 9. 10.).

Законъ, *сльъ ильи вридуцихъ благъ* (Евр. 10, 1.), и нѣкими прообразовательными гаданіями провозвѣщающій истину, когда во святилище вводитъ священника для принесенія молитвы Богу, сперва очистительными нѣкими жертвами и окропленіями очищаетъ входящаго, потомъ, украсивъ священническою одеждою, благолѣпно испещренною золотомъ, багрянцею и красками другихъ цвѣтовъ, возложивъ на него наперсникъ и увясло, прицѣпивъ къ краямъ одежды звонки съ пуговицами; — а на раменахъ состегнувъ верхнюю одежду, и главу пріукрасивъ діадимою, обильно изливъ миро на власы, вводитъ его наконецъ во святилище, совершать таинственныя священнодѣйствія.

Духовный же законоположникъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, обнажая законъ отъ тѣлесныхъ покрываль и приводя въ ясность гадательный смыслъ прообразовъ, впервыхъ не одного только избираетъ изъ цѣлаго народа, вводитъ въ собесѣдованіе съ Богомъ, но всякому равно даруетъ сіе достоинство, предложивъ желающимъ общую благодать священства; а потомъ незаимствованнымъ убран-

ствомъ, найденнымъ въ какой либо краскѣ и театскомъ ухищреніи, придасть искусственную красоту священнику, но возлагаетъ свойственное и сродное ему украшеніе, вмѣсто разнообразно исцещренной одежды, дѣлая цвѣтоноснымъ пріятностями добродѣтелей; и грудь украшаетъ, не земнымъ золотомъ, но непорочною и чистою совѣстію придавая лѣпноту сердцу. Къ увяслу же сему принаровляетъ и блескъ драгоценныхъ камней, а это, по мнѣнію Апостола,—свѣтлости святыхъ заповѣдей. Да и надрагами обезонашиваетъ ту часть, которой украшеніемъ служить такой видъ одѣянія; конечно же не незнаешь, что украшеніе таковой части — покровъ цѣломудрія. Привѣсилъ къ рясамъ жизни духовные звонки, и пуговицы, и цвѣты (Исх. 28, 34.) (п), а подъ ними иной справедливо можетъ разумѣть видимое въ добродѣтельной жизни, чтобы прохождение сей жизни содѣлалось славнымъ; а посему къ рясамъ симъ вмѣсто звонка придалъ благозвучное слово вѣры, а вмѣсто пуговицы—сокровенную готовность къ надеждѣ на будущее, прикрытую суровою жизнію, и вмѣсто цвѣтовъ доброцвѣтную красоту рая (р);

(п) По рук. читается: *καὶ τὰ ἄρθρα.*

(р) Дополнено изъ рукописи, гдѣ читается такъ: *ἀντὶ δὲ τῶν ἀρθήτων, τῆς ἐνανθῆ τοῦ παραδείσου χάριν.*

такимъ вводить его во святилище и внутренность храма. Святилище же это не неодушевленное, и не рукотворенное, но сокровенная храмина нашего сердца, если дѣйствительно она непроницаема для порока, и недоступна лукавымъ помысламъ. Главу украшаетъ небеснымъ мудрованіемъ, не изображеніе буквъ начертавъ на золотой дщицѣ, но самаго Бога изобразивъ во владычественномъ разсудкѣ. А на власы разливаетъ миро, душею внутри себя самой составленное изъ добродѣтелей; и уготовляетъ его къ принесенію Богу, въ таинственномъ священнодѣйствіи, въ благоуханіе и жертву не чего либо инаго, но себя самаго. Такъ возведенный Господомъ въ сіе священство, умертвивъ плотское мудрованіе мечемъ духовнымъ, *уже есть глаголь Божій* (Ефес. 6, 17.), потомъ пребывая во святилищѣ, умоливаетъ Бога, таковою жертвою посвятивъ себя самаго и представивъ *тѣло свое жертву живу, святу, благоугодну Богу* (Рим. 12, 1.).

Но, можетъ быть, скажетъ кто либо, что смыслъ молитвы, предложенной нами для истолкованія, по первому взгляду не имѣетъ сего значенія; а нами придуманы подобныя понятія, не соотвѣтствующія понятіямъ, заключающимся въ собственныхъ словахъ молитвы. Посему пусть таковой снова приведетъ себя на память первые уроки молитвы. Ибо кто приуготовилъ себя къ тому, чтобы съ дерзнове-

ніемъ осмѣлится наименовать Бога отцемъ своимъ; тотъ въ точности облечень тою одеждою, какая описана въ словѣ, звучитъ звонцами, цвѣтетъ пуговицами, блистаетъ на персяхъ лучами заповѣдей, на раменахъ носить патріарховъ и Пророковъ, вмѣсто именъ обративъ добродѣтели ихъ въ собственное свое украшеніе; и главу украшаетъ вѣнцемъ правды; власы имѣеть умащенные небеснымъ муромъ; и пребываетъ внутри пренебеснаго святилища, которое поистинѣ непроницаемо и недоступно для всякаго нечистаго помысла. Но какъ надлежитъ приуготовлять себя посвящаемому, достаточно показано сіе словомъ въ изслѣдованномъ доселѣ, остается же разсмотрѣть самое прошеніе, какое пребывающему внутри святилища Господь повелѣлъ возносить къ Богу.

Ибо кажется мнѣ, что излагающій просто слова молитвы по первому взгляду не доставляетъ намъ удобопонятнаго смысла. Сказано: *да святится имя Твое: да придетъ царствіе Твое*. Какъ относится это къ моей потребности? скажетъ иный человекъ, или покаяніемъ наказывая себя за грѣхи, или, чтобы бѣжать отъ преобладающаго имъ грѣха, призывая на помощь Бога, потому что всегда предъ очами у него поборающій искушеніями. Здѣсь раздражительность выводитъ разсудокъ изъ упорядоченаго состоянія; тамъ пожеланія неумѣстнаго ослабляютъ силы души; въ другой разъ

наводятъ слѣпоту на зоркость сердца любо-
 стязательность, кичливость, гордыня, нена-
 висть и остальная толпа противоборствующаго
 намъ, подобно какому-го полчищу вокругъ
 обступившихъ враговъ, при самой крайности
 ввергаютъ душу въ опасность. Послѣ этого
 старающемся, при благомъ содѣйствіи, ^и изба-
 виться отъ сихъ золь какія всего пригоднѣе
 употребить слова? Не тѣ ли, которыя употре-
 билъ великій Давидъ, сказавъ: *да избавлюся*
отъ ненавидящихъ мя (Псал. 68, 15.), и еще:
да возвратятся враги мои вспять (Псал. 34, 4.),
 и еще: *даждь намъ помощь отъ скорби* (Псал.
 59, 13), и другія симъ подобныя, которыми
 можно возставить Божіе противъ враговъ со-
 дѣйствіе? Теперь же что говоритъ законъ мо-
 литвы? *Да святится имя Твое.* Если и не бу-
 деть это мною сказано, ужели возможно имени
 Божію не быть святымъ? *Да прійдетъ царствіе*
Твое. Что же изъято изъ подъ власти Бога,
 Который, какъ говоритъ Исаія, объемлетъ дла-
 нію все небо, горстію всю землю, рукою со-
 держитъ влажное естество, въ объятіяхъ по-
 ситъ всю и этого міра и премірную тварь
 (Иса. 40, 12.)? Посему, если имя (с) Божіе
 всегда свято, ничто не избѣгло державы вла-
 дычества Божія, но всѣми обладаетъ, и въ

(с) По рукоп. вмѣсто: τὸ κράτος читается: τὸ ὄνομα.

святѣишѣ не требуетъ (т) прибавленій, во всемъ нескудный и совершенный: что выражаетъ молитва словами: *да святится имя Твое: да придетъ царствіе Твое?*

Писаніе подъ *видоиз* молитвы не учить ли (у), можетъ быть, чему либо такому: природа человѣческая для пріобрѣтенія чего либо добраго немощна; и потому о какомъ бы добрѣ ни заботились, не достигали бы мы онаго, если бы не совершало сего въ насъ Божіе содѣйствіе. А главное для меня изъ всѣхъ благъ то, чтобы жизнію мою прославлялось имя Божіе.

Вразумительнѣе (ф) же сдѣлается для насъ этотъ смыслъ чрезъ предположеніе противнаго. Слышу, что священное Писаніе осуждаетъ гдѣ-то тѣхъ, которые дѣлаются виновниками хулы на Бога. Ибо сказано: *горе тѣмъ, иже ради имя Мое хулятся во языцехъ* (Иса. 52, 5.). А сіе значить: не увѣровавшіе еще слову истины взираютъ на жизнь пріѣвшихъ вѣру въ таинство; а посему, когда иные посятъ на себѣ имя вѣры, а жизнь ихъ противорѣчатъ имени, или идолослужительствуя любо-

(т) По рукоп. вмѣсто: *ε επιδέχεται*, читается: *εκ επιδέχεται*.

(у) По рукоп. вмѣсто: *ε* читается: *η*.

(ф) По рукоп. вмѣсто: *προτιμότερα η̄ εννοια* читается: *υπερισμο- τερα η̄ διανοια*

стяжательностию, или безчинствуя въ пьянствѣ и на пиришествахъ, или, на подобіе свиней, валяясь въ тинѣ распутства: тогда у невѣрныхъ тотчасъ готовъ отзывъ, осуждающій, не произволь худо пользующихся жизнию, но таинство, какъ будто оно учитъ поступать такимъ образомъ, и будтобы такіи-то человекъ, посвященный въ божественныя таинства, не сдѣлался бы или злорѣчивымъ, или любостяжательнымъ, или хищникомъ, или подверженнымъ иному какому пороку, если бы грѣшныи не было для нихъ законно. Посему-то Писаніе обращается къ таковымъ съ строгою угрозою, говоря: горе тѣмъ, *иже ради имя Мое ху-лится во языцехъ.*

Если это понято нами, то благовременно будетъ обратить вниманіе на то, что говорится съ противной стороны. Ибо прежде всего, думаю, надлежитъ молиться и главнымъ предметомъ молитвы поставлять то, чтобы жизнию моею имя Божіе не хулилось, но прославлялось и святилась вѣра въ таинство (х). Посему во мнѣ, говоритъ молящійся, *да святится* призываемое мною *имя Твоего владычества, да видятъ* человекъ добрыя дѣла, *и прославятъ Отца, Иже на небесехъ* (Матѣ. 5, 16.). А кто столько звѣроподобенъ и не-

(х) Слова сіи дополнены по рукописи.

разумеиъ, что, въ вѣрующихъ въ Бога видя жизнь чистую, преусиѣвающую въ добродѣтели, свободную отъ всѣхъ сквернъ грѣха, чуждую всякаго подозрѣнія въ худомъ, сіяющую цѣломудріемъ, достойную уваженія за благоразуміе, мужественно отражающую прираженія страстей, нимаю не разслабляемую тѣлеснымъ сладострастіемъ, всего болѣе удаляющуюся отъ забавъ, нѣги и кичливой суетности, столько пользующуюся житейскимъ, сколько сіе необходимо, концами только ножныхъ перстовъ касающуюся земли, во время пребыванія на землѣ не утопающую въ наслажденіяхъ удовольствіями сей земной жизни, но стоящую выше всякаго чувственнаго обольщенія и въ жизни плотской соревнующую жизни безплотныхъ, признающую единственнымъ богатствомъ пріобрѣтеніе добродѣтели, единственнымъ благородствомъ — усвоеніе себя Богу, единственнымъ достоинствомъ и единственнымъ владычествомъ — обладаніе самимъ собою, и нераболѣнство человѣческимъ страстямъ, обременяющуюся продолжительностію жизни въ вещественномъ вѣкѣ, и подобно бѣдствующимъ на морѣ, постигающую въ пристань срѣтить тамъ уснокоеніе—кто, видя все сему подобное, не прославить имени, призываемаго такою жизнью.

По сему, кто говоритъ въ молитвѣ: *да святится имя Твое* во мнѣ, тотъ, по силѣ про-

взыносимыхъ имъ словъ, молится о слѣдующемъ: «при содѣйствіи Твоей помощи да содѣлаюсь неукоризненнымъ, справедливымъ, богочестивымъ, буду воздерживаться отъ всякаго лукаваго дѣла, говорить истину, дѣлать правду; ходить по правотѣ, отличатся цѣломудріемъ, украшаться нерастлѣніемъ, мудростию и благоразуміемъ, мудрствовать горнее, презирать земное, просіявать ангельскимъ житіемъ». Сіе и подобное сему содержитъ въ себѣ это краткое прошеніе, въ молитвѣ взывающее Богу: *да святится имя Твое. Ибо не иначе возможно Богу прославляться въ человѣкѣ, какъ развѣ, когда добродѣтель его свидѣтельствуешь, что причина благъ въ Божіемъ могуществѣ.*

Въ послѣдующихъ словахъ заключается молитва о томъ, чтобы пришло царствіе Божіе. Ужели теперь только желательно, чтобы содѣлался царемъ Царь вселенной, всегда Тотъ же, какимъ Онъ есть, для всякаго измѣненія непреложный. Кому не возможно и найдти что либо лучше, во что могъ бы измѣниться? Посему что же значитъ молитва, призывающая царствіе Божіе? Но истинное о семъ понятіе вѣдомо тѣмъ, кому Духъ истины открываетъ сокровенныя тайны; а мы имѣемъ такое разумѣніе сего изреченія: выше всего одна истинная власть и сила, которая державствуетъ и царствуетъ во вселенной, не насиліемъ какимъ, не самоуправнымъ властительствомъ, не стра-

хомъ, не принужденіями приводящая въ подчиненіе, что покорено ей: потому что добродѣтели надлежитъ быть свободною отъ всякаго страха, не по жестокому надъ собою владычеству, но по добровольному разсужденію избирать доброе; а главное во всякомъ добрѣ — состоять подъ животворною властію. Посему, такъ какъ природа человѣческая въ сужденіи о добрѣ обманомъ введена въ заблужденіе, то въ произволѣиіи нашемъ произошла склонность къ противному, жизнь человѣческая преобладается всеѣмъ худымъ, потому что смерть тысячами путей вмѣшалась (ц) въ природу: всякій видъ грѣха дѣлается какъ бы какимъ путемъ къ намъ смерти. Посему, такъ какъ состоимъ подъ такимъ самоуправствомъ, какъ бы какими исполнителями казней или врагами, прираженіями страстей поработены смерти: то хорошо молимся, чтобы пришло къ намъ царствіе Божіе. Ибо невозможно иначе свергнуть съ себя лукавое владычество тлѣнія, пока не восприметь надъ нами снова владычества животворящая сила.

Посему, если просимъ, чтобы пришло къ намъ царствіе Божіе; то въ дѣйствительности умоляемъ Бога о слѣдующемъ: «да избавлюсь я отъ тлѣнія, да освобождусь отъ смерти, да

(ц) По рукоп. вмѣсто: *κατακρίθίγτος* читается: *κατὰμὴχθίγτος*.

буду р азрѣшенъ отъ узъ грѣха, да не царствуетъ болѣе надо мною смерть, да не будетъ болѣе дѣйствительнымъ надъ нами самоуправство порока, да не преобладаетъ мною врагъ, да не водить меня плѣнникомъ, порабоцая грѣхомъ; но *да придетъ* на меня царствіе Твое, чтобы отступили отъ меня, или, лучше сказать, обратились въ ничто преобладающія и царствующія нынѣ страсти. *Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ: и яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ*» (Псал. 67, 3.). И дымъ, разлившись въ воздухъ, не оставляетъ по себѣ никакого признака собственнаго своего естества; и воскъ, побывавшаго въ огнѣ, уже не пайдень. Но и воскъ, напитавъ собою пламень, претворился въ паръ и въ воздухъ; и дымъ пришелъ въ совершенное уничтоженіе. Такъ, когда придетъ на насъ царствіе Божіе, тогда все, преобладающее нами теперь, обратится въ ничто; потому что тма не терпитъ присутствія свѣта; не остается болѣзни по возвращеніи здоровья: не дѣйствуютъ и страсти при появленіи безстрастія; бездѣйственна смерть, исчезаетъ тлѣніе, когда воцаряется въ насъ жизнь, и начинаетъ обладать нетлѣніе. /

Да придетъ царствіе Твое. Какое сладостное изреченіе! Имъ ясно приносимъ Богу слѣдующее моленіе: «да разсыплется сопротивная сила, да уничтожится дружина иноплеменни-

ковъ, да прекратится борьба плоти съ духомъ, да не служить тѣло прибѣжищемъ непріятелю души, да явятся на мнѣ царственное владычество, ангельская рука, тысячи исправляющихъ, тьма помогающихъ съ правой руки, чтобы съ противной стороны пала тьма враждующихъ. Сопротивникъ силенъ; но страшенъ и непреборимъ для лишенныхъ Твоей помощи пока побораемый имъ одинъ. А какъ скоро откроется Твое царствіе, *отбѣже и печаль и воздыханіе* (Иса. 35, 10.), на мѣсто же ихъ входятъ жизнь и миръ, и радованіе. Или, какъ яснѣе истолкована намъ таже мысль Лукою, кто проситъ, чтобы пришло царствіе, тотъ взываетъ о содѣйствіи Святаго Духа. Такъ въ Евангеліи отъ Луки, вмѣсто словъ: *да придетъ царствіе Твое*, сказано: *да придетъ Святыи Духъ Твой на насъ, и очиститъ насъ*.

Что скажутъ на это дерзко отверзающіе уста свои на Духа Святаго? По какому разумѣнію царственное достоинство превращаютъ они въ рабское уничиженіе? Лука называетъ Духомъ Святымъ, что Маттеей наименовалъ царствомъ; почему естество Духа (ч) низводятъ въ подчиненную тварь, естество царственное причисля къ естеству, подвластному царской власти?

(ч) По рукоп. вмѣсто: *δι θεομάχου* читается: *τὴν φύσιν τοῦ Πνεύματος*.

Тварь рабствуетъ, а рабство — не царская власть. Духъ же Святыи есть царствіе. А если царствіе (ш), то, безъ сомнѣнія, царствуетъ, а не подъ царскою властію: но что не подъ царскою властію, то не тварь; потому что твари только свойственно быть въ рабствѣ. Посему, если Духъ есть царствіе, то почему причисляютъ Его къ естеству рабственному (щ) не научившіеся еще молиться, незнающіе, кто очищаетъ оскверненное, Кому принадлежитъ держава царства (ъ)?

Сказано: да придетъ Святыи Духъ Твой, и очиститъ насъ. Посему особая и преимущественная сила и дѣйственность Святаго Духа — очищать отъ грѣха. Ибо чистое и неоскверненное, конечно, не имѣетъ нужды въ очищающемъ. Но сіе же самое свидѣтельствуемъ Апостоль и объ Единородномъ (ы), когда говоритъ: *очищеніе сотворивъ грѣховъ, съде одесную.. величестія* (Евр. 1, 3.) Отцева. Посему одно дѣло у Того и Другаго, у Духа очищающаго

(ш) По рукоп. вмѣсто: *ἐκὼν τῆς κατὰ τὴν κρίσιν κτιστοῦς καὶ χειροῦς* и проч. читается: *εἰ δὲ βασιλεία ἐστίν, βασιλεύει παντῶς.*

(щ) Въ рукоп. читается: *πῶς, τῇ δουλείῳσιν φίσιν συνταριθμοῦσιν.*

(ъ) Въ рукописи: *τίς ὁ τῆς βασιλείας ἀναδεδεγμένος τό κρείτος.*

(ы) Сіе мѣсто и послѣдующее за симъ переведено по рукописи и согласно съ печатнымъ изданіемъ Франца Элера подъ заглавіемъ: *Bibliothek der Kirchenväter. Leipzig. 1859.*

грѣхъ, и у Христа содѣлавшагося очищеніемъ. А у кого одно дѣйствіе, у тѣхъ, конечно, и сила одна и таже; потому что всякое дѣйство есть слѣдствіе силы. Поэтому, если и дѣйство одно и сила одна, то какъ можно представлять себѣ инаковость естества у тѣхъ, у кого не находимъ никакой разности ни въ силѣ, ни въ дѣйствѣ? Какъ по свойствамъ огня, когда два сіи дѣйства свѣтитъ и сожигать равны и подобны, нельзя заключать о видоизмѣненіи предмета: такъ и никто изъ цѣломудренныхъ наученный божественнымъ Писаніемъ, что одно дѣйство Сына и Духа, не дойдетъ до того, чтобы предполагать какое либо различіе въ естествѣ.

Но нынѣ мнѣніями благочестивыхъ предварительно уже доказано, что естество Отца и Сына одно и тоже; ибо инородному не возможно называться именемъ Божіимъ; какъ скамья не называется сыномъ плотника, и никто изъ здравомыслящихъ не скажетъ, что домоздатель построилъ сына; напротивъ того наименованіями отецъ и сынъ означается единеніе ихъ по естеству. Когда два существа состоятъ во взаимномъ свойствѣ съ третьимъ, по всей необходимости надлежитъ не имѣть имъ различія и одному съ другимъ. Посему, если Сынъ по естеству въ единеніи съ Отцемъ, а тождествомъ дѣйствъ доказано, что Духъ Святый не чуждъ естества сыновняго: то въ

слѣдствіе сего оказывается, что естество Святой Троицы едино, между тѣмъ какъ въ каждой Упостаси личное свойство, по преимуществу въ ней усматриваемое, не сливается, и отличительные признаки между собою не перемѣшиваются такъ, — что признаковъ Отчей Упостаси не переносится на Сына или Духа, или также признаковъ Сына не примѣняется къ Отцу и къ Духу, или личное свойство Духа не обнаруживается въ Отцѣ и въ Сынѣ. Но въ общности естества усматривается несообщимое различіе особностей. Отцу свойственно безвиновное бытіе. Сего нельзя видѣть въ Сынѣ и въ Духѣ; потому что Сынъ отъ Отца изшелъ (Іоан. 16, 28.), какъ говоритъ Писаніе, и Духъ отъ Бога (1 Кор. 2, 12.) и *отъ Отца исходитъ* (Іоанн. 15, 26.). Но какъ сіе — имѣть безвиновное бытіе, будучи свойствомъ одного Отца, не можетъ прилагаяемо быть къ Сыну и къ Духу; такъ наоборотъ и сему — имѣть бытіе отъ вины, что свойственно Сыну и Духу, неестественно быть усматриваемымъ въ Отцѣ. А какъ общее свойство Сына и Духа — не быть не рожденнымъ, то, чтобы не усматривалось въ Нихъ какой либо слитности, можно опять найти несмѣшиваемое различіе въ ихъ личныхъ свойствахъ; такъ что и общее сохраняется, и особенныя свойства не сливаются. Ибо Сынъ въ святомъ Писаніи именуется Единороднымъ отъ Отца, и симъ Пи-

саніе ограничиваетъ личное свойство Сына. О Святомъ же Духѣ говорится, что Онъ отъ Отца, и свидѣтельствуется, что Онъ есть сынновій. Ибо сказано: *аще кто Духа Христова не имать, сей шельмъ Блужъ* (Римл. 8, 9.). Посему, хотя Духъ, сущій отъ Бога, есть и Христовъ Духъ, однакоже Сынъ, сущій отъ Бога, не есть и не называется Сынъ Духа: и относительная сія послѣдовательность не имѣетъ мѣста въ обратномъ порядкѣ, такъ что можно было бы равнымъ образомъ разложивъ рѣчь, превращать ея, и какъ Духа называемъ Христовымъ, такъ и Христа именовать Духовымъ. Посему, такъ какъ свойство сіе ясно и неслитно отличаетъ одно Лице отъ другаго, а тождество дѣйствія свидѣтельствуется объ общности естества, то тѣмъ и другимъ подтверждается благочестивое положеніе о Божествѣ, что исчисляется Тронца по впостасямъ, и не разсѣкается на инобѣстственные отдѣлы (б).

Посему, каково же безуміе сихъ дулроборцевъ, которые учатъ, что Господь—рабъ, для которыхъ не вѣрно и свидѣтельство Павла,

(б) Все сіе мѣсто, начинающееся словами: „такъ что признакъ Отчей влостаси,“ переведено по рукописи и по изданію Фр Элера

когда говоритъ, что Господь Духъ есть (2 Кор. 3, 17.). Или, можетъ быть, слово: *да придетъ*, почитаютъ унижающимъ достоинство? Не слушаютъ, значить, и великаго Давида, который призываетъ къ себѣ даже Отца, и вопиеть: *прииди во еже спасти насъ* (Псал. 78, 3.). Если для Отца придти—дѣло спасительное, то почему для Духа придти—дѣло унижительное? Или и это—очищать отъ грѣховъ поставляютъ признакомъ униженія достоинства? Послушай невѣрныхъ Иудеевъ, которые вопіють, что отпущать грѣхи свойственно Единому Богу, рассуждая объ Отцѣ, говорятъ: *Кто есть сей, иже умолетъ хулы? Кто можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ* (Лук. 5, 21.)? Посему, если грѣхи оставляетъ Отець, возьметъ же на Себя грѣхъ міра Сынъ (Іоанн. 1, 29.), и отъ грѣховной скверны очищаетъ Духъ Святый тѣхъ, въ комъ пребываетъ Онъ: что скажутъ на сіе противоборствующие собственной своей жизни?

Но да придетъ на насъ Духъ Святый, и да очиститъ насъ, и да содѣлаетъ способными къ принятію возвышенныхъ и боголѣпныхъ понятій, указуемыхъ намъ въ молитвѣ гласомъ Спасителя. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 4-е

Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на землѣ. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь (Матѹ. 6, 10. 11.).

Слышалъ я одного врача, который по наукѣ естествословіи разсуждалъ о состояніи здоровья; разсужденія его не будутъ, можетъ быть, далекими и отъ нашей цѣли — благосостоянія души. Уклоненіе какой либо въ насъ стихіи отъ надлежащей мѣры опредѣлялъ онъ началомъ и причиню болѣзненнаго состоянія; и наоборотъ также утверждалъ, что находящагося въ неправильномъ движеніи возстановленіе въ состояніе, тому свойственное и естественное, есть врачеваніе отъ болѣзнетворной причины. И посему полагалъ, что должно обращать вниманіе на то именно изъ движимаго въ насъ безпорядочно, преобладаніемъ чего вліяніе противоположнаго на возстановленіе здоровья всего болѣе дѣлается слабымъ. Такъ, если возобладаетъ теплота, должно оказывать содѣйствіе преобладаемому и увлаживать иссушаемое, пока теплое, потребляя само себя, при недостаткѣ вещества, совершенно не истощится и само собою не угаснетъ. А также,

если и другое что изъ оказывающаго въ насъ противоположныя одно другому дѣйствія преступить предѣлъ, надобно подавать искусственную помощь умаляемому, чтобы оно противостояло умножаемому. И когда это сдѣлается, ничто не будетъ препятствовать равновѣсію стихій; тогда тѣлу возвратится здравіе, потому что въ естествѣ нѣтъ уже неправильнаго срастворенія стихій.

Къ чему же служить у меня это длинное вступленіе въ слово? Не безъ цѣли, можетъ быть, такое начало и недалеко отъ предположеннаго предмета. Ибо разсмотрѣнію нашему подлежать слова: *да будетъ воля Твоя*. Для чего же упомянули мы о семъ врачевномъ положеніи, объяснимъ это въ послѣдующемъ. Духовное въ человѣчествѣ было нѣкогда здраво, потому что нѣкія стихіи, разумно душевныя движенія, растворены въ насъ были равномерно по закону добродѣтели. Когда же усилилась способность вождельвательная, расположеніе, представляемое ей противоположнымъ, а это есть воздержаніе, стало преобладаемо избыточествующимъ; и не было уже ничего препятствующаго неумѣренному движенію вождельнія, къ чему не должно; тогда въ человѣческомъ естествѣ произошла отъ сего смертельная болѣзнь — грѣхъ. Посему истинный Врачъ душевныхъ страданій, ради одержимыхъ болѣзнію вступивъ въ жизнь человѣческую,

молитвенными рѣченіями (Ѣ) ослабляя болѣзнетворную причину, возводитъ насъ въ духовное здравіе. Здравіемъ же для души служитъ исполненіе Божественной воли, равно какъ и наоборотъ, отпаденіе отъ благодѣи воли есть болѣзнь души, оканчивающаяся смертію. Посему, такъ какъ сдѣлались мы немощными, когда въ раю, оставивъ добрый образъ жизни, безъ мѣры вкусили яда преслушанія, и потому природою нашею возобладала жестокая и смертельная болѣзнь: то пришелъ истинный Врачъ, по закону врачебнаго искусства исцѣляющій зло противоположнымъ ему, и одержимыхъ недугомъ потому, что отступили отъ Божіей воли, освобождаетъ опять отъ болѣзни единеніемъ съ Божією волею. Ибо слова молитвы служатъ врачеваніемъ отъ постигшаго душу недуга. У кого душа одержима, какъ бы нѣкими болѣзнями, тотъ молится, говоря: *да будетъ воля Твоя.* А воля Божія — спасеніе людей.

Посему, когда дойдемъ до того, чтобы сказать Богу: *да будетъ воля Твоя* и на мнѣ: тогда совершенно необходимо осудить прежде ту жизнь, которая была несогласна съ Божією волею, и выразить сіе исповѣданіемъ: «послику

(Ѣ) По рукоп. читается *оѣмислу*, а не *тоѣмислу*.

во время протекшей жизни на зло мнѣ дѣйствовала во мнѣ противная Твоей воля, содѣлался я служителемъ лукаваго мучителя, и какъ бы исполнителемъ казни, приводящимъ въ исполненіе надъ самимъ собою приговоръ врага: посему, возбуждившись жалостію къ моеѣ погибели, даруй, чтобы со временемъ и во мнѣ совершалась воля Твоя. Ибо, какъ въ мрачныхъ пещерахъ, когда вносится туда свѣтъ, мракъ исчезаетъ: такъ, когда Твоя воля во мнѣ будетъ совершаться, всякое лукавое и неумѣстное движеніе произвола обратится въ ничто. Цѣломудріе угаситъ невоздержное и страстное стремленіе ума, смиренномудріе истребитъ кичливость, скромность уврачуесть болѣзнь гордыни, а доброта любви изгонитъ изъ души многочисленный сонмъ противоположныхъ золь; бѣгутъ отъ нея ненависть, зависть, негодованіе, гнѣвное движеніе, раздражительное расположеніе духа, злонамѣренность, притворство, памятованіе огорченія, жажда мщенія, воскипѣніе крови въ предсердечіи, недоброе око, — все это стадо таковыхъ золь уничтожится любвеобильнымъ расположеніемъ. Такъ дѣйственность Божіей воли исторгаетъ сугубое идолослуженіе; называю сугубымъ, какъ неистовую приверженность къ идоламъ, и какъ вожделѣніе серебра и золота — этихъ, какъ наименовало ихъ пророческое слово, идоловъ *языкъ* (Псал. 113. 12.). Посему да

*будетъ воля Твоя, чтобы стала недѣйствитель-
ною воля діавола.*

Но почему просимъ у Бога, чтобы произво-
леніе наше содѣлалось благимъ? Потому что
естество человѣческое, однажды приведенное
въ разслабленіе порокомъ, немошно для добра.
Ибо человѣкъ не съ тою же легкостію, съ ка-
кою доходитъ до худаго, возвращается отъ
него опять къ доброму; какъ подобный сему
законъ можемъ примѣчать и въ тѣлахъ, потому
что неодинаково. не съ равнымъ удобствомъ,
здоровое тѣло дѣлается больнымъ, и заболѣв-
шее выздоравливается. Пользовавшійся дотолѣ
здоровьемъ часто отъ одной раны приходилъ
въ крайнюю опасность, и одинъ оборотъ или
припадокъ горячки истреблялъ всю силу въ
тѣлѣ, малый пріемъ яда, или совершенно раз-
рушалъ тѣло, или производилъ это постепенно,
и за угрызеніемъ пресмыкающагося. или за
ужаленіемъ одного изъ ядовитыхъ животныхъ,
или за поползновеніемъ ноги, или за паденіемъ.
или за вкушеніемъ съ жадностію чего либо
сверхъ силы, или за инымъ тому подобнымъ,
мгновенно слѣдовала, или болѣзнь, или смерть;
освобожденіе же отъ недуга, если когда и бы-
ваетъ, то при сколькихъ (э) достигается при-

(э) По рукописи вмѣсто: *πολλάς* читается *ποσάκις*

мышленіяхъ, затрудненіяхъ и врачебныхъ искусственныхъ средствахъ? Посему, когда дѣйствуетъ въ насъ стремленіе къ злу, нѣтъ потребности въ содѣйствующемъ, потому что порокъ самъ собою довершаетъ себя въ волю нашей. Если же возникаетъ склонность къ лучшему; то нужно, чтобы пожеланіе Бога привело въ исполненіе. Посему говоримъ: поелику цѣломудріе—Твоя воля, *азъ же плотью есмь, проданъ подъ ирѣхъ* (Рим. 7, 14.): то Твоею силою да преуспѣетъ во мнѣ благая сія воля. Тоже говоримъ о справедливости, о благочестіи, объ отчужденіи отъ страстей. Слово: воля объемлетъ собою все вообще добродѣтели, словами же: воля Божія означается по одиначкѣ все, разумѣемое подъ именемъ добраго.

Но что значить сіе прибавленіе: *яко на небеси, и на земли?* Слово сіе, какъ мнѣ кажется, указываетъ, можетъ быть, на одинъ изъ болѣе глубокихъ догматовъ, и составляетъ ученіе боголѣснаго разумѣнія при взглядѣ на тварь. Смысль же того, о чемъ говорю, таковъ: вся разумная тварь дѣлится на естество безплотное и на облеченное тѣломъ. Безплотное естество есть ангельское, а другой видъ естества—мы люди. Посему первое духовно, какъ отрѣшенное отъ бременящаго тѣла (разумѣю же тѣло это грубое и къ землѣ тяготящее), проходитъ горній жребій, по легкости и удобо-

движности естества пребывая въ странахъ легкихъ и зѣирныхъ. А другое, по сродству нашего тѣла съ оземленѣвшимъ, по необходимости получило въ удѣлъ, какъ бы цѣкїи отстой грязи, жизнь земную. Не знаю, что устроила этимъ Божїя воля, то ли, чтобы всю тварь сблизить между собою, чтобы и дольнїи жребїи не былъ безучастнымъ въ небесныхъ высотахъ, и небо не вовсе было безучастно въ томъ, что на землѣ, но вслѣдствїе образованїя человѣческаго естества изъ обоихъ стихїи происходило нѣкое общенїе усматриваемаго въ той и другой стихїи, такъ какъ духовная часть души, которая, по видимому, есть нѣчто сродное и одноименное съ небесными силами, обитаетъ въ земныхъ тѣлахъ, и оземленѣвшая сїя плоть, при измѣненїи тлѣнныхъ и восхищенїи праведныхъ, вмѣстѣ съ душою переселится въ небесную область (ю)? Ибо *восхищени будещь, какъ говоритъ Апостоль, на облацяхъ въ срѣщенїе Господне на воздухъ, и тако- всегда съ Господемъ будещь* (1 Сол. 4, 17.). Поэтому сїе, или иное что устроила снмъ Божїя премудрость,—все разумное естество, по двоякой сей жизни, дѣлится на части, и есте-

(ю) По рукописи читается: *ἐν τῇ ἀναλλυγῇ μὲν σθαρτῶν, ἀρπαγῇ δὲ τῶν δικαίων εἰς τὸν ἔρανον χῶρον μετὰ τῆς ψυχῆς ἐπιδημύσης.*

ство безплотное пріяло въ свой жребій небесное блаженство, а другое, по причинѣ плоти, обитаетъ на землѣ, по сродству съ нею. Хотя возделѣніе прекраснаго и добраго равномерно всуществлено въ томъ и другомъ естествѣ, и Правитель вселенной въ обоихъ содѣлалъ равными самоуправленіе, самовластіе и свободу отъ всякой необходимости, чтобы все одаренное словомъ и разумѣніемъ распоряжалось собою по самозаконному иѣкосму произволу: однакоже жизнь горняя во всемъ хранить себя чистою отъ порока, и съ нею несовмѣстно ничто представляющееся противоположнымъ, всякое же страстное движеніе и расположеніе, которымъ подверженъ родъ человѣческій, приводитъ въ круженіе жизнь дольную. Посему житіе святыхъ смъ на небесахъ богодуховенное слово признаетъ неимѣющимъ примѣси порока и чистымъ отъ всякой грѣховной скверны. Все же, что умышленіемъ лукаго и отступленіемъ отъ добраго (я) превращается въ зло, подобно какому-то отстою или грязи, стекается въ эту обыкновенную (ѳ) жизнь; и оскверняется человѣческій родъ, находя въ этой тмѣ препятствіе къ тому, чтобы усматри-

(я) По рукоп. *τῆ τῷ χειρόνος ἐπιβολίαι καὶ ἀποστάσι τοῦ ἀγαθοῦ.*

(ѳ) По рукоп. вмѣсто *τῆν κοίλην* чит. *τῆν κοινὴν.*

вать Божественный свѣтъ истины. Посему, если высшая жизнь безстрастна и чиста, а здѣшняя бѣдственная жизнь погружена во всякія страсти и злостраданія: то явно, что горнее житіе, какъ чистое отъ всего худаго, преусиѣваетъ въ благой волѣ Божіей; ибо гдѣ нѣтъ зла, тамъ по всей необходимости добро. А наша жизнь, утративъ общеніе въ добрѣ, отпала и отъ Божіей воли. Посему научаемся мы въ молитвѣ, въ такой мѣрѣ очищать нашу жизнь отъ худаго, чтобы, какъ въ небесномъ жительствѣ, и въ насъ безпрепятственно управляла Божія воля, такъ чтобы можно было иному сказать: «какъ въ престолахъ, началахъ, властяхъ, господствахъ, и во всякой премірной силѣ совершается Твоя воля, и никакой порокъ не препятствуетъ дѣйствию добра: такъ и въ насъ да совершается доброе, чтобы, по истребленіи всякаго порока, въ душахъ нашихъ, благоуспѣшно исполнялась во всемъ Твоя воля».

Но возразитъ кто нибудь: возможно ли въ той чистотѣ, какая въ безплотныхъ силахъ, преусиѣвать получившимъ въ удѣлъ жизнь во плоти, когда душа по тѣлеснымъ потребностямъ погружена въ тьмы заботъ?—Посему-то, кажется мнѣ, какъ бы устраняя такую невозможность, Господь въ послѣдующихъ словахъ разрѣшаетъ кажущееся затруднительнымъ въ предстоящемъ дѣлѣ. Ибо сими словами, въ

повелѣніи просить насущнаго хлѣба, предлагается намъ. думаю, ученіе, что довольство малымъ и умѣренность по закону безстрастія равняется тому, чтобы не имѣть ни въ чемъ нужды по естеству. Ангель не просить въ молитвахъ Бога о подаванні ему хлѣба, потому что одаренъ естествомъ, неимѣющимъ нужды въ чемъ либо подобномъ; а человѣку повелѣно просить, потому что дѣлающееся пустымъ не-премѣнно имѣть нужду въ наполняющемъ. Скоротеченъ и преходящъ составъ человѣческой жизни, вмѣсто отдѣлившагося требуетъ возобновляющаго. Посему, кто въ услуживаніи естеству, не увлекается сверхъ необходимости суетными заботами, тотъ не много ниже ангельскаго чина по жизни, въ довольствѣ для себя малымъ подражая Ангеламъ, ни въ чемъ неимѣющимъ нужды. Посему повелѣно намъ домогаться только остаточнаго къ сохраненію тѣлесной сущности, говоря Богу: *хлѣбъ намъ даждь*, — то есть даждь не забавы, не богатство, не доброцвѣтныя багряницы, не золотые уборы, не блескъ камней, не серебряные сосуды, не обширныя помѣстья, не военачальство, не владѣніе городами и народами, не стада коней и воловъ, и великое множество другаго скота, не обиліе невольниковъ, не знаменитость на торжищахъ, не памятники, не изображенія, не шелковыя ткани, не увеселенія музыкой, и ни что либо сему подобное.

чѣмъ душа отвлекается отъ Божественной и болѣе досточестной заботливости; но *даждь хлѣбъ.*

Видишь ли эту широту любомудрія? Сколько ученій содержится въ семь краткомъ изреченіи? Словомъ: *хлѣбъ* какъ бы такъ взываетъ Господь внимающимъ: «перестаньте, люди, истощаться пожеланіями суетнаго! перестаньте на горе себѣ самихъ умножать поводы къ трудамъ! Не великъ твой естественный долгъ; обязанъ ты доставать плоти своей пищу, дѣло не большое и не трудное, если имѣешь въ виду потребность. Для чего умножаешь свои повинности? Для чего налагаешь на себя иго, неся столько долговъ, добывая серебро, откапывая золото, приискивая прозрачное вещество? Для того ли, чтобы всѣмъ подобнымъ усладить тебѣ этого всегдашняго собирателя податей — чрево, которому потребенъ только хлѣбъ, удовлетворяющій тому, въ чемъ нуждается тѣло?» А ты отправляешься къ Индамъ, терпишь бѣды на чужеземномъ морѣ, пускаешься въ плаваніе на цѣлые годы, чтобы привезенными оттуда покунками усладить пищу, не обращая вниманія на то, что ощущеніе сладостей имѣетъ предѣломъ небо во рту, а также и благовидное, и благовонное, и услаждающее вкусъ доставляетъ чувству какую-то скоропребывающую и мгновенную пріятность. / Кромѣ неба во рту разность влагасмаго въ гортань

ничѣмъ не различима; потому что естествомъ одинаково, измѣняется все въ зловоніе. Видишь ли конецъ повареннаго искусства? Видишь ли послѣдствіе поваренныхъ ухищреній? Проси хлѣба для жизненной потребности; въ этомъ природа сдѣлала тебя должникомъ тѣлу. А что сверхъ этого изобрѣтено изнѣженностию (v) роскошныхъ, то изъ числа привсѣянныхъ плевелъ. Сѣяніе домовладыки—пшеница, а изъ пшеницы дѣлается хлѣбъ; роскошь же—плевелы; они врагомъ привсѣяны къ пшеницѣ. Но люди, переставъ служить природѣ необходимымъ, дѣйствительно, какъ говоритъ негдѣ Писаніе (Мар. 4, 7, 19), бываютъ подавляемы раченіемъ о суетномъ, и остаются не достигшими зрѣлости, потому что душа непрестанно занимаетъ себя сими суетностями.

О чемъ-то подобномъ, можетъ быть, какъ мнѣ кажется, загадочно любомудрствуетъ и Моисей, совѣтникомъ Евѣ къ наслажденію вкушеніемъ представивъ намъ змія. Сказываютъ ~~то~~ что ~~(то животное)~~ зміи, если вставить голову въ пазъ стѣны, въ которой вползаетъ, то не легко вытащить его изъ паза тому, кто потянетъ за хвостъ, потому что упирающаяся чешуя естественно противится усилію тяну-

(v) По рукоп. вмѣсто τὰς ἐπιβολὰς читается: τὰς χλιδαὶς.

шаго назадъ; и кому проходъ впередъ без-
 препятственъ, потому что чешуя по гладкому
 скользитъ, для того обратный путь назадъ,
 задерживаемый упорствомъ чешуи, затрудни-
 теленъ. А слово сіе, думаю, показываетъ, что
 надлежитъ беречься удовольствія, когда оно
 входитъ и вползаетъ въ скважины души, и,
 сколько можно, тщательнѣе заграждать пазы
 жизни. Ибо въ такомъ случаѣ жизнь человѣ-
 ческая блюдетъ чистою отъ смѣшенія съ жиз-
 нью скотскою. Если же, по разстройству въ
 насъ связей жизни, найдетъ себѣ какой-либо
 входъ змій сластолюбія; то поэтому укроется
 въ насъ, такъ какъ по причинѣ чешуи труд-
 нымъ сдѣлается извлеченіе его назадъ изъ вмѣ-
 стилищъ разумѣнія. А слыша о чешуѣ, разу-
 мѣйи подъ этою загадкою разнообразныя по-
 воды къ удовольствіямъ; ибо страсть къ сла-
 столюбію по родовому понятію—одна звѣрь,
 но разные и различныя виды удовольствій,
 примѣшиваемыя чувствами къ человѣческой
 жизни, это—чешуи на змій, испещренныя раз-
 нообразіемъ страстей. Посему, если избѣгаешь
 сожителства съ зміемъ; то берегись головы,
 то ссть перваго прираженія къ тебѣ зла; ибо
 къ сему ведетъ загадочный смыслъ Господней
 заповѣди: *той твою блости будетъ главу, и
 ты блости будешь его пята* (Быт. 13, 15.). Не
 давай входа пресмыкающемуся, которое впол-
 заетъ во внутренность, и при самомъ началѣ

входить всею длиною своего тѣла. /Ограничивайся необходимою потребностію. Предѣломъ заботливости твоей о жизни пусть будетъ удовлетвореніе нужды тѣмъ, что у тебя есть.

Если и съ тобою Еввинъ совѣтникъ вступить въ бесѣду о томъ, что прекрасно для взора и пріятно для вкуса, и при хлѣбѣ станешь искать такой-то снѣди, приготовленной съ такими-то приправами, а потомъ въ слѣдствіе сего прострешь пожеланіе далѣе необходимыхъ предѣловъ: то увидишь тогда, какъ пресмыкающійся въ слѣдъ за симъ непримѣтно прокрадется къ любостыжательности. Ибо, отъ нищѣ необходимой перейдя къ лакомымъ снѣдямъ, перейдетъ и къ тому, что пріятно для глазъ, будетъ домогаться свѣтлыхъ сосудовъ, красивыхъ слугъ, серебряныхъ ложъ, мягкихъ постелей, прозрачныхъ съ золотою насыпью покрывалъ, престоловъ, треножниковъ, купалень, чашъ, роговъ, холодильниковъ, ковшей, лаханей, свѣтильниковъ, курильницъ (а). А чрезъ это входитъ похоть любостыжательности, (и домогается подобныхъ вещей (б): но чтобы въ заготовленіи оныхъ не было недостатка (в),

(а) Слова: *καὶ τὰ τοιαῦτα ἐτιζήτων* въ рук. не читаются.

(б) Сіе дополнено по рукописи.

(в) Такъ въ рукописи читается *λείπων*, а не *λίπων*.

потребны доходы на приобрѣтеніе требуемаго. Поэтому надобно иному быть въ печали, живущему вмѣстѣ проливать слезы, многимъ сдѣлаться бѣдствующими, лишившись собственности, чтобы въ слѣдствіе ихъ слезъ за столомъ этого человѣка было блистательно. А когда змѣи обовѣстятъ вокругъ этого, и наполнить чрево, чѣмъ было желательно, тогда, въ слѣдъ за симъ, по пресыщеніи человѣкъ болѣе и болѣе увлекается въ неистовство непотребства; и это есть крайнее изъ золъ человѣческихъ.

Поэтому, чтобы не происходило ничего этого, ограничивай молитву (г) испрошеніемъ сего пособия — хлѣба, ища снѣди, приправляемой тебѣ самою природою. И сія приправа есть добрая совѣсть, при правильномъ употребленіи хлѣба всего болѣе его улаждающая. А если желательно тебѣ усладить и ощущеніе гортани; то пусть приправою у тебя будетъ скудость, пусть не прилагается сытость къ сытости, побужденіе къ принятію пищи не притупляется нѣнствомъ, но вкушенію оной да предшествуетъ у тебя по заповѣди пролитіе пота. *Въ потъ и трудъ съяси хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19.). Видишь ли, какая первая приправа пищи, по

(г) Такъ въ рукописи.

Писанію? Достаточно для тебя сею только потребностію занимать мысль свою; лучше же сказать, до этого только связывать душу пожеланіями о хлѣбѣ. Но скажи Тому, Кто изводитъ *хлѣбъ отъ земли* (Пса. 103, 14.), скажи Тому, Кто питаетъ врановъ (Пса. 146, 8.), дасть *пищу всякой плоти* (Пса. 135, 25.), отверзаетъ *руку* и исполняетъ *всякое животное благоволенія* (Пса. 144, 16.): «отъ Тебя моя жизнь, отъ Тебя да будетъ и средство къ жизни. Ты *даждь хлѣбъ*, то есть, даруй имѣть пищу отъ праведныхъ трудовъ». Ибо если Богъ есть правда, то не отъ Бога имѣеть хлѣбъ, кто имѣеть пищу отъ любостыжательности.

Самъ ты властелинъ испрашиваемаго въ молитвѣ, если довольство твое не изъ чужаго, если доходъ твой—не отъ слезъ другаго, если при твоей сытости никто не сдѣлался голоднымъ, если при твоёмъ излишествѣ никто не воздохнулъ. Особенно же Божій хлѣбъ таковъ,—это—плодъ правды, класъ мира, несмѣшанный съ сѣменами плевель и неоскверненный ими. Если же, воздѣлывая чужое поле, безъ стыда дѣлая неправду и записями закрѣпивъ незаконное приобрѣтеніе, скажешь потомъ Богу: *даждь хлѣбъ*: то другой будетъ внимать этимъ словамъ твоимъ, а не Богъ; потому что плодъ неправды плодоприноситъ естество противное Богу. Кто старается о правдѣ, тотъ отъ Бога

пріемлетъ хлѣбъ; а кто воздѣлываетъ неправду, того питаетъ снабдитель неправды. Посему, взирая на совѣсть свою, приноси Богу прощенье о хлѣбѣ, зная, что у Христа нѣтъ общенія съ Веліаромъ. Если принесешь даръ отъ неправды: то даръ твой—*цѣна пестя и жди блудница* (Второз. 23, 18.). Хотя прикрасишь подающія щедростію, однакожь отъ Пророка, гнушающагося такими приношеніями, услышишь: *что Ми множество жертвъ? илаголетъ Господь. Исполненъ есмь всеожженій овнихъ, и тука агнцовъ, и крове юнцовъ, и козловъ не хочу. Кадило мерзость Ми есть* (Иса. 1, 11. 13.); и въ другомъ мѣстѣ: *жрѣй Ми тельца, яко убивая пса* (Иса. 66, 3.) вмѣнится. Посему, если отъ Господа имѣешь хлѣбъ, то есть, отъ праведныхъ трудовъ; то позволительно тебѣ приносить Ему начатки отъ плодовъ правды.

Прекрасно же и прпсовокупленіе слова: *днесь.* Ибо сказано: *хлѣбъ насыщный даждь намъ днесь.* Въ этомъ словѣ заключается другое любомудріе: произнося это, долженъ ты дознать, что жизнь человѣческая однодневна. Собственность каждаго — одно только постоянное, а надежда на будущее остается въ неизвѣстности; не знаемъ, *что родитъ находѣй* (Прит. 27, 1.). Для чего мучимъ себя неизвѣстнымъ, томимъ заботами о будущемъ? Сказано: *довлѣетъ днєви злоба ея* (Матѹ. 6, 34.),

гдѣ злобою называется злостраданіе. Для чего прилагаемъ попеченіе *объ утрѣи*? Посему Господь тѣмъ, что повелѣваетъ говорить: *днесъ*, запрещаетъ тебѣ заботу *объ утрѣи*, какъ бы слѣдующее внушая тебѣ симъ словомъ: «Кто далъ тебѣ день, Тотъ дастъ и потребное на день. Кто *сіяетъ солнце* (Матѣ. 5, 45.); Кто уничтожаетъ ночную тму; Кто показываетъ тебѣ лучъ свѣта; Кто ^{заслѣ}вращаетъ небо, чтобы ^{подъ} падъ ^{свѣтлосты} землею ^{жесть} стало свѣтило; Кто даетъ тебѣ это и многое другое, Тотъ ужели имѣетъ нужду въ твоёмъ содѣйствіи, чтобы удовлетворить твоей плоти, снабдивъ ее потребнымъ? Какую тщательность о собственной жизни привносить отъ себя естество безсловесныхъ? Какія пашни у врановъ, какія житницы у орловъ? Не одна ли у всѣхъ снабдительница жизни — Божія воля, которою все содержится? Волъ, или осель, или другое какое безсловесное, неучась, отъ природы имѣютъ любомудріе, и хорошо располагаютъ настоящимъ; о томъ же, что будетъ послѣ, нѣтъ у нихъ никакой заботы».

Ужели мы имѣемъ нужду въ совѣтникахъ, чтобы уразумѣть эту кратковременность и однодневность плотской жизни? Не вразумляемся тѣмъ, что бываетъ съ другими? Какъ не уцѣломудриваемся собственною своею жизнью? Что было пользы отъ большаго заготов-

ленія тому богачу, который обольщала себя неосуществимыми надеждами, разорялъ, строилъ, собиралъ, роскошествовалъ, чего достало бы на многіе годы, то въ суетѣ надеждъ запиралъ въ житницы? Не одна ли ночь обличила всю эту мечтательность надежды, какъ суетное нѣкое сновидѣніе о чемъ-то нестоющемъ вниманія? Жизнь тѣлесная ограничивается однимъ настоящимъ; а жизнь, предоставляемая надеждѣ, есть собственность души. Но человѣческое неразуміе погрѣшаетъ въ употребленіи той и другой, думая тѣлесную жизнь продлить надеждами, а жизнь душевную тратя въ наслажденіяхъ настоящимъ. Посему-то душа, занимаясь видимымъ, по необходимости дѣлается чуждою надежды существенной и дѣйствительной, по надеждѣ опираясь на непрочное, и симъ не овладѣваетъ, и чего надѣялась, того не имѣетъ.

Посему научимся изъ настоящаго совѣта, чего надлежитъ просить сего дня, и чего въ послѣдствіи. Хлѣбъ — сегодняшняя потребность; а царствіе — уповаемое блаженство. Сказавъ же о хлѣбѣ, Писаніе разумѣетъ подъ симъ всякую тѣлесную потребность. Если сего станемъ просить, уму молящагося будетъ явно, что забота его объ однодневномъ. Если же просимъ чего либо изъ душевныхъ благъ, то явно, что прошеніе имѣетъ въ виду всегда пребываю-

щее и нескончаемое, на что Господь и повелѣваетъ наипаче взирать молящимся, какъ на важнѣйшее, удовлетворяющее и первой потребности. *Просите, говорить Онъ, царствія и правды, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33.) о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 5-е.

Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; и не введи насъ въ напасть, но избави насъ отъ лукаваго (Матѳ. 6, 12. 13.).

Слово, простираясь впередъ, вошло на самый верхъ добродѣтели. Ибо словами молитвы изображаетъ, какимъ, по его требованію, долженъ быть приступающій къ Богу; показываетъ, что онъ уже виѣ предѣловъ естества человѣческаго, и уподобляется по добродѣтели Самому Богу; такъ что дѣлая то, что свойственно дѣлать одному Богу, по видимому, и самъ дѣлается вторымъ богомъ. Ибо оставленіе долговъ есть Божіе свойство, и свойство преимущественное — сказано: никтоже можетъ

оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ (Лук. 5, 21.). Посему, если кто въ жизни своей удостоился отличительнымъ чертамъ Божія естества; то самъ нѣкоторымъ образомъ дѣлается тѣмъ же, съ кѣмъ сходство показалъ въ себѣ точнымъ угодобленіемъ.

Итакъ чему же учить слово сіе? Во первыхъ съ дерзновеніемъ, на какое приобрѣтено право предшествовавшею жизнію, сознать въ себѣ угодобленіе Богу, и тогда уже осмѣлится называть Бога Отцемъ своимъ и просить прощенія въ прежнихъ прегрѣшеніяхъ; потому что не всякому просящему возможно получить то, чего желаетъ, но тому, кто дѣлами приобрѣлъ себѣ право просить (д) съ дерзновеніемъ. Ибо сіе прямо внушаетъ намъ Господь въ настоящемъ изреченіи, а именно: приступая къ благодѣтелю будь самъ благодѣтелемъ; приступая къ доброму, будь добрымъ; приступая къ правдивому, будь правдивымъ; приступая къ терпѣливому, будь терпѣливымъ; приступая къ чловѣколюбивому, будь чловѣколюбивымъ; а также будь и всѣмъ инымъ, приступая къ добросердому, къ благосклонному, къ общительному въ благахъ, къ милующему

(д) Сіе мѣсто перезедено по рукописи и по изданію Элера.

всякаго, и если еще что усматривается божественнаго, во всемъ этомъ уподобляясь произволеніемъ, приобрѣтай тѣмъ себѣ дерзновеніе на молитву. Посему, какъ не возможно лукавому освоиться съ добрымъ, и покрытому нечистыми сквернами имѣть общеніе съ чистымъ и несквернымъ: такъ приступающаго къ Божію человѣколюбію отлучаетъ отъ онаго жестокосердіе. Посему, кто за долги держитъ человѣка въ своей власти, и обходится съ нимъ жестоко, тотъ нравомъ своимъ устранилъ себя отъ Божія человѣколюбія. Ибо какое общеніе у человѣколюбія съ звѣрствомъ, у любвеобильнаго расположенія съ свирѣпостію, и у всего прочаго, что по противоположности злу представляется принадлежащимъ противной сторонѣ, и въ такомъ непримиримомъ ему сопротивленіи, что преданный одному необходимо удаленъ отъ противоположнаго? Какъ сдѣлавшійся добычею смерти уже не живъ, и наслаждающійся жизнью удаленъ отъ смерти: такъ приступающему къ Божію человѣколюбію совершенно необходимо быть чуждымъ всякой жестокости. А кто содѣлался чуждымъ всего разумѣемаго подъ именемъ порока, тотъ нѣкоторымъ образомъ по такому нраву дѣлается Богомъ, доводя до преслѣянія въ себѣ то, что разумъ признастъ и о Божественномъ естествѣ.

Видишь, до какого величія Господь возвы-

паетъ слушателей словами сей молитвы, пре-
лагая нѣкоторымъ образомъ естество человѣ-
ческое въ божественное, и узаконяя, чтобы
приступающіе къ Богу сами дѣлались богами
«Для чего», говоритъ Онъ, «ты, поражаемый
страхомъ; бичуемый своею совѣстію, рабо-
лѣнно приходишь къ Богу? Для чего самъ себѣ
заграждаешь дерзновеніе, заключенное въ сво-
бодѣ души и изъ начала существованно принад-
лежащее естеству? Для чего льстишь словами
Необольстимому? Для чего съ услужливыми и
угодливыми рѣчами обращаешься къ Тому,
Кто взираетъ на дѣла? Тебѣ, одаренному сво-
бодою и благоразуміемъ, можно со властію
имѣть всякое благо, какое только дается отъ
Бога. Будь самъ себѣ судіею. Произнеси
себѣ спасительный приговоръ. Желаешь, что-
бы отпущены были тебѣ Богомъ долги? отпу-
сти самъ; Богъ изрекъ приговоръ; твой судъ
надъ соплеменникомъ, въ которомъ ты вла-
стенъ, каковъ бы то ни былъ, есть и твой
приговоръ. Чтѣ самъ о себѣ знаешь, то под-
тверждено о тебѣ и Божиимъ судомъ».

Но какъ достойнымъ образомъ раскроешь
кто все величіе Божія слова? Заключающаяся
въ немъ мысль превосходитъ словесное истол-
кованіе. *Остави намъ долги наша, якоже и мы
оставляемъ должникамъ нашимъ.* Ту мысль,
какая мнѣ приходитъ при семъ на умъ, смѣло

и держать въ умѣ, а еще смѣлѣе раскрыть ее въ словѣ. Ибо что сказано? Какъ преусиѣвающимъ въ добрѣ представляется въ подражаніе Богъ, по словамъ Апостола: *подражатели лишь бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1.): такъ наоборотъ требуется, чтобы твое расположеніе къ добру стало образцомъ для Бога; измѣняется нѣкоторымъ образомъ порядокъ, и мы осмѣливаемся надѣяться, что, какъ въ насъ подражаніемъ Богу совершается доброе, такъ и Богъ будетъ подражать нашимъ дѣламъ, когда преусиѣемъ въ чемъ либо добромъ, и ты можешь сказать Богу: «что сдѣлалъ я, сдѣлай и Ты; подражай рабу своему Ты, Господь, убогому и нищему Ты, царствующій надъ всѣмъ; я отпустилъ долги, не взыскивай и Ты! Я уважилъ просителя, не отвергни и Ты просящаго (е)! Я отпустилъ должника своего веслымъ, таковъ пусть будетъ и Твой должникъ! Не дѣлай, чтобы Твой былъ грустнѣе моего! Пусть оба равно благодарятъ оказавшихъ милость (ж)! Пусть посредниками обоихъ подтверждено будетъ равное отпущеніе и моему и Твоему должнику! Моему должнику такой-то, а Твоему я; какое рѣшеніе далъ я о своемъ должникѣ, такое же да возымѣетъ

(е) Рѣчь дополнена по рукописи и по изданію Эгера.

(ж) Въ рус. выѣсло: *τοῖς δακτοῦσι*, чл. иссл.: *τοῖς χρῆσις*.

силу и у Тебя; я разрѣшилъ, разрѣши и Ты! Я отпустилъ, отпусти, и Ты! Я великую милость оказалъ соплеменнику; подражай и Ты. Господи, человеколюбно раба Твоего».

«Но мои прегрѣшенія предъ Тобою тяжелѣе сдѣланныхъ предо мною моимъ должникомъ. Признаю это и я; разсуди и то, сколько преимуществуешь Ты во всякомъ добрѣ. Тебѣ справедливо, намъ согрѣшившимъ даровать милость, соразмѣрную преизбытку Твоего могущества. Малое человеколюбіе оказалъ я; потому что большаго не вмѣщаетъ природа моя; а Ты сколько ни пожелаешь, могущество не воспренятствуетъ щедродаровитости Твоей».

Но съ большею тщательностію выразумѣмъ подлежащее изреченіе молитвы; разсмотрѣніе смысла его, можетъ быть и для насъ послужить нѣкимъ руководствомъ къ высокой жизни. Потому изслѣдуемъ, какіе тѣ долги, которымъ повинно естество человеческое, и еще какіе тѣ долги, отпущеніе которыхъ въ нашей власти; познаніе сего доставитъ намъ достаточное нѣкое уразумѣніе преизбыточества Божіихъ благъ. А посему, сдѣлаемъ здѣсь перечисленіе человѣческихъ прегрѣшеній предъ Богомъ. Человѣкъ сталъ подлежать наказанію отъ Бога во первыхъ за то, что отступилъ отъ

Сотворшаго, и передался противнику, содѣлавшись бѣглецомъ и отступникомъ отъ Того, Кто его Владыка ю естеству. (во вторыхъ за то, что самовластную свободу промѣнялъ на лукавое рабство грѣху, и быть подъ самоуправствомъ тлетворной силы предпочелъ сопревъванію съ Богомъ. Да и это,—не взирать на красоту Создавшаго, а обратить лице къ гнусности грѣха, можно ли признать какимъ либо вторымъ изъ золъ? И какой родъ наказаній заслуживающими почестъ должно презрѣніе Божественныхъ благъ, предпочтеніе же приманокъ лукаваго? Заглаженіе образа, поврежденіе Божественныхъ чертъ, отисчательныхъ въ насъ при началѣ творенія, потеря драхмы, удаленіе отъ отчей трапезы, освоеніе съ зловонною жизнію (з) свиней, расточеніе драгоценнаго богатства, и всѣ подобныя прегрѣшенія, какія можно видѣть при помощи Писанія и разсудка, исчислить ли какое слово? X

Итакъ, поелику родъ человѣческій за такія вины долженъ понести отъ Бога наказаніе: то мнѣ кажется, что поэтому слово Божіе ученіемъ, изложеннымъ въ молитвѣ, наставляеть насъ, къ молитвенному собесѣдованію

(з) По рукописи: съ зловонными нравами свиней.

съ Богомъ, хотя бы кто изъ насъ и всѣхъ болѣе далекъ былъ отъ нравственныхъ прегрѣшеній, никогда не приступать съ такимъ дерзновеніемъ, какъ будто бы онъ чистая совѣсть. Ибо иншій, можетъ быть, подобно одному богатому юношѣ, образовавъ жизнь свою по заповѣдямъ, въ правѣ, какъ и тотъ, похвалиться своею жизнію, и сказать Богу: *вся сія сохранихъ отъ юности моя* (Матѣ. 19, 20.), и даже предпологать о себѣ, что ему, какъ ни въ чемъ не погрѣшившему противъ заповѣдей крайне непримично прошеніе объ оставленіи долговъ, пригодное однимъ согрѣшившимъ. Оскверненному блудомъ, скажетъ онъ, приличны такія слова, или за любостыжательность обвиняемому въ идолопоклонствѣ необходимо просить прощенія, и вообще всякому какимъ либо прегрѣшеніемъ уязвившему совѣсть души, прекрасно и сообразно съ нуждою прибѣгать къ милосердію. А если онъ Ілія великій, или дѣйствуетъ *духомъ и силою Іліиною* (Лук. 1, 17.), или великъ *въ рожденныхъ женами* (Матѣ. 11, 11.), или Петръ, или Павелъ, или Іоаннъ, или другой кто изъ тѣхъ, чье превосходство засвидѣтельствовано божественнымъ Писаніемъ; то для чего употреблять подобныя реченія, которыми испрашивается оставленіе долговъ тому, на комъ нѣтъ никакого грѣховнаго долга? Для того, чтобы иншій, имѣя въ виду что либо подобное, не всталъ въ высоко-

мѣріе, подобно какому фарисею, не знавшему и того, что онъ есть по естеству. (Ибо если бы зналъ, что онъ чело^{вѣкъ}, то, конечно, естества своего не представлять чистымъ отъ скверны научился бы изъ святаго Писанія, которое говоритъ: не найдешь у людей, чтобы жизнь одного дня могла быть безъ скверны (Іов. 14, 4. 5.)) Посему, чтобы у приступающаго съ молитвою къ Богу не произошло чего подобнаго стѣдующему, слово Божіе заповѣдуетъ не смотрѣть на преси^{вѣ}нїя, но приводить себѣ на память общіе долги чело^{вѣ}ческаго естества, въ которыхъ всякій, безъ сомнѣнїя, и самъ участвуетъ, какъ участвующій въ естествѣ, и умолять Судію, чтобы даровалъ прощеніе прегрѣшеній.

Ибо такъ какъ живетъ въ насъ Адамъ, и каждый изъ насъ—чело^{вѣкъ}: то, пока видимъ на естествѣ своемъ кожаные эти хитоны, и скоро увядающіе листья вещественной этой жизни, которыя, обнажившись отъ вѣчныхъ и свѣтлыхъ ризъ, сшили мы себѣ ко вреду своему, вмѣсто Божественныхъ одеждъ облекли себя въ забавы, славу, однодневныя почести, убійственныя услажденія плоти, — и пока взираемъ на это плотское мѣстопробываніе, на которомъ осуждены мы обитать; какъ скоро обращаемся къ востоку (не потому только, что тамъ видимъ для насъ Богъ, Который,

какъ вездѣсущій не объемлется никакимъ исключительно мѣстомъ, но все равно содержитъ, а потому, что на востокѣ первоначальное наше отечество, разумѣю же пребываніе въ раю, изъ котораго мы изгнаны (*насади Богъ рай во Едемъ на востоцихъ* (Быт. 2, 8.)); посему, какъ скоро обращаемъ взоръ на востокъ, и мысленно приводимъ себѣ на память изгнаніе изъ свѣтлыхъ и восточныхъ странъ блаженства, справедливо тогда присовокупляемъ сіи реченія и мы, отѣняемые недоброю смоковницею жизни, отверженные отъ очей Божіихъ, самовольно предавшіеся змію, который ѣстъ землю, и по землѣ ползаетъ; ходитъ на персяхъ и на чревѣ своемъ, и намъ совѣтуетъ дѣлать тоже, — предаваться земнымъ наслажденіямъ, по землѣ пресмыкающимся и влачащимся мыслями занимать свое сердце и ходить на чревѣ, то есть, заботиться о жизни сластолюбивой; посему въ этомъ находясь состояніи, подобно оному блудному сыну, послѣ долгаго бѣдствованія, въ какомъ пребывалъ, пася свиней, какъ скоро приходимъ, какъ и онъ, въ себя, и приводимъ себѣ на мысль небеснаго Отца, тогда прерасно пользуемся таковыми реченіями: *остави намъ долги наша* (н).

(н) Все сіе отдѣленіе не читается въ рукописи.

Посему, хотя бы кто былъ Моисеемъ и Самуиломъ, и другимъ кѣмъ изъ прославившихся добродѣтелю, тѣмъ не менѣе, поколику онъ человекъ, почитасть для себя приличными слова сїи, какъ причастный Адамова естества, участникъ и его паденія. Поелику, какъ говорить Апостоль, *о Адамы вси умираемъ* (1 Кор. 15. 22.): то изреченію, какое прилично Адаму при покаяніи, надлежитъ бытъ общимъ для всѣхъ съ нимъ умершихъ, чтобы, намъ, при дарованіи прощенія прегрѣшеній, снова, какъ говорить Апостоль, снастись благодатию Господнею (Еф. 2, 5.). Но сіе сказано, чтобы иный при взглядѣ на болѣе общее, могъ уразумѣть предлагаемое въ словѣ. Если же кто будетъ искать истиннаго смысла въ семъ изреченіи; то, думаю, не потребуетъ отъ насъ возводить понятіе къ общему взгляду на естество; потому что достаточно совѣсти, чтобы въ разсужденіи каждаго поступка въ жизни содѣлать необходимымъ прощеніе о поминаніи.

Поелику въ этомъ мірѣ жизнь наша, какъ думаю, подлежитъ многообразнымъ вліяніямъ, какъ по душѣ и разумѣнію, такъ и по чувствамъ тѣлеснымъ; то трудно, или и совершенно невозможно, не увлечься ко грѣху хотя одною какою либо страстію. Напримѣръ, эта любящая наслажденія жизнь относительно къ

тѣлу дѣлится по нашимъ чувствамъ, а относительно къ душѣ оказываетъ себя въ стремленіи разума и въ движеніи произвола: кто же столько возвышенъ и одаренъ такимъ благо-разуміемъ, чтобы по той и другой жизни избѣжать ему всякой скверны порока? Кто безгрѣшенъ окомъ? Кто невиненъ слухомъ? Кто чуждъ этого скотскаго услажденія гортани? Кто чистъ отъ прикосновенія ко грѣху осязаніемъ? Кому неизвѣстна эта предлагаемая Писаніемъ загадка: *взыде смерть сквозь окна* (Іер. 9, 21.)? Ибо чувства, посредствомъ которыхъ сообщаясь съ виѣшними предметами, душа по выбору занимается ими, Писаніе назвало окнами, которыя, по слову же Писанія, и пролагаютъ путь для входа смерти. Дѣйствительно многихъ смертей входомъ дѣлается часто глазъ, видитъ онъ раздраженнаго, и самъ возбуждается къ той же страсти; или видитъ благоденствующаго не по достоинству, и воспламеняется завистию; или видитъ горделиваго, и впадаетъ въ ненависть; или видитъ какое либо доброцвѣтное вещество, красивое расположеніе лица, и всецѣло поползается въ вожделѣніе правящагося. И ухо отворяетъ окна смерти, вмѣстѣ съ тѣмъ, что слышитъ принимаетъ въ душу многія страсти: страхъ, печаль, раздраженіе, удовольствіе, вожделѣніе, неумѣренный смѣхъ и тому подобное. А услажденіе вкуса, какъ скажетъ иной, есть матеръ всѣхъ по

порядку золь. Ибо кому не пзвѣстно, что корнемъ почти погрѣшностей въ жизни служить заботливость о гортани? Отъ нея зависятъ роскошь, пиянство, чревоугодіе, безпорядочное поведеніе, многояденіе, пресыщеніе, разгульная жизнь, скотское и неразумное паденіе въ страсти безчестія. Подобнымъ образомъ чувство осязанія составляетъ крайній предѣлъ всѣхъ согрѣшеній; все, что ни дѣлается для тѣла сластолюбцами, принадлежитъ къ числу недуговъ осязательнаго ощущенія, подробное описаніе которыхъ было бы продолжительно: да и неприлично къ предметамъ важнымъ примѣшивать все то, что служитъ въ укоризну осязанію. А весь роі погрѣшностей души и произвола въ состояніи ли и исчислить какое слово? (Сказано: изнутри *исходятъ помысленія змя* (Матѣ. 15, 19.), и присовокупленъ списокъ оскверняющаго насъ помысломъ. Итакъ, если повсюду распростерты намъ мрежи грѣховъ всѣми чувствиллицами и сердечными движеніями души, то *кто похвалитсѣя*, какъ говоритъ Премудрость, *чисто иппти сердце* (Притч. 20, 9)? *Кто чистъ отъ скверны?* какъ о подобномъ сему свидѣтельствуетъ Іовъ (Іов. 14, 4.). А скверна для душевной чистоты есть удовольствіе, во многихъ видахъ и многими способами примѣниваемое къ чловѣческой жизни и душою и тѣломъ, помысленіями и чувствами, намѣренными движеніями и тѣ-

лесными дѣйствіями. И такъ у кого душа чиста отъ этой скверны? Кто не былъ пораженъ кичливостію? Кто не поправъ ногою гордыни? Кого не поколебала рука грѣшная? Чья нога не поспѣшала къ пороку? Кого не оскверняло безчинное око, не ввергалъ въ нечистоту невѣжественный слухъ, не занималъ собою вкусъ? У кого сердце оставалось бездѣйственнымъ для суетныхъ движеній?

Поелику въ насъ есть все это, и въ живущихъ скотски весьма дурно и несносно, въ болѣе же внимательныхъ къ себѣ сноснѣе, но всѣ, кто одного съ нами естества, всегда непремѣнно участвуютъ въ погрѣшностяхъ естества; то, припадая въ молитвѣ къ Богу, просимъ поэтому оставить намъ долги. Но не приѣмлется (і) таковой гласъ, и не достигаетъ Божественнаго слуха, если не вопіеть вмѣстѣ и наша совѣсть, что оказанное милостію дѣлиться съ другими—прекрасное дѣло. Ибо кто разсуждаетъ, что чловѣколюбіе прилично Богу (а если бы не признавалъ приличнымъ, не сталъ бы просить у Бога неприличнаго и несообразнаго), отъ того справедливость требуетъ, собственными своими дѣлами подтвердить сужденіе о прекрасномъ дѣлѣ, чтобы самому не услышать отъ праведнаго Судіи:

(і) По рукоп. вмѣсто: *ἀπρακτος* читается: *ἀπαραδίητος*.

«врачу, исцѣлися самъ. Меня умоляешь о чело-
вѣколюбіи, которымъ не дѣлишься ты съ ближ-
ними. Просишь объ оставленіи долговъ; по-
чему же самъ мучишь должника? Умоляешь,
чтобы рукописаніе на тебя было изглажено,
а самъ тщательно хранишь договоры съ за-
нявшими у тебя въ долгъ? Просишь объ умень-
шеніи счета долговъ, а самъ данное въ долгъ
приращаешь лихвою? Твой должникъ въ тем-
ницѣ, а ты въ молитвенномъ домѣ? Онъ стра-
даетъ за долги, а ты испрашиваешь оставле-
нія долга? Твоя молитва не услышана, потому
что заглушаетъ ее голосъ страждущаго. Если
разрѣшишь тѣлесный долгъ, разрѣшены бу-
дутъ тебѣ душевныя узы. Если простишь,
прощено будетъ и тебѣ; самъ будешь своимъ
судіею, самъ себѣ предпишешь законъ, рас-
положеніемъ къ лежащему у ногъ твоихъ
произнося свѣще приговоръ о себѣ».

Чему-то подобному, кажется мнѣ, учитъ Го-
сподь въ другомъ словѣ, въ видѣ повѣствованія
предлагая сіе ученіе. По сему повѣствова-
нію вѣкѣй гдѣ-то царь грозно предсѣдатель-
ствуетъ на судѣ, и призываетъ къ себѣ слу-
жителей, собираетъ свѣдѣнія о каждомъ ихъ
распоряженіи. Приводятъ къ нему одного
должника, и царь оказываетъ ему челоуѣколю-
біе; потому что должникъ, принавъ къ его
ногамъ, вмѣсто денегъ въ уплату представилъ
просьбу; и онъ-то потомъ съ подобнымъ ему

рабомъ за небольшой долгъ поступаетъ жестоко и безчеловѣчно, и прогнѣвляеть царя своимъ безчеловѣчьемъ къ подобному себѣ рабу. Царь повелѣлъ исполнителямъ казни совершенно изгнать его изъ царскаго дома, и продлить мученіе до того времени, какъ вытерпитъ достойное вины наказаніе. И дѣйствительно, что значать нѣсколько ничего не стоящихъ и легко сосчитываемыхъ олововъ въ сравненіи съ тьмами талантовъ; то и долги намъ братіи нашихъ въ сравненіи съ нашими прегрѣшеніями, предъ Богомъ. Во вредъ тебѣ, конечно, служить, или нанесенная къ тебѣ нибудь обида, или порочность служителя, или злый умыселъ на тѣлесную жизнь; и ты въ воспламененіи сердца раздраженъ къ отмщенію за это, отыскиваешь всѣ возможные средства къ наказанію огорчившихъ тебя.

И если раздраженіе воспламенено на служителя; не разсуждаешь, что не природою, но властолюбіемъ раздѣленъ родъ человѣческой на рабовъ и господъ. Ибо Домоправитель вселенной узаконилъ одному безсловесному естеству быть въ рабствѣ у человѣка, какъ говоритъ Пророкъ: *вся покорилъ еси подъ нозъ его: овцы и волы вся, еще же и скоты польскія, птицы и рыбы морскія* (Пса. 8, 7—9.) (к). Ихъ

(к) Такъ читается текстъ по рукописи.

называетъ Пророкъ и служебными, такъ какъ сказано въ другомъ мѣстѣ пророчества: *Давшему скотомъ пищу ихъ, и злакъ на службу челоуькомъ* (Пса. 147, 8. 9.). Человѣка же украсилъ Богъ даромъ свободы, такъ что порабощенный тебѣ обычаемъ и закономъ по достоинству естества имѣеть равенство съ тобою. Не отъ тебя получилъ онъ бытіе, не тобою живетъ, не отъ тебя заимствуетъ тѣлесныя и душевныя силы. Почему же столько воскипаетъ на него раздраженіе твое, если онъ полѣнился, или оставилъ тебя, или, можетъ быть, и въ глаза тебѣ оказалъ пренебреженіе? Должно тебѣ посмотрѣть на себя самаго каковъ ты бывалъ предъ Владыкою, Который сотворилъ тебя, ввелъ въ міръ посредствомъ рожденія, сдѣлалъ тебя участникомъ этихъ чудесъ въ мірѣ, въ наслажденіе тебѣ предложилъ солнце, даровалъ всѣ средства къ жизни изъ стихій, изъ земли, изъ огня, изъ воздуха, изъ воды, снабдилъ тебя даромъ разумнія, впечатлительнымъ чувствомъ, знаніемъ различающихъ доброе и худое? И чтоже? Ты развѣ послушенъ такому Владыкѣ, и не упоренъ противъ Него? развѣ не отступилъ отъ Его владычества? развѣ не бѣжалъ ко грѣху? развѣ не обмѣнилъ благаго владычества на лукавое? Развѣ, сколько отъ тебя это зависѣло, не оставилъ пустымъ Владычняго дома, оставивъ то, что заповѣдано тебѣ было *дѣлать и хра-*

ити (Быт. 2, 15.)? И не при вездѣсущемъ ли всевидящемъ свидѣтелѣ Богѣ, или совершаешь исчисленныя прегрѣшенія, или говоришь, или думаешь, чего не должно? И потомъ, когда ты таковъ и столькими обремененъ долгами, считаешь за нѣчто великое, оказать милость подобному себѣ рабу тѣмъ, что оставишь безъ вниманія какое нибудь его предъ тобой прегрѣшеніе?

Посему, если намѣреваемся принести Богу моленіе о милости и прощеніи, то приуготовимъ дерзновеніе совѣсти, представимъ жизнь свою ходатайницею за произносимую молитву, чтобы воистинну можно было сказать: *яко и мы оставили должниковъ нашихъ.*

Что значить за симъ присовокупляемое къ сказанному? Почитаю необходимымъ не оставить и сего безъ разсмотрѣнія, чтобы, зная, кому молимся, приносить моленіе душою, а не тѣломъ. *Не введи насъ въ напасть* (а), *но избави насъ отъ лукаваго* (Матѣ. 16, 13.). Какая, братія, сила сказаннаго? Господь, кажется мнѣ, многообразно и различно именуеть злаго по разности лукавыхъ силъ, называя его многими именами: *дѣволомъ* (Матѣ. 13, 39.), *Веельзевуломъ* (Матѣ. 10, 25.), *мамоною* (Матѣ. 6, 24.), *княземъ міра* (Іоанн. 14, 30.), *человѣко-*

(а) *Еѣсъ пѣририподъ* во искушеніе.

убійцею (Іоанн. 8. 44.), лукавымъ, отцемъ лжи (Іоанн. 8, 44.) и другими подобными именами. Посему, можетъ быть, однимъ изъ разумѣемыхъ о немъ именъ есть и это: *напасть*. И такую нашу догадку подтверждаетъ словосочиненіе въ сказанномъ; ибо Господь послѣ словъ: *не введи насъ въ напасть*, присовокупляетъ прошеніе объ избавленіи отъ лукаваго, какъ будто тѣмъ и другимъ означается одинъ и тотъ же. Если, кто не входитъ *въ напасть*, тотъ непремѣнно въ власти лукаваго; и кто *въ напастѣ*, тотъ необходимо бѣваетъ во власти лукаваго: то слѣдуетъ, что *напасть* и *лукавый* по значенію одно и то же. Что же внушаетъ намъ такое ученіе молитвы? — Стать въ усматриваемаго въ мірѣ семъ, какъ говорить ученикамъ въ другомъ мѣстѣ, что *міръ весь во зль лежитъ* (1 Іоанн. 5, 19.). Посему, кто желаетъ стать въ власти лукаваго, тотъ по необходимости преселится изъ міра. Ибо *напасть* не имѣетъ возможности коснуться души, если мірскую эту заботу, подобно какой-то приманкѣ, возложивъ на коварную удю, не простретъ къ жаднымъ. Но гораздо болѣе ясно для насъ сдѣлается мысль сія изъ другихъ примѣровъ. Море нерѣдко бываетъ страшно своими волненіями, но не для тѣхъ, которые живутъ отъ него вдали. Огонь истребительнъ, но только для подложеннаго въ огонь вещества. Война ужасна, но для однихъ вступи-

шихъ въ воинскіе ряды. Кто избѣгаетъ бѣдствій, какія постигаютъ на войнѣ, тотъ молится, чтобы не впасть въ необходимость воевать. Кто боится огня, тотъ молится, чтобы не быть ему въ огнѣ. Кто трепещетъ моря, тотъ молится, чтобы небыло ему нужды пуститься въ мореплаваніе. Такъ и тотъ, кто страшится прираженій лукаваго, пусть молится, чтобы не быть ему во власти лукаваго. — А поелику, какъ сказали мы прежде, по слову Писанія *міръ во зль лежитъ*, и въ мірскихъ дѣлахъ заключаются поводы къ *напастямъ*: то молящійся объ избавленіи отъ лукаваго хорошо и надлежащимъ поступаетъ образомъ, когда проситъ, чтобы не придти ему въ *напасть*. Ибо, не повлекши съ жадностію приманку, не возможно кому либо поглотить крючекъ на удѣ.

Но и мы воставъ скажемъ Богу: *не введи насъ въ напасть*, то есть, въ бѣдствіе, настоящей жизни, *но избави насъ отъ лукаваго*, пріобрѣтшаго силу въ этомъ мірѣ, котораго да избавимся и мы по благодати Христа, потому что Его и сила и слава со Отцемъ и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ во вѣки вѣковъ (м). Аминь.

(м) Славословіе переведено по рукописи.